ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
гуманитарные исследования

Russian Journal of Social Sciences and Humanities

Научный журнал ▪ Scientific journal

Том **18** № **1** ▪ **2024** ▪ Vol. **18** No. **1**

- Филологические науки
  Philological sciences
- Педагогические науки
  Pedagogical sciences
- Экономические науки
  Economic sciences

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RUSSIAN JOURNAL
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Научный журнал

Том 18 № 1 ▪ 2024 ▪ Vol. 18 No. 1

Учредитель:

Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»

Издается с декабря 2007 г. Выходит четыре раза в год.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Включен в Базу данных ВИНИТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodi-cals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНИТИ РАН.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.
Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.
Ссылки на журнал при цитировании обязательны.
Цена свободная.

Главный редактор: А. Э. Еремеев
доктор филологических наук, профессор
Выпускающий редактор: О. В. Попова,
кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь: Т. М. Днепровская
Редактор, корректор: Д. К. Саитмаметова
Компьютерная верстка: Т. М. Днепровская

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Founder:

Private Establishment an Educational Institution of Higher Education "Omsk Humanitarian Academy"

First published: December 2007. Publication timeframe: 4 times per year

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.

The journal is indexed in the List of Russian peer-reviewed scientific journals where the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

It is included in the VINITI Database RAS; the database annually submits information to "Ulrich's Periodicals Directory" that the journal is regularly reviewed in the VINITI RAS reference journal.

The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 03/04/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.

Subscription index in the "Russian Print Media" catalog 43161.
If you cite the journal, reference it correctly.
Free market price.

Chief Editor: A. E. Eremeev,
Doctor of Philology, Professor
Managing editor: O. V. Popova
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor
Editor, executive secretary: T. M. Dneprovskaya
Editor, Proof-reader: D. K. Saitmametova
Desktop Publishing: T. M. Dneprovskaya

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

ISSN 1998-5320 DOI 10.57015/issn1998-5320

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, http://journal.omga.su

Подписано в печать 25.03.2024. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 22,15. Печ. л. 31,25.

Дата выхода в свет 29.03.2024.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ № 17.

Полиграфический центр издательства ОмГА.

644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

© Омская гуманитарная академия, 2024

The cover is designed with a photograph of Calliope, a sculpture by Augustin Pageout (c. 1763).

Editorial office and publishing house address: 644105, Omsk region, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

Tel./fax 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, http://journal.omga.su

Passed for printing 03/25/2024. Format 60×84/8. Published page(s) 22.15. Printer's sheets 31.25.

Release date 03/29/2024.

Printing is 500 copies. (1st plant 1–100). Order No. 17.

Printing Center of OmHA Publishing House.

644105, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

© Omsk Humanitarian Academy, 2024

18+

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Еремеев Александр Эммануилович, д-р филол. наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии (Омск, Россия)

Заместители главного редактора

Иссерс Оксана Сергеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Лопанова Елена Валентиновна, д-р пед. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Патласов Олег Юрьевич, д-р экон. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Члены редколлегии

Акелькина Елена Алексеевна, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Апенько Светлана Николаевна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Беляев Виктор Иванович, д-р экон. наук, профессор. Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Бережнова Елена Викторовна, д-р пед. наук, профессор. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Викторович Владимир Александрович, д-р филол. наук, профессор. Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна, Россия)

Далингер Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Дворядкина Елена Борисовна, д-р экон. наук, профессор. Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, профессор. Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Евдокимов Владимир Анатольевич, д-р полит. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Катаев Владимир Борисович, д-р филол. наук, профессор. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Лебедева Ольга Борисовна, д-р филол. наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Лозовский Борис Николаевич, д-р филол. наук, профессор. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Роберт Ирэна Веньяминовна, академик РАО, д-р пед. наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Ромм Татьяна Александровна, д-р пед. наук, профессор. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Сериков Владислав Владиславович, член-корреспондент РАО, д-р пед. наук, профессор. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, д-р филос. наук, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ (Москва, Россия)

Фоменко Наталья Михайловна, д-р экон. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Шумакова Оксана Викторовна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)

Члены международного совета

Ашрапов Баходурджон Пулотович, канд. филол. наук. Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Бисвас Паримал Чандра, Ph.D., кандидат технических наук, профессор. Университет Адамас (Калькутта, Индия)

Ван Лие, Dr. Habil. Philol., профессор. Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Досанова Сая Сабировна, д-р пед. наук, профессор. Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Кокшетау, Республика Казахстан)

Кожей Славомир, д-р пед. наук, профессор. Университет Яна Кохановского в Кельце (Кельце, Польша)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, д-р пед. наук, профессор. Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Республика Казахстан)

Торхова Анна Васильевна, д-р пед. наук, профессор. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

Ушаков Денис Сергеевич, д-р экон. наук, профессор. Университет Суан Сунандха Раджабхат (Бангкок, Таиланд)

Чимпоеш Драгош, д-р экон. наук, профессор. Государственный аграрный университет (Кишинев, Молдова)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Alexander E. Eremeev, Dr. Sc. (Philology), Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Deputy Chief Editors

Oksana S. Issers, Dr. Sc. (Philology), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Elena V. Lopanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Oleg Yu. Patlasov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Editorial Staff

Elena A. Akelkina, Dr. Sc. (Philology), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Svetlana N. Apen'ko, Dr. Sc. (Economics), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Viktor I. Belyaev, Dr. Sc. (Economics), Professor. Altai State University (Barnaul, Russia)

Elena V. Berezhnova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Larisa O. Butakova, Dr. Sc. (Philology), Professor (Omsk, Russia)

Vladimir A. Viktorovich, Dr. Sc. (Philology), Professor. State University for Social Sciences and Humanities (Kolomna, Moscow Region, Russia)

Victor A. Dalinger, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Elena B. Dvoryadkina, Dr. Sc. (Economics), Professor, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Oleg A. Donskih, Dr. Sc. (Philosophy), Professor. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

Vladimir A. Evdokimov, Dr. Sc. (Political Science), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Vladimir B. Kataev, Dr. Sc. (Philology), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Gennadiy V. Kosyakov, Dr. Sc. (Philology), Omsk Humanitarian Academy Professor (Omsk, Russia)

Olga B. Lebedeva, Dr. Sc. (Philology), Professor. Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Boris N. Lozovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor. Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Irena V. Robert, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Tatyana A. Romm, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Vladislav V. Serikov, Dr. Sc. (Pedagogy), Corresponding Member of RAO, Professor. Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Oleg N. Smolin, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy) First Deputy Chairman of the Education Committee of the State Duma of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Natalya M. Fomenko, Dr. Sc. (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

Oksana V. Shumakova, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Omsk, Russia)

Members of the International Council

Bahodurjon P. Ashrapov, Cand. Sc. (Philology). Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Parimal Chandra Biswas, Cand. Sc. (Engineering), Ph. D., Professor. Adamas University (Kolkata, India)

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor. Beijing University of Foreign Languages (Beijing, China)

Saya S. Dosanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Slavomir Koziej, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Jan Kochanowski University in Kielce (Kielce, Poland)

Aigerim N. Kosherbayeva, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Anna V. Torkhova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Republic of Belarus)

Denis S. Ushakov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand)

Dragos Cimpoies, Dr. Sc. (Economics), Professor. State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova)

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Филологические науки Philological Sciences

А. Э. Еремеев, Э. И. Коптева
Ода Г. Р. Державина «Бог» и антропологическая концепция Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир» 7

A. E. Eremeev, E. I. Kopteva
G. R. Derzhavin's ode "God" and L. N. Tolstoy's anthropological concept in the epic novel "War and peace"

Г. В. Косяков
Художественная флористика в поздней лирике М. Ю. Лермонтова 17

G. V. Kosyakov
Artistic floristics in the late lyrics of M. Yu. Lermontov

Е. А. Акелькина
Ф. М. Достоевский — о Петре I 32

E. A. Akelkina
F. M. Dostoevsky about Peter I

А. А. Смагина
Мировоззренческие истоки идеи Вечной Женственности в прозе Даниила Андреева 39

A. A. Smagina
"Rose of the world" by Daniil Andreev in the context of Silver Age culture

И. О. Приходченко
Локальный текст Павлодара в мемуарах А. В. Миля «Люди и судьбы. Воспоминания» 48

I. O. Prikhodchenko
The local text of Pavlodar in the memoirs of A. V. Mil' ''People and Destinies. Memories"

Т. П. Рогожникова
Стилистика частно-деловой переписки XVII века: начальный формуляр 62

T. P. Rogozhnikova
Stylistics of private and business correspondence of the 17th century: initial set form

О. А. Михайлова
Оппозиция «Жизнь — Смерть» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья 73

O. A. Mikhailova
"Life and Death" opposition in the materials of the corpus of the Medium Irtysh region folk dialect

В. П. Завальников
Речевые стратегии и приемы воздействия: лингвопрагматический аспект (на примере позиционирования интернет-магазина «Лидермарт») 83

V. P. Zavalnikov
Speech strategies and techniques of influence: linguistic and pragmatic aspect (using the example of the positioning of the Lidermart online store)

Педагогические науки — Pedagogical Sciences

О. Н. Смолин
Статус правовой или реальный? О некоторых итогах законотворческой работы в Год педагога и наставника — 92

O. N. Smolin
Legal or real status? On some results of legislative work in the Year of the Teacher and Mentor Annotation

Л. А. Шипилина
Проблемы управления образованием в постсоветской России в контексте диссертационных исследований по педагогике — 104

L. A. Shipilina
Problems of education management in post-soviet Russia in the context of dissertation research on pedagogy

Д. А. Алферьев
Математические навыки специалистов гуманитарных наук в эпоху цифровизации — 119

D. A. Alfer'ev
Mathematical skills of humanities professionals in the digital age

Н. В. Герова, В. А. Павлушина
Перспективные направления использования корпусных исследований в информационной подготовке будущих педагогов-филологов — 129

N. V. Gerova, V. A. Pavlushina
Perspective directions for the use of corpus research in the information training of future teachers of philology

Н. И. Фомин, Л. И. Миронова
Цифровая трансформация высшего образования: сервис для оценки педагогической квалификации преподавателя университета — 139

N. I. Fomin, L. I. Mironova
Digital transformation of higher education: a service for assessing the pedagogical qualifications of a university teacher

М. В. Заикин, И. Д. Белоновская
Анализ и моделирование процессов профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций во взаимодействии с военным учебным центром университета — 148

M. V. Zaikin, I. D. Belonovskaya
Process analysis and modeling professional self-determination students of cadet organizations in cooperation with the military training center university

Н. В. Александрова, О. В. Зайцева, Е. С. Асмаковец
Информационно-просветительская деятельность в области проблем детского психического здоровья среди замещающих родителей в профилактике вторичного сиротства в Омской области — 160

N. V. Alexandrova, O. V. Zaitseva, E. S. Asmakovets
Information and educational activities in the field of children's mental health problems among substitute parents in the prevention of secondary orphanages in the Omsk region

В. Н. Карташова
Актуализация межкультурной компетенции обучающихся в процессе иноязычной подготовки в вузе (на примере праздников) — 172

V. N. Kartashova
Actualization of the intercultural competence of students in the process of foreign language training at the university (on the example of holidays)

Экономические науки — Economic Sciences

В. В. Бирюков
Особенности и перспективы переформатирования современной экономической теории
182
V. V. Biryukov
Features and prospects for reforming modern economic theory

К. Н. Ермолаев, Н. В. Манохина, Т. Е. Степанова
Ужесточение монетарной политики как коренная причина кризиса банковской системы в современных условиях
190
K. N. Ermolaev, N. V. Manokhina, T. E. Stepanova
Tightening of monetary policy as the root cause of the crisis of the banking system in modern conditions

О. Н. Крюкова, О. В. Шумакова
Многоукладная аграрная экономика как флагман развития Омской области. Точки роста и механизмы управления
200
O. N. Kryukova, O. V. Shumakova
Multi-lay agricultural economy as flagship of development of Omsk region. Growth points and control mechanisms

В. Н. Минат
Влияние структурных сдвигов на динамику производительности труда как фактор регионализации и метрополизации экономики США
212
V. N. Minat
Impact of structural shifts on labor productivity dynamics as a factor of regionalization and metropolization the US economy

А. А. Полозов, Н. А. Мальцева, Л. Л. Брехова, А. Р. Ахметзянов
Модель ожидаемого KPI соискателя работы на предприятии и динамики его дальнейшего изменения
230
A. A. Polozov, N. A. Maltseva, L. L. Brekhova, A. R. Akhmetzyanov
Model of the expected KPI of a job applicant at the enterprise and the dynamics of its further changes

Е. В. Рожков
Городской электрический общественный транспорт: финансово-экономические аспекты развития (на примере города Пермь)
243
E. V. Rozhkov
Urban electric public transport: financial and economic aspects of development (based on the example of the city of Perm)

УДК 82.091 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.1
Научная статья

А. Э. Еремеев[1], Э. И. Коптева[2]✉
✉ eleonora_kopteva@mail.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация
[2]Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Ода Г. Р. Державина «Бог» и антропологическая концепция Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир»

Аннотация: Осмысление национального мирообраза в сопоставлении художественных миров поэзии Г. Р. Державина и романа-эпопеи Л. Н. Толстого – основная проблема данной статьи. В материалах исследований Н. Д. Блудилиной представлены прямые упоминания имени Державина в произведениях Толстого, вместе с тем образные сближения с лирикой Державина в прозе Толстого не становились предметом литературоведческого анализа. Вопрос о специфике национального мировосприятия, отраженного в искусстве и других видах человеческой деятельности, рассматривался в работах Г. Д. Гачева. В современном литературоведении проблема национального мирообраза осмысляется в работах таких литературоведов, как А. С. Янушкевич, Е. Е. Приказчикова, О. Ю. Поляков и др. Указанная проблематика представлена также в исследованиях по имагологии и компаративистике в связи с комплексным изучением мировосприятия разных народов и культур. В нашем исследовании используются целостный, типологический, сравнительно-исторический виды анализа. Опираясь на представленный в статье литературоведческий анализ, мы отмечаем, что творчество Державина переосмыслялось Толстым не только в период работы над романом-эпопеей «Война и мир», но и на протяжении всей жизни. Особенный интерес писателя проявился к зрелой лирике Державина, отражающей художественную концепцию жизни, сложившуюся в глубоком синтезе разнородных традиций (фольклорной, библейской, национальной, античной, европейской). Принцип «по образу и подобию» (отражение космического всеединства в малом, Творца в творении) сближает образные системы Державина и Толстого. Ода «Бог» концентрирует указанный принцип, становясь выражением национального мирообраза, сформировавшегося в светской литературной традиции послепетровской эпохи. В дневниках Толстого раскрывается трансформация идей духовной оды Державина, тогда как в романе-эпопее писатель художественно переосмысляет глубину идейно-образного мира поэта, что находит отражение в метафорической системе произведения, формировании целостного мира героев, особенно Пьера Безухова. Осмысление мира индивидуальным сознанием, личностное созревание человека в семейно-родовом круге, историко-социальных, общественных течениях, событиях национального масштаба, сопряжение личного и общечеловеческого – всё это приближало Толстого к изучению эпохи рубежа XVIII–XIX вв. – первой трети XIX в. Творчество Державина стало одним из источников работы над романом-эпопеей «Война и мир» и повлияло на идейно-образную систему произведения, отражая сложившийся национальный мирообраз нескольких поколений.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, ода Бог, Л. Н. Толстой, роман-эпопея Война и мир, принцип по образу и подобию, космизм, мирообраз, имагология, комета Наполеона.

Дата поступления статьи: 19 декабря 2023 г.

Для цитирования: Еремеев А. Э., Коптева Э. И. (2024) Ода Г. Р. Державина «Бог» и антропологическая концепция Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 7–16. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.1.

Scientific article

A. E. Eremeev[1], E. I. Kopteva[2]✉
✉ eleonora_kopteva@mail.ru
[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation
[2]Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

G. R. Derzhavin's ode "God" and L. N. Tolstoy's anthropological concept in the epic novel "War and peace"

Abstract: The comprehension of the national worldview in the comparison of the artistic worlds of G. R. Derzhavin's poetry and L. N. Tolstoy's epic novel is the main problem of this article. The research materials of N. D. Bludilina present

© *А. Э. Еремеев, Э. И. Коптева, 2024*

direct mentions of Derzhavin's name in Tolstoy's works, at the same time, figurative approaches to Derzhavin's lyrics in Tolstoy's prose did not become the subject of literary analysis. The question of the specifics of the national worldview reflected in art and other types of human activity was considered in the works of G. D. Gachev. In modern literary studies, the problem of the national worldview is comprehended in the works of such literary critics as A. S. Yanushkevich, E. E. Prikazchikova, O. Y. Polyakov, etc. This problem is also presented in studies on imagology and comparative studies in connection with the comprehensive study of the worldview of different peoples and cultures. Our research uses holistic, typological, comparative-historical types of analysis. Based on the literary analysis presented in the article, we note that Derzhavin's work was reinterpreted by Tolstoy not only during the period of work on the epic novel "War and Peace", but also throughout his life. The writer's special interest was shown in Derzhavin's mature lyrics, reflecting the artistic concept of life formed in a deep synthesis of heterogeneous traditions (folklore, biblical, national, antique, European) traditions. The principle of "in the image and likeness" (reflection of the cosmic unity in the small, the Creator in creation) brings together the figurative systems of Derzhavin and Tolstoy. The ode "God" concentrates this principle, becoming an expression of the national worldview formed in the secular literary tradition of the post-Petrine era. Tolstoy's diaries reveal the transformation of the ideas of Derzhavin's spiritual ode, whereas in the epic novel the writer artistically rethinks the depth of the poet's ideological and imaginative world, which is reflected in the metaphorical system of the work, the formation of an integral world of heroes, especially Pierre Bezukhov. The comprehension of the world by individual consciousness, the personal maturation of a person in the family and ancestral circle, historical, social, social trends, national events, the conjugation of personal and universal – all this brought Tolstoy closer to studying the epoch of the turn of the 18th–19th centuries – first third of the 19th century. Derzhavin's work became one of the sources of work on the epic novel "War and Peace" and influenced the ideological and figurative system of the work, reflecting the established national worldview of several generations.

Keywords: G. R. Derzhavin, ode God, L. N. Tolstoy, epic novel War and Peace, the principle in the image and likeness, cosmism, world image, imagology, Napoleon's comet.

Paper submitted: December 19, 2023.

For citation: Eremeev A. E., Kopteva E. I. (2024) G. R. Derzhavin's ode "God" and L. N. Tolstoy's anthropological concept in the epic novel "War and peace". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 7–16. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.1.

Введение

Прямых упоминаний имени Г. Р. Державина в произведениях Л. Н. Толстого не так много. Этот вопрос довольно подробно освещен в исследованиях Н. Д. Блудилиной (Блудилина). Известно, что творчество поэта вспоминается в повести «Детство», в «Педагогических статьях», в дневниках и редко – в других произведениях Толстого. Мы обращаемся к сопоставлению художественных образов Державина и Толстого, посредством анализа определяя сближение мирообразов двух художников слова.

Методы

Вопрос о национальных мирообразах в искусстве и в литературе в частности подробно раскрывается в исследованиях Г. Д. Гачева (Гачев, 1981; Гачев, 1988; Гачев, 2015). В современном литературоведении пути осмысления особенностей национального мировосприятия, выраженных в художественном творчестве, базируются на исследовании мирообраза в национальной традиции, с одной стороны, и в инонациональной рецепции, с другой. Указанные направления привели к формированию такой отрасли компаративистики, как имагология. Как отмечает О. Ю. Поляков, «Современная имагология, исследующая категории своего/чужого и их воплощение, прежде всего, в текстах литературы, опирается на структурно-функциональный метод: ее задача заключается в том, чтобы выявить компоненты национального образа, охарактеризовать его в историко-культурном контексте и определить, как он воплощается в текстовых структурах в качестве некоего "воображаемого", "дискурсивной сущности"» (Поляков, 2015). Литературоведческие словари пока не выделяют для научного описания и осмысления понятие «мирообраз» (Литературная энциклопедия, 2001; Поэтика, 2008), вместе с тем понятие «имагология» включается в словарную статью «Компаративистика» (Поэтика, 2008, с. 101). В настоящий момент к исследованию мирообраза обращаются многие ученые (см., например, Панова, 2007; Кошечко,

2011; Янушкевич, 2013; Приказчикова, 2019), что позволяет говорить об актуальности указанной проблематики. Следует отметить, что указанные направления анализа связаны с феноменологическим подходом к осмыслению художественного целого.

Результаты

В связи с проблематикой нашего исследования обратимся более подробно к конкретным примерам. В романе-эпопее «Война и мир» *единственное* прямое упоминание о Державине дано следующим образом: «После рыбы, которая произвела некоторое впечатление, граф Илья Андреич переглянулся с другими старшинами. – “Много тостов будет, пора начинать!” – шепнул он и взяв бокал в руки – встал. Все замолкли и ожидали, что̀ он скажет.

– Здоровье государя императора! – крикнул он, и в ту же минуту добрые глаза его увлажились слезами радости и восторга. В ту же минуту заиграли: “Гром победы раздавайся”. Все встали с своих мест и закричали ура! И Багратион закричал ура! тем же голосом, каким он кричал на Шенграбенском поле. Восторженный голос молодого Ростова был слышен из-за всех 300 голосов. Он чуть не плакал» (Толстой, 1938, т. 10, с. 20).

Строчка из гимна, написанного Г. Державиным и О. Козловским, в связи с взятием крепости Измаил в 1791 г., в данном контексте соединяется не только с изображением гражданского пафоса, читатель узнает то мироотношение, что органично передано в лирике Державина: бытовая ситуация, вкусовые реакции иронично сопрягаются со множеством голосов русского воинства, однако это вовсе не вредит эпической целостности, напротив, рыба, застолье, тосты, гимн, багратионовское «ура!», голос Ростова, 300 других голосов создают образ настоящего пира – державинское мироощущение:

...Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ... [1]

Подобное личностное мироощущение характерно для героев Толстого, рожденных в конце XVIII столетия, – особенно Пьера и почти всего семейства Ростовых. Подобный мирообраз парадоксально отзывается в восприятии философских идей Державина. Не случайно, что образные сближения связывают с державинским миром именно Пьера. Поясним. Ода «Бог» волновала Толстого на протяжении многих лет. «В данном случае Толстой увидел в содержании оды не богословское, а только философское понятие Бога как воплощения бесконечности мироздания», – отмечает Н. Д. Блудилина.

Так, в дневниках 1895–99 гг., написанных примерно спустя три десятилетия после создания «Войны и мира», автор поясняет строчку из оды «Бог»: «Я раб, я червь, я царь, я Бог. Раб и червь – правда, а царь и Бог неправда. Напрасно люди придают особенное значение и величие своему разуму. Пределы человеческого разума очень недалеко и тотчас же видны. Пределы эти: бесконечность пространства и времени. Человек видит, что окончательные ответы на вопросы, кот[орые] он задает себе, всё удаляются и удаляются, и во времени, и в пространстве, и в обеих областях этих последнего ответа нет, п[отому] ч[то] обе области бесконечны. Разум человека имеет пределы очень недалекие. Он вполне годен только на ответы о том, как жить человеку. Только в этой области он дает окончательные ответы» (Толстой, 1953, т. 53, с. 232–233). Отметим, что Толстой изменяет последовательность слов в державинской строке: «Я царь – я раб – я червь – я Бог!». Писатель выстраивает ее согласно собственной логике: сначала низкое (раб, червь), затем – высокое (царь, Бог). Соответственно, державинская мысль теряется и превращается в размышление Толстого, разделяющее ложь и истину. Близкое осмысление мы видим в романе-эпопее: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» (Толстой, 1940, т. 12, с. 238).

[1] Здесь и далее тексты Державина цитируются по дореволюционному изданию под ред. Я. Грота, поскольку в более поздних изданиях меняется не только графика, но и пунктуация (Державин, 1864, т. 1, с. 135).

Еще позднее в дневниках 1907–1908 гг. Толстой отмечает: «Основа всякому разсужденію о мірѣ, о Богѣ одна: сознаніе человѣкомъ своего единства съ началомъ всего, своей божественност[и] и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своей отдѣленности, своей ничтожности. “Я царь, я Богъ, я рабъ, я червь”. Зачѣмъ? Отчего я такой, я не знаю, не могу, не хочу и не нуждаюсь знать, но знаю, и в[с]які[й] знаетъ, что я – и Все и ничто. Въ соединені[и] этихъ двухъ есть то, что мы называе[мъ] и сознаемъ жизнью. Я – все, я единъ и я отдѣленъ. Отъ того, что я отдѣленъ, отъ этого я тѣлесенъ и я въ движеніи, а тѣлесность можетъ быть только при пространствѣ, а движеніе — только при времени. Какъ единое же существо, я безтѣлесенъ, неподвиженъ, внѣ пространства и времени. Благо мое въ сознаніи этого един[ства] въ отдѣленномъ. (Думаю, что вѣрно)» (Толстой, 1937, т. 56, с. 139). В этом рассуждении меняется и державинская строчка, и собственные ее переложения, высказанные около десятилетия назад.

Итак, на протяжении многих лет писатель пытался логически определить свое понимание державинской мысли, однако образно это осмысление будет выражено намного раньше, во внутренней речи Пьера, пережившего плен и гибель Каратаева: «“Жизнь есть всё. Жизнь есть Бог. Всё перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий”.

– “Каратаев!” вспомнилось Пьеру.

И вдруг Пьеру представился, как живой, давно забытый, кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию. – “Постой”, сказал старичок. И он показал Пьеру глобус. Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею. – Вот жизнь, – сказал старичок учитель.

“Как это просто и ясно”, подумал Пьер. “Как я мог не знать этого прежде”.

– В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать Его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он Каратаев, вот разлился и исчез. – Vous avez compris, mon enfant, – сказал учитель» (Толстой, 1940, т. 12, с. 158).

Аллюзия на стихотворение Державина здесь очевидна:

> Какъ капля, въ море опущенна,
> Вся твердь передъ Тобой сія.
> <…>
> Ничто! – Но Ты во мнѣ сіяешь
> Величеством] Твоих] доброт];
> Во мнѣ себя изображаешь,
> Какъ солнце въ малой каплѣ водъ (Державин, 1864, т. 1, с. 199–200).

Здесь очень важен своеобразный «перенос» точки зрения: в державинском стихотворении человек представляет, как Бог видит земной тварный мир, человек пытается встать на точку зрения Бога; это же человеческое «я» ощущает Бога в себе и создает образ отражения большого, вечного в малом, ничтожном. Пьер, смотрящий на глобус-шар сверху вниз, подобно Богу, видит устройство мироздания, его целостность.

Хотелось бы отметить, что Державин и Толстой, на наш взгляд, отсылают к библейскому первоисточнику: книге пророка Исайи. «Кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли», «Вот народы – как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах» [Исаия 40:12; 40:15] (см. на близкие по смыслу слова из книги Иова: «Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы?» [Иов 38:28]). В цитируемой библейской книге ставится

вопрос: «Итак кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему?» [Исаия 40:18]. Принцип «по образу и подобию» христианское сознание разворачивает по отношению ко всему мирозданию. Именно этот принцип становится ведущим в духовной оде XVIII в.:

> … Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
> Ее содержишь и живишь;
> Конецъ съ началомъ сопрягаешь
> И смертію живот] даришь (Державин, 1864, т. 1, с. 197).

(Ср. с цитатой из «Астрономики» Марка Манилия: «Exemplumque Dei quisque est in imagine parva», Manilius. Astr. 4, 895; *лат.* Каждый есть изображение Бога в малом виде. Цит. по: Михельсон, 1896–1912).

Державинский образ «цепи существ» является конструктивным, объясняющим устройство вселенной. Принцип подобия в осмыслении Толстого также переносится и на работу мысли, и воображения (метафорический перенос). В сознании Пьера этот путь постижения всего и вся определяется словом «сопряжение»: «“Самое трудное (продолжал во сне думать или слышать Пьер), состоит в том, чтоб уметь соединять в душе своей значение всего. Всё соединить?” сказал себе Пьер. – “Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли, вот что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо*!” с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, чтò он хочет выразить, и разрешается весь мучащий его вопрос.

– Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

– Запрягать надо, пора запрягать, ваше сиятельство! Ваше сиятельство, – повторил какой-то голос, – запрягать надо, пора запрягать…

Это был голос берейтора, будившего Пьера. Солнце било прямо в лицо Пьера» (Толстой, 1940, т. 11, с. 294).

Высокий план изображения, характерный для оды, откровения, переживаемого героем, разбивается авторской иронией: герой недоволен, что его сон-размышление прерван. Тем самым автор переключает читателя из отвлеченного мыслительного потока к бытовой жизни, неразрывно связанной со всеми переживаниями, идеями, теориями, но неизмеримо большей, чем все они, вместе взятые. Этот взгляд автора сходен с державинским отношением к жизни, в которой невозможно разъединить философские раздумья, поэтическое вдохновение, службу, бытовой мир, любовь, дружбу и т. д. Полнота и неисчерпаемость жизненной формы естественно переданы в художественной форме. Об этом процитированном нами фрагменте Л. Я. Гинзбург пишет: «Человек у Толстого не ограничен своим характером. <…> герой Толстого – больше, чем характер. То есть он действует не только как характер, но и как тот, в ком проявляются, через кого познаются законы и формы общей жизни. <…> для людей XIX века мерилом литературной психологии оставался герой, выделенный персонаж со своей судьбой, которая завязывается и развязывается в границах романа. Они не всегда могли уловить высшую связь, присутствующую в романах Толстого, надындивидуальную связь явлений постигаемой действительности» (Гинзбург, 1977, с. 302).

Так, самосознание Пьера отражено в следующем фрагменте: «По всему двору был разлит мирный, радостный для Пьера в эту минуту, крепкий запах постоялого двора, запах сена, навоза и дегтя. Между двумя черными навесами виднелось чистое, звездное небо» (Толстой, 1940, т. 11, с. 292). Мироощущение Державина, по всей видимости, близко не только героям Толстого, родившимся в конце XVIII столетия, но и самому автору. Образ звездного неба – один из акцентов русской поэзии – становится лейтмотивом романа-эпопеи: «Глядя на высокое звёздное небо, на месяц, на комету и на зарево, Пьер испытывал радостное умиление. “Ну вот как хорошо, чего еще надобно?” подумал он. И вдруг, когда он вспомнил свое намерение, голова его закружилась, с ним сделалось дурно, так что он прислонился к забору, чтобы не упасть» [во время пожара Москвы. – Э. К.] (Толстой, 1940, т. 11, с. 377).

Сравните :

Жива душа моя! – и вѣчно
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпрѣсечно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: – вѣченъ духъ
(«Безсмертіе души», Державин, 1865, т. 2, с. 2).

Державинский космизм, образ мироздания, объединяющий центростремительные и центробежные движения (вспоминаем любимый эпитет Толстого «круглый»), герой, наблюдающий за кометой, – всё это отсылает не только к поэзии Державина, но и к его запискам. Известно из писем Толстого, что записки он перечитывал во время работы над романом-эпопеей. Напомню, что о комете Де Чезо вспоминает Державин в начале автобиографии, соотнося этот образ с первым сказанным им словом «Бог!» (Державин, 2000, с. 9). Интересно, что во время пожара Москвы в сентябре 1812 г. большая комета (официальное обозначение C/1811 F1), открытая Оноре Флагерье, уже не была видна на небе (Колесников, 2023). Очевидно, что именно художественные задачи требовали от автора соединить в сознании Пьера комету, пожар столицы и звездное небо: «Ночь была теплая и светлая. Налево от дома светлело зарево первого начавшегося в Москве, на Петровке, пожара. Направо стоял высоко молодой серп месяца, и в противоположной от месяца стороне висела та светлая комета, которая связывалась в душе Пьера с его любовью» (Толстой, 1940, т. 11, с. 377).

У Толстого именно отношение героев к небу, солнцу определяет их дальнейший путь. Здесь в резкой оппозиции находятся Андрей и Наполеон, Пьер и Наполеон. Рассмотрим последовательно, как они даны в тексте, следующие фрагменты:

«…на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное, голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыхался на поверхности молочного моря тумана» (Толстой, 1937, т. 9, с. 333). Предметная метафора снижает образ солнца в сознании Наполеона. Отметим, что Наполеону у Толстого вообще *не дано видеть звездное небо:* «В половине шестого, Наполеон верхом ехал к деревне Шевардину. Начинало светать, небо расчистило, только одна туча лежала на востоке. Покинутые костры догорали в слабом свете утра. <…> Еще не отзвучали первые выстрелы, как раздались еще другие, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Наполеон подъехал со свитой к Шевардинскому редуту и слез с лошади. Игра началась» (Толстой, 1940, т. 11, с. 226).

Волюнтаризм и авантюризм Наполеона полностью противоположны возвышенному отношению Андрея: «“Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидал нынче?” было первою его мыслью» (Толстой, 1937, т. 9, с. 356).

«Следует отметить, что герои “Войны и мира” чувствуют себя в онтологической реальности и определяют себя в Мироздании по-разному, – пишет О. Б. Панова. – Для Пьера характерно нахождение в сакральной сердцевине Бытия; ощущение связи своей души с Богом, Вечностью, Мирозданием; чувство вневременного значения человеческой жизни; осознание себя неотъемлемой частью бесконечного Мира» (Панова, 2007, с. 25).

Приведем еще один фрагмент: «Было морозно и ясно. Над грязными, полутемными улицами, над черными крышами стояло темное, звездное небо. Пьер, только глядя на небо, не чувствовал оскорбительной низости всего земного в сравнении с высотою, на которой находилась его душа. При въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом, и длинным, поднятым кверху

хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая, как будто, с невыразимою быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, влепилась тут в одно избранное ею место, на черном небе, и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными другими, мерцающими звездами. Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что́ было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе [подчеркнуто нами. – Э. К.] (Толстой, 1938, т. 10, с. 374–375).

Образ звездного неба отсылает к поэзии М. В. Ломоносова:

> …Открылась бездна звезд полна;
> Звездам числа нет, бездне дна (Ломоносов, 1959, т. 8, с. 120).

Между тем образ бесконечных играющих звезд гораздо ближе Державину:

> Какъ искры сыплются, стремятся,
> Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
> Какъ въ мразный ясный день зимой
> Пылинки инея сверкаютъ,
> Вратятся, зыблются, сіяютъ,
> Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой (Державин, 1864, т. 1, с. 197).

В связи со сказанным проследим отношение Пьера к Божественному Началу. В этом отношении для писателя характерно парадоксальное столкновение в душе героя веры и безверия: «С той минуты, как Пьер увидал это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым, и всё завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога. Это состояние было испытываемо Пьером прежде, но никогда с такою силой как теперь. <…> Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь – не в его власти» (Толстой, 1940, т. 12, с. 44). Как только одно из состояний доведено до предела, совершается поворот к обратному: «Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру, – не веру в какие-нибудь правила, или словà, или мысли, но веру в живого, всегда ощущаемого Бога. Прежде он искал Его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством, то, что̀ ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот Он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитекторе вселенной» (после сна Пьера. – Э. К.; Толстой, 1940, т. 12, с. 205).

Интересно, что образ отражения большого в малом, вечности в ограниченном временем и пространством мире мы увидим позднее в словах *повествователя:* «Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе, и вместе с тем составляющий только атом недоступного человеку по огромности целого, – так и каждая личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» (Толстой, 1940, т. 12, с. 246). Здесь вновь дан принцип сопряжения, параллелизма, во многом позволяющий понять строчки Державина:

> Подите, счастья, прочь, возможны!
> Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
> Я въ дверяхъ вѣчности стою
> («На смерть князя Мещерскаго», Державин, 1864, т. 1, с. 94).

Выводы

«Отношение к богу в оде Державина определяется не общим законом, которому должен себя подчинять человек, а индивидуальным чувством поэта, его восприятием мира и противоречий жизни. В философско-религиозных одах Державина авторское отношение к проблемам миропонимания проявляется в том, что поэт устанавливает сам для себя, открывает самому себе относительность, условность противопоставления человека богу, “песчинки” – космосу. Именно открытие этой относительности и взаимоперехода понятий сообщило авторскому отношению в философских одах Державина новый, особый по сравнению с философскими одами его предшественников характер», отмечает И. З. Серман (Серман, 1973, с. 79). Подобное понимание человека, его места в мироздании характерно раскрывается у Толстого, особенно в образе Пьера. Относительное и абсолютное не вне человека, а внутри его. Как они соотносятся и что из них важнее в тот или иной момент жизни, зависит от самого человека, его личностного осознавания (мнимого или истинного). Жизненные события, выпадающие на долю человека, призваны проверить те мысли, чувства, принципы, которые сформировались в личностном мире на определенном этапе его развития. Гинзбург называет подобный образ жизни «“индивидуально оформленной” [вслед за Гегелем. – Э. К.] и вместе с тем расширяющейся действительностью» (Гинзбург, 1977, с. 15). Освоение мира личным «я» так же подвижно и изменчиво, как вечно текущий космос, по словам Державина, «Живый в движеньи вещества».

Источники

Блудилина Н. Д. Г. Р. Державин и Л. Н. Толстой. http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/articles/bludilina-derzhavin-i-tolstoj.htm.
Гачев Г. Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М., Искусство, 246 с.
Гачев Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М., Советский писатель, 448 с.
Гачев Г. Д. (2015) Космо-Психо-Логос. М., Академический Проект, 511 с.
Гинзбург Л. Я. (1977) О психологической прозе. Л., Художественная литература, 449 с.
Державин Г. Р. (2000) Записки (1743–1812). М., Мысль, 334 с.
Колесников С. П. (2023) В ожидании «грозы»: Образы грядущей войны с Наполеоном в общественном сознании населения губерний Европейского Севера России. Историко-документальное и культурно-антропологическое изыскание. Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология», № 5 (63), с. 67–71. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-5-67-71.
Кошечко А. Н. (2011) Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф. М. Достоевского. Вестник Томского государственного университета. Филология, № 4 (16), с. 93–110.
Литературная энциклопедия терминов и понятий (2001). Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., НПК «Интелвак», 799 с. (1600 стлб.).
Ломоносов М. В. (1959) Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1280 с.
Михельсон М. И. (1896–1912) Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб., тип. Академии наук, 2208 с. https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/3937/%D0%BA%D0%B0%D0%BA.
Панова О. Б. (2007) Мирообраз эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Вестник Томского государственного университета, № 299. https://cyberleninka.ru/article/n/miroobraz-epopei-l-n-tolstogo-voyna-i-mir.
Поляков О. Ю. (2015) Имагология. Киров, Изд-во ВятГУ, 184 с.
Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий (2008). Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., Изд-во Кулагиной; Intrada, 358 с.
Приказчикова Е. Е. (2019) Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя. Гуманитарный вектор, т. 14, № 5, с. 119–127.
Серман И. З. (1973) Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., Изд-во «Наука», 284 с.
Сочиненія Державина (1864) / съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота: в 3 т. Т. I, СПб., въ тип. Императорской Академіи наукъ, 812 с.
Сочиненія Державина (1865) / съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота: в 3 т. Т. II, СПб., въ тип. Императорской Академіи наукъ, 736 с.
Толстой Л. Н. (1937) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 9. Война и мир. Т. 1. М., Художественная литература, 538 с.
Толстой Л. Н. (1938) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М., Художественная литература, 442 с.

Толстой Л. Н. (1940) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 11. Война и мир. Т. 3. М., Художественная литература, 479 с.
Толстой Л. Н. (1940) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М., Художественная литература, 433 с.
Толстой Л. Н. (1953) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 53. Дневники и записные книжки 1895–1899. М., Художественная литература, 598 с.
Толстой Л. Н. (1937) Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 56. Дневники, записные книжки и отдельные записки, 1907–1908. М., Художественная литература, 677 с.
Янушкевич А. С. (2013) «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. Вестник Томского государственного университета. Филология, № 5 (25), с. 98–115.

References

Bludilina N. D. G. R. Derzhavin i L. N. Tolstoj [G. R. Derzhavin and L. N. Tolstoy]. http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/articles/bludilina-derzhavin-i-tolstoj.htm (In Russian).
Derzhavin G. R. (2000) Zapiski (1743–1812) [Notes (1743–1812)]. Moscow, My'sl' Publ., 334 p. (In Russian).
Gachev G. D. (1981) Obraz v russkoj khudozhestvennoj kul'ture [The image in Russian art culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 246 p. (In Russian).
Gachev G. D. (1988) Nacional'nyye obrazy mira [National images of the world]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 448 p. (In Russian).
Gachev G. D. (2015) Kosmo-Psikho-Logos [Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 511 p. (In Russian).
Ginzburg L. Ya. (1977) O psikhologicheskoj proze [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 449 p. (In Russian).
Kolesnikov S. P. (2023) V ozhidanii "grozy": Obrazy gryadushhej vojny s Napoleonom v obshhestvennom soznanii naseleniya gubernij Evropejskogo Severa Rossii. Istoriko-dokumental'noe i kul'turno-antropologicheskoe izyskanie [Waiting for the "thunderstorm": Images of the coming war with Napoleon in the public consciousness of the population of the provinces of the European North of Russia. Historical-documentary and cultural-anthropological research]. Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya "Istoriya i filologiya" – Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The series "History and Philology", no. 5 (63), pp. 67–71. DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-67-71 (In Russian).
Koshechko A. N. (2011) Psikhofiziologicheskie osobennosti lichnosti kak osnova formirovaniya ekzistencial'nogo miroobraza v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Psychophysiological features of personality as the basis for the formation of an existential worldview in the work of F. M. Dostoevsky]. Tomsk State University. Journal of Philology, no. 4 (16), pp. 93–110 (In Russian).
Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [The Literary Encyclopedia of terms and concepts] (2001). Chap. ed. and comp. A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 799 p. (In Russian).
Lomonosov M. V. (1959) Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. [The complete works: in 11 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., vol. 8, 1280 p. (In Russian).
Mikhelson M. I. (1896–1912) Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opy`t russkoj frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanij [Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of Russian phraseology. A collection of figurative words and parables]. Saint-Petersburg, Akademiya nauk Publ., vol. 1–2, Walking and apt words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegories), 2208 p. https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/3937/%D0%BA%D0%B0%D0%BA (In Russian).
Panova O. B. (2007) Miroobraz epopei L. N. Tolstogo "Vojna i mir" [The world image of Leo Tolstoy's epic "War and Peace"]. Tomsk State University. Journal of Philology, no. 299. https://cyberleninka.ru/article/n/miroobraz-epopei-l-n-tolstogo-voyna-i-mir (In Russian).
Polyakov O. Yu. (2015) Imagologiya [Imagology]. Kirov, Vyatka State University Publ., 184 p. (In Russian).
Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij [Poetics: a dictionary of current terms and concepts] (2008). Chief scientific editor N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulaginoj Publ., Intrada Publ., 358 p. (In Russian).
Prikazchikova E. E. (2019) Izobrazhenie monarkhov v russkoj memuarnoj literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravitelya [The image of monarchs in the Russian memoir literature of the XVIII century: in search of the image of the ideal ruler]. Humanitarian Vector, vol. 14, no 5, pp. 119–127 (In Russian).
Serman I. Z. (1973) Russkij klassicizm: Poeziya. Drama. Satira [Russian Classicism: Poetry. Drama. Satire]. Leningrad, Nauka Publ., 284 p. (In Russian).
Sochineniya Derzhavina / s ob''yasnitel'nymi primћchaniyami Ya. Grota: v 3 t. [Derzhavin's writings / with explanatory notes by J. Groth: in 3 vols] (1864) Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., vol. I, 812 p. (In Russian).
Sochineniya Derzhavina / s ob''yasnitel'nymi primћchaniyami Ya. Grota: v 3 t. [Derzhavin's writings / with explanatory notes by J. Groth: in 3 vols] (1865) Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., vol. 2, 736 p. (In Russian).
Tolstoy L. N. (1937) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 9, 538 p. (In Russian).

Tolstoy L. N. (1938) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 10, 442 p. (In Russian).
Tolstoy L. N. (1940) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 11, 479 p. (In Russian).
Tolstoy L. N. (1940) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 12, 433 p. (In Russian).
Tolstoy L. N. (1953) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 53, 598 p. (In Russian).
Tolstoy L. N. (1937) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 56, 677 p. (In Russian).
Janushkevich A. S. (2013) “Prochtenie” i izobrazhenie miroobraza Rima v russkoj poezii 1800–1840-kh gg. [“Reading” and the image of the world image of Rome in Russian poetry of the 1800s–1840s]. Tomsk State University. Journal of Philology, no. 5 (25), pp. 98–115 (In Russian).

Информация об авторах

Еремеев Александр Эммануилович
Доктор филологических наук, профессор,
ректор Омской гуманитарной академии,
г. Омск, РФ.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Коптева Элеонора Ивановна
Доктор филологических наук, доцент. Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Autor’s information

Alexander E. Eremeev
Dr. Sc. (Philol.), Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Eleonora I. Kopteva
Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor. Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

УДК 821 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.2
Научная статья

Г. В. Косяков[1]
✉ gen777kos@mail.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Художественная флористика в поздней лирике М. Ю. Лермонтова

Аннотация: Исследование посвящено изучению художественной флористики в поздней лирике М. Ю. Лермонтова 1837–1841 гг. в контексте диалога культурных традиций. Цель статьи – выявить роль образной флористики в создании художественной картины мира русского романтика, в раскрытии духовных исканий лирического героя. Исследование проводится на основе историко-литературного, культурно-исторического, историко-генетического, типологического методов, методики целостного анализа. Результаты заключаются в раскрытии новаторства Лермонтова в развитии образов лавра, пальмы, чинары, сосны, тополя, дуба, а также образов листа, ландыша, лилии. В контексте межкультурного диалога художественная флористика участвует в развитии магистральных для творчества русского поэта мотивов (одиночества, странничества, благодатного преображения), в индивидуальном мифотворчестве, воплощает концептуальные представления об органичном единстве земного и небесного миров, о бессмертной душе, святости, любви, покое и свободе. Древесные образы в лирике русского романтика приобретают полифоничность. Статья расширяет представления о своеобразии композиции, сюжетостроения, хронотопов лирических текстов Лермонтова. Делаются выводы о том, что художественная флористика поздней лирики Лермонтова является значимым компонентом поэтики, оформляя аллегорические, метафорические и символические пейзажи. Образная флористика отражает особенности художественной антропологии, гносеологии, онтологии и метафизики в лирике русского романтика. Художественная флористика в лирике Лермонтова выполняет множество функций, раскрывая духовный трагизм и искания лирического героя, благодатное преображение его души; воплощая представления о красоте и величии природного мира. Художественная флористика вводит как мифологические архетипы (мировое древо), так и христианские концепты мученичества, благодати, рая, любви, свободы и покоя. Русский романтик в зависимости от особенностей лирического контекста усиливает или ослабляет гендерное звучание флористического культурного кода.

Ключевые слова: флористика, мировое древо, мотив, концепт, мифопоэтика, религиозность, романтизм.

Дата поступления статьи: 15 мая 2023 г.

Для цитирования: Косяков Г. В. (2024) Художественная флористика в поздней лирике М. Ю. Лермонтова. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 17—31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.2.

Scientific article

G. V. Kosyakov[1]
✉ gen777kos@mail.ru
[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Artistic floristics in the late lyrics of M. Yu. Lermontov

Abstract: The study is devoted to the study of artistic floristry in the late lyrics by M. Yu. Lermontov 1837–1841 in the context of the dialogue between the cultural traditions. The purpose of the article is to reveal the role of figurative floristics in creating an artistic picture of the world of the Russian romantic, in revealing the spiritual quest of a lyrical hero. The study is carried out based on historical-literary, cultural-historical, historical-genetic, typological methods and methods of holistic analysis. The results are in the disclosure of Lermontov's innovation in the development of images of laurels, palm trees, plane trees, pines, poplars and oaks, as well as images of leaves, lilies of the valley and lilies. In the context of intercultural dialogue, artistic floristry participates in the development of the main motifs for the Russian poet's work (loneliness, wandering, fertile transformation), in individual myth-making, embodies conceptual ideas about the organic unity of the earthly and heavenly worlds, the immortal soul, holiness, love, peace and freedom. Woody images in the lyrics

© Г. В. Косяков, 2024

of the Russian romantics become polyphonic. The article expands the ideas about the originality of the composition, plot construction, chronotopes of Lermontov's lyrical texts. It is concluded that the artistic floristry of Lermontov's late lyrics is a significant component of poetics, shaping allegorical, metaphorical and symbolic landscapes. Figurative floristry reflects the features of artistic anthropology, epistemology, ontology and metaphysics in the lyrics of the Russian romantic. Artistic floristry in Lermontov's lyrics performs many functions, revealing the spiritual tragedy and search for the lyrical hero, the blessed transformation of his soul; embodying ideas about the beauty and grandeur of the natural world. Artistic floristry introduces both mythological archetypes (world tree) and Christian concepts of martyrdom, grace, paradise, love, freedom and peace. The Russian romantic, depending on the characteristics of the lyrical context, strengthens or weakens the gender- sounding of the floral cultural code.

Keywords: floristry, world tree, motif, concept, mythopoetics, religiosity, romanticism.

Paper submitted: May 15, 2023.

For citation: Kosyakov G. V. (2024) Artistic floristics in the late lyrics of M. Yu. Lermontov. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 17–31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.2.

Введение

Современное отечественное литературоведение обращено к изучению проблем художественной онтологии, антропологии и метафизики русской классической литературы, ее концептосферы, культурных кодов, многие из которых оформляются в художественной флористике. Целью данной статьи является осмысление художественной флористики в лирике М. Ю. Лермонтова 1837–1841 гг. в рамках межкультурного диалога, с учетом литературного контекста эпохи. В лирике русского романтика мы встречаем как традиционные флористические художественные детали, так и самостоятельные художественные образы, которые раскрывают напряженные духовные искания лирического героя, представления об этических ценностях любви, свободы, покоя, об эстетическом и этическом идеале, о природе поэтического гения. В работе раскрываются не только мифологические, религиозные и литературные истоки художественной флористики Лермонтова, но и ее оригинальность. Статья расширяет представления о своеобразии хронотопов, композиции лирических текстов Лермонтова.

Методы

В статье использованы разнообразные традиционные и современные методы литературоведения: историко-литературный, культурно-исторический, историко-генетический, структурно-семиотический, мифопоэтический. В работе также применяется методика целостного анализа художественного текста.

Основы изучения лирических пейзажей и художественной флористики М. Ю. Лермонтова заложили такие дореволюционные исследователи, как С. А. Андреевский, И. Ф. Анненский, П. А. Висковатов, В. О. Ключевский, П. Н. Сакулин. Художественная картина мира Лермонтова стала предметом систематического изучения в работах советских литературоведов М. Л. Гаспарова, В. И. Коровина, Ю. М. Лотмана, Е. А. Маймина, Г. П. Макогоненко, Б. Т. Удодова, У. Р. Фохта, И. П. Щеблыкина, Б. М. Эйхенбаума. Современное отечественное литературоведение осмысляет поэтическое наследие русского романтика в контексте межкультурного диалога, имманентной религиозности, мифопоэтики, что мы видим в работах Э. М. Афанасьевой, И. А. Киселевой, В. А. Котельникова, Г. В. Москвина, Н. Н. Скатова, Л. А. Ходанен.

Изучение художественной флористики русской классической литературы было и остается актуальной литературоведческой проблемой. К. И. Шарафадина подчеркивает: «В пушкинскую эпоху восходящий к массовому изводу сентиментализма "язык цветов" активно входит в фонд альбомной аллегорики, которая до этого оперировала устойчивым блоком барочной эмблематики и условно-античной эмблематикой ампира» (Шарафадина, 2018, с. 104).

Результаты

Художественная флористика ранней лирики Лермонтова (1828–1836 гг.) раскрывает процесс преодоления традиции антологической поэзии. Идиллический дискурс, в оформлении которого

активную роль играют образы растений (роза, акация, черемуха), сменяется романтическим дискурсом, где условные образы дерева, куста, цветка, листа раскрывают духовную конфликтность лирического героя, его противостояние окружающему миру, трагическое одиночество, странничество, преждевременное старение души, неразделенную любовь. Художественная флористика в ранней лирике Лермонтова оформляет развернутые сравнения и метафоры, параллелизм, участвует в создании лирических ситуаций предстояния человека бездне, вечности, смерти. Среди древесных образов доминирует береза, среди образов цветов – роза и незабудка. В ранней лирике Лермонтова представлены образы дуба, «венца тернового», которые получат в его позднем творчестве качественно новое ценностное наполнение.

Художественная флористика играет значимую роль во многих лирических произведениях Лермонтова 1837–1841 гг., оформляя не только аллегорические и метафорические образные детали, но самостоятельные художественные образы, обладающие динамикой, конфликтностью, воплощающие ключевые мотивы творчества русского романтика, его духовные искания, идеал.

Уподобление человека траве, полевому цветку широко представлено в псалмах, в ветхозаветных текстах, знаменуя краткий и греховный век человека: «Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет» (Пс. 102: 15); «Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой» (Исаия 40: 6). Данное метафорическое сближение перешло и в евангельские тексты: «Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал» (1 Пет. 1: 24). Аллегорическое сближение человеческой души (человека) с растением, плодом широко представлено в многовековой святоотеческой традиции. Так, в писаниях Св. Ефрема Сирина греховная жизнь человека сравнивается с листьями, уносимыми порывом ветра: «<..> дела его и произведения его взвеваются, как листья ветром...» (Сирин, 1998, с. 22). Греховность человека в трудах Отцов Церкви аллегорически соотносится с увяданием. Так, Св. Ефрем Сирин наставлял: «<..> и душа скорбит, и плоть увядает...» (Сирин, 1998, с. 26). .

С растением, цветком, листком, плодом в художественном мире Лермонтова метафорически соотносятся душа, поэтический гений: «С улыбкой очернит мой недоцветший гений» («Не смейся над моей пророческой тоскою...», 1837). Флористические образные детали, как и световые, в творчестве Лермонтова соотнесены с основами духовной жизни, ее источником: «Убил последний жизни цвет» («Валерик», 1840). Художественная флористика Лермонтова вписана в широкий диалог культур, поэтических традиций.

В стихотворении Лермонтова «Смерть Поэта» (1837) художественная флористика соединяет в себе черты одической и элегической поэтики:

Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок (Лермонтов, 1958, с. 412).

Символ венка (венца) в мировой культуре имеет множество смыслов: это и символ вечности, и эмблема верховной власти, и знак славы, и иносказание золотого века, пасторального рая, поэтического гения, и символическое обозначение непорочности, чистоты. Символ венка в русском фольклоре соединяет в себе витальную, солярную и эротическую символику. В христианстве терновый венец становится символом искупительной жертвы Христа, а звездный венец – знаком Царицы Небесной. Венец (венок) в христианской культуре знаменует святость, единение человеческой души и горнего мира, Бога: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь» (2 Тим. 4: 8). В евангельских текстах четко различаются «венец тленный» и «нетленный» (1 Кор. 9: 25). «Неувядающий венец» – символическая деталь в изображении праведников в трудах Отцов Церкви (Сирин, 1998, с. 54).

Венок (венец) – постоянная художественная деталь в изображении поэта русскими романтиками: «бессмертные венцы» (К. Н. Батюшков «Мои пенаты, 1811–1812), «славный венец» (Н. М. Языков «Поэт», 1825). Лермонтов, создавая трагический образ поэта, сближает архаические метафоры, соединяющие жизнь, душу, творчество со светом (огнем) и растением, а смерть

– с мраком и увяданием. Схожую контрастную метафору мы видим в «стихотворении на смерть» «Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе…», входящем в цикл В. А. Жуковского <Из альбома, подаренного графине Ростопчиной> (1837): «не горел», «пламень», «не сиял». Стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта» и данный цикл Жуковского, во-первых, органично вписаны в художественный контекст эпохи; во-вторых, написаны как отклик на гибель А. С. Пушкина, поэтому их сближают как ценностные позиции авторов, так и их образное воплощение. И в стихотворении Лермонтова, и в цикле Жуковского ключевыми выступают мотивные комплексы смерти (гибели), судьбы (рока), зависти.

Лермонтов создает контрастный образный ряд, который соединяет в себе представления о духовных страданиях поэта, его ничтожном и враждебном окружении и мнимом почитании. «Торжественный венок», символизирующий поэтический гений, величие, сменяется контрастным образом венца мучения:

> И прежний сняв венок, – они венец терновый,
> Увитый лаврами, надели на него (Лермонтов, 1958, с. 413).

Образ лавра приобретает в произведении Лермонтова особую конфликтность, трагизм, проявляя художественные смыслы, контрастные устоявшейся художественной традиции в изображении этого растения. В мировой и отечественной культуре лавр «является атрибутом АПОЛЛОНА. Лавр в античности считался предохраняющим растением» (Холл, 1999, с. 328). В антологической эпиграмме Жуковского «Лавр», являющейся вольным переводом стихотворения И. Г. Гердера «Der Lorbeerbaum», данное растение символизирует девственность, чистоту, связь с Аполлоном, охранительную сферу, обращая к античному мифу о Дафне:

> Дафной я был. От объятий безумно любящего бога
> Лавром дева спаслась. Чтите мою чистоту (Жуковский, 2000, с. 302).

С. А. Кибальник, анализируя цикл Жуковского, заключает: « “Лавр” – это пушкинская чистота, которую нужно было “чтить”, “Надгробие юноше” – преждевременная гибель поэта, не смогшего противостоять “буре”, “Фидий” – чудесный гений пушкинской поэзии, “Судьба” – пушкинская смелость перед ликом судьбы и смерти!» (Кибальник, 1987, с. 270). В вольных переводах антологических стихотворений немецкого поэта проявлены качественно новые авторские акценты русского романтика, особое место в цикле занимают оригинальные произведения Жуковского «Судьба», «Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе…».

Если в антологическом стихотворении Жуковского «Завистник» проявлены сатирические интенции в отношении клеветников Пушкина, то в произведении Лермонтова утверждается пафос сурового обличения и приговора, ср.:

> Завистник ненавидит
> Любимое богами (Жуковский, 2000, с. 303).
> Жуковский «Завистник»

> Вступил он в этот свет завистливый и душный
> Для сердца вольного и пламенных страстей? (Лермонтов, 1958, с. 413).
> Лермонтов «Смерть Поэта»

В стихотворении Лермонтова представлено прямое соотнесение гонителей Пушкина с мучителями Иисуса Христа. «Увитый лаврами» терновый венец отсылает к циничной табличке, сопровождавшей казнь Христа: «И поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский» (Мф. 27: 37).

Образ венца встречается и в других лирических текстах Лермонтова. Так, в элегии «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837) лексема «венец» трижды употребляется в смежных стихах. Эпитет «терновый» в этой элегии абсолютизирует трагическое мировосприятие лирического героя, противостоящего толпе. В послании «<А. Г. Хомутовой>» (1838) образ «венца мученья» раскрывает внутренний трагизм лирического героя, ищущего отдохновения у женщины: «Умела снять венец мученья». Близкий по семантике образ венца мы видим и в элегии русского романтика «Памяти А. И. О<доевско >го» (1839):

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет? (Лермонтов, 1958, с. 463).

Образ венца вводит в элегический контекст представления о духовных и социальных формах зла, соотнесенных со светскими условностями, лицемерием и ложью.

В стихотворении же Лермонтова «Сон» (1841) венок из цветов включен в образный ряд «родной стороны», к которой устремляется душа лирического героя, преодолевая пространственные границы: «Меж юных жен, увенчанных цветами». Образ венка в лирическом контексте утверждает индивидуальный рай, ценности жизни, молодости, любви, радости и гармонии, антитетичные смерти. Если с настоящим, физической смертью связан мотив обжигающего огня («полдневный жар», «солнце жгло», «жгло меня»), то с видением – духовный, гармоничный свет («сияющий огнями»).

Значимое место в художественной флористике поздней лирики Лермонтова занимает образ пальмы. Этот образ широко представлен в русской романтической поэзии, в частности, в лирике К. Н. Батюшкова: «Пальмы под тенью здесь роза цветет...» («Источник», 1810). Элегия Лермонтова «Ветка Палестины» (1837) была написана под впечатлениями от посещения поэтом квартиры А. Н. Муравьева, написавшего «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». В книге путевых очерков Муравьева представлены не только быт, нравы, верования народов, населявших Османскую империю в первой половине XIX в., но и авторская рефлексия, глубинный религиозный опыт. Русский писатель, продолжая традиции православного паломничества, упоминает образ пальмовой ветви: «И срезать себе длинный тростник или ветвь ракиты на память Иордана, чтобы унести их на родину вместе с пальмою своего странствия» (Муравьев, 1848, с. 8). В лирическом тексте Лермонтова, как и в книге Муравьева, образ пальмы органично вписан в ориентальный пейзаж: «Посреди сей долины, некогда славной розами и пальмами Иерихона, узкий Иордан быстро мчится в обширном русле...» (Муравьев, 1848, с. 4).

Благодаря пальмовой ветви лирический герой Лермонтова переживает глубокое религиозное чувство, благодатное преображение, обретение духовной свободы и покоя. Л. А. Ходанен заключает: «В “Ветке Палестины” есть смысловой центр того святого христианского мира, верность которому хранит и символизирует пальмовая ветвь в молельной комнате» (Ходанен, 1993, с. 88). Если в зачине элегии Лермонтова взгляд лирического героя фокусируется на конкретном образе, то во второй и в последующих строфах развивается сакральный пейзажный ряд: «У вод ли чистых Иордана»; «Востока луч». Художественная флористика произведения обращает к евангельскому преданию о торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим: «Множество же народа постилали по дороге свои одежды, а другие резали ветви с деревь и постилали по дороге» (Мф. 21: 8). С пальмовой ветвью в христианской культуре соотнесены святость, невинность, аскетизм. В христианской традиции пальмовая ветвь – аллегорическая деталь в изображении Девы Марии, евангелиста Иоанна. Лирический герой в произведении Лермонтова совершает духовное паломничество на Святую Землю.

Пальма – одно из самых упоминаемых растений и в Коране, где это дерево предстает в качестве украшения земной природы, дара Всевышнего человеку в загробном мире. Так, в суре «Ар-Рахман» («Милостивый») пальма – один из символов рая: «В них обоих плоды, и пальмы, и гранаты» (55: 68). Образ пальмы развивается в элегии Лермонтова в контексте межкультурного диалога, характерного для многих произведений русского романтика. Пальма в элегии Лермон-

това предстает «украшением» земной природы. Образ пальмы наделен также охранительной функцией: «Широколиственной главой...».

Образ пальмы в произведении Лермонтова вписан в динамичный и контрастный пейзаж. Динамику пейзажа отражают глагольные формы: «ласкал», «колыхал». В контексте ориентального пейзажа возникают характерные для поэтического мира Лермонтова мотивы одиночества, разлуки и смерти:

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?.. (Лермонтов, 1958, с. 415).

Пейзажные образы воплощают духовный трагизм лирического героя.

Лирический пейзаж органично сменяется образом паломника. Медитация, связанная с образом пальмовой ветви, переносится на многогранный образ странника: «набожной рукою», «след горючих слез». Образ пальмовой ветви помогает лирическому герою приобщиться к самым сокровенным сферам духовного мира паломника, который предстает в качестве носителя истинной веры и ее защитника. Образ паломника служит основой для религиозного прозрения в земных, чувственных формах метафизического, абсолютного этико-эстетического идеала. В элегии «Ветка Палестины» земной и небесный миры пребывают в единстве. Лирический герой восходит от физического к метафизическому. Хронотоп приобретает вселенский характер.

В предпоследней строфе художественное пространство вновь сужается, формируя охранительную сферу молитвенного предстояния в земном, бытовом и личностном мире: «Перед иконой золотой». Данная охранительная сфера помогает пережить духовную связь со Святой Землей, с горним миром. В финальной строфе элегии нет ни одного глагола. Благодаря религиозному прозрению лирический герой Лермонтова постигает во временном вечное, в связи с чем и создается ощущение остановившегося времени.

В балладе Лермонтова «Три пальмы» (1839) представлена художественная флористика, созвучная ориентальной культурной традиции. Б. М. Эйхенбаум так определяет источники данной баллады русского романтика: «В 1839 и 1840 гг. Лермонтов пишет свои классические баллады: “Три пальмы” и “Воздушный корабль”. Первая по своему жанру восходит, по-видимому, к ориентальным балладам Гете, но в то же время по своему сюжету является своего рода пессимистической перифразой IX стихотворения Пушкина из цикла “Подражаний Корану”» (Эйхенбаум, 1961, с. 344). Наряду с литературными источниками баллады «Три пальмы», необходимо учитывать и традиции ислама, которые очень интересовали русского романтика в поздний период его жизни и творчества. Так, в стихотворении «Валерик» (1840) представлен следующий автокомментарий поэта:

Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен (Лермонтов, 1958, с. 498).

Пейзаж оазиса в безводной пустыне созвучен Корану, где частотно изображение образов пальмы и источника, что мы видим, например, в суре «Йа Син»: «Мы создали на ней сады из финиковых пальм и винограда и заставили биться в них источник» (35: 54). Пейзаж в балладе Лермонтова выдержан в идиллических тонах, моделируя охранительную, спасительную сферу – подобие рая: «Хранимый, под сенью зеленых листов...». Поэт использует как колористическую образность («под кущей зеленой», «в дали голубой», «песок золотой», «черные очи оттуда сверкали»), так и акустическую («журча», «раздавались нестройные звуки», «с криком и свистом»). Поэтика лирического текста также характеризуется стремлением к предметности и детализации.

Значимую роль в поэтике текста играют и сравнения: «как в море челнок», «как барс». Образ пальм создается с помощью олицетворения и метафор («кивая махровой главою»).

Эпитет «гордые» по отношению к пальмам имеет смысловую многогранность. В лирических пейзажах Лермонтова эпитет «гордый» соотнесен с величием и красотой природного мира: «Но вечно гордой и спокойной» («Валерик»). Наряду с указанными значениями эпитет «гордый» фокусирует в себе этическую оценку, так как ропот пальм служит формой богоборчества: «Не прав твой, о небо, святой приговор!». В стихотворении Лермонтова «Валерик» утверждается стремление к принятию мира:

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно (Лермонтов, 1958, с. 503).

В Коране с символом пальмы связан также мотив наказания грешников за неверие: «Срубили ли вы финиковые пальмы или оставили их стоять на их стволах – на то было соизволение Аллаха, дабы опозорить нечестивцев» (59: 5); «Он заставил его бушевать над ними в течение семи ночей и восьми дней без перерыва, и ты мог бы увидеть людей, которые были повержены, словно рухнувшие сгнившие пальмовые стволы» (69: 7). Финальный пустынный пейзаж контрастен идиллическому зачину баллады, акцентируя мотивный комплекс смерти: «на почве бесплодной», «пепел седой и холодный», «дико и пусто кругом».

В элегии Лермонтова «Спеша на север из далека...» (1837) эпитет «гордый» предстает в обоих смыслах, что придает лирическому контексту конфликтность:

И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит (Лермонтов, 1958, с. 432).

Данная элегия и в плане проблематики, и в плане поэтики предвосхищает балладу «Три пальмы». Эти произведения сближает и мотив кары за ропот:

И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей (Лермонтов, 1958, с. 433).

Элегия Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» (1841) восходит к произведению немецкого романтика Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» («Buch der Lieder»). Если в стихотворении немецкого поэта развивается мотив разлуки влюбленных, то в элегии Лермонтова раскрывается универсальное переживание одиночества. Н. М. Шанский так определяет своеобразие лермонтовского лирического текста: «Идея одиночества, которой Лермонтов заменяет гейневский рассказ о разлуке влюбленных, является основной и единственной, лейтмотивом стихотворения» (Шанский, 1979, с. 40). Хронотоп элегии Лермонтова создается не только благодаря антитезе, характерной для миросозерцания романтиков, но и при помощи параллелизма.

Мотив одиночества в произведении Лермонтова неразрывно связан с другим сквозным мотивом творчества поэта – мотивом сна («дремлет качаясь», «и снится ей все»). Оба древесных образа находятся на вершине, что еще более подчеркивает их исключительность и одиночество в северной и южной (восточной) пустыне. Внешняя статика пейзажа, которая подчеркивается инверсиями, сопровождается духовным преодолением пространственных границ, что является особенностью художественного мира Лермонтова, где бессмертная душа свободно преодолевает любые пространственные и временные границы, даже границу физической смерти. Мотив одиночества оформляется в образном контексте, который включает и церковнославянскую образность («как ризой»), и фольклорные эпитеты («на утесе горючем»). В творчестве русских романтиков образ ризы используется в различных значениях, изображая одежду, облачение, физическую оболочку, покров, создавая стилистический контекст умеренной архаики: «Земную ризу брошу

в прах...» (К. Н. Батюшков «Надежда», 1815); «Под чистой ризою твоей» (С. П. Шевырев «Ночь» («Немая ночь! прими меня...», 1829). Умеренная стилистическая архаика и одическая торжественность проявляются и в стихотворении Лермонтова «Последнее новоселье» (1841): «На ризу чудную могущества и славы». В произведении Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» доминирует тональность просветленной грусти. Образ пальмы в элегии Лермонтова раскрывает томление души. Художественное определение «прекрасный» в лирике Лермонтова определяет духовную чистоту и красоту: «Лучшего ангела душу прекрасную...» («Молитва», 1837); «Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...» («Ребенку», 1840).

В лирике Лермонтова портретные характеристики вводятся посредством художественных определений, которые фокусируют в себе зрительные впечатления, создавая конкретный образ. Метафоры и сравнения, построенные на основе сближения женской красоты и цветов, широко представлены в творчестве русских романтиков, например, в поэзии С. Е. Раича: «Лида, ты лилий восточных белей» («К Лиде», 1826). Яркие примеры таких портретов-эпитетов мы видим в стихотворении Лермонтова «Кинжал» (1837–1839), где художественные определения создают мужской и женский портреты: «задумчивый грузин», «лилейная рука». В образном контексте получает развитие христианская традиция, соотносящая лилию с Девой Марией. В книге Д. Ознобишина «Селам, или Язык цветов» (1830) семантика белой лилии объясняется так: «Чисто и непорочно да будет твое сердце!» (Ознобишин, 1830, с. 82). Земная женщина в произведении Лермонтова метафорически соотносится с абсолютной формой любви и красоты Царицы Небесной.

Эпиграмма «Э. К. Мусиной-Пушкиной» (1839) построена на основе контрастов: традиционные портретные детали, связанные с женской красотой («лилия», «талия», «небо Италии»), противопоставлены образу Бастилии. Сравнение оформляет антитезу внешней красоты и внутреннего холода, духовной мертвенности. Портретные детали, широко представленные в лирике Лермонтова, приобретают в эпиграммах пародийный и иронический смысл.

Эпитет «лилейный» в лирике Лермонтова представлен и в мужских портретных характеристиках: «Лилейной рукой поправляя...» (1841). В жанровом контексте эпиграммы образная деталь придает портрету динамичность и контрастность.

Предстояние лирического героя Лермонтова Творцу осуществляется благодаря земной природе, что мы видим в элегии «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837). Флористические образы, соотнесенные с разными месяцами («желтеющая нива», «свежий лес», «малиновая слива»), создают динамичный и целостный пейзаж. Колористической доминантой элегии выступает золотой цвет, который в православной иконографии раскрывает идею откровения Бога. Е. Н. Трубецкой так определяет символику золотого цвета в православной иконографии: «Но из всех цветов один только золотой, солнечный обозначает *центр* божественной жизни» (Трубецкой, 2000, с. 380). Природные образы становятся символами в христианском смысле, так как в них осуществляется связь земного и небесного миров. Пейзажное пространство постепенно сужается от «нивы» и «леса» до «ландыша» и «ключа». Ландыш в языке художественной флористики пушкинской эпохи знаменовал собою тайную и нежную влюбленность. Д. П. Ознобишин так описывает этот весенний цветок: «Долго в тайне я любил тебя» (Ознобишин, 1830, с. 81). В элегии Лермонтова «ландыш серебристый» символизирует открытость природного мира человеку. В произведении мы видим откровение природы человеку, человека природе, Бога – миру и человеку. Духовная полнота лирического героя обусловлена преодолением смятения, рефлексии, обретением покоя. Имманентное присутствие Бога в природе проявляется в первой, второй и третьей строфах. Природный мир представлен как целостность, благодаря сопричастности человека божественному всеединству. В элегии проявляется духовное переживание личности, когда одно мгновение наполняется полнотой вечности.

Душа лирического героя Лермонтова метафорически сближается с преждевременно созревшим плодом:

Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия (Лермонтов, 1958, с. 435).
«Гляжу на будущность с боязнью...» (1837–1838)

В стихотворении «Дума» (1838) данная метафора приобретает обобщенный смысл и соотносится с целым поколением, отравленным рефлексией и разочарованием, обреченным на бездействие:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз (Лермонтов, 1958, с. 442).

В творчестве русского романтика развивается и контрастное образное представление, в основе которого лежит метафорическое сближение телесной и душевной красоты человека с сочным плодом. Так, в послании «<М. А. Щербатовой>» (1840) портрет раскрывает духовную чистоту и естественность лирического адресата:

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых (Лермонтов, 1958, с. 472).

Образ листка возникает во многих произведениях Лермонтова: «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837); «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840), «Из Гете» (1840). Данный образ имеет архаические мифологические и религиозные истоки. Так, в поэме Вергилия «Энеида» смерть образно соотносится с падением листвы (VI, 309–310). Архаическая метафора, акцентирующая родовую обреченность человека на умирание, широко представлена в русской романтической поэзии: «Последний лист упал со древа» (Е. А. Баратынский «Падение листьев», 1823); «Как с дерева валится лист осенний...» (В. К. Кюхельбекер «На смерть Якубовича», 1846). В лирике Ф. И. Тютчева «земнородный» онтологический статус человека подчеркивается его метафорическим отождествлением с листом: «Листья» (1830), «На древе человечества высоком...» (1832).

В 1840 г. Лермонтов создает стихотворение «Из Гете» («Горные вершины...»), навеянное «Ночной песней странника» немецкого поэта. Отвлеченная характеристика гетевского пейзажа «Ist Ruh'» (Тишина) в стихотворении Лермонтова становится ключевой характеристикой пейзажных образов: «Тихие долины». Русский романтик создает относительно замкнутые синтаксические конструкции, объединяющие по два стиха и подчеркивающие гармоничность, целостность природного мира. Лирический вектор направлен от небесного (горного) мира к дольнему и индивидуальному: «листы» фокусируют всеобщее состояние мира. Умиротворение, покой раскрываются на уровне ритма и стихотворного размера – трехстопного хорея. Если в 1–4 стихах чередуются трехударные и двухударные стихи, то с 5 по 8 стихи представлены только двухударные стихи: первые стопы в этих стихах являются пиррихиями. Мотив дороги, странствия вводит тему человека. Рифмовка «листы» – «ты» раскрывает включение человека в природный универсум. Концепт покоя соотнесен с магистральными для лирики Лермонтова мотивами сна, тишины и полноты бытия. В 7 и 8 стихах начальные глаголы имеют форму 2-го л. ед. ч. и обращены к индивидуальному, человеческому. Концепт покоя многогранно воплощен в произведении: и лексически, и при помощи синтаксического параллелизма, и при помощи отрицания. В финале утверждается ценность отдохновения (покоя) как закономерного итога человеческой жизни, его странствия.

В стихотворении Лермонтова «Валерик» художественная флористика выполняет несколько функций. Во-первых, художественная флористика участвует в оформлении пейзажа, утверждающего естественность, красоту и величие природного мира: «Над допотопными лесами». Во-вторых, на лоне природы лирический герой ищет отдохновение, обретает единство с мирозданием, преодолевает рефлексию:

Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз (Лермонтов, 1958, с. 498–499).

В-третьих, образ дуба оформляет сцену смерти офицера: «На берегу, под тенью дуба». Для лирики Лермонтова характерно сначала введение образной детали, а затем ее развитие в самостоятельный, многогранный образ. Художественная флористика стихотворения «Валерик» в этой связи предвосхищает флористические образы в итоговых для творчества русского поэта лирических текстах 1841 г.

Пейзаж стихотворения Лермонтова «Родина» (1841) созвучен другим произведениям русского романтика: в частности, образ «желтой нивы» отсылает к элегии «Когда волнуется желтеющая нива...». Пейзаж стихотворения «Родина» характеризуется, во-первых, динамичностью; во-вторых, безбрежностью. Одним из ключевых мотивов данного лирического текста является мотив странничества, соотнесенный с лирическим героем. Пейзаж, с одной стороны, характеризуется простотой, с другой, – величием. В поэтике лирического текста органично взаимодействуют колористическая, акустическая и ольфакторная образность. «Дымок спаленной жнивы» обращает к цитате «И дым Отечества нам сладок и приятен», которая стала концептуальной для русской классической литературы (Васильев, Жаткин, 2019, с. 60–72). Данный концепт генетически восходит к античной литературе – к творчеству Гомера и Овидия. В русской литературе в формировании данного концепта большое значение имеет творчество Г. Р. Державина:

Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен (Державин, 1957, с. 276).
Державин «Арфа» (1798)

Определяющую роль в развитии концепта сыграла комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Мотивный комплекс *малой родины, пенатов,* связанный с этим концептом, широко представлен в русской классической поэзии, в частности, в лирике К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева. Поэтическое благоговение перед *малой родиной,* перед «отеческими гробами» отражено в лирике А. С. Пушкина: «Любовь к родному пепелищу...» («Два чувства дивно близки нам...», 1830). Данный концепт получил индивидуальную трактовку в стихотворении Лермонтова «Родина», формируя образное представление о духовной любви к Отечеству, которое предстает в величественных, бытийных и конкретных, бытовых проявлениях. Образный мир лирического текста органично соединяет природное и антропогенное.

Масштабные пространственные образы («степей холодное молчанье»», «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек») сменяются конкретным флористическим образом: «Чету белеющих берез». Образ берез служит метафорическим выражением России. Если в ранней лирике Лермонтова образ березы был достаточно условным, то в рассматриваемом произведении образ контекстуально вводит ценностные смыслы, связанные с Отечеством, домом, семьей. Схожее семантическое наполнение образа «вольной четы» как духовной близости, созвучия мы видим в послании Лермонтова «Графине Ростопчиной» (1841).

Еще один значимый для лирики Лермонтова древесный образ – чинара. Этот образ, формирующий ориентальный образный контекст сна, неги, представлен в стихотворении «Спор» (1841): «Посмотри: в тени чинары». Включение образа чинары в развернутые бытовые сцены, отражающие местный колорит, нравы, мы видим и в стихотворении Лермонтова «На бурке под тенью чинары...» (1841).

Образ чинары возникает и в балладе Лермонтова «Свиданье» (1841), где художественная флористика создает ольфакторную образность:

Сады благоуханием
Наполнились живым (Лермонтов, 1958, с. 537).

В балладе четко проявлены гендерные особенности мужского и женского начал. Образ героя органично включен в ориентальный культурный контекст: «чинара», «ковер». Флористиче-

ские художественные детали в произведении конкретны и отражают местные культурные особенности:

Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно... (Лермонтов, 1958, с. 538).

Лермонтов вводит образ тополя через архаическую форму женского рода. Данная форма сохранилась в украинском языке *(тополя),* в белорусском *(таполя)* и других славянских языках. Такая же грамматическая форма представлена и в отрывке «Конрад Валленрод» («Сто лет минуло, как тевтон...», 1828) Пушкина: «Немецкой тополью плененный». М. Г. Соколова, рассматривая историю категории рода слова «тополь», приходит к выводу: «Однако традиционно *тополь* воплощает женское начало, вопреки мужскому роду слова. Истоки этого явления относятся к народно-поэтическому и мифологическому восприятию мира» (Соколова, 2018, с. 15). Форма женского рода слова «тополь» в ориентальном антропогенном пейзаже баллады Лермонтова вполне естественна, так как образ тополя включен в эротический сюжет и романтический конфликт. Образ тополя соотнесен с образом героини. Если в элегии «На севере диком стоит одиноко...» Лермонтов придает любовному мотивному комплексу идеальный, универсальный характер, то в анализируемой балладе, напротив, утверждается образный ряд, связанный со страстью, изменой, местью.

В аллегорической балладе Лермонтова «Листок» (1841) фокусируются ключевые для лирики русского романтика мотивы преждевременного увядания души, странничества, одиночества, поиска идеала, а также флористические образы листа и чинары. А. И. Журавлева так определяет своеобразие поэтического стиля Лермонтова: «Стремление к созданию живописно-выразительных пластических, “картинных” образов характерно для Лермонтова всегда» (Журавлева, 2002, с. 43). Баллада «Листок» характеризуется таким аллегорическим пластицизмом. Аллегоризм Лермонтова близок французской литературной традиции. Вместе с тем И. А. Киселева, раскрывая историко-литературные связи произведения Лермонтова с творчеством французского поэта А.-В. Арно, выявляет и библейские аллюзии (Киселева, 2020, с. 112–114). Аллегорический образный язык и сюжет анализируемого лирического текста Лермонтова близок стилю Д. В. Веневитинова, например, его аллегорической элегии «Веточка» (1823), которая также восходит к французскому литературному источнику – отрывку из поэмы Луи Грессе «Обитель» (1735). В элегии Веневитинова «ветр» срывает «младую веточку», которая отправляется в странствие:

Она виется, упадая
На зеркало ручейных вод (Веневитинов, 1980, с. 15).

Развитие лирического сюжета в финале элегии Веневитинова приобретает трагический смысл.

Баллада Лермонтова написана пятистопным амфибрахием, создающим ритм размеренного повествования. Мотив странствия одинокого дубового листка изначально проникнут трагизмом: «И в степь укатился жестокою бурей гонимый». Особенностью произведения является наличие лейтмотивных образов, которые придают произведению песенные черты: листок, чинара, море, «морская царь-девица». К фольклорной, песенной традиции обращает и поэтика постоянных эпитетов: чинара в лирическом тексте определяется как «молодая», «младая». Художественные определения, эпитеты создают яркие образные характеристики, в том числе колористические («листьев своих изумрудных»), а также вводят оценку. Образность баллады построена на основе резких антитез. По принципу контраста строится и композиция произведения: если первая строфа раскрывает образ одинокого «листка», то финальная строфа соотнесена с чинарой, полной жизни и упоенной своей красотой: «И корни мои умывает холодное море».

В произведении создается мифопоэтическая картина мира, в которой проявляются ключевые архетипы: море, древо. Аллегорическая баллада Лермонтова интертекстуально связана со многими его лирическими произведениями. Так, образ «райских птиц» отсылает к ранней аллегорической элегии русского романтика «Надежда» (1831): «Есть птичка рая у меня...». Образ «морской царь-девицы» созвучен образу «морской царевны» из баллады Лермонтова «Морская царевна» (1841), а образ «дубового листка» предвосхищает развитие образа «темного дуба» в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

Хронотоп баллады «Листок» мифопоэтически связан с традицией изображения лукоморья: чинара выполняет функции мирового древа, находясь на берегу моря, связывая земной мир и небесный («качаются райские птицы»). Древесный образ органично соединяет стихии земли, воды, воздуха (ветра) и солнца:

> У Черного моря чинара стоит молодая;
> С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская (Лермонтов, 1958, с. 541).

Хронотоп произведения представляет собой онтологический «перекресток» как в плане онтологической вертикали, так и в плане онтологической горизонтали. Для «листка» чинара – это желанная сфера обретения покоя и завершения странничества. «Листок» воплощает ключевые характеристики лирического героя Лермонтова: одиночество, странничество, глубокая тоска, преждевременное старение души, напряженная рефлексия, разочарование, беспокойство, конфликт с окружающими миром: «До срока созрел я и вырос в отчизне суровой». Контрастность миросозерцания героя и героини раскрывается в их диалоге. Если «листок», раскрывающий сокровенные духовные переживания, внутренний трагизм, исповедален, то героиня полна гордыни и эгоцентризма. Она ориентирована на физическое, внешнее: «Ты пылен и желт...». Реплика чинары начинается с вопрошания, которое представляет собой отрицание, открыто проявленное в дальнейшем: «сынам моим свежим не пара», «небылицы». Гордое миросозерцание чинары сближает ее с пальмами из рассмотренной выше баллады «Три пальмы». «Листок», наделенный рефлексией и стремящийся обрести покой, не может найти его с гордой и самовлюбленной чинарой, которая является мнимым мировым древом, утверждающим языческое, чувственное миросозерцание. Если в элегии «На севере диком стоит одиноко...» поэт намеренно снимает гендерную направленность немецкого источника, то в анализируемой балладе гендерная оппозиция служит основой для более масштабных противопоставлений: Север – Юг (Восток), духовное – чувственное, страдание – мнимое величие и высокомерие. Истинное мировое древо как сфера обретения любви, покоя и свободы, как единства физического и духовного, земного и небесного возникает в стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

В итоговом стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», благодаря мотивам странничества и религиозного прозрения, пространственная перспектива расширяется от образов дороги, «пустыни» до образа вселенной. Во второй же строфе проявляется обратное направление лирического вектора – от небесного к земному и к личностному, что позволяет возвысить онтологический статус человека. Тяжесть и боль прошлого требуют освобождения, отсюда ряд отрицаний: «не жду», «ничего», «не жаль», «ничуть». Лирический герой утверждает органичный для православия этический идеал, доминантами которого являются свобода и покой. В предвосхищаемом состоянии сна сохраняется субстанциональный статус «я», но одновременно происходит освобождение от страдания. Физической и духовной смерти противопоставлен сон «навеки». Ряд глагольных форм («дремали», «дыша», «вздымалась») передает сохранение субстанциональной жизненной силы, идеальное единство духовного и телесного. «Сон» личностно фокусирует предшествующую картину природной полноты: просветленный сон земли и тишина ночи отражены и во сне лирического героя. «Сон» знаменует не безликое отрешение от жизни, как нирвана, но обретение единства с миром, сохранение онтологической полноты, открытость софийному началу любви. Временной охват «всю ночь, весь день» вновь

подчеркивает ощущение полноты жизни, а образный ряд гармоничной песни («слух лелея», «сладкий голос») является мифопоэтической проекцией рая. Идеал полноты бытия воплощает образ «темного дуба» – художественная обработка мифологемы «мирового древа». В. Н. Топоров так пишет о семантике древа в мировой культуре: «Оно является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства» (Топоров, 2010, с. 207) Дуб как мировое древо, как центр хронотопа широко представлен в фольклорных памятниках:

Наехал в поле сыр кряковистой дуб,
На дубу сидит тут черный ворон (Данилов, 1818, с. 207).
«Михайло Казаринов»

Символ дуба занимает значимое место и в текстах Священного Писания: «Дуб Мамврийский, под сенью которого Авраам удостоился принять самого Господа» (Архимандрит Никифор, 1991, с. 204). Символ дуба получил многогранное развитие в русской классической литературе. Г. П. Макогоненко, анализируя символику дуба в творчестве Пушкина, указывает на то, что в ее основе лежит «исконный взгляд народа на образ дуба как на символ бессмертия» (Макогоненко, 1987, с. 350).

В лирическом тексте Лермонтова характеристика сна («навеки так заснуть») фокусируется и в дубе («вечно зеленея»), при этом полнота личностной жизни соединяется с полнотой природного бытия. Дуб не только соединяет небесное и земное, но и выступает по отношению к лирическому герою охранительной силой. Характеристики «сна»: сохранение жизненных сил, дыхания, единства души и тела, этические ценности свободы и покоя, открытость софийному началу любви, сопричастность природной полноте – все это не только знаменует преодоление смерти, но и выражает обретение целостной и личностной формы бессмертия в единстве конечного и бесконечного. Личностная уникальность сохраняется, освобождаясь от эгоцентризма и рефлексии. Сюжет стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» развивается по принципу диалектической триады: человек – мироздание – идеальное состояние их единства.

Выводы

Итак, художественная флористика поздней лирики Лермонтова достаточно богата и индивидуальна, включает как достаточно отвлеченные растительные образы (листок, плод, венок), так и образы конкретных деревьев (пальма, чинара, тополь, береза, сосна, дуб), фруктов («малиновая слива»), цветов (лилия, «ландыш серебристый»). Художественная флористика в лирике Лермонтова выполняет множество функций, раскрывая духовный трагизм, рефлексию и искания лирического героя, благодатное преображение его души; воплощая представления о красоте и величии природного мира, о гармоничном единстве земного и небесного миров. Художественная флористика вводит как мифологические архетипы (мировое древо), так и христианские концепты мученичества, благодати, рая, любви, свободы и покоя. Образы пальмы, чинары, приобретая полифоничность, раскрывают контрастные мотивы и образные представления поэтического мира Лермонтова. Так, в лирике Лермонтова образ пальмы развивается в диалоге библейской, ориентальной, западноевропейской и русской литературных традиций. Образ пальмы соотнесен, с одной стороны, с мотивом духовного паломничества на Святую Землю, со святыней, вызывающей благодатное преображение души, с другой стороны, с ориентальным представлением об этом дереве как божественном даре, украшении земного мира и рая. Образы пальмы и чинары также выражают эгоцентризм и гордыню. Флористические художественные детали в лирике Лермонтова участвуют в создании не только пейзажей, но и портретов. Русский романтик в зависимости от особенностей лирического контекста усиливает или ослабляет гендерное звучание флористического культурного кода. Художественная флористика Лермонтова повлияла на дальнейшее развитие русской поэзии.

Источники

Архимандрит Никифор (1991) Библейская энциклопедия. М., Терра – TERRA, 902 с.
Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. (2019) Метафора дым отечества в прошлом и настоящем: литературные истоки, семантика, речевые функции. Русская речь, № 3, с. 60–72.
Веневитинов Д. В. (1980) Стихотворения. Проза. М., Наука, 627 с.
Данилов К. (1818) Древния российския стихотворения, собранныя Киршею Даниловым и вторично изданныя, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., Типография Семена Селивановского, 432 с.
Державин Г. Р. (1957) Стихотворения. Л., Советский писатель, 472 с.
Жуковский В. А. (2000) Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилякова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Е. Разумова, Н. Б. Реморова, Н. В. Серебренников, А. С. Янушкевич (гл. редактор). М., Языки русской культуры, т. II. Стихотворения 1815–1852 годов, 840 с.
Журавлева А. И. (2002) Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., Прогресс-Традиция, 288 с.
Кибальник С. А. (1987) Антологическая поэзия Жуковского. В кн.: Жуковский и русская культура: Сб. научных трудов. Л., Наука, с. 261–272.
Киселева И. А. (2020) Генезис мотивов стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» (1841). Евангельский текст в русской словесности. Сб. тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием). Петрозаводск, Изд-во Петрозаводского ун-та, с. 112–114.
Лермонтов М. Ю. (1958) Собр. соч.: в 4 т. М.-Л., изд-во АН СССР, т. 1, 756 с.
Макогоненко Г. П. (1987) Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственности развития литературы. Л., Советский писатель, 400 с.
Муравьев А. Н. (1848) Путешествие ко Святым местам в 1830 году. СПб., Типография III Отдела соб. Е. И. В. Канцелярии, ч. 2, 244 с.
Ознобишин Д. (1830) Селам, или Язык цветов. СПб., Типография Департамента народного просвещения, 132 с.
Сирин Е. (1998) Духовные наставления. М., Новая книга, Ковчег, 304 с.
Соколова М. Г. (2018) «За тополью высокою я вижу там окно...» (Особенности категории рода существительного тополь в русской поэзии), Русская речь, № 1, с. 11–17.
Топоров В. Н. (2010) Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М., Рукописные памятники Древней Руси, т. 1, 448 с.
Трубецкой Е. Н. (2000) Смысл жизни. М., АСТ, 456 с.
Ходанен Л. А. (1993) Фольклорные и мифологические образы в поэзии Лермонтова. Кемерово, Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 116 с.
Холл Дж. (1999) Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., КРОН-ПРЕСС, 656 с.
Шанский Н. М. (1979) «Сосна» М.Ю. Лермонтова. Русский язык в школе, № 5, с. 37–40.
Шарафадина К. И. (2018) «Селам, откройся!» Флористика в образном языке русской и зарубежной литературы. Монография. СПб., Нестор-История, 544 с.
Эйхенбаум Б. М. (1961) Статьи о Лермонтове. Л., Изд-во АН СССР, 372 с.

References

Arhimandrit Nikifor (1991) Bibleyskaya entsiklopediya [Bible Encyclopedia]. Moscow, Terra – TERRA Publ., 902 p. (In Russian).
Danilov K. (1818) Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym i vtorichno izdannye, s pribavleniem 35 pesen i skazok, dosele neizvestnykh, i not dlya napeva [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov and re-published, with the addition of 35 songs and fairy tales, hitherto unknown, and notes to tune]. Moscow, Semen Selivanovskiy's Publ., 432 p. (In Russian).
Derzhavin G. R. (1957) Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 472 p. (In Russian).
Eichenbaum B. M. (1961) Stat'i o Lermontove [Works about Lermontov]. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 372 p. (In Russian).
Hodanen L. A. (1993) Fol'klornyye i mifologicheskiye obrazy v poezii Lermontova [Folklore and mythological images in Lermontov's poetry]. Kemerovo, Kemerovo State University's Publ., 116 p. (In Russian).
Hall J. (1999) Dictionary of subjects and symbols in art. Moscow, KRON-PRESS Publ., 656 p. (In Russian).
Kibalnik S. A. (1987) Antologicheskaya poeziya Zhukovskogo [Anthological poetry by Zhukovsky]. In: Zhukovskiy i russkaya kul'tura [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 261–272 (In Russian).
Kiseleva I. A. (2020) Genezis motivov stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova "Listok" (1841) [The genesis of the motives of the poem by M. Yu. Lermontov "Leaflet" (1841)]. Yevangel'skiy tekst v russkoy slovesnosti [Gospel text in Russian literature]. Sat. abstracts of the X All-Russian scientific conference (with international participation). Petrozavodsk, Petrozavodsk State University's Publ., pp. 112–114 (In Russian).
Lermontov M. Yu. (1958) Sobranije sochinenii: v 4 t. [Complete Works: in 4 v.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., vol. 1, 756 p. (In Russian).

Makogonenko G. P. (1987) Lermontov i Pushkin: Problemy preemstvennosti razvitija literatury [Problems of continuity in the development of literature]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 400 p. (In Russian).
Murav'ev A. N. (1848) Puteshestviye ko Svyatym mestam v 1830 godu [Journey to the Holy Places in 1830]. St. Petersburg, Publ. III Otdela sob. E.I.V. Kanczel'arii, vol. 1, 244 p. (In Russian).
Oznobishin D. (1830) Selam, ili Yazyk tsvetov [Selam, or the language of flowers]. St. Petersburg, Departament narodnogo prosveshcheniya Publ., 132 p. (In Russian).
Shanskiy N. M. (1979) "Sosna" M. Yu. Lermontova ["Pine" by Lermontov]. Russian Language at School, no. 5, pp. 37–40 (In Russian).
Sharafadina K. I. (2018) "Selam, otkroysya!" Floristika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury ["Selam, open up!" Floristry in the figurative language of Russian and foreign literature]. Monograph. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 544 p. (In Russian).
Sirin E. (1998) Dukhovnyye nastavleniya [Spiritual Instructions]. Moscow, Novaja kniga, Kovcheg Publ., 304 p. (In Russian).
Sokolova M. G. (2018) "Za topol'yu vysokoyu ya vizhu tam okno..." (Osobennosti kategorii roda sushchestvitel'nogo topol' v russkoy poezii) ["Behind the high poplar, I see a window there ..." (Features of the category of the gender of the noun poplar in Russian poetry)]. Russkaya Rech' (Russian Speech), no. 1, pp. 11–17 (In Russian).
Toporov V. N. (2010) Mirovoye derevo. Universal'nyye znakovyye kompleksy [World tree. Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi Publ., vol. 1, 448 p. (In Russian).
Trubetskoy E. N. (2000) Smysl zhizni [Meaning of life]. Moscow, AST Publ., 456 p. (In Russian).
Vasil'eva N. L., Zhatkin D. N. (2019) Metafora dym otechestva v proshlom i nastoyashchem: literaturnyye istoki, semantika, rechevyye funktsii [Metaphor of the smoke of the fatherland in the past and present: literary origins, semantics, speech functions]. Russkaya Rech' (Russian Speech), no. 3, pp. 60–72 (In Russian).
Venevitinov D. V. (1980) Stikhotvoreniya. Proza [Poems. Prose]. Moscow, Nauka Publ., 627 p. (In Russian).
Zhukovsky V. A. (2000) Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. [Complete Works and Letters: in 20 v.]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ. Vol. II. Poems 1815–1852, 840 p. (In Russian).
Zhuravleva A. I. (2002) Lermontov v russkoj literature. Problemy poetiki [Lermontov in the Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 288 p. (In Russian).

Информация об авторе

Косяков Геннадий Викторович
Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: gen777kos@mail.ru

Autor's information

Gennady V. Kosyakov
Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: gen777kos@mail.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Филологические науки

УДК 82
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3
Научная статья

Е. А. Акелькина[1]
✉ elena.akelkina51@yandex.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Ф. М. Достоевский — о Петре I

Аннотация: Автор статьи рассматривает формирование исторического сознания в русской литературе на примере мыслей Ф. М. Достоевского о Петре I. Взгляд писателя универсален, так как основан на историографии, отзывах об этих работах в журналах «Время» и «Эпоха», а также на раздумьях о нравственном смысле диалога России и Европы, актуализированного Петром I. Тема Петра I и его реформ — важнейшая для формирования исторического сознания у читателей литературы XIX века, споры о смысле и значении петровского переворота продолжаются в культуре более двух столетий. Взгляд Ф. М. Достоевского на этот вопрос наиболее универсален, так как он складывался не только на основе литературы и историографии, но и на неповторимом жизненном опыте, который объединил два города, созданных решением Петра I по военной и государственной необходимости, — Санкт-Петербург и Омск.

Ключевые слова: петербургский период, реформы Петра I, историческое сознание, западники и славянофилы, славянское единство.

Дата поступления статьи: 26 июня 2023 г.

Для цитирования: Акелькина Е. А. (2024) Ф. М. Достоевский — о Петре I. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 18, № 1, с. 32—38. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.

Scientific article

E. A. Akelkina[1]
✉ elena.akelkina51@yandex.ru
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

F. M. Dostoevsky about Peter I

Abstract: The author of the article examines the formation of historical consciousness in Russian literature using the example of F. M. Dostoevsky's thoughts about Peter I. The writer's view is universal, as it is based on historiography, reviews of those works in the magazines "Time" and "Epoch", as well as on reflection on the moral meaning of the dialogue between Russia and Europe, updated by Peter I. The topic of Peter I and his reforms is the most important for the formation of historical consciousness among readers of literature of the 19th century; debates about the meaning and significance of Peter's coup have continued in culture for more than two centuries. F. M. Dostoevsky's view on this issue is the most universal since it was formed not only based on literature and historiography but also on the unique life experience that united two cities created by the decision of Peter I out of military and state necessity — St. Petersburg and Omsk.

Keywords: St. Petersburg period, reforms of Peter I, historical consciousness, Westerners and Slavophiles, Slavic unity.

Paper submitted: June 26, 2023.

For citation: Akelkina E. A. (2024) F. M. Dostoevsky about Peter I. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 32–38. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.

Введение

Русская литература еще со времен Древней Руси и до сегодняшнего дня была, по словам Д. С. Лихачева, «литературой одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни» (Лихачев, 1969, с. 9). Начиная с произведений Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, прилежным читателем которых был молодой Достоевский, существовала традиция осмысления исторических событий и великих личностей, опираясь на ясность, трез-

© *Е. А. Акелькина, 2024*

вость и созерцательность, то есть без искажения смысла произошедшего в прошлом. Недаром А. С. Пушкин назвал «Историю государства Российского» «подвигом честного человека», имея в виду беспристрастность в оценках нравственных уроков истории. Ф. М. Достоевский был заинтересованным читателем, собирателем исторических трудов, а также публиковал их в своих журналах «Время» и «Эпоха». Недаром есть упоминание о его первом несохранившемся сочинении «Борис Годунов». После возвращения из Сибири Ф. М. Достоевский наблюдает актуализацию интереса к истории в культуре, расцвет исторических жанров. Более того, в своих статьях «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год» и «По поводу выставки» (1873) Ф. М. Достоевский пытается определить и сформулировать универсальный закон исторического жанра, который важен для любого искусства. Писатель замечает, что современная жизнь и историческая действительность должны изображаться по-разному, и дело здесь не в костюмах, антураже, устаревших оборотах речи. «Историческое событие представляется в его законченном виде, то есть с прибавлением всего последующего развития, еще и не происходившего в тот именно исторический момент. <…> сущность исторического события не может быть представлена точь в точь так, как ОНО совершалось в действительности (Ф. М. Достоевский об искусстве, 1973, с. 220). Иначе говоря, Достоевский требует от исторического жанра философичности, то есть постижения сущности исторического события или личности в соответствии с их масштабом соразмерно и пропорционально будущему, а также с пониманием нравственного смысла и уроков истории[1].

Те же требования, что к историческим жанрам в литературе, Достоевский предъявляет и к сочинениям историков. Творчество Ф. М. Достоевского пришлось на середину XIX века, это рубежное, переходное время от феодальной империи к капитализму. Неслучайно в пореформенные годы возрос интерес к аналогичным эпохам в прошлом: это смутное время и реформы Петра I. Личность Петра I представала как загадка исторического деятеля и осмыслялась как своеобразный ключ к будущему развитию России. И хотя ни один большой русский писатель не миновал темы Петра I, в осмыслении и оценке Достоевского она предстает достаточно оригинально и универсально.

Методы

Данная проблема решается с помощью обзора откликов, цитат на работы историков, писателей, журналистов, а также компаративистского анализа и контекстуальных антитез.

Степень исследованности проблемы

Здесь Достоевский ближе всего к А. С. Пушкину, продолжает традицию его так и ненапечатанной «Истории Петра» и «Записок бригадира Моро-де-Бразе». Он выступает как читатель и как редактор двух журналов, критик и писатель, оставивший планы и заметки в записных тетрадях. Русская литература XIX века формировала у читателей историческое сознание вернее и ярче, чем собственно исторические научные исследования. Да и русская научная историография, родившаяся из полемики западников со славянофилами, только начала формироваться в пореформенную эпоху. Поэтому, отвечая на вызовы переходной эпохи 1860-х годов, русская литература и журналистика выполняла универсальные функции в культуре и формировала национальное историческое сознание. Писатели принимали активное участие в полемике вокруг исторических сочинений ученых. Россия в 1860-е годы спорила о том, по какому пути пойдет ее развитие. В середине 60-х годов К. Д. Кавелин напечатал знаменитую программную статью «Мысли и заметки о русской истории», в которой приветствовал возрождение русской исторической науки: «С каждым десятилетием, а в последнее время чуть ли не с каждым годом выигрывает в интересе, значении и важности… Торная дорога кончилась, предстоит идти целиком, наугад, ощупью и тогда-то наступает время глубокого раздумья. Народная мысль разрешается в целый ряд вопросов, догадок и предположений, посреди которых мало-помалу и созревает народное самосознание, единственно верный руководитель на этой ступени развития… Возмужавшее и окрепшее народное самосознание приходит к правде в истории и вступает на твердый путь в

[1]См. об этом: Акелькина Е. А. Достоевский об историческом жанре // Достоевский в смене эпох и поколений, Омск, 2021 г., с.276–277.

практической жизни (Вестник Европы, 1866). Кавелин, как и многие другие авторы, останавливается на двух моментах «взрывных» переходных эпох: на царствовании Ивана Грозного и на Петре I.

Результаты

Смутное время и реформы Петра I приобрели в культуре особую популярность и остроту, так как соотносились с последствиями отмены крепостного права. В журналах обсуждаются труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Костомарова и других историков. В этих спорах, комментариях и складывается особый взгляд русских писателей и прежде всего Ф. М. Достоевского на эпоху и личность Петра I. Друг писателя поэт А. Н. Майков так определяет в письме к Ф. М. Достоевскому (1868) роль Петра I: «Раздел Европы на восточную и западную. Борьба их. Азия с татарами и турками помогает Западу. Коварное поведение Запада: помогу, лишь покорись Папе. Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России. Колебание веков: мы теперь в периоде самой роковой схватки... Жаль только, что круто бороды брил... Мы все будем гордиться Петром, простив ему кое-что. Но забавно, как в нем ошиблись западники! Да им ли понять Петра — царя выросшего посреди народа, что ни говори. Никто так не повредил [у нас] Петру, как западники (Ф. М. Достоевский, 1924, с. 346–347). Достоевский отвечал: «Мне нравится Ваша мысль о всеславянском значении Петра. Я в первый раз в жизни эту идею услыхал, и она совершенно верная» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100).

Размышления о значении деятельности Петра I проходят через все творчество Достоевского. Так, создавая очерковый цикл «Петербургская летопись» и печатая его с апреля по июнь 1847 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости», являющейся собственностью императорской Академии Наук, Ф. М. Достоевский от легкомысленно-иронического фельетонного тона в последних двух очерках переходит к философствующей интонации серьезных раздумий о судьбе России через сопоставление Москвы и Петербурга. «В нашей литературе, — писал Н. Я. Берковский, — чрезвычайно большое место заняла петербургская тема — не как тема одного города, а как тема философско-историческая, тема ‘‘петербургского периода’’ нашей истории, нашего пребывания в границах и условиях современной европейской цивилизации» (Берковский, 1975, с. 130–131). В очерке от 1 июня молодой Достоевский дает своеобразный панегирик Петербургу как центру современной жизни России, как вдохновителя и стимула ее развития. Здесь Петербург как европейская столица страны предстает как концентрация всех достижений эпохи Петра I. Вслед за В. Г. Белинским Достоевский видит в этой имперской столице России закономерное приобщение страны к европеизации, к выходу за пределы средневековой феодальной неподвижности всей русской жизни.

После сравнения с Москвой рассказчик замечает: «Не таков Петербург. Здесь что ни шаг, то видится, слышится и чувствуется современный момент и идея настоящего момента. Пожалуй, в некотором отношении здесь все жизнь и движение. Петербург и глава и сердце России. <...> И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще созидается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но всей России, которая вся живет одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинают жить. Все – промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни – все живет и поддерживается одним Петербургом»[1].

Таким образом, молодому выпускнику военно-инженерного училища Ф. М. Достоевскому итог дела Петра I предстает в Петербурге прежде всего, то есть в архитектуре домов и дворцов, в Эрмитаже, в Ботаническом саду, в Академии художеств, в музеях, в железной дороге. И с этим заданным Петром I вектором развития сопрягается народный характер. Именно в процессе постижения итогов деятельности Петра I начинает формироваться философская очерковая проза Достоевского в цикле «Петербургская летопись».

[1]Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. Т. 18. Л., 1978. С. 26

Позже с развитием буржуазных начал и тенденций этот восторг перед делом Петра I сменится у Достоевского более трезвой оценкой после возвращения в Петербург из Сибири, за эти 10 лет свершился переход от крепостного общества к капиталистическому. Это, разумеется, вызвало в силу переходности эпохи 1860-х годов актуализацию мыслей об историческом процессе в России, о единстве исторического времени и вечности. Реформа 1861 года, поражение в Крымской войне, крестьянский вопрос – все это вызвало подъем национально-исторического самосознания народа. И снова с реформами 1861 года сопоставлялись реформы Петра I. У Достоевского это реализовывалось в его рукописном наследии записных книжек и тетрадей 1860—1881 гг.

Как читатель и журналист Ф. М. Достоевский с детства, будучи поклонником «Истории государства Российского», продолжает интересоваться актуальными для пореформенной эпохи сочинениями историков.

На страницах журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» печатаются исторические документы и статьи. Особый интерес Ф. М. Достоевского вызывает петровская реформа. Еще к 1860 году относятся замечания писателя на статью М. И. Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович», напечатанную в «Русском слове» № 1. Замечания Ф. М. Достоевского обнаруживают его критическое отношение к приемам исторического исследования Семевского и к его приемам в обрисовке Петровского времени.

В. С. Нечаева отмечает: «Через все “Замечания” проходит ясно выраженное желание автора (Ф. М. Достоевского. — Прим. Е. А.) защищать Петра и его дело от грубых выпадов Семевского, попытка уличить историка при помощи им же публикуемого материала в несправедливости возводимых на Петра обвинений в жестокости, “кровожадности”. Ф. М. Достоевский доказывал терпимость Петра, приводя ‘‘вольнодумное, дерзкое’’ слово Стефана Яворского и удивляясь, “как могли эти люди говорить такие речи при грозном кровопийце (как Петр), перед которым, по выражению того же Семевского, Иван Грозный – романтик. Значит, могли же говорить при Петре, во всеуслышание про Петра такие дерзости. Почему же могли? Была же причина! Какая? Или Петр позволял высказывать правду, или Стефан Яворский опирался на что-нибудь, чтоб не бояться. На что же? На силу царевича Алексея, на партию его; но Семевский прямо говорит, что не было партии никакой”» (Нечаева, 1972, с. 201—202).

Замечания Ф. М. Достоевского доказывают, что у Алексея была партия и что у него было стремление разрушить дело Петра. Писатель приводит отрывки из письма Алексея Цезарю, он пишет: «Слова ясные, понятно, каким образом царевич понимал и ненавидел Петра и реформу его; ясно, что по воцарению он повернул бы все на старый лад» (Нечаева, 1972, с. 202).

«Достоевский негодует на Семевского за то, что он не объективен в оценке исторических свидетельств в отношении Петра и Алексея: “Почему все, что говорит против Алексея, — даже самое вероятное, — ложно, а все против Петра — правдиво”. В то время как Семевский видел “пример бесчеловечия Петра” в том, что он в день пыток Алексея издал два указа, не имеющих отношения к этому делу. Достоевский писал: “Это может быть идет к величию Петра. На троне вечный был работник. Без него никто ничего не делал, следовательно, ему надобно делать. Это был железный человек, жестокий – положим. Но ведь этот родной сын шел против него. Петр как гений видел одну цель – реформу и новые порядки. Ему беспрерывно были преграды, его раздражали... Не за бунт вооруженный казнил Петр Алексея, а за то, что ужасался передать свое царство ему и погубить все свое дело. Реформа была Петру дороже сына, и он, казнил его. В том, что Алексей погубит ее, он не ошибался...”» (Нечаева, 1972, с. 202).

Достоевского справедливо возмущает то, что историк «смотрит на Петра, как на личного своего врага», что ссылается на свидетельства, которые сам считает сомнительными, а порой подтасовывает факты. Писатель заканчивает замечания так: «Историк может ли так сознательно себе противоречить?» (Нечаева, 1972, с. 202).

Эта критика недобросовестности Семевского не помешала публикации во «Времени» его многочисленных статей, возможно, здесь сказывалось влияние А. Григорьева и Н. Страхова как более последовательных «почвенников».

Во «Времени» в 1862 году печаталась статья П. Пекарского «Петровская опека над русским умом», представляющая собой пересказ и разбор его исследования «Наука и литература в России при Петре Великом», название дано редактором. Автор указывает на отсутствие «принципа свободы» в просветительских мерах Петра I, все решалось волей царя, отсюда преобладание внешних форм и широкое привлечение иностранцев, среди которых часто преобладали авантюристы, выдающие себя за ученых. Это подавляло русскую мысль, мешало ее самобытности. Образование при Петре понималось как приготовление к службе и носило прилагательный характер[1].

К этой теме Ф. М. Достоевский будет возвращаться в «записных тетрадях». Однако журнал «Время» защищает петровские реформы и стремление к европейскому просвещению.

В 1872 году Россия отмечала 200-летие Петра I. Ф. М. Достоевский задумывает юбилейную статью, к сожалению, так и неосуществленную. Писатель делает в записных тетрадях ряд замечаний о новых чертах, которые принесли реформы Петра I, изменения касались сословных, экономических, нравственных сторон жизни страны. Например: «Церковь в параличе с Петра Великого». Так Достоевский начинает тему роста бюрократизации русской жизни, отмечая, что священники стали превращаться в чиновников от правительства (Литературное наследство, 1971, с. 292).

Достоевский считал, что «с петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как на Западе» (Литературное наследство, 1971, с. 273). Очень серьезную претензию предъявляет писатель Петру I, обвиняя реформы в сверхцентрализации, сковывающей активность и энергию: «Наше Петром Великим отученное от всякого дела общество» (Литературное наследство, 1971, с. 293).

Выдвинув в журнале «Время» концепцию так называемой «почвы», писатель связал ее с преобразованием Петра. По его мнению, петровская реформа была для России исторической необходимостью, так как старая московская Русь изжила себя, была в кризисе. Но преобразования Петра были навязаны народу деспотически, насильственно, а потому были вредны по способам осуществления. Они вырыли пропасть между правящими классами и народом, привели к мучительному и болезненному отрыву культуры образованных слоев от народной «почвы». Это было до определенного времени исторически оправдано тем, что русской интеллигенции надо было освоить наследие европейского просвещения и мысли, стать полноправной участницей процесса развития общечеловеческой культуры. Но после петровских реформ необходимо преодолеть вековой разрыв с народом, соединиться с ним, — возвратиться к родной «почве». Уничтожение сословных перегородок позволит вернуться к нравственным ценностям народа, к правде и справедливости (Литературное наследство, 1971, с. 293).

Ф. М. Достоевский считал, что все реформы Александра II противоположны реформам Петра Великого: освобождение крестьян прямая противоположность взгляду Петра на русский народ как на материал, платящий подати.

Достоевский пишет: «Классическое образование, наконец, прямая противоположность взглядам Петра на образование, никогда не возносившимся дальше техники и насущной полезности, требовавшему мичманов, литейщиков, кузнецов, слесарей и проч. и даже не ставившему никогда и вопроса о том, что такое человек образованный. Нынешнее царствование решительно можно считать началом конца петербуржского периода (столь длинного) русской истории. (Задыхание России в тесных петровских реформах.)» (Литературное наследство, 1971, с. 312).

Высоко оценив деяния Петра I, Достоевский здесь не историчен, требуя невозможного в ту эпоху. Однако конец петербургского периода почувствован верно.

Далее Достоевский отмечает: «Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотелей. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудность мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (renaissance, 15-е столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатание, порох <...> и расширением человеческой мысли (открытие Америки, реформация, открытия астрономические и проч.).

[1]См. об этом: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., Наука, 1972, с. 203.

Мир ожидают в весьма скором времени страшные новости и перемены. <...> Не столь Петр Великий виноват, сколько его хвалители... <...> ...но слава военная и сила наша не пошли нам в прок, именно по узости мысли, не могшей развиться в народный взгляд и оторвавшейся от народа...» (Литературное наследство, 1971, с. 312–313). Именно широта культурологического контекста позволяет писателю – мыслителю понять уникальность пути России.

От высокой оценки реформ Петра I Достоевский переходит к раздумьям об их последствиях и настаивает на самостоятельности русского пути.

Завершается тетрадь любопытным прогнозом: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением. Все в будущем столетии. Сильных держав не будет, все силы будут разрушены междоусобной борьбой демоса с высшими. Надо быть России готовой...» (Литературное наследство, 1971, с. 430–431).

Полемика о Петре I идет несколько десятилетий в середине XIX века. В его реформах многие видят причину упадка дворянства. Л. Н. Толстой, задумавший, но не осуществивший роман из петровской эпохи, видит в этом времени «весь узел русской жизни» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100). Однако Л. Н. Толстой отказывается от замысла этого романа, так как считает, вслед за Кавелиным, что «Мы до сих пор продолжаем относиться к нему как современники, любим его или не любим, превозносим выше небес или умаляем его заслуги: но число его поклонников редеет, а число порицателей растет. Нас вводит в заблуждение темперамент преобразования, оригинальная, своеобразная форма, приданная ей необыкновенной личностью Петра» (Ф. М. Достоевский, 1930, с. 100). Л. Н. Толстой разочаровался в Петре как личности и работа над романом в 1873 году остановилась. Утверждая приоритет «истории искусства как метода ведущего в глубь явления» Толстому не хватило объективности и философского подхода к личности и реформам Петра I. Ища нравственный смысл явления, Л. Н. Толстой слишком тесно связал личность Петра I с вопросом «что мы такое и куда идем». (Эйхенбаум, 1974, с. 108). Ф. М. Достоевский был более историчен. Здесь ему помогало уникальное образование как гуманитарное, так и военно-инженерное. А также сибирское десятилетие дало знакомство с азиатской Россией. При переезде через Урал писатель остро переживает границу Европы и Азии, видит судьбу России в Азии, осмысляет планетарно роль огромной империи России, созданной Петром I.

Выводы

Достоевский справедливо считал, что без реформ Петра I многое бы в жизни России «осталось немым», «не мертвым, но живущим без голоса», ибо именно европейское образование пробудило в русском обществе самобытное мышление, которое стало проявляться во всех сферах науки и искусства. «Наша политическая идея, завещанная еще Петром I, оправдалась всеми»[1]. Недаром Т. Н. Грановский писал: «Петр I дал нам право на Историю и едва ли не один заявил наше историческое призвание... 130 лет Петр ждет себе ценителя». О начавшейся еще в древности противоположности России и Европы, которую обострили реформы Петра, Достоевский замечает: «Для Европы Россия одна из загадок Сфинкса... Хотя европейцы и уверены, что они нас давно постигли, писатель отмечает «беспредельное высокомерие европейцев перед русскими». Предсказывая будущее, Достоевский прогнозирует: «Русская идея м. б. будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях, что м. б., все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности».

Подводя итоги, хочется сказать, что писатель не просто высоко оценивает деятельность и характер Петра I, но выходит к постижению тенденций исторического развития переходного времени реформ Петра I. Достоевский, тем самым, формирует национальное историческое самосознание. Вот как определяет он результаты петровских реформ: «реформа Петра I оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела... при тех реформаторских приемах, которые употреблял Петр I, преобразование не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека: ошибка

[1]Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Л., 1978. С. 208.

Петра I — он захотел сразу — за одну свою жизнь — переменить нравы, обычаи, воззрения русского народа. Мы чрезвычайно ошиблись бы, если бы подумали, что реформа Петра принесла в нашу русскую среду общечеловеческие западные элементы. У нас водворилась страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия — чиновничество. Народ и остался таким же, каким был до реформы. ‘‘Окно в Европу’’, из которого образованная публика видела не то, что нужно, училась не тому, чему должна была учиться... Петровская реформа принесла характер измены нашей народности, нашему народному духу. Петр вырос на русской почве, в русском воздухе носились задатки реформационной бури, и в Петре I сосредоточилось это пламенное желание – дать новое направление нашей исторической жизни... Одна идея Петра была народна. Но Петр I, как факт, был в высшей степени антинароден... В переходные эпохи – есть желание выйти из прежнего порядка вещей, но как и куда идти – плохо осознается и понимается.

Теперь разъединение оканчивается. Петровская реформа дошла наконец до последних своих пределов. Все, последовавшие за Петром, узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами. Мы и не можем быть европейцами, мы не в состоянии втиснуть себя в одну из форм западной жизни. Мы – отдельная национальность, в высшей степени самобытная и наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, взятую из почвы нашей, из народного духа и из народных начал. Мы не отказываемся от нашего прошедшего: мы сознаем и разумность его. Русская идея будет синтезом всех идей Европы. Мы вступаем в новую жизнь» (Литературное наследство, 1971, с. 432).

Источники

Берковский Н. Я. (1975) О мировом значении русской литературы. Л., Наука, 184 с.
Вестник Европы (1866). Т. 2. 722 с.
Литературное наследство (1971) Том 83. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. М., Наука, 728 с.
Лихачев Д. С. (1969) Первые семьсот лет русской литературы. Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., Художественная литература, 800 с.
Нечаева В. С. (1972) Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., Наука, 370 с.
Ф. М. Достоевский об искусстве (1973) М., Искусство, 632 с.
Ф. М. Достоевский. Письма 1867—1871 (1930). В 4 т. Т. 2. М., Л., Гиз, 619 с.
Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы (1924) Сборник второй. Л.—М., Мысль, 590 с.

References

Berkovsky N. Ya. (1975) O mirovom znachenii russkoy literatury [On the global significance of Russian literature]. – Leningrad, Nauka Publ., 184 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy ob iskusstve (1973) [F. M. Dostoevsky about art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 632 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy. Pis'ma 1867–1871 (1930) [F. M. Dostoevsky. Letters 1867–1871. In 4 volumes. Vol. 2.] Moscow – Leningrad, Giz Publ., 619 p. (In Russian).
F. M. Dostoyevskiy. Stat'i i materialy (1924) [F. M. Dostoevsky. Articles and materials]. Collection two. Leningrad – Moscow, Mysl Publ., 590 p. (In Russian).
Likhachev D. S. (1969) Pervyye sem'sot let russkoy literatury [The first seven hundred years of Russian literature]. Izbornik (sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi) — Izbornik (collection of works of literature of Ancient Rus'). Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 800 p. (In Russian).
Literaturnoye nasledstvo (1971) Literary heritage. Volume 83. Unpublished Dostoevsky. Notebooks and notebooks 1860-1881.]. Moscow, Nauka Publ., 728 p. (In Russian).
Nechaeva V. S. (1972) Zhurnal M.M. i F.M. Dostoyevskikh «Vremya» 1861 – 1863 [Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky “Time” 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 370 p. (In Russian).
Vestnik Yevropy (1866) T. 2. [Bulletin of Europe], vol. 2, 722 p.

Информация об авторе

Акелькина Елена Алексеевна
Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: elena.akelkina51@yandex.ru

Autor’s information

Elena A. Akelkina
Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: elena.akelkina51@yandex.ru

УДК 821.161.1 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.4
Научная статья

А. А. Смагина[1]
✉ smaginaanya@mail.ru
[1]Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Мировоззренческие истоки идеи Вечной Женственности в прозе Даниила Андреева

Аннотация: В статье рассматривается связь ярких феноменов Серебряного века с книгой Д. Андреева. Мистическое двоемирие, мировое всеединство В. Соловьева, синтез искусств, ощущение рубежности и выход за границу перекликаются с мыслью Д. Андреева о диффузном мире, в котором «трансфизические слои» сосуществуют с физическими, образуя целостную систему взаимодействия. Поиск новой художественной выразительности, новой веры в меняющихся социальных условиях середины XIX – начала XX века продолжаются в романе Д. Андреева, вопросы эстетики нового искусства, устройства общества и мира, поставленные символистами, находят ответы в «Розе мира». В книге чувство Мирового Женственного Начала, как называет его Д. Андреев, подвергается анализу и детальной проработке. Начало, Святая София, Материнское Начало, Божественная Женственность – лишь немногие имена, отражающие «Её». Она, сияющая Вечной Женственностью (В. Соловьев), запечатленная в образе Прекрасной дамы (А. Блок), трансформируется в образ Навны (Д. Андреев) – души и праведности нашего мира, близкой к образу Богоматери. Музыкальность мира, слов, художественных текстов выходит на новый уровень осознанности – Д. Андреев как бы переводит с языка высших сфер, играет со звуками человеческого языка, не приспособленными к изъяснению истин, чтобы приблизить значения сказанного к «невыразимому». Таким образом, главы «Розы мира», посвященные истории русской литературы, возможно считать текстом, поэтика и творческие установки которого соотносятся с поэтикой Серебряного века, являясь его художественным продолжением.

Ключевые слова: Серебряный век, Роза мира, Даниил Андреев, Вечная Женственность, синкретизм, новое религиозное сознание, Вл. Соловьев, А. Блок.

Дата поступления статьи: 15 мая 2023 г.

Для цитирования: Смагина А. А. (2024) Мировоззренческие истоки идеи Вечной Женственности в прозе Даниила Андреева. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 39–47. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.4.

Scientific article

A. A. Smagina[1]
✉ smaginaanya@mail.ru
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

“Rose of the world” by Daniil Andreev in the context of Silver Age culture

Abstract: The article researches the connection between the bright phenomena of the Silver Age and the book by D. Andreev. The mystical duality, the world unity of V. Solovyov, the synthesis of arts and the sense of frontiers and going abroad echo D. Andreev’s idea of a diffuse world in which “transphysical layers” coexist with physical ones, forming an integral system of interaction. The search for a new artistic expression, a new faith in the changing social conditions of the mid – XIX and early XX centuries continues in the novel by D. Andreev. The questions of aesthetics of the new art, the structure of society and the world posed by symbolists find answers in the “Rose of the World.” In the book, the feeling of the World Feminine Principle, as D. Andreev calls it, is analyzed and elaborated in detail. The Beginning, Saint Sophia, the Maternal Principle, and Divine Femininity are just a few names that reflect “Her”. She, shining with Eternal Femininity (V. Solovyov), baked in the image of a Beautiful Lady (A. Blok), is transformed into the image of Navna (D. Andreev), the soul and righteousness of our world, close to the image of the Mother of God. The musicality of the world, words, and artistic texts reaches a new level of awareness. D. Andreev, as it were, translates from the language of the higher spheres, plays with the sounds of the human language, not adapted to the explanation of truths, to bring the meaning of what was

© А. А. Смагина, 2024

said to the "inexpressible." Thus, the chapters of The Rose of the World devoted to the history of Russian literature can be considered a text whose poetics and creative attitudes correlate with the poetics of the Silver Age, being its artistic continuation.

Keywords: Silver Age, Rose of the World, Daniil Andreev, Eternal Femininity, syncretism, new religious consciousness, V. Soloviev, A. Blok.

Paper submitted: May 15, 2023.

For citation: Smagina A. A. (2024) "Rose of the world" by Daniil Andreev in the context of Silver Age culture. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 39–47. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.4.

Введение

Серебряный век – эпоха, которая ознаменовала единение двух противоборствующих социальных и культурных тенденций: к единству и обособлению.

Синкретичность, характерная для первобытного искусства, вновь заявляет о себе в текстах, создаваемых в эпоху Серебряного века. Одним из главных инструментов символизма считается музыкальность, музыка в двух ее значениях: техническом и энергетическом, акмеизм преклоняется перед предметностью, объемными видами искусства: архитектурой, скульптурой, а футуризм сближается с живописью и изобразительным искусством.

Для полноты постижения мира литература стремится говорить не только на языке искусства. Параллельно с поэзией Серебряный век формировал прозу нового типа (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый). Язык стал инструментом для воплощения ритмизации текста, инструментом стилизации, способом для накопления литературных и исторических отсылок, философских идей.

Одним из центральных образов для текстов Серебряного века становится София, в инвариантах: Мать, Незнакомка, Богоматерь. Идея Вечной Женственности, женского начала мироздания захватывает русских философов (Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев), писателей (А. Блок, Н. С. Гумилев, С. Есенин). Проблема поиска ускользающего, туманного, непроявленного женственного начала усиливается в умах интеллигенции и стремится к разрешению.

Концепция Вл. Соловьева, Н. А. Бердяева, А. Блока в части Вечного Женского начала близка концепции Женственности Д. Андреева. Цель настоящей работы – выявить конкретные элементы пересечения концепций Д. Андреева и концепций, популярных в эпоху Серебряного века. Научная новизна работы заключается в попытке доказать глубокое влияние эстетики Серебряного века на Даниила Андреева (сына Леонида Андреева), создавшего произведение «Роза мира». Источником материала в настоящей работе служит сам колоссальный труд автора, его поэма «Русские боги», тексты художественных произведений А. Блока, философия Вл. Соловьева, Н. А. Бердяева.

Методы

В отечественной научной традиции эпоха Серебряного века имеет несколько устойчивых наименований: настоящий культурный Ренессанс (Н. Бердяев, 2008), особая социокультурная среда (Котенева, 2014), взрыв, хронотоп культуры (Шибаева, 2014), субкультура (Дубинская-Джалилова, 1990), а также пространные описания и эпитеты (феномен мысли, небывалый взлет духа), характеризующие литературное явление с феноменальным единством противоположных тенденций.

Черты, выделяемые как главные характеристики Серебряного века, в основном аккумулируются вокруг многообразия эстетических принципов того времени: с одной стороны, мистицизм, двоемирие, кризис духовности и совести, ощущение хаоса, дисгармоничных отношений человека и окружающего мира, с другой – созидание нового искусства, стремление к всеединству, Красоте и Женственности, построению новой картины мира.

Изучение творческих подходов и методов художников слова Серебряного века интересно тем, что прослеживаются общие закономерности. Так, младосимволисты, следовавшие за Владимиром Соловьевым, взявшие его философию за основу своего мировоззрения, стали провожатыми в этот таинственный мир гармонии и целостности.

Отрицая мистический символический взгляд на мир, акмеизм и футуризм продолжали следовать по уже известному пути. Так, теория всеединства Соловьева, изложенная в его поэтических и философских текстах («София» 1875 г., «Смысл любви» 1894 г., «Das Ewig-Weibliche» 1898 г., «Три свидания» 1898 г.), стала мощным культурным кодом, усматриваемым в художественных текстах каждого из течений Серебряного века. В ней говорится о единстве, искусстве без отрыва от нравственности, то есть без отрыва от божьего замысла, о единстве и неразделимости истины, о двоемирии, в котором все материальное находится на низшей ступени, а подсознательное – на высшей, таким образом заключая иерархическую систему между элементами. Символ, согласно этой теории, может иметь бесконечное множество смыслов, так или иначе единых. В единстве смысла, морали, мира, всего живого есть образ Софии, как воплощение истины, вечной женственности и любви, дающей первоначало миру.

Младосимволисты видели образ Софии в Прекрасной Даме, а символисты и футуристы, в разной степени и обособленно друг от друга, трактовали страшные исторические события, современниками которых они являлись, как столкновение высших сил, инфернальных, метафизических.

В рамках настоящей статьи базовыми исследовательскими методами являются: сравнительный анализ текстов, созданных в период Серебряного века, и произведения «Роза мира» Д. Андреева, а также текстов, которые являют собой различные явления литературы (художественные тексты Леонида Андреева, А. Блока, текст «Розы мира» и «Русских богов» Даниила Андреева, философские трактаты Вл. Соловьева и Н. А. Бердяева); герменевтический метод для толкования темных мест труда Д. Андреева; биографический метод, примененный как инструмент сравнения жизненного пути Леонида и Даниила Андреевых для доказательства существования общей мировоззренческой основы и влияния отца на творчество сына.

Результаты

«Мы – свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет» (Цит. по: Экштут, 2012). Эти слова С. П. Дягилева симптоматичны для культуры и общественной жизни эпохи Серебряного века.

Ощущение рубежности, эпохи подведения итогов и прихода нового начала в общественной жизни проявлялось в том числе во взлете интереса к пограничным состояниям: в научной сфере академик И. П. Павлов изучает летаргические состояния и описывает больного, с 1896 по 1918 год находившегося в состоянии «живого трупа»; но вместе с этим усиливается тяга к оккультизму, огромным интересом пользуются спиритические сеансы, магия и тайные общества становятся спутниками культурной жизни эпохи Серебряного века, духовные учителя и наставники говорят о жизни за пределами реальности.

Выход «за границу» наблюдается и в литературе: художественное слово становится большим, чем просто слово, – символом. Поэты-акмеисты пытаются очистить слово от наслоенных смыслов и придать ему первоначальное идеальное значение, футуристы стремятся переступить через грань современности и построить новое искусство.

В «Розе мира» ощущение выхода за границу постулируется самим автором. К примеру, говоря о трансцендентном опыте получения знаний о мире, Д. Андреев нередко упоминает переход в иное физиологическое состояние. Подобные состояния известны в философии и биологии: холотропное дыхание, кататонические состояния, визионерский опыт. Д. Андреев четко описывает возможности чувствовать мир для человека с открытыми к выходящему за пределы бытового познания духовными органами, и без таковых. Так, Д. Андреев описывает трансцендентный опыт познания: «Видел ли я их самих во время этих встреч? Нет. Разговаривали ли они со мной? Да. Слышал ли я их слова? И да, и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца. Многие слова их, особенно новые для меня названия различных слоёв Шаданакара и иерархий, я повторял перед ними, стараясь наиболее близко передать их звуками физической речи, и спрашивал: правильно ли? Некоторые из названий и

имен приходилось уточнять по нескольку раз; есть и такие, более или менее точного отображения которых в наших звуках найти не удалось» (Андреев, 2020).

Вся книга «Роза мира» пронизана предчувствием наступления нового будущего для мира. Это будущее автор описывает не всегда положительно, достаточно реалистично предполагая, что зло в человеке может победить, и Навна – светлая душа, томящаяся под цепями темных существ, – никогда не прольет свой свет на человечество. Однако же в том, что наступает новое время, Д. Андреев уверен. Новое время пробивается через человеческое сознание, изменение поведения, изменение картины мира, видимой человеком. Процесс такого масштаба глубок и долог, поэтому Д. Андреев не «слышит музыку революции», как это было у А. Блока, а чувствует мелкие движения в культуре и духовной жизни общества, складывая из них целостную картину приближения человечества к освобождению нежной и доброй народной души (в терминологии Д. Андреева – Навны) и обретению вечной благодатной любви, идущей от космического начала Вечной Женственности (в терминологии Д. Андреева – топоса Звенты-Свентаны).

«В самых причудливых и разнообразных формах русская душа выражает свою заветную идею о мировом избавлении от зла и горя, о зарождении новой жизни для всего человечества», – писал Н. А. Бердяев (Бердяев, 2019). Избавление от мирового зла Д. Андрееву представляется посредством обретения человечеством любви. Навна и Звента-Свентана – провожатые к этой любви – ключевые положительные образы книги. Д. Андреев уделяет большое внимание описанию чистой, благородной и искренней любви, которая не имеет отношения к низменной страсти между мужчиной и женщиной. По его мнению, искреннюю любовь, сравнимую с любовью Бога, благодатью и светом, может испытать только женщина в отношении своего ребенка. Человечество, как считает Д. Андреев, должно научиться такой любви, чтобы преодолеть все темные стороны жизни, которые поджидают человека. И в описании искренней, божественной любви Д. Андреев раскрывает ключевую идею всего своего труда – идею всепорождающего, всеобъединяющего и всепрощающего женского начала – идею, практически повторяющую идею Вечной Женственности, имевшую огромную популярность в эпоху Серебряного века. Образ Навны, заключенной в центре земли, остерегаемой темными существами, как в заключении, совпадает с символистским ощущением женских образов Ф. М. Достоевского: мировая душа, заключенная в объятиях мирового хаоса и страдающая в них.

Философская мысль Серебряного века рассматривала мужское и женское начала с позиции «космических и метафизических принципов» (Мазина, 2009). Д. Андреев пишет: «Выявляясь вовне, Единый проявляет некую присущую Ему внутреннюю полярность. Сущность этой полярности внутри Божества для нас трансцендентна. Но, выявляясь вовне, она воспринимается нами, как полярность двух друг к другу тяготеющих и друг без друга не пребывающих начал, извечно и присно соединяющихся в творческой любви и дающих начало третьему и завершающему: Сыну, Основе Вселенной, Логосу. Истекая во вселенную, божественность сохраняет эту присущую ей полярность; ею пронизана вся духовность и вся материальность вселенной» (Андреев, 2020). Для Д. Андреева женственность – понятие планетарное, основа которого лежит за рамками человеческих характеристик. «...в учении о Троице и о Женственном аспекте Божества наличествует не перенесение “слишком человеческого” на сферы горние, а, напротив, понимание объективной полярности наших слоёв – мужского и женского начал – как проекции непостижимой для нас полярности в существе Бога» (Андреев, 2020). Таким образом, женственность, как и мужское начало, по мнению Д. Андреева, зародилась еще до появления человечества, и как явление космического характера может быть присуще людям, как и другим объектам вселенной.

Культуре Серебряного века принадлежит трактовка Д. С. Мережковского фразы Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир»: «Мир спасет Мать». У Д. Андреева – Мать Логоса и женское начало Божества равно любви, которая облагородит человечество.

Вечно женское в философии Вл. Соловьева дополняет софиологию метафизикой «положительного Всеединства», включая проблему соотношения Единого и многого в составе едино-троичного абсолютно-сущего (Кузнецова, 2013). Всеобъединяющее женское начало ведет к нераздели-

мости истины, красоты и идеального (к чему должно стремиться), что, в свою очередь, определит гармоничность мира, где искусство, мораль и знание едины. Гармонии возможно достичь через единство, однако же четкого осмысления того, почему София совпадает с образом Вечной Женственности, у Вл. Соловьева не находим. Более того, такое понимание Софии противоречит христианским догмам, которые не приемлют единство Творца и твари.

Д. Андреев вслед за Вл. Соловьевым снимает это противоречие, объясняя, что в христианстве «никакого переноса человеческих категорий на Божество нет, а есть нечто принципиально обратное. Единство Божие не подвергается, разумеется, ничьему сомнению: наивно было бы искать здесь возвращения ко временам Карфагена, Ура или Гелиополиса. Ипостаси – это различные выявления Единой Сущности вовне; это – то, как открывается Она миру, а не какою пребывает в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе; поэтому ипостаси не могут быть приняты ни в коем случае за иллюзии или за аберрации нашего сознания» (Андреев, 2020). В основе всякого рождения, как процесса творчества, лежит любовь как проявление (выражение, а не отражение) полярных сторон Божества и обязательного присутствия в нем женского начала. Любовь заполняет все вокруг, мир вещный и духовный, все его «слои» скрепляются любовью. Так, идея Всеединства Вл. Соловьева существует в концепте мироздания Д. Андреева.

Литературные труды и философия Вл. Соловьева восхищали одного из самых ярких представителей культуры Серебряного века А. Блока. Еще в юношеские годы увлекшись сочинениями философа, поэт воплотил его идеи в творчество, которые будут неразрывно связаны с идеями Вечной Женственности: «Здесь, в связи с острыми мистическими и романтическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Вл. Соловьева» (Блок, 1962, т. 1, с. 85.).

А. Блок называет его учителем и с помощью его стихотворений раскрывает сущность дара и проклятия символиста – видения бесчисленного множества миров, пурпурных и лиловых, не похожих на реальность, но имеющих сильное на нее воздействие. Все иные миры, которые видит художник, – видения. Они мучительны, как мучителен крест художника-теурга. «Миры, предстающие взору, в свете лучезарного меча становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти слова» (Блок, 1923, с. 184). Миры-видения могут нахлынуть спонтанно, обдать лиловым жаром. В этом контексте интересна трактовка главного женского образа поэзии А. Блока. Стихи, раскрывающие культ служения Незнакомке, сходны с рыцарским отношением к женщине, Прекрасной даме. Женственность, отраженная в поэзии А. Блока и аккумулирующая свои характеристики в образе Незнакомки, прекрасной, ускользающей и манящей, являет собой сущность сквозящих через реальность иных миров, открывающихся художнику-вестнику. «Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это – дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона; но всякий делает то, что ему назначено» (Блок, 1923, с. 187).

В контексте настоящего исследования мы можем констатировать, что идея Женственности Д. Андреева пересекается с блоковским пониманием Незнакомки. В «Розе мира» описаны видения автора, в которых он духовными органами чувств ощущает иные сквозящие миры, отличные от реальности, но связанные с ней. Этот мир обязан своим существованием Волнам Женственности, которые создают и наполняют его. Великие сестры – сущности иной реальности, в которых сквозят миры. Их нельзя увидеть или представить полностью, они находятся за гранью возможного понимания, их поступки или присутствие можно только почувствовать.

Интересен и еще один аспект близости идей Д. Андреева и А. Блока – идея возмездия. «Возмездие» – так называется поэма А. Блока, в которой читатель видит смену поколений одного рода, преследуемого злой судьбой, возмездием времени. Каждый следующий отпрыск семьи становится сильнее предыдущего, может огрызаться и совершать возмездие веку, причинившему зло семье. Известно предисловие к поэме, написанное самим автором. Нам интересны следующие строки: «Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и

народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий "демон", первая ласточка "индивидуализма", человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся fin de siècle» (Блок, 1922).

Знаменательным кажется нам факт того, что в поэме Д. Андреева «Русские боги» есть глава, совершенно по-блоковски именуемая «У демонов возмездия» (стр. 327). В своем оригинальном стиле Д. Андреев описывает муки человеческого посмертия. В описании 5 части главы «У демонов возмездия» находим фразу, перекликающуюся с А. Блоком: «Ни с чего другого, как с ужаса перед объемом совершенного зла, начинается возмездие для душ этого рода». В «Розе мира» Д. Андреев уточняет некоторые вещи, сказанные в «Русских богах». Так, в посмертии души перемещаются в «страдалища» согласно Закону Возмездия: «нарушение нравственных законов влечет за собой утяжеление эфирного тела совершившего» (Андреев, 2020). Конечно, в части описания местности и степени тяжести греха, которая ведет к определенной степени тяжести наказания, отсылка к поэме Данте Алигьери очевидна. Интересно то, что слово «возмездие» стилистически не подходит «Розе мира». «Страдалище», «страдание», «искупление» – вот понятия, часто используемые Д. Андреевым в тексте книги. Нам кажется, такой факт стилистического несоответствия может говорить о намеренной отсылке «Розы мира» к произведению «Русские боги», которое, в свою очередь, отсылает читателя к поэме А. Блока.

Наряду с Данте, Д. Андреев считал А. Блока вестником, художником, которому позволено пройти все самые темные слои посмертного мира, отразить их в творчестве для спасения многих и многих душ читателей и выйти из «страдалища» чистым, достойным верхнего мира Небесной России. Блок – один из самых любимых поэтов Д. Андреева. В «Розе мира» ему посвящена глава «Падение вестника», где трагедию жизни писателя Д. Андреев переживает как собственную, а в его стихах видит бесчисленные отблески демонических слоев. Еще в детстве, в доме Добровых, родственников со стороны рано умершей матери, писатель почувствовал внутреннее родство с поэзией А. Блока, человека, которого почитал его отец Леонид Андреев и который стал главным поэтом современности для Александры Филипповны, старшей дочери Добровых. «Близким знакомым Александра Блока был отец Даниила – писатель-символист Леонид Андреев, которому посвящена одна из лучших критических статей Блока. Так что под влиянием Блока и его родственника Коваленского, тоже поэта-мистика, прошло все становление Андреева-сына как поэта и мыслителя», – писал А. Г. Смирнов в своих воспоминаниях о Данииле[1].

Сам А. Блок в работе «Памяти Леонида Андреева» указывал на свою особую связь с молчаливым, милым и стеснительным при большом скоплении народа писателем: «Мы встречались и перекликались независимо от личного знакомства – чаще в "хаосе", реже – в "одиноких восторженных состояниях"» (Блок, 1922). Мистическое, тонкое ощущение действительности, подчеркнутое А. Блоком в работе, так нравилось Д. Андрееву. Он чувствовал в поэте вестника, провожатого душ в трансцендентные миры, называл его своим духовным учителем. Порой работы о революции или личных переживаниях А. Блока Д. Андреев воспринимал так чутко, как факты, случившиеся с ним самим. Так же чутко Д. Андреев относился и к творчеству отца, через которого, очевидно, и началось увлечение писателя культурой и идеями Серебряного века. «Андреев считал, что его проза значительнее поэзии, о чем он неоднократно говорил моему отцу: "Глеб, как прозаик, я достигаю плеча своего отца. Как поэт – я запоздалое дитя Блока, он ведет меня за руку"»[2].

И если в зрелом творчестве пантеон созерцателей двух бездн Д. Андреева занят Иоанном Грозным, Ф. М. Достоевским, М. Ю. Лермонтовым и А. Блоком, которые названы учителями, провожатыми и духовными наставниками, эстетика такого литературного вкуса определена была задолго до знакомства с ними. Творческие установки Л. Андреева феноменальным образом влияют на эстетику текстов Д. Андреева, между ними полное творческое взаимопонимание, даже в вещах абсолютно противоположных наблюдаем отсутствие борьбы. Творческие установки Андреева-старшего переходят в тексты Андреева-младшего: стремление к интеграции

[1]Смирнов А. Г. Даниил Андреев и его окружение. https://rozamira.nl/lib/ae/v4v.htm#469.
[2]Там же.

литературы и философии, притчеобразность повествования, отрицание эстетических канонов, что привело ко многим и многим размышлениям исследователей относительно литературного направления текстов Л. Андреева. Так, В. А. Келдыш описывал его творчество как «промежуточное» положение между реализмом и модернизмом, А. В. Татаринов называл его тексты «мифологическим реализмом» (Татаринов, 2001). «Дело в том, что я взял для пьесы совершенно новую форму – ни реалистическую, ни символистскую, ни романтическую, – что не знаю...» (Андреев, ...) – писал Л. Андреев Г. Чуйкову. О форме и литературном направлении главного труда Д. Андреева «Роза мира» также бытует много идей у разных исследователей. Вопросы, которые пытался решить в своих текстах Л. Андреев, находят ответы в текстах Д. Андреева; жизненные несостыковки и мысли о будущем, высказанные Леонидом, поворачиваются в противоположную сторону Даниилом. В одном из писем М. Горькому Л. Андреев пытался описать музыкальный строй будущих эпох: «И почему-то мне кажется, что музыка будущего будет заключаться не в гармонии, а в роскошнейшей дисгармонии» (Литературное наследство, 1965, с. 196). И если двойственность жизни, дисгармоничность бытия, противоречия как основа отражения жизни в творчестве характерны для Л. Андреева, то Д. Андреев пишет о способах преодоления этих парадоксов бытия, об абсолютной гармонии всеединства, которую подарит человечеству новая религия – Роза мира.

Выводы

Унаследованное от отца ощущение эпохи Серебряного века, на наш взгляд, укрепилось в Д. Андрееве в раннем детстве и на всю жизнь. Детские воспоминания, образ жизни дома Добровых формировали взгляд на жизнь юного писателя, знакомство семьи с А. Блоком и любовь к его произведениям не могли не отразиться на личности и судьбе Д. Андреева. Не только в жизни, но и в литературном творчестве он называл Блока вестником, способным видеть и горний мир, и самые темные стороны потустороннего мира, занимающим одно из первых мест в ряду гениальных и одаренных писателей Серебряного века и всей истории русской литературы. Увлечение философией также сказалось на взглядах писателя: очевиден диалог «Розы мира» с учением Вл. Соловьева. Рубежность жизни как рубежность культуры, мистическое и трансцендентное в реальности и литературе, пройдя через осмысление деятельности отца – знаменитого писателя Леонида Андреева – и воплотившись в творчестве, легли на основу стремления к целостности, что привело к уникальному пониманию построения художественного мира и текста. Совершенно особенное ощущение Вечной Женственности, называемое Д. Андреевым разными именами и рассказанное в отношении новой религии человечества, конечно же, берет свое начало из ощущения эпохи Серебряного века. Д. Андреев вступает в полилог с А. Блоком, В. Соловьевым, Н. Бердяевым. Женственность (термин Д. Андреева), как одна из сторон божественного начала, способная спасти человечество, перекликается с образом Софии (В. Соловьев), образом женственного начала в русской идее Бердяева. Она – Женственность, бестелесная и антропоморфная одновременно, напоминает об отчаянных попытках В. С. Соловьева найти ее в разных городах и странах, о таинственности и прекрасности вечно ускользающего, будто в духах и туманах, образа Незнакомки Блока. Но образ Женственности Д. Андреева не мозаичен. Приняв во внимание уже сказанное, Д. Андреев как бы реконструирует всю историю соприкосновения Женственности и русской культуры на протяжении столетий. В этой тесной связи прекрасно видно, что женское начало семантически сближается с безусловной любовью, дарующей творческую потенцию. Так, упомянутые авторы, в свое время чувствующие образ Вечной Женственности, становятся не только рассказчиками о ней, но и блаженными, взаимодействующими с Любовью и своим творчеством приближающими человечество к новой «волне» женственности – царству Розы мира.

Источники

Андреев Д. Л. (2020) Роза мира. М., АСТ, 892 с.
Андреев Д. Л. (2006) Русские боги. Собрание сочинений в 4 т., том 1. М., Русский путь, 528 с.
Ахтырский Д. К. (2002) Символика вечной женственности в творчестве Даниила Андреева. Соловьевские исследования, № 2 (5), с. 89–102.

Бердяев Н. А. (2002) О новом религиозном сознании. В кн.: Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). М., Канон, 656 с.
Бердяев Н. А. (2008) Русская идея. СПб., Азбука-классика, 302 с.
Бердяев Н. А. (2019) Судьба России. М., Директ-Медиа, 287 с.
Блок А. А. (1922) Возмездие. Пб., Алконост, 111 с.
Блок А. А. (1922) Записки мечтателей. Пб., Алконост, 139 с.
Блок. А. (1923) О современном состоянии русского символизма. Собрание сочинений Александра Блока. Т. 6. Берлин, Алконост, с. 181–195.
Блок А. А. (1960) Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л., т. 1., 716 с.
Буланов В. В. (2013) К вопросу о завершении Серебряного века. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 6 (56), с. 57–62.
Ведерникова М. А. (2010) Временные рамки Серебряного века: проблемы периодизации. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 6 (38), с. 45–52.
Епифанцева Г. А. (2020) Эпоха Серебряного века. Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии, № 1, с. 33–38. https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-serebryanogo-veka
Котенева Н. В. (2014) Характеристика «Серебряного века» как социокультурной эпохи. Аналитика культурологии, № 30. https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-serebryanogo-veka-kak-sotsiokulturnoy-epohi.
Крохина Н. П. (2009) Синтез как основополагающий принцип культуры в русской мысли Серебряного века. Соловьевские исследования, № 4 (24). https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kak-osnovopolagayuschiy-printsip-kultury-v-russkoy-mysli-serebryanogo-veka.
Кузнецова В. В. (2013) София как образ вечной женственности в философии В. С. Соловьева. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, т. 13, вып. 2, с. 38–42.
Литературное наследство (1965). Том 72: Горький и Леонид Андреев. М., Наука, 630 с.
Мазина Е. И. (2009) Вечная Женственность как главная идея русской софиологии. Вестник Вятского государственного университета, № 1, т. 4, с. 130–132.
Нижников С. А. (2010) Метафизические истоки «Нового религиозного сознания» в культуре Серебряного века и его политические последствия. Пространство и время, № 2, с. 117–126.
Оцуп Н. (1994) «Серебряный век» русской поэзии. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. Статьи и воспоминания. СПб., Logos, 616 с.
Панфилова М. И. (2015) Ренессанс и его смыслы в философии Н. А. Бердяева. Terra Linguistica, № 4 (232), с. 99–107.
Ращевская Е. П. (2006) Софиология Даниила Андреева в контексте творчества Вл. Соловьева. Соловьевские исследования, № 2 (13), с. 173–189.
Рябов О. В. (1997) Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, Ивановский государственный университет, 157 с.
Сергеев Д. А. (2008) Поиск национальной идентичности в русском искусстве на рубеже XIX-XX веков (на примере деятельности С. Дягилева). Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 1, с. 249–251.
Серебряный век. Мемуары: сборник (1990). Сост. Т. Дубинская-Джалилова. М., Известия, 672 с.
Татаринов А. В. (2001) Леонид Андреев. В кн.: Русская литература рубежа веков, 1890-е – начало 1920-х гг. М., Наследие, кн. 2., с. 286–340.
Шибаева М. М. (2014) Серебряный век как специфический хронотоп культуры. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 6 (62), с.19–23.
Штанько Е. С. (2011) Тенденции развития и отличительные черты искусства Серебряного века. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 5 (43), с. 74–78.
Экштут С. А. (2011) Закат империи. От порядка к хаосу. М., Вече, 304 с.

References

Andreev D. L. (2020) Roza mira [The Rose of the World]. Moskow, AST Publ., 892 p. (In Russian).
Andreev D. L. (2006) Russkie bogi [Russian Gods]. Sobranie sochinenij v 4 t., tom 1. [Collected works in 4 v. Volume 1]. Moskow, Russkij put’ Publ., 528 p. (In Russian).
Akhtyrsky D. K. (2002) Simvolika vechnoj zhenstvennosti v tvorchestve Daniila Andreeva [The symbolism of eternal femininity in the works of Daniil Andreev]. Solovyov Studies, no. 2 (5), pp. 89–102 (In Russian).
Berdyaev N. A. (2002) O novom religioznom soznanii [About the new religious consciousness]. In: Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, social’nye i literaturnye (1900-1906) [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900-1906)]. Canon Publ., Moskow, 656 p. (In Russian).
Berdyaev N. A. (2008) Russkaya ideya [Russian idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 302 p. (In Russian).
Berdyaev N. A. (2019) Sud’ba Rossii [The Fate of Russia]. Moskow, Direkt-Media Publ., 287 p. (In Russian).
Blok A. A. (1922) Vozmezdie [Retribution]. Petersburg, Alkonost Publ., 111 p. (In Russian).
Blok A. A. (1922) Zametki mechtatelya [Notes of dreamers]. Petersburg, Alkonost Publ., 139 p. (In Russian).
Blok A. A. (1923) O sovremennom sostoyanii russkogo simvolizma [About the current state of Russian symbolism]. Sobranie sochinenij Aleksandra Bloka. T. 6 [Collected works of Alexander Blok. Vol. 6] Berlin, Alkonost Publ., pp. 181–195. (In Russian).

Blok A. A. (1962) Sobranie sochinenij: v 8 tomah [Complete works: in 8 volumes]. Moskow, Leningrad, vol. 1, 716 p. (In Russian).
Bulanov V. V. (2013) K voprosu o zavershenii Serebryanogo veka [To the question of the end of the Silver Age]. Bulletin of the Moscow State University of culture and arts, no. 6 (56), pp. 57–62 (In Russian).
Ekstut S. A. (2012) Zakat imperii. Ot poryadka k haosu. [The Decline of the Empire. From order to chaos]. Moskow, Veche Publ., 304 p. (In Russian).
Epifantseva G. A. (2020) Epoha Serebryanogo veka [The Era of the Silver Age]. Izvestiya of Velikiye Luki State Agricultural Academy, no. 1, pp. 33–38. https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kak-osnovopolagayuschiy-printsip-kultury-v-russkoy-mysli-serebryanogo-veka (In Russian).
Koteneva N. V. (2014) Harakteristika “Serebryanogo veka” kak sociokul’turnoj epohi [Characteristics of the “Silver Age” as a socio-cultural epoch]. Analitika kul’turologii – Analysis of Cultural Studies, no. 30. https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-serebryanogo-veka-kak-sotsiokulturnoy-epohi (In Russian).
Krokhina N. P. (2009) Sintez kak osnovopolagayushchij princip kul’tury v russkoj mysli Serebryanogo veka [Synthesis as the fundamental principle of culture in the Russian Thought of the Silver Age]. Solovyov Studies, no. 4 (24). https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kak-osnovopolagayuschiy-printsip-kultury-v-russkoy-mysli-serebryanogo-veka (In Russian).
Kuznetsova V. V. (2013) Sofiya kak obraz vechnoj zhenstvennosti v filosofii V. S. Solov’eva [Sofia as an image of eternal femininity in the philosophy of V. S. Solovyov]. Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, vol. 13, issue 2, pp. 38–42 (In Russian).
Literaturnoye nasledstvo [Literary Heritage] (1965). Tom 72: Gor’kij i Leonid Andreev [Volume 72: Gorky and Leonid Andreev], Moskow, Nauka Publ., 630 p. (In Russian).
Mazina E. I. (2009) Vechnaya Zhenstvennost’ kak glavnaya ideya russkoj sofiologii [Eternal Femininity as the main idea of Russian sophiology]. Herald of Vyatka State University, no. 1, vol. 4, pp. 130–132 (In Russian).
Nizhnikov S. A. (2010) Metafizicheskie istoki “Novogo religioznogo soznaniya” v kul’ture Serebryanogo veka i ego politicheskie posledstviya [Metaphysical origins of the “New Religious Consciousness” in the culture of the Silver Age and its political consequences]. Space and Time, no. 2, pp. 117–126 (In Russian).
Otsup N. (1994) “Serebryanyj vek” russkoj poezii . Okean vremeni: Stihotvoreniya; Dnevnik v stihah. Stat’i i vospominaniya [“Silver Age” of Russian poetry. Ocean of Time: Poems; Diary in verse. Articles and memoirs]. St. Petersburg, Logos Publ., 616 p. (In Russian).
Panfilova M. I. (2015) Renessans i ego smysly v filosofii N. A. Berdyaeva [Renaissance and its meanings in the philosophy of N. A. Berdyaev]. Terra Linguistica, no. 4 (232), pp. 99–107 (In Russian).
Raschevskaya E. P. (2006) Sofiologiya Daniila Andreeva v kontekste tvorchestva Vl. Solov’eva [The Sophiology of Daniil Andreev in the context of the work of V. Solovyov]. Solovyov Studies, no. 2 (13), pp. 173–189 (In Russian).
Ryabov O. V. (1997) Zhenshchina i zhenstvennost’ v filosofii Serebryanogo veka [Woman and femininity in the philosophy of the Silver Age]. Ivanovo, Ivanovo State University, 157 p. (In Russian).
Shibaeva M. M. (2014) Serebryanyj vek kak specificheskij hronotop kul’tury [The Silver Age as a specific chronotope of culture]. Bulletin of the Moscow State University of culture and arts, no. 6 (62), pp. 19–23. (In Russian).
Shtanko E. S. (2011) Tendencii razvitiya i otlichitel’nye cherty iskusstva Serebryanogo veka [Development trends and distinctive features of the art of the Silver Age]. Bulletin of the Moscow State University of culture and arts, no. 5 (43), pp. 74–78 (In Russian).
Sergeev D. A. (2008) Poisk nacional’noj identichnosti v russkom iskusstve na rubezhe XIX–XX vekov (na primere deyatel’nosti S. Dyagileva) [The search for national identity in Russian art at the turn of the XIX-XX centuries (on the example of S. Diaghilev’s activity)]. Bulletin of the Moscow State University of culture and arts, no. 1, pp. 249–251 (In Russian).
Serebryanyj vek. Memuary [The Silver Age. Memoirs] (1990). Collection, comp. T. Dubinskaya-Jalilova. Moskow, Izvestia Publ., 672 p. (In Russian).
Tatarinov A. V. (2001) Leonid Andreev [Leonid Andreev]. In: Russkaya literatura rubezha vekov, 1890-e – nachalo 1920-h gg. [Russian literature of the turn of the century, 1890s – early 1920s]. Moskow, Nasledie Publ., vol. 2., pp. 286–340 (In Russian).
Vedernikova M. A. (2010) Vremennye ramki Serebryanogo veka: problemy periodizacii [The time frame of the Silver Age: problems of periodization]. Bulletin of the Moscow State University of culture and arts, no. 6 (38), pp. 45–52 (In Russian).

Информация об авторе

Смагина Анна Андреевна
Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-2660-7217.
E-mail: smaginaanya@mail.ru

Autor’s information

Anna A. Smagina
Postgraduate. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2660-7217.
E-mail: smaginaanya@mail.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Филологические науки

УДК 82.09
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.5
Научная статья

И. О. Приходченко[1, 2]
✉ pisosenko@mail.ru

[1]Высший колледж имени М. Канапьянова НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана», г. Павлодар, Республика Казахстан
[2]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Локальный текст Павлодара в мемуарах А. В. Миля «Люди и судьбы. Воспоминания»

Аннотация: Статья посвящена актуальному направлению современного литературоведения, локальному тексту, в частности, его особенностям в литературной традиции изображения Павлодара. Исследование проведено на материале мемуаров «Люди и судьбы. Воспоминания» Абрама Вениаминовича Миля, который, проведя 1930-е годы в Павлодаре, описал свои воспоминания о жизни города в довоенное время. Изучение павлодарского локального текста в мемуарах Миля проведено в трёх аспектах: природно-географическом, хронотопическом, социально-бытовом. Основным методом в исследовании выступил анализ мотивов, в результате которого высказано предположение: литературный локальный текст Павлодара в прозе Миля базируется на двух тесно связанных пересекающихся лейтмотивах, а именно пограничность и провинциальность, которые выражаются в тексте в частных мотивах, воплощающих различные ипостаси населенного пункта: город-граница, город-край мира, город-сон, город-прошлое, город-деревня, город-тюрьма и другие. Выводы опираются на многочисленные цитаты из произведения. Статья представляет собой ранее никем не предпринятую попытку научного описания и анализа мемуаров А. В. Миля и, являясь одной из первых в рамках изучения павлодарского литературного локального текста, может послужить фундаментом для дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: образ города, локальный текст, провинция, Павлодар, мемуары.

Дата поступления статьи: 16 августа 2023 г.

Для цитирования: Приходченко И. О. (2024) Локальный текст Павлодара в мемуарах А. В. Миля «Люди и судьбы. Воспоминания». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 48—61. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.5.

Scientific article

I. O. Prikhodchenko[1,2]
✉ pisosenko@mail.ru

[1]Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan
[2]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The local text of Pavlodar in the memoirs of A. V. Mil' "People and Destinies. Memories"

Abstract: This article is devoted to the current direction of modern literary criticism, the local text, in particular, its features in the literary tradition of the image of Pavlodar. The study was conducted on the material in the memoirs "People and Destinies. Memories" by Abram Veniaminovich Mil, who, having spent the 1930s in Pavlodar, left unique memories of the city's life in the pre-war period. The study of the Pavlodar local text in Mil's memoirs was made in three aspects: natural-geographical, chronotopic and social-domestic. The main method in the study was the analysis of motives, as a result of which the assumption was made: the literary local text of Pavlodar in Mil's prose is based on two closely related intersecting leitmotifs, namely borderlinity and provinciality, which are expressed in the text through particular motives embodying various hypostases of the locality: city-border, city-edge of the world, city-dream, city-past, city-village, city-prison, and others. The conclusions are based on numerous quotations from the work. The article is an attempt at a scientific description and analysis of A.V. Mil's memoirs that has not been undertaken by anyone before and, being one of the first in the framework of the study of the Pavlodar literary local text, can serve as a foundation for further research in this area.

© И. О. Приходченко, 2024

Keywords: image of a city, local text, province, Pavlodar, memoirs.

Paper submitted: August 16, 2023.

For citation: Prikhodchenko I. O. (2024) The local text of Pavlodar in the memoirs of A. V. Mil' "People and Destinies. Memories". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 48–61. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.5.

Введение

Локальный текст – относительно новое многозначное литературоведческое понятие, касающееся в широком смысле отношений художественного произведения и места, чаще всего города. Примечательно, что «пространство, местность, место (одним словом, локальность) стали предметом литературоведческого интереса сравнительно поздно, лишь в XX веке» (Приходченко, 2023). Определить город как текст со своей семантикой предлагали такие зарубежные учёные, как Клод Леви-Стросс (Леви-Строс, 2001), Кевин Линч (Линч, 1982), Чарльз Дженкс (Дженкс, 1985), Ролан Барт (Барт, 2003). В русской науке о неповторимом образе города, живом и меняющемся, впервые заговорил Н. П. Анциферов (Анциферов, 1922), чьи идеи в фундаментальных исследованиях образа Петербурга развивали В. Н. Топоров (Топоров, 1995) и Ю. М. Лотман (Лотман, 2000). На сегодняшний день локальный текст разрабатывается рядом русистов, рассматривающих как русские города, так и зарубежные.

Необходимо подчеркнуть, что «изучение локального текста является одним из перспективных направлений современного литературоведения» (Приходченко, 2022). Это замечание актуально и для Павлодарского Прииртышья, т. к. слабая изученность истории русской литературы Павлодара требует пристального внимания и больших исследовательских усилий со стороны местных филологов. Так, до недавнего времени «в отличие от русскоязычной поэзии Павлодара 30-х гг. XX в., ярко представленной в первую очередь творчеством Павла Васильева, павлодарская проза 30-х на русском языке <…> считалась отсутствующей» (Приходченко, 2022), по причине чего профессор Н. Г. Шафер, известный в городе литературовед, назвал «белым пятном» (Нуркенова, Токатова, 2013, с. 227) этот этап развития местной русской словесности. Обнаружение и опубликование «Павлодарских былей» Г. А. Бешкарева (Бешкарев, 2013), а также газетные публикации, посвящённые воспоминаниям А. В. Миля о Павлодаре 1930-х годов (Ковалёв, 2015), позволили заполнить эту пустоту и включить названные тексты в литературный процесс Павлодарского Прииртышья.

Методы

Методологической основой представленного исследования является мотивный анализ как частный пример структурного анализа в сочетании с таким общенаучным методом, как описание и сравнение, и таким частнонаучным, как интерпретация. В частности, в процессе «медленного чтения» были выделены мотивы, так или иначе связанные с павлодарской локальностью, которые в процессе описания и сравнения были распределены по нескольким сферам, соотносящимся с различными аспектами рассмотрения локального текста Павлодара, как то хронотопический, природно-географический, социально-исторический аспекты.

Результаты

Фоном для истории интеллигентной еврейской семьи, вынужденной из страха преследований перебраться из столицы в отдалённый уголок Советского Союза, выступает город на Иртыше, который с 1929 по 1939 стал для беглецов домом. Семейный быт и личные переживания детских лет автора перемежаются с социально-бытовыми картинами жизни города в довоенное время, что во множестве деталей формирует локальный текст Павлодара 1930-х годов, в котором ведущие роли играют лейтмотивы пограничности и провинциальности, выражающиеся в ряде пересекающихся частных мотивов: город прошлого, город-сон, город-тюрьма, город на краю мира, город ветра, город песка и др.

Впечатление, сложившееся у Миля и его семьи от знакомства с Павлодаром, мемуарист выражает в одном из первых абзацев тремя свойственными местному локальному тексту характе-

ристиками: экстремальные климатические условия, относительно низкий уровень цивилизованности города и медлительная жизнь: «...нас подавлял *изнуряющий зной, дикость нравов и сонное существование*» (Миль, 2011) *(Здесь и далее курсив наш. — И. П.)*. В рамках исследования литературного локального текста Павлодара на примере мемуаров А. В. Миля указанные выше признаки необходимо рассмотреть с точки зрения природно-географического (пограничность), социально-бытового и хронотопического аспектов (провинциальность) локального текста Павлодара 1930-х годов.

Природно-географический аспект заключается в том, что Павлодар в мемуарах Миля – типичный провинциальный городок на окраине, на границе миров (привычного и экзотического) и культур (своей и чужой). Детский взгляд на город в прозе Миля преображает пограничность, связанную с его провинциальностью, наделяя ее мифопоэтическими чертами. Данная черта требует подробного рассмотрения.

Из семантического поля концептов литературного локального текста Павлодара (свое-чужое, метрополия-колония, центр-периферия), в отношении к мемуарам Миля, особое внимание обращает на себя концепт границы. Зародившись в первой четверти XVIII века как Коряковский военный форпост («Коряковский форпост в числе некоторых других подобных укреплений на Иртыше был основан в июле 1720 года» (Тереник, 2001, с. 15)), Павлодар всегда находился в том или ином смысле на границе, причём пограничность его положения, выражающаяся в имплицитном сочетании противоположностей, поныне проявляет себя в разных измерениях городского бытия.

Самое стабильное и, вероятно, заметное из указанного выше – это сочетание русского и казахского. Основанный как часть Иртышской линии укреплений («...для связи между крепостями *(имеются в виду Омская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости. — Прим. И. П.)* <...> был построен ряд форпостов: Ачаировский, Черлакский, Коряковский, Осьморыжский, Чернорецкий, Семиярский, Убинский» (Тереник, 2001, с. 17)), Павлодар должен был защищать сибирские города на севере от набегов степняков, затем он стал пунктом пересечения и смешения двух культур.

Указанное сочетание отчасти обнаруживается и в рассматриваемой эпохе. Локальный текст Павлодара как города, условно говоря, находящегося на границе между русским и казахским, обнаруживает в мемуарах Миля указания как на первое («Население Павлодара, в основном, составляли русские» (Миль, 2011)), что преобладает в мемуарах Миля, так и на второе, что эпизодически разбросано по тексту. В начале воспоминаний Миль указывает, что «...в городе жило небольшое количество украинцев, татар и, конечно, казахов» (Миль, 2011). Описывая Павлодар в первых абзацах мемуаров, он отмечает, что «на краю города, в стороне противоположной реке, расположились низенькие саманные домишки-мазанки. Туда поздней осенью приходили со своими стадами кочевые казахи» (Миль, 2011).

Цельное представление о местных жителях Миль даёт читателю с помощью образа пожилого казаха Мекеша: «Был он невысок, с маленькими изящными руками азиата, с седой реденькой бородкой и опущенными вниз усами. Всегда улыбчивый и приветливый, он здоровался за руку с каждым из домочадцев, сжимая двумя руками руку собеседника и находя для каждого доброе слово» (Миль, 2011). Мемуарист указывает, что «говорил Мекеш по-русски довольно сносно и был кладезем народной мудрости и светлого ума» (Миль, 2011). Рассказывая о приездах Мекеша в дом Милей, автор подмечает национальные черты и традиции, такие как разговоры по душам, долгие чаепития, обучение верховой езде детей: «... после обстоятельного чаепития и разговоров “за жизнь” <...>, он вставал из-за стола и хитро глядя на меня лучистыми щёлочками глаз, говорил: “Ну, кишкене, айда!”. Мы выходили во двор, он отвязывал от кормушки под навесом свою лошадку и сажал меня в седло» (Миль, 2011).

Также упоминаются предметы быта с элементами казахского декоративно-прикладного искусства, такие как «настоящая казахская нагайка» («Ручка её из крепкого дерева была до блеска отполирована ладонями прежних владельцев, а ремень был сплетён из тонких полосок сыромятной кожи...» (Миль, 2011)) и «настоящее казахское седло – деревянное, с высокой лукой и с яркой бархатной подушкой, выстеганной красивым национальным узором» (Миль, 2011).

Пограничность между русским и казахским не единственная из свойственных Павлодару. Выше город был назван степным, но лишь в том значении, в каком под степью понимают колыбель кочевого казахского народа. В собственно географическом отношении Павлодар также занимает пограничное положение, находясь, с одной стороны, на границе Западной Сибири, традиционно ассоциирующейся с русской тайгой, и Сарыарки, традиционной ассоциирующейся с казахским простором, а с другой стороны, на границе сухой жаркой безлесой степи и напоённой прохладной влагой лесистой поймы Иртыша.

В плане пространственного расположения безотносительно политических и культурных границ Павлодар также занимает пограничное положение, находясь на высоком берегу реки, над низкой, широко заливаемой каждый год паводком поймой. В этом отношении примечательно, что, несмотря на долгосрочные градостроительные планы («В 80-х годах <…> начнётся освоение левобережья Иртыша <…> Начнётся строительство <…> и Левобережного жилых массивов на пойменных землях <…>» (Соколкин, 1982, с. 64)), Павлодар, в отличие от других городов на Иртыше, до сих пор остается расположенным лишь на одном берегу (левый берег Иртыша около города не застроен), что ассоциируется с противостоянием человеческого, культурного, и природного, дикого.

Названные оппозиции в некоторой степени проявились в мемуарах Миля. Анализ его воспоминаний интересен, помимо прочего, тем, что автор является приезжим и смотрит на Павлодар свежим взглядом.

Пограничность Павлодара у Миля реализуется также в образах-пейзажах, основанных на архетипическом мотиве края мира (примечательно, что один из ссыльных, Павел Васильевич Гельмерсен, своим появлением принес Милям «в ровную провинциальную жизнь весь мир», что подчёркивает удалённость Павлодара от всего мира, его окраинность), который, согласно мифологическим представлениям многих народов, характеризуется дисгармонией, выражающейся, в отличие от уравновешенного и стабильного центра мира, в экстремальных состояниях окружающей среды и многочисленных катаклизмах, представленных в буйном характере природы, бурном протекании процессов в ней (так, говоря о первой весне в Павлодаре, Миль определяет её «тоже резкая, быстрая, бурная» (Миль, 2011), под «тоже» имея в виду вообще павлодарскую погоду), в тяжёлых погодных условиях, с чем в павлодарских главах мемуаров Миля связаны ветер и песок.

У Миля в одном из первых абзацев читаем: «Ветры в Павлодаре дули, практически, постоянно. Исключение составляли зимние, морозные дни <…>» (Миль, 2011). Автор подчёркивает, что ветры были «самым большим злом в тех местах» (Миль, 2011), рисуя картину дисгармонии в местной природе как климатическую норму: ветры (а с ними и песок) властвуют в Павлодаре вне зависимости от времени года – и летом («Они несли летом пыльные бури со смерчами, когда продвигаться по улицам можно было только вдоль стен домов, держась за заборы и защитив глаза от песка специальными очками. А по проезжей части улиц двигались столбики закрученного в тугие спирали песка, порою весьма внушительной величины и силы» (Миль, 2011)), и зимой («Зимой ветры рождали бураны. Начинались снежные заносы, которые в условиях хронического бездорожья создавали серьёзные осложнения в жизни города» (Миль, 2011)).

Неоднократно упоминаемые Милем песок (и пыль как его вариант) («…поднимая тучи песка и пыли…», «…увязая по щиколотку в мелком сыпучем песке…», «…песок летел, забивая глаза, рот, уши, попадая под одежду, в обувь…», «…песок еще и больно сёк кожу лица и рук…», «Я брёл, утопая в песке…», «…заливая соком песок…», «пыльные бури со смерчами», «столбики закрученного в тугие спирали песка, порою весьма внушительной величины и силы» (Миль, 2011)) в сочетании с ветром («При малейшем дуновении ветра песок летел…» (Миль, 2011)) также являются устойчивыми мотивами павлодарского литературного локального текста 1930-х годов. Аналогичные мотивы встречаем в стихотворении Г. А. Бешкарева «Ты утихни, павлодарский *ветер*…», написанном по воспоминаниям о юности, проведённой в Павлодаре второй половины 1930-х годов: «Ты утихни, павлодарский ветер, / Не тревожь сыпучего *песка*» (Нуркенова, Токатова, 2013).

Примечательно, что у Миля мотив песка наделён негативными коннотациями. Так, сыпучий песок становится аллегорией гибели: говоря о ссыльных, которых «пыталась уничтожить советская

власть» (Миль, 2011), он использует оборот «втоптать в сыпучие пески» (Миль, 2011), включая его в экспрессивный ряд-амплификацию: «деморализовать, втоптать в сыпучие пески, лишить человеческого достоинства, надежды, здоровья, самой жизни» (Миль, 2011). Наделённый агрессивными действиями (в павлодарском мелком сыпучем песке увязают по щиколотку, в нём утопают; песок забивает глаза, рот, уши; песок больно сечёт кожу лица и рук), песок в павлодарском локальном тексте Миля неявно предстаёт воплощением тёмного, дикого, неразумного, необоримого стихийного начала, ассоциирующегося с ненавидимой автором советской властью: как и политические ссыльные, в окружении которых он рос, Миль и его семья стихийной силой исторических событий выброшены, словно втоптанные в сыпучие пески, на край русского мира, граничащий с чужой, экзотической культурой, в забытый Богом глухой уголок – в провинциальный городок далёкой азиатской колонии.

Обращают на себя внимание встречающиеся на протяжении всего текста фразы, связанные с жарой («жарким летом», «изнуряющий зной», «в эту адскую жару», «Я брёл <…> обливаясь пóтом» (Миль, 2011)) и морозом («столбик термометра опускался до –35 –40 . Тогда наступал полный штиль и дымы из печных труб поднимались вертикальными столбами», «Перед глазами встаёт зимнее утро тех лет. На улице жестокий мороз», «окутанный клубами морозного воздуха», «Лицо его багрово от мороза» (Миль, 2011)). В глазах Миля-ребёнка Павлодарское Прииртышье наделено признаками мифологической границы мира («Всё это было для меня ново, удивляло и поражало детское воображение» (Миль, 2011)), а именно экстремально противоположные погодные условия.

Мотивы ветра и песка становятся точкой пересечения городского и природного планов павлодарского локального текста у Миля. Неблагоустроенность городского пространства, как черта провинциальности, сочетается с неблагоприятными климатическими условиями пограничности: нецивилизованность, приводящая к крайне дискомфортным условиям жизни, роднит город с дикой природой. Создается впечатление, что в противостоянии города и степи побеждает степь в виде ветра, песка, а также жары и холода. В пользу этого предположения говорит и касающаяся Павлодара реплика Миля, который «впервые оказался в такой непосредственной близости к природе» (Миль, 2011). Данная близость настолько велика, что приводит к проникновению природного в городское, делая Павлодар в мемуарах Миля не вполне городом, полугородом-полудеревней, городом в степи и в некотором смысле городом-степью.

Хронотопический аспект таков, что Павлодар в воспоминаниях Миля – город, оставшийся в минувшем веке. Переезд становится для автора путешествием в прошлое, а поезд, на котором приехала семья, — машиной времени: «Для меня поезд, отошедший от перрона Ленинградского вокзала на восток, оказался машиной времени, которая унесла меня в прошлое», а именно в эпоху «конца XIX – начала XX века» (Миль, 2011). Провинциальность Павлодара обнаруживает себя в свойственном местному локальному тексту мотиве города-прошлого.

Примечательно, что у Миля уездному по духу Павлодару оказывается противопоставлен Ленинград. В «Людях и судьбах» читаем: «Из уклада динамичной жизни третьего десятилетия XX века большого европейского города, каким всегда являлся Ленинград, я был перенесен *в сонный мир*…» (Миль, 2011). Город-сон – другой локальный мотив, связанный с провинциальностью Павлодара. Примечательно, что время, проведённое в нём, автор обозначает как «тихая провинциальная жизнь» (Миль, 2011).

Миль говорит о Павлодаре как о «далекой азиатской колонии» (Миль, 2011), распространяя это определение на весь регион («…каким был в те времена северо-восточный Казахстан» (Миль, 2011)). Отношение к городу как к колонии в сочетании с обозначением коренного населения словом «аборигены» («Аборигены – казахи – вели кочевой образ жизни…» (Миль, 2011)) конкретизирует точку зрения автора: Павлодар в качестве города прошлого предстаёт в глазах Миля как пространство дореволюционной, царской России – с метрополией (в качестве которой у Миля выступает упомянутый выше Ленинград), колониями, аборигенами, что, к слову, отличается от взгляда Бешкарева. Провинциальность города оказывается фантастической возможностью консервации ушедшей эпохи, в том числе в таком её проявлении, как уже рухнувший на тот момент монархический строй и соответствующий уклад жизни.

Тот факт, что Павлодар принадлежит минувшей эпохе, оценивается автором положительно: «Став взрослее, я смог сопоставить описания жизни русской провинции XIX века с увиденным мною в 1929 году в Павлодаре, и понять, что “машина времени” совершила чудо: я получил возможность прожить не один год в прошлом веке, *ощутить его аромат, прелесть неспешного хода времени*...» (Миль, 2011). Последняя фраза наделяет хронотоп Павлодара идиллическими чертами.

Впрочем, необходимо отметить, что провинциальность города имеет в мемуарах Миля амбивалентную природу. Несмотря на идиллическую окрашенность в некоторых эпизодах повествования, по преимуществу Павлодар Миля – это отсталый провинциальный городок на отшибе («глухой забытый Богом уголок» (Миль, 2011)), в котором время почти остановилось (время неоднократно названо неспешным: «прелесть неспешного хода времени» (Миль, 2011), «...в неспешном течении нашей жизни...» (Миль, 2011)), перемены не происходят (жизнь в Павлодаре названа ровной: «...в ровную провинциальную жизнь» (Миль, 2011)). Волны исторического развития не докатываются до столь отдалённых, захолустных мест. В мемуарах Миля Павлодар наделен чертами в целом свойственными провинциальному городу в русской литературе, т. к. «характерные черты провинциальной жизни – размеренный уклад, приверженность традициям, скука, медлительность, скудость внешних впечатлений...» (Шутая, 2015).

Это приводит к мысли, что Павлодар 1930-х годов в мемуарах Миля имеет черты хронотопа провинциального городка, открытого М. М. Бахтиным: учёный характеризует его как «провинциальный мещанский городок» (Бахтин, 1975), наделенный рядом преимущественно отрицательных черт, таких как затхлый быт, повторяющиеся «бывания» вместо настоящих событий и аналогичные явления того же ряда. В этом ключе примечательны высказывания философа о том, что «такой городок — место циклического бытового времени» (Бахтин, 1975), а также о том, что «время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся» (Бахтин, 1975). По словам М. М. Бахтина, «этот городок имеет несколько разновидностей, в том числе и очень важную — идиллическую» (Бахтин, 1975). Образ Павлодара в мемуарах Миля видится примером подобной разновидности хронотопа провинциального городка. Мотивы города-прошлого и города-сна, упомянутые выше, являются частными проявлениями провинциального хронотопа.

В подобном застывшем вязком времени, которое не течёт, а тянется, мелкие бывания, упомянутые М. М. Бахиным, неощутимы, а потому незаметны: время жизни провинциального городка однородно, недискретно. В таком городке ничего не меняется (потому он является консервацией прошлого). Ход истории ощутим во времени провинциального городка сильнее всего тогда, когда она врывается в него трагическими событиями. В павлодарском локальном тексте подобными событиями 1930-х годов, отражёнными в мемуарах А. В. Миля, являются эпидемия тифа и сталинские репрессии.

Примечательно, что речь о локальной катастрофе, эпидемии тифа, автор начинает с обзора общенародной трагедии, коллективизации: «Начиналась коллективизация. Крестьянина, который пошёл в революцию ради земли, ради возможности растить на ней хлеб, объявили “кулаком” и принялись истреблять под корень. Каждого настоящего хозяина, способного создать на своём участке земли крепкое рентабельное хозяйство, ликвидировали “как класс” с неотвратимостью и жестокостью, на которую способны лишь тупой фанатизм, мракобесие и вандализм варвара» (Миль, 2011). Таким образом, история павлодарской провинции вводится в общесоветскую историю, становится её частью. Описывая эпоху, мемуарист применяет приём ступенчатой градации в организации художественного пространства, сужая его от размеров всей страны до размеров региона («И поэтому, когда кочевым народам, населявшим азиатские области государства, и, в частности, казахам было предписано переходить к осёдлому существованию, как к первому шагу на пути к коллективизации, это было равносильно катаклизму <...> Начался падёж скота и, как следствие, голод. Вымирали целые аулы» (Миль, 2011)) и отдельного города («К зиме на улицах города появились трупы» (Миль, 2011)) в рамках одного абзаца. Как известно, голод в Казахской ССР 1930—1933 годов, «во время которого <...> погибло около 1,5 миллионов человек, из которых 1,3 миллиона были этническими казахами» (Volkava, 2012), «начался зимой 1930 года» (Ohayon,

2013), что с учётом на указание в мемуарах времени событий («Заканчивалось третье десятилетие XX века» (Миль, 2011)) не оставляет сомнений, что речь идёт об общесоветском голоде.

С помощью указанного выше приёма ступенчатой градации автор переходит от констатации общесоветской беды («Это была чудовищная акция, ставшая трагедией народа-хлебороба» (Миль, 2011)) к картине локальных лишений: «К зиме на улицах города появились трупы. Люди гибли от голода и мороза. Трупы свозили в полуразрушенный собор на базарной площади и складывали штабелями, не успевая хоронить. И, как бывало уже не раз, вслед за голодом пожаловала эпидемия. Начался сыпняк. Если голод косил прежде всего казахов, то сыпняк не щадил никого» (Миль, 2011). Эпидемия сыпного тифа, продлившаяся в Павлодаре всю зиму в начале 1930 года, «к весне <…> стала отступать» (Миль, 2011).

Примечательно, что мотив смерти и связанные с ним мотивы голода и болезни («скорбные дни эпидемии» (Миль, 2011)) будут звучать в локальном тексте Павлодара 1930-х годов только в отношении указанных исторических событий, имеющих, как уже упомянуто, общесоветский характер; за исключением этого, павлодарскому локальному тексту в мемуарах Миля свойственен мотив изобилия, сытости, о котором пойдёт речь позже.

Эпоха сталинских репрессий отражается в провинциальности павлодарского локального текста 1930-х годов темой политических преследований, которая воплощается в мотивах города-тюрьмы (упрятали в Павлодар) и города-убежища (спрятались в Павлодаре). Примечательно, что реализация одной темы в двух мотивах-образах амбивалентна: в ней прослеживается как семантика наказания (т. н. ссыльные не по своей воле), так и семантика спасения (т. н. ссыльные по своей воле). И первая, и вторая коренятся в провинциальности города: в настолько «глухом забытом Богом» (Миль, 2011) месте как власть насильно прячет людей, так и люди по своей воле прячутся от власти, причём в обоих случаях это происходит для того, чтобы их не было слышно и видно.

Семантика наказания очевидна в образах ссыльных: в 1930–1940-е годы Павлодар был местом ссылки для политически неблагонадёжных граждан, рассказы о которых составляют большую часть текстов павлодарских мемуаров как Миля, так и Бешкарева. Имея в виду конец 1920-х – начало 1930-х, автор «Воспоминаний» заявляет, что «уже в те годы Павлодар был местом, куда по этапу шёл непрерывный поток людей: бывшие буржуи и “спецы”, интеллигенция и духовенство, “вредители” и “раскулаченные”, эсеры и троцкисты, служащие и рабочие – вчерашние большевики, заподозренные в принадлежности к различным “блокам” и т. д. и т. п.» (Миль, 2011). Среди ссыльных встречались также люди, сбежавшие «из гитлеровской Германии от преследований за принадлежность к коммунистической партии» (Миль, 2011): рассказывая о своём учителе рисования, немецком художнике Вильгельме Штигеле, автор отмечает, что «приём, оказанный ему страной великого Ленина, был для Вилли неожиданным: арест, тюрьма, концлагерь, ссылка в Павлодар» (Миль, 2011). Миль в начале воспоминаний свидетельствует, что «уже к концу нашего пребывания в Павлодаре в 1939 году город был наводнён жителями Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, которым СССР «протянул руку помощи» (Миль, 2011), повторяя то же с некоторыми деталями в конце павлодарских глав: «Павлодар был буквально заполнен жителями Западной Украины, Западной Белоруссии и Польши. На улицах и в магазинах слышалась непривычная речь, то и дело мелькали столь редкие в былые времена еврейские лица» (Миль, 2011). Изрядную долю его воспоминаний о Павлодаре занимает рассказ «о страшной участи бóльшей части этих людей» (Миль, 2011).

Так, выразительны воспоминания Миля об «отметке» ссыльных: «Я видел, проходя почти ежедневно мимо здания ГПУ, череду бредущих туда фигур, которые должны были являться еженедельно, чтобы личной росписью в специальном регистрационном журнале удостоверить своё присутствие в месте ссылки. В течение многих лет я наблюдал, как эти сильные духом люди, не сгибавшиеся под гнётом бытовых лишений, физических тягот жизни, мрачнели, уходили “в себя”, надламывались нравственно в чёрные дни ‘‘отметок’’…» (Миль, 2011). Примечателен синоним «фигуры» к слову «люди», выбранный автором для обозначения ссыльных в первом предложении приведённой выше цитаты. В противопоставлении с фразой «сильные духом

люди» оборот «бредущие фигуры» видится лишённым человеческой составляющей: идущие на «отметку» ссыльные словно уже не люди, а лишь их тени. В сочетании с упоминанием «бытовых лишений» этот образ наводит на мысль, что наибольшую трудность для ссыльных в Павлодаре составляло не преодоление «физических тягот жизни», а борьба за сохранение человеческого достоинства. Павлодар как город-тюрьма в мемуарах Миля предстаёт местом, лишающим человека его «человечности», стремящимся стереть его личность до состояния «фигуры».

В крайнем проявлении мотива города-тюрьмы речь может идти не только о социальной или моральной гибели человека, но и о физической. В этом отношении показательны воспоминания о лагере военнопленных на Иртыше, по времени относящиеся к началу Второй мировой войны: «Ходили слухи, что на небольшом островке, расположенном на Иртыше напротив города, устроен лагерь, в котором содержатся офицеры Польской армии. И хотя прочный лед сковывал реку и расстояние до острова было невелико, приближаться к острову стало опасно. Было непонятно, что будет с этими людьми весной, ибо все знали, что остров в половодье целиком заливает и он скрывается под водой. Весна 1940 года не стала исключением…» (Миль, 2011).

Примечательно, что тема ссыльных оказывается связанной с оппозицией «столица – провинция» в культурном плане: «Жизнь нашей семьи в течение десяти лет – с 1929 по 1939 год связана с яркими интересными личностями, о которых я буду писать, ибо они – эти люди – цвет и гордость России <…> Музыка, языки, живопись – всё это дали мне те, кого пыталась уничтожить советская власть» (Миль, 2011), т.е. в данном случае ссыльные, т.к. Павлодар преимущественно не мог удовлетворить не только современных автору, но и базовых культурных потребностей, о чём можно сделать вывод из некоторых цитат: «В условиях Павлодара, где добыть какие-либо ноты было делом вообще маловероятным…» (Миль, 2011).

Как было сказано выше, семья Милей была в некотором смысле одинока в Павлодаре: среди местных не было никого аналогичного культурного уровня, кроме ссыльных, являющихся так же иногородними, непавлодарцами. Так оппозиция «столица – провинция» получает выражение в оппозиции «павлодарцы – непавлодарцы», где первые в павлодарском локальном тексте мемуаров Миля имплицитно являются носителями провинциального, малокультурного, отсталого, а вторые эксплицитно воплощают столичное, высококультурное, передовое. Подобная оппозиция более заметна в «Павлодарских былях» Бешкарева.

Семантика спасения реализуется в образах беглецов от политических преследований, которых фигурально можно назвать ссыльными по своей воле. Так, рассказывая о деятельности отца после эпидемии тифа в Павлодаре, Миль отмечает, что для него «начались годы молчаливого подвижничества» (Миль, 2011), имея в виду содействие «спасению от гибели многих людей» (Миль, 2011) через переезд в Павлодар. Такие мероприятия автор шутливо обозначает «спасательные операции» (Миль, 2011). В этом отношении показательно упоминание сосланной в Павлодар семьи раскулаченного украинца Иванченко: «Это была большая семья, все члены которой оказались на грани гибели от голода, болезней, отсутствия крыши над головой и – главное – надежды. Каждый работоспособный человек в этой семье получил работу в роддоме, все поселились в служебной квартире при нём» (Миль, 2011).

Говоря об увиденных в Павлодаре бывших офицерах, вызывавших в детстве у мемуариста удивление тем, что они не работают, а занимаются домом, Миль называет их специально забравшимися «в глухой забытый Богом уголок, чтобы не мозолить глаза властям, врасти в новую жизнь, адаптироваться к ней» (Миль, 2011). Вспоминая упомянутых выше соседей, с которыми первое время в Павлодаре Милям пришлось жить в одном доме, автор называет Владимира Львовича Головчинера, приехавшего вслед за ними из Ленинграда зубного врача, который «в годы НЭПа <…> занимался делами далёкими от стоматологии, и потому почёл за благо уехать из Ленинграда “по собственному желанию”» (Миль, 2011).

Таким образом, провинциальность Павлодара оказывается не только наказанием в виде лишения человека благ современной цивилизации, сосредоточенных в столицах, но и возможностью спрятаться от преследований со стороны властей и тем самым выжить.

Социально-бытовой аспект представлен тем, что Миль обращает внимание на провинциальность Павлодара также в отношении быта и благоустройства города: «…печи топились дровами и кизяком, помещения освещались керосиновыми лампами, единственным видом транспорта была лошадь. Разнообразие в транспортных средствах представлял лишь двугорбый верблюд» (Миль, 2011). В обобщённом описании Павлодара, которое даёт автор в одном из первых абзацев, ощутим акцент на малонаселённость, компактность и неблагоустроенность города: «Павлодар в те годы представлял собой поселение на сорок тысяч жителей, протянувшееся вдоль высокого берега Иртыша. Прямые улицы были застроены деревянными домишками. Лишь вдоль двух-трех центральных улиц стояли двухэтажные каменные строения, да имелись тротуары. Проезжая часть всех улиц, включая центральные, не была замощена, люди и лошади брели по ним, увязая по щиколотку в мелком сыпучем песке. При малейшем дуновении ветра песок летел, забивая глаза, рот, уши, попадая под одежду, в обувь. А если ветер усиливался, то песок еще и больно сёк кожу лица и рук» (Миль, 2011). Также в мемуарах говорится, что город живет в «в условиях хронического бездорожья» (Миль, 2011).

Некоторые черты павлодарского быта свойственны больше деревне, нежели городу: «Я еще помню, как пастухи наиболее богатых хозяев-баев гнали скот на водопой к Иртышу, и табуны коров, баранов, лошадей и верблюдов, поднимая тучи песка и пыли, пересекали весь город, двигаясь сначала к реке, а затем возвращаясь к загонам, примыкавшим к мазанкам хозяев на границе города и степи» (Миль, 2011). Вкупе с указанным выше делает похожей Павлодар на деревню и удалённость от путей сообщения: «Железнодорожная станция находилась в степи в нескольких километрах от жилья» (Миль, 2011). Павлодар 1930-х, по воспоминаниям Миля, в целом не производит впечатления города: «Было непонятно, куда же мы приехали, пока не добрались до того, что, собственно, и было городом» (Миль, 2011).

Город-деревня – ещё один мотив, в котором реализуется провинциальность как одна из базовых черт литературного локального текста Павлодара. Роднят город с деревней и описанные мемуаристом особенности ведения домашнего хозяйства: «…в начале зимы была куплена <…> первая корова (потом появилась вторая). В дальнейшем всегда были куры, к зиме откармливался поросёнок»; «…хлеб пекли дома в большой русской печи, стоявшей в центре кухни» (Миль, 2011). Примечательно, что деревенский образ жизни обозначается как единственно возможный: «В те времена в Павлодаре жизнь могла быть сносной лишь в том случае, если семья вела почти натуральное хозяйство» (Миль, 2011).

Образ провинциального городка, характеризующегося отсталостью, складывается не только из развёрнутых описаний, приведённых выше, но и из разбросанных по тексту бытовых деталей. Так, автор вспоминает: «Освещение в первый год жизни в Павлодаре было у нас керосиновым. Потом было проведено электричество, появился даже телефон» (Миль, 2011); «…в городе в те времена не было водопровода…» (Миль, 2011).

Необходимо отметить, что провинциальность Павлодара с точки зрения быта и благоустройства в мемуарах Миля (равно как и с точки зрения рассмотренной выше удалённости от метрополий) амбивалентна, т.к. автор отмечает в ней и положительные стороны: «На рынке, куда стала ходить мама за продуктами, её ошеломила дешевизна и невозможность купить небольшое количество пищи <…> Мясо <…> здесь брали кусками туши или, по крайней мере, несколько килограммов» (Миль, 2011). Удалённость от крупных центров оборачивается не только бытовой неблагоустроенностью и дикостью нравов, но и изобилием вкупе с дешевизной. Мотив изобилия поддерживает типичная региональная деталь — павлодарские арбузы: «Купив продукты, мама обычно выбирала небольшой спелый арбуз и вручала его мне, чтобы я нёс его домой» (Миль, 2011).

С мотивом изобилия связан мотив бегства. Так, А. В. Миль вспоминает о соседях, А. Ф. и Н. К. Яковлевых, «которых в Павлодар привела с Украины нелёгкая судьба» (Миль, 2011), вероятно, под нелёгкой судьбой имея в виду начинавшийся на Украине голодомор 1932—1933 годов. В пользу такого предположения говорит и указание на время прибытия Яковлевых в Павлодар («На второй год нашей жизни в Павлодаре мои родители познакомились, а затем и под-

ружились с пожилой четой, поселившейся в соседнем доме» (Миль, 2011)), и рассказ о трудностях, переживаемых оставшимися на Украине друзьями Яковлевых («Они рассказали папе, что в Киеве живёт их приятельница, молодая дочь которой <…> с мужем <…> буквально бедствуют» (Миль, 2011)). Изобилие и дешевизна жизни в провинции в сравнении со столицей оказывается не только чертой отсталости, но и возможностью выжить. Так в провинциальности Павлодара в мемуарах Миля проступает семантика спасения, о которой более подробно было сказано выше.

По мысли Миля, проявления провинциальности Павлодара, помимо неблагоустроенности городского пространства и бытовых неудобств (т. н. внешняя провинциальность), заключены в особенностях нравов и обычаев горожан (т. н. внутренняя провинциальность), что видится автору более важным: «Но дело было не в технических приметах времени. Главное отличие заключалось в стиле человеческих отношений, образе жизни и строе мышления людей, круге их интересов» (Миль, 2011).

С одной стороны, Миль оценивает провинциальность павлодарского менталитета положительно, неявно противопоставляя его советскому взгляду на жизнь: «…я получил возможность <…> получить воспитание и домашнее образование более характерное для детей прошлых поколений» (Миль, 2011). Так, говоря о советском офицерстве, Миль подчёркивает, что «оно живет по тем же законам беззакония, заражено теми же пороками и болезнями, которые именуются “советским образом жизни”» (Миль, 2011). Как видно, для Миля советский образ жизни – это болезнь и порок, который почти не ощущается в Павлодаре.

С другой стороны, в отношении менталитета павлодарцев Миль использует оборот «дикость нравов» («…нас подавлял изнуряющий зной, дикость нравов и сонное существование» (Миль, 2011)), имея в виду высокий в сравнении с местным уровень культурного развития его семьи, которому в Павлодаре соответствовали только такие же приезжие, как Мили. Так, вспоминая семью Головчинеров, с которыми семья Милей вынужденно жила в одном доме первое время по приезде в Павлодар, мемуарист определяет их как «наиболее близкие нам по уровню развития люди в Павлодаре» (Миль, 2011).

Подчинённый административный статус, отражающийся в составе населения («Население Павлодара, в основном, составляли русские. Большей частью это было семипалатинское казачество» (Миль, 2011)), обнаруживая себя в тексте, также указывает на провинциальность города: как известно, Павлодар вышел из подчинения Семипалатинска и стал самостоятельным областным центром лишь в 1938 году.

В то же время провинциальность Павлодара в мемуарах Миля не является предельной. Так, говоря о своём первом учителе, ссыльном Бартоломее, автор отмечает: «тем, кто сослал его в Павлодар, видимо, показалось, что Павлодар слишком для него “хорош”. И его с семьей <…> отправили в ещё бóльшую глушь» (Миль, 2011). О каком именно месте идёт речь, остаётся неизвестным. В рамках данного исследования важно, что Павлодар в глазах Миля – не самая большая глушь (если можно отправить из Павлодара «в ещё бóльшую глушь»).

Миль на протяжении всего текста, проявляя себя как автор с колониальным, несоветским, дореволюционным взглядом на все, прямо называет Павлодар 1930-х провинциальным городом России («Как во всяком провинциальном городе России…» (Миль, 2011)) с типичными для него представителями умственного труда («Было там десятка три семей местной “разночинной” интеллигенции: врачи, учителя, фельдшерицы, бухгалтеры, несколько инженеров» (Миль, 2011)), к социальной группе которых принадлежала и семья мемуариста. Давая характеристику местной интеллигенции на примере врачей, в среде которых рос автор (его отец был известным в Павлодаре акушером-гинекологом), Миль отмечает, что «быт этих людей, стиль взаимоотношений во многом ещё носили следы традиций прошлого» (Миль, 2011), характеризуя их такими качествами, как «корпоративность, братство, взаимопомощь в «трудных случаях» и в жизненных перипетиях, профессиональная этика» (Миль, 2011). По Милю, традиции прошлого заключаются в лучших профессиональных и человеческих качествах, которые не свойственны советскому обществу 1930-х годов, но обнаруживаются у жителей Павлодара, т. к. это город будто бы из прошлого века.

Неверным будет утверждать, что в тексте перечисленные выше положительные черты относятся исключительно к ссыльным. Показательно в этом отношении упоминание в мемуарах Михаила Васильевича Лопатина, в прошлом директора мужской гимназии города. Его развёрнутый портрет с описанием внешних и внутренних черт – павлодарский образец провинциального интеллигента: «…папа приехал домой не один. С ним вошёл дряхлый старичок небольшого роста с седой “скобелевской” бородой, расчёсанной на две стороны. Его умные маленькие глазки смотрели из-за очков внимательно и добро. Одет он был в тщательно отглаженный видавший виды то ли сюртук, то ли даже вицмундир с “цивильными” пуговицами. Голова и руки у него слегка дрожали. Но когда он подошёл к маме и дедушке, а затем стал знакомиться со мной, меня ошеломили своей непривычностью его учтивые манеры. <…> … занятия с Михаилом Васильевичем всегда доставляли мне радость. Своим тихим дребезжащим голосом он умел так интересно рассказывать о любых вещах, так мог увлечь меня, что моя фантастическая в те годы рассеянность улетучивалась без следа» (Миль, 2011). Также Миль упоминает врачей, составлявших цвет павлодарской интеллигенции до Октябрьской революции, т. е. (в сравнении со ссыльными) коренных павлодарцев: И. П. Тимирязева, Михельсона, П. И. Иванова. Так, говоря о том, что «одним из старейших врачей в Павлодаре был Иван Павлович Тимирязев», автор отмечает, что он работал «там ещё до переворота 1917 года» (Миль, 2011).

В мемуарах Миля тема медицинской интеллигенции (и интеллигенции вообще) придает провинциальности Павлодара литературное звучание. По Милю, Павлодар 1930-х – это чеховский провинциальный городок: «Вообще надо сказать, что павлодарская интеллигенция того времени и врачи, в частности, их быт, психология – всё это было ‘‘по Чехову’’, да и действие ‘‘разыгрывалось’’ в декорациях той же эпохи» (Миль, 2011) с сообразными ему жителями.

Так, И. П. Тимирязеву автор дает определение «весьма своеобразная личность – собирательный чеховский тип» (Миль, 2011), подчеркивая, что «в нём сочетались Ионыч, и Чебутыкин, и многие другие персонажи Антона Павловича» (Миль, 2011) и что «Иван Павлович – ворчун и циник, прикрывал этой маской доброе сердце и типичное земское подвижничество» (Миль, 2011). Говоря о врачах П. И. Иванове и его жене Марии Ксенофонтовне, которые «считались самым важным и, можно сказать, самым «аристократическим» семейством города» (Миль, 2011), мемуарист отмечает, что «это были настоящие русские медики, опять таки чеховского склада» (Миль, 2011), а именно «представители той самой российской интеллигенции, душа которой открыта для всех скорбящих, а дела направлены на благо окружающих их людей» (Миль, 2011). «Чеховский склад» Миль подчёркивает показательной деталью интерьера: «огромный портрет Антона Павловича всегда висел в домашнем кабинете Иванова» (Миль, 2011).

Упоминание в мемуарах чеховских персонажей влечёт ряд литературных ассоциаций, связанных с образом провинциального города. Так, самый показательный представитель павлодарской интеллигенции сравнивается автором с Чебутыкиным. Чебутыкин, персонаж чеховской пьесы «Три сестры» — шестидесятилетний военный доктор, живущий, как и прочие герои, в губернском городе, где жители «едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством» (Чехов, 1978).

Один из способов разнообразить жизнь в губернском городке и «не отупеть от скуки», не указанный в чеховской цитате, – адюльтер. Так, говоря о том, что И. П. Тимирязев «женат был на красивой, но безумно сварливой еврейке, о которой он трогательно заботился» (Миль, 2011), Миль отмечает, что «при этом весь город знал <…>, что у него есть любовница – медицинская сестра по имени Феня» (Миль, 2011). Примечательно, что И. П. Тимирязев «и не делал из этого секрета» (Миль, 2011). Данное примечание связывает тему провинциальной интеллигенции с мотивом города-деревни: в провинциальном городке, как в большой деревне, все всё про всех знают («…Павлодар был маленьким провинциальным городом, где жизнь каждого <…> проходила у всех на виду) (Миль, 2011).

В рамках данного исследования как вариант адюльтера может рассматриваться флирт. В этом отношении показателен образ Марии Ксенофонтовны, которую автор наделяет примеча-

тельной характеристикой — типичной провинциальной львицы: «Это была типичная провинциальная “львица”, любившая кружить головы мужчинам и повергать их к своим ногам. Вскоре мы стали свидетелями такого “головокружения”, которое она вызвала у моего двоюродного братца Шурика, бывшего на пятнадцать лет моложе её. Роман этот зашёл достаточно далеко и принял скандальный характер» (Миль, 2011). Вероятно, и сам роман, и скандал, к которому он привёл, были устроены с одной целью – развеять провинциальную скуку, столь свойственную и провинциальному хронотопу вообще, и чеховскому провинциальному городку в частности, через призму которого Павлодар отчасти был отражён Милем.

Неверность как черту провинциальной жизни автор наблюдал не только вне семьи, но и внутри: отдельная небольшая глава «Воспоминаний» посвящена «куда более сложным отношениям» (Миль, 2011) между его матерью и уже упомянутым выше Павлом Васильевичем Гельмерсеном, близким другом семьи Милей во время их жизни в Павлодаре. Необходимо подчеркнуть, что автор сам обращает внимание на связь между пробудившимся чувством и жизнью в захолустье: говоря о матери, он отмечает, что «в повседневной провинциальной жизни её, конечно, не удовлетворяла достаточно однообразная роль хозяйки дома, матери и жены...» (Миль, 2011). С мотивом адюльтера в данном случае оказывается связанным мотив провинциальной малокультурности и, как следствие, одиночества ссыльных в Павлодаре, о чём шла речь выше: вспоминая, как во время визита гостей по вечерам «мама принимала ‘‘дам’’» (Миль, 2011) (выделение слова «дам» кавычками, возможно, предпринято для придания ему иронического звучания), автор подчёркивает, что это «опять-таки не приносило ей удовлетворения» (Миль, 2011).

Выводы

Литературный локальный текст Павлодара 1930-х годов сформирован отнюдь не только мемуарами Миля. Для полного представления о нём необходимо всесторонне сравнить полученные в данном исследовании результаты с аналогичным анализом «Павлодарских былей» Бешкарева, а также продолжать поиск других произведений, связанных с довоенным временем Павлодара. Нельзя игнорировать вероятность обнаружения художественных текстов подобного характера, т. к. «русская литература Казахстана — <...> малоизученный сегмент современной русской филологии, русская литература павлодарского Прииртышья — вовсе не изученный ее сегмент» (Приходченко, 2022). Только при условии исчерпывающего рассмотрения всех репрезентативных для города сочинений возможно составить полный литературный локальный текст Павлодара и через него лучше познать истинную природу города на Иртыше.

Источники

Анциферов Н. П. (1922) Душа Петербурга. Петербург, Брокгауз—Ефрон, 228 с.
Барт Р. (2003) Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., Издательство им. Сабашниковых, 512 с.
Бахтин М. М. (1975) Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В кн. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература, 407 с.
Бешкарев Г. А. (2013) Павлодарские были (Записки о Павлодаре) В кн. Нуркенова С. Ф., Токатова Л. Е. Павлодар литературный: Хрестоматия для учащихся школ, колледжей, вузов. Под ред. Н. Г. Шафера. Павлодар, Научно-издательский центр Павлодарского государственного педагогического института, 282 с.
Дженкс Ч. (1985) Язык архитектуры постмодернизма. М., Стройиздат, 136 с.
Ковалёв Ф. (2015) Довоенный Павлодар Абрама Миля. Наша жизнь, № 10, https://lifepvl.kz/2015/03/16/412/
Леви-Строс К. (2001) Структурная антропология. М., Эксмо-Пресс, 512 с.
Линч К. (1982) Образ города. М., Стройиздат, 328 с.
Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб., Искусство—СПб., 704 с.
Миль А. В. (2011) Люди и судьбы. Воспоминания. Еврейская старина, №4. https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Часть%20вторая
Нуркенова С. Ф., Токатова Л. Е. (2013) Павлодар литературный: Хрестоматия для учащихся школ, колледжей, вузов. Под ред. Н. Г. Шафера. Павлодар, Научно-издательский центр Павлодарского государственного педагогического института, 282 с.
Приходченко И. О. (2022). Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 60–69.

Приходченко И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 30–42.
Соколкин Э. Д. (1982) Павлодар: Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, Казахстан, 96 с.
Тереник М. С. (2001) Павлодар: это нашей истории строки. Часть 1 (1720-1945 гг.). Павлодар, НПФ «ЭКО», 292 с.
Топоров В. Н. (1995) Петербургские тексты и Петербургские мифы. В кн. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., Прогресс, с. 368–400.
Чехов А. П. (1978) Три сестры. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. АН СССР. Институт мировой лит. им. А. М. Горького. М., Наука. Т. 13. Пьесы. 1895—1904, с. 3—116.
Шутая Н. К. (2015) К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа. Мир науки, № 1. URL: http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf
Ohayon Isabelle (2013) The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization, Mass Violence & Résistance URL: http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization
Volkava Elena (2012) The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. URL: https/www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space

References

Antsiferov N. P. (1922) Dusha Peterburga [The Soul of St. Petersburg]. St. Petersburg, Brockhaus—Efron Publ., 228 p. (In Russian).
Bakhtin M. M. (1975) Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In the book: Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., pp. 234–407 (In Russian).
Bart R. (2003) Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion System. Articles on the semiotics of culture]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 512 p. (In Russian).
Beshkarev G. A. (2013) Pavlodarskie byli (Zapiski o Pavlodare) [Pavlodar stories (Notes about Pavlodar)] In the book: Nurkenova S. S., Tokatova L. E. (2013) Pavlodar literaturnyj: Hrestomatiya dlya uchashchihsya shkol, kolledzhej, vuzov [Pavlodar literary: Chrestomathy for students of schools, colleges, universities]. Edited by N. G. Shafer. Pavlodar, Scientific and publishing center of Pavlodar state pedagogical institute, pp. 228-265 (In Russian).
Chekhov A. P. (1978) Tri sestry [Three sisters]. Complete works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 vols. Akademiya nauk SSSR. Institut mirovoj literatury imeni A. M. Gor'kogo [USSR Academy of sciences. Institute of world literature named after A.M. Gorky]. Moscow, Nauka Publ. Vol. 13. Poems. 1895–1904. pp. 3–116 Available at: http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/spd/spd-117-.htm (In Russian).
Jenks Ch. (1985) Yazyk arhitektury postmodernizma [The language of postmodern architecture]. Moscow, Stroyizdat Publ., 136 p. (In Russian).
Kovalev F. (2015) Dovoennyj Pavlodar Abrama Milya [Pre-war Pavlodar of Abram Mile]. Nasha zhizn' - Our life, No. 10. Available at: https://lifepvl.kz/2015/03/16/412 / (In Russian).
Levi-Strauss K. (2001) Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 512 p. (In Russian).
Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Art—St. Petersburg Publ., 704 p. (In Russian).
Lynch K. (1982) Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Stroyizdat Publ., 328 p. (In Russian).
Mil A.V. (2011) Lyudi i sud'by. Vospominaniya [People and destinies. Memories]. Evrejskaya starina – The Jewish antiquity, No. 4. Available at: https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Часть%20вторая (In Russian).
Nurkenova S. S., Tokatova L. E. (2013) Pavlodar literaturnyj: Hrestomatiya dlya uchashchihsya shkol, kolledzhej, vuzov [Pavlodar literary: Chrestomathy for students, colleges, universities]. Edited by N. G. Shafer. Pavlodar, Scientific and publishing center of Pavlodar state pedagogical institute, 282 p. (In Russian).
Ohayon Isabelle (2013) The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization, Mass Violence & Résistance. Available at: http://bo-k2s.sciences-po.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/kazakh-famine-beginnings-sedentarization
Prikhodchenko I. O. (2022) Oppozicii v lokal'nom tekste hudozhestvennoj prozy Pavlodara (na materiale pavlodarskoj memuarnoj literatury 1930-h godov) [Oppositions in the local text of the fiction of Pavlodar (based on the material of the Pavlodar memoir literature of the 1930s)]. The Journal Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 2, pp. 60–69 (In Russian).
Prikhodchenko I. O. (2023) Lokal'nyj tekst provincial'noj literatury: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i istorii izucheniya [Local text of provincial literature: on the definition of the concept and the history of study]. The journal Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, то. 1, pp. 30–42 (In Russian).
Shutaya N. K. (2015) K voprosu ob oppozicii stolicy i provincii v topologicheskoj sisteme russkogo romana [On the question of the opposition of the capital and the province in the topological system of the Russian novel]. Mir nauki – World of Science, No. 1. Available at: http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf (In Russian).

Sokolkin E. D. (1982) Pavlodar: Istoriko-informacionnyj putevoditel' [Pavlodar: Historical and informational guide]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 96 p. (In Russian).
Terenik M. S. (2001) Pavlodar: eto nashej istorii stroki. Chast' 1 (1720-1945 gg.) [Pavlodar: these are the lines of our history. Part 1 (1720–1945)]. Pavlodar, ECO Publ., 292 p. (In Russian).
Toporov V. N. (1995) Peterburgskie teksty i Peterburgskie mify [Petersburg texts and Petersburg myths]. In the book: Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress Publ., pp. 368–400 (In Russian).
Volkava Elena (2012) The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. Available at: https/www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space

Информация об авторе

Илья Олегович Приходченко
Преподаватель спецдисциплин, магистр гуманитарных наук. Высший колледж имени М. Канапьянова НАО «Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана», г. Павлодар, Республика Казахстан.
Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru

Autor's information

Ilya O. Prikhodchenko
Teacher of special disciplines, Master of Humanities. Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.
Postgraduate student. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1800-8812.
E-mail: pisosenko@mail.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Филологические науки

УДК 811.161.1
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6
Научная статья

Т. П. Рогожникова[1]
✉ pmtr@mail.ru
[1]Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Стилистика частно-деловой переписки XVII века: начальный формуляр

Аннотация: В статье исследуется начальный компонент частно-управленческой переписки как переходной формы деловой разновидности литературного языка XVII века – периода становления норм деловой письменности и эпистолярного жанра. Начальный формуляр рассматривается на материале начального протокола посланий из фонда А. И. Безобразова, отражающих широкий и разнообразный в социальном плане круг коммуникации, многоаспектность и хронологическую протяженность его деятельности. Объектом исследования являются начальные структурные элементы частно-управленческих по своей функциональной направленности деловых текстов из указанного фонда, предметом – начальный формуляр с типологическим набором формул и системой их языковых репрезентантов, коммуникативно-прагматическая детерминированность состава формул, отбора и организации языковых средств. Материал исследуется в историко-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Выявлены особенности начального формуляра в зависимости от нескольких факторов: характера адресата и адресанта, целей данных посланий и др. Продемонстрирована лексическая и грамматическая вариативность состава формул начального формуляра. Выявлена обусловленность употребления средств из потенциала письменных разновидностей рассматриваемого периода коммуникативно-прагматическими и социокультурными обстоятельствами (степень близости коммуникантов, родственные связи, субординация, зависимость и пр.).

Ключевые слова: язык XVII века, частно-деловая переписка, начальный протокол.

Дата поступления статьи: 19 декабря 2023 г.

Для цитирования: Рогожникова Т. П. (2024) Стилистика частно-деловой переписки XVII века: начальный формуляр. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 62–72. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6.

Scientific article

T. P. Rogozhnikova[1]
✉ pmtr@mail.ru
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Stylistics of private and business correspondence of the 17th century: initial set form

Abstract: The article examines the initial component of private-administrative correspondence as a transitional form of a business type of literary language of the 17th century - the period of the formation of business writing standards and the epistolary genre. The initial form is considered based on the material of the initial protocol of messages from the A. I. Bezobrazov fund, reflecting a wide and socially diverse circle of communication, the multifaceted nature and chronological extent of his activities. The object of the study is the initial structural elements of private-administrative business texts from the specified fund in their functional orientation. The subject is the initial form with a typological set of formulas and a system of their linguistic representatives, the communicative and pragmatic determinism of the composition of formulas and the selection and organization of linguistic means. The material is studied in historical-stylistic and communicative-pragmatic aspects. The features of the initial form are revealed depending on several factors: the nature of the addressee and addressee, the purposes of these messages, etc. The lexical and grammatical variability in the composition of the formulas of the initial form is demonstrated. The use of means based on the potential of the written varieties of the period under consideration is determined by communicative-pragmatic and sociocultural circumstances (the degree of closeness of communicants, family ties, subordination, dependence, etc.).

© Т. П. Рогожникова, 2024

Keywords: language of the 17th century, private business correspondence, initial protocol.

Paper submitted: December 19, 2023.

For citation: Rogozhnikova T. P. (2024) Stylistics of private and business correspondence of the 17th century: initial set form. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 62–72. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6.

Введение

О большом значении деловой письменности XVII века для истории русского языка, как народно-разговорного, так и литературного, в отечественном языкознании говорилось уже достаточно подробно (Котков, 1980; Котков, 1991; Никитин, 2004; Волков 2006; Майоров, 2006; и др.). Отмечалось также, что XVII век характеризуется интенсивным развитием деловой переписки, которая по своей функциональной значимости делится на официально-деловую и частно-деловую. Первая разновидность (общегосударственная, правительственная) отличается большей тщательностью литературной обработки, более слабым проникновением в деловые акты элементов живой разговорной речи. Частно-деловая переписка представляет отношения между землевладельцами и их приказчиками, крестьянами, а также между лицами, принадлежащими одной социальной группе или одной семье. Показательно в связи с дифференциацией видов переписки формальное различие в номинации жанра деловой корреспонденции. Так, *грамота* употребляется в значении ‘деловое письмо распорядительного характера из центрального учреждения в местные учреждения и к должностным лицам’ (Качалкин, 2002). Применительно к частно-деловой переписке использовался народной-разговорный вариант *грамотка*, передающий сниженную степень официальности письма-послания.

Содержание этих писем («грамоток») не умещалось в рамки приказной разновидности, сложившейся в московской деловой письменности к XVII веку в качестве официальной: проникновение живой речи в деловую в грамотках становится более интенсивным. Указанная тенденция придает частно-деловым документам особую научную значимость как в аспекте истории литературного языка, так и в русле исторической жанрологии, диахронической социолингвистики и лингвокультурологии (Картавенко, 2019). Так, роль русского эпистолярия XVII века (и официального, и неофициального) рассматривается как инструмент, использовавшийся во всех сферах жизни русского общества и являвшийся ключевым средством управления (ведение разного рода дел, способом осуществления личных, семейных, социальных связей (Новохатко, 2018). При этом «очевидной и традиционной функцией частной переписки в России XVII века была коммуникационная» (Новохатко, 2019, с. 326). Несмотря на признание актуальности рассматриваемого круга источников для отечественной медиевистики, язык частно-деловых документов практически не изучен, что сообщает настоящей статье актуальность и новизну.

В исследованиях по деловой корреспонденции средневековой России общепризнанным является наличие в документах формуляра – определенной языковой оболочки (набора устойчивых и обязательных словосочетаний, предложений, то есть формул), оболочки, в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичной содержание, но другую цель. Приемы построения формуляра отражали традиционно сложившиеся способы оформления данной группы документов, степень их литературной обработанности. В исследованиях по деловой письменности XVII века материалом обычно является основная часть грамоток, поскольку начальный их протокол традиционно считается элементом консервативным и устойчивым (Ларин, 2005). Однако широкое распространение хозяйственной переписки, в которую включались представители разных социальных групп, имеющие неодинаковую степень образованности, а также возраставшее многообразие функций грамоток не могло не повлиять на их формуляр.

Как предмет изучения формуляра частной переписки интересен прежде всего начальный протокол, поскольку, вследствие своеобразного сочетания в переписке жанровых особенностей грамот и собственно эпистолярного жанра, он составляет очень важный элемент посланий, часто даже превышающий по объему основную часть. Между тем конечный протокол сводится часто к указанию даты написания грамотки или к обычной челобитной нераспространенной формуле.

Разнообразным в жанровом отношении материалом остается частно-деловая переписка А. И. Безобразова – стольника, имевшего вотчины в различных российских уездах. Хронологические рамки переписки определяются временем хозяйственной деятельности А. И. Безобразова – с середины XVII века до 1790 года. Фонд включает послания самого вотчинника своим управляющим, челобитные от крепостных, переписку с родственниками, содержащую деловые сообщения, и др. Этот материал позволяет проследить особенности начального протокола в зависимости от нескольких факторов: характера адресата и адресанта, целей данных посланий и др. Таким образом, объектом исследования статьи являются начальные структурные элементы частно-управленческих по своей функциональной направленности деловых текстов из указанного фонда, предметом – начальный формуляр с типологическим набором формул и системой их языковых репрезентантов, коммуникативно-прагматическая детерминированность состава формул, отбора и организации языковых средств.

Методы

Теоретической основой исследования является концепция В. В. Колесова о формульности средневекового текста и постепенного высвобождения слова из формулы-синтагмы (Колесов, 2023). Основным подходом к исследованию материала деловых памятников в настоящей статье является синтез историко-стилистического и коммуникативно-прагматического анализа. Историческая стилистика понимается вслед за стилистами-классиками как «закономерности функционирования языка в различных сферах общения – в функциональных стилях и иных речевых образованиях – в процессе их формирования и развития на разных этапах истории языка, создающих стилевую специфику того или иного функционального стиля» (Кожина, 2006, с. 418). Историко-стилистическая научная парадигма применяется в работе скорее как методология изучения, позволяющая увидеть функциональный стиль в развитии, обусловленном как внутри-, так и внелингвистическими факторами развития литературного языка.

Коммуникативно-прагматический подход в сочетании с лингвостилистическим можно трактовать как комплексную методику исследования языка документа той или иной эпохи. В этом случае целесообразной представляется опора на достижения современной документной лингвистики. Определим основные понятия документной лингвистики, методически существенные для нашего исследования. Во-первых, это документный коммуникативный процесс как система по установленным правилам, а также действий, обеспечивающих обмен информацией и проходящих в формах, приемлемых для участников данного процесса. Во-вторых, понятие типовой речевой ситуации – устойчивой модели, включающей субъекты речевой деятельности («адресант» и «адресат») и связанные с ними характеристики: «цель», «намерение», «социальная роль», «выбор принятых языковых средств». Существенными для типовой документной ситуации являются отношения между характером ситуации и речевым поведением субъектов коммуникации, между однотипными ситуациями и выбором видовых групп знаковых средств, между повторяющимися реальными ситуациями и видами текстов (Кушнерук, 2016, с. 22–28). Следует признать продуктивными принципы, подходы, методы и методики анализа делового приказного документа, примененные в исследованиях (Кортава, 1998; Зиновьева, 2000; Малышева, 2003; Баракова, 2003; Пирогова, 2011; Выхрыстюк, 2013; и др.). Обобщенно ход исследования можно представить в виде схемы: источниковедческий анализ документа – жанрово-стилистическая характеристика – характеристика структуры, формуляра структурных частей и языковое наполнение формул.

Результаты

Внутри частно-деловой переписки фонда можно выделить жанровые разновидности: частно-управленческая переписка (142 грамотки), челобитные (92) и собственно частная переписка. С целью выявления особенностей выражения начального протокола, характера его варьирования обратимся к наиболее полно представленной в указанном материале частно-управлен-

ческой переписке, в которой состояли вотчинник и его помощники, другие землевладельцы, а также его родственники. Содержание этих актов – сообщения о хозяйственных делах, доклады, отчеты и т. д.[1]

1. Начальный протокол, первая формула которого – челобитье. Формула-челобитье содержит три элемента: «адресат» (имя существительное в сочетании с именем собственным в дательном падеже) – «адресант» (имя собственное с патронимом в именительном падеже) – выражение *челомъ бьетъ*. При основных элементах могут быть распространители, например: *Государю моему Андрею Ильичу – старостишка твои Федка Григорьев – челом бьет* (89, с. 54); *Государю моему ко мне милостивому Мине Кириловичю – искатель твоего жалованя Иленка Безобразов – челом бьет* (48, с. 34).

2. Начальный протокол второго типа начинается с формулы «обращение к адресату», включающей два элемента: «адресат» (в форме обращения с включением имени собственного с патронимом) и «пожелание благополучия»: *Милостивои государь мои ко мне – князь Василеи Васильевиь здравствуи о Христе на веки и пребываи во всяких радостях и с теми хто тебе государю моему всякова добра желаетъ и здаровья твоего остерегает* (26, с.19).

Рассмотрим приведенные типы начального протокола подробнее. Первый характерен для грамоток, написанных А. И. Безобразову подчиненными (управляющими на местах, старостами, приказчиками и пр.). Поскольку все эти лица были зависимы от воли А. И. Безобразова, то, помимо сообщения вотчиннику информации о хозяйственных делах, они старались воздействовать на чувства адресата, вызвать достойную оценку их усердия. В подобных посланиях часто содержатся личные просьбы авторов. Следовательно, использование образца протокольных формул челобитья в приведенных примерах и означенных ситуациях вполне оправданно, поскольку в документах этого жанра уже были выработаны лексико-фразеологические, композиционные и стилистические средства, соответствующие коммуникативной задаче челобитных. Подобные формулы использованы в посланиях, адресант которых – младший родственник (это могут быть дети, племянники, младшие братья), а адресат – отец, дядя или старший брат. Безусловно, челобитье в данном контексте – только этикетная формула, но формула, несущая коннотативную нагрузку: это своеобразный стилистический прием автора, направленный на демонстрацию проявления уважения, почтения и покорности младших по отношению к старшим. В грамотках же, написанных старостами вотчинных деревень, начальный протокол сводится исключительно к челобитью: *Государю моему Андрею Ильичю старостишка твои Федка Григорьев челом бьет.* Далее следует основное содержание грамотки. Начальный протокол остальных частно-управленческих документов первого типа гораздо обширнее. Он включает в себя, помимо формулы челобитья, «пожелание здоровья и благополучия», «просьбу адресанта к адресату извещать о своем здоровье», то есть просьбу ответить на послание, «упоминание родных и близких». Во всех четырех формулах наблюдается вариативность используемых лексических средств и синтаксических конструкций, особенно в последних трех формулах, при всем их функциональном и смысловом единообразии.

Рассмотрим каждую формулу в отдельности. Челобитье содержит три элемента: «адресат» – «адресант» – «собственно челобитье». Группа «адресат» выражена именем собственным (имя у духовных лиц, имя с отчеством – у светских), а также словами, передающими титулы адресата. Адресат чаще всего назван существительным *государь* в значении ‘владелец, хозяин’, употребленным в форме дательного падежа. В большинстве случаев с этим существительным согласовано местоимение *мои*. Кроме того, могут присоединяться почетные или наследственные титулы данного лица (*князь*), но такое присоединение является факультативным. В случае, если участники переписки – родственники, в группу адресата дополнительно включены соответствующие термины родства (*батюшка, брат, дядюшка*), согласованные с именем и титулом адресата. Иногда слова *батюшка, отец* выступают в значении ‘покровитель, заступник’. Такие

[1]В ходе анализа ссылки на источник даются в круглых скобках с указанием номера документа и страницы в следующем издании: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) / Под ред. С. И. Коткова и Н. И. Тарабасова (1965). М. : Изд-во «Наука», 1965. 166 с.

случаи характерны для грамоток, авторами которых выступают управляющие из числа «вскормленников» А. И. Безобразова. Обращение *государь* может конкретизироваться различными признаками (*благодетель милосердаи и многомилостивои*), усиливающими эмоциональное воздействие на адресата. Аналогичные функции у наименований *добротворитель* (10, с. 63), *добродеи* (35, с. 26), *кормилец* (52, с. 36) – слов, в значении которых содержится сема ‘делающий добро’, предполагающая перенесение этого действия на автора послания. Употребление наименований *добротворитель, добродеи, кормилец* характеризуется социальной дифференциацией: в рассмотренных памятниках употребляются в тех грамотках, адресатом которых и автором являются представители либо одного с А. И. Безобразовым социального статуса, либо важные государственные лица; наименование *кормилецъ* употребляют при обращении к своему благодетелю авторы грамоток, находящиеся у него на службе, например, управляющие вотчинами из его воспитанников (система «кормления»). Социальный статус этих адресантов, естественно, ниже, чем у А. И. Безобразова. Здесь слово *кормилец* усиливает субординацию адресата и адресанта, но вместе с тем подчеркивает и их связь. Кроме того, три рассмотренных слова различаются стилистически: последнее нейтрально по отношению к книжным *благодетель* и *добродеи*, что также вполне объяснимо с социальной точки зрения. В переписке А. И. Безобразова с его друзьями и знакомыми встречается обращение *приятель* в значении ‘друг, сторонник’, известном из древнерусских памятников старшей поры, то есть вновь эксплицирована связь с адресатом: он принимает чью-то сторону, является чьим-то единомышленником.

Группа «адресант» представлена, во-первых, именем собственным – антропонимом, во-вторых, формулой «покорности и зависимости». Этот топос изначально был присущ книжным текстам, авторы которых заимствовали его из византийской литературной традиции. Однако в грамотках к уничижительности добавляется социальная зависимость: *Государю моему милостивому батьку Андрею Ильичю вскормленик государь твоеи пространной трапезы Мишка Борцов челом бьет* (81, с. 51). Антропоним в уничижительно-пренебрежительной форме – способ выражения, пришедший из просторечия (ср. оформление топоса в книжных текстах главным образом с помощью прилагательных *худыи, недостоиныи* и т. п.). В некоторых случаях фамилия заменяется прозвищем. Эти сведения об авторе грамотки могут сопровождаться выражением покорности с помощью книжной формулы: *вскормленик государь твоеи пространноu трапезы*. Автор и в этом элементе начального протокола пытается представить в преувеличенном виде значимость и вес адресата. В грамотках родственников данная формула может заменяться терминами родства, употребленными в уменьшительно-ласкательной форме или пренебрежительной форме. Синтаксически формула является приложением к имени собственному и характеризуется постоянной препозицией по отношению к подлежащему.

В исследуемом материале встречаются лексические варианты формул «покорности и зависимости»: *ускормленик твои* (40, с. 30), *искатель твоего жалованья* (46, с. 32), *раб милости твоеи и вскормленик богатые твоея трапезы* (125, с. 73), *раб милости твоеи* (55, с. 37). Такими формулами пользовались в основном управляющие вотчинами А. И. Безобразова, подчеркивая тем самым свою зависимость от него. В грамотках, написанных А. И. Безобразовым к различным именитым персонам, в частности к М. К. Грязеву или князю Шеховскому, встречается формула *искатель твоего жалованья,* построенная по книжному образцу, где ключевое слово имеет «высокий» суффикс *-тель*, а зависимое представляет собой отглагольное существительное с суффиксом *-ий*. Эту же форму используют и авторы посланий, социальный статус которых ниже статуса адресата, но образованность достаточно высока. Например, ее употребляет Савка Богданов, профессиональный подьячий Белевской приказной избы. Таким образом, приведенная формула достаточно универсальна. В формулах *раб подножия ног твоих, раб милости твоея* слово *раб* употреблено в значении ‘безусловно покорный’, известном из книжных текстов. Такие формулы используются при переписке лиц разного социального статуса. В грамотках одного и того же автора могут встречаться разные варианты одной формулы, или же она может вообще опускаться, как, например, в грамотках Савки Богданова. Профессиональное владение приказ-

но-деловыми нормами позволяет ему в нужных случаях освобождать стиль от излишней отягощенности архаичными книжными оборотами. В случаях, когда авторами грамоток являются иностранцы, формулы зависимости и покорности отсутствуют. Они заменяются указанием на иностранное происхождение адресанта: *Милостивому государю благодетелю Андрею Ильичу иноземец Вихлянко Фреи челом бьет* (192, с. 104). Видимо, грамотка была составлена в канцелярии подьячим, который иностранное имя подчиняет норме русской деловой письменности. Формула зависимости имеет еще один вариант – *сирота твои*, иногда заменяемый словами *крестьянишко, старостишка*. Таким способом осуществляется трансформация: замена пассивного архаичного элемента *сирота* в этикетном значении социально конкретизирующим наименованием в прямом значении. Данные формулы выступают одновременно как эмоционально-экспрессивные, и как стилистические (просторечные либо книжные). В грамотках могут также содержаться сведения о профессии адресанта, о выполнении им служебных обязанностей, о месте его службы. Располагаются эти сведения обычно между формулой зависимости и именем адресанта: *Государю Андрею Ильичу рабъ подножия ног твоих белевские приказные избы подьячеи Савка Богданов челомъ бьет* (74, с. 47). Подобные случаи встречаются редко, поскольку для постоянного адресата данная информация была излишней.

При сопоставлении способов выражения «адресата» и «адресанта» выявляются следующие закономерности: стремление отразить иерархию «адресат – адресант» выражено композиционно в расположении на первом месте группы адресата и лексически – в употреблении слов с символическим значением, абстрактной семантикой, наконец, стилистически – в употреблении книжных фразеологизмов, в использовании книжных словообразовательных моделей. Группа адресанта распадается на две части: первая связана с адресатом, поэтому здесь присутствуют книжные средства выражения, вторая – собственно наименование адресанта, выраженное в уничижительной форме с помощью разговорных средств, что проявляется преимущественно на словообразовательном уровне.

Третий элемент начального протокола первого типа – «челобитье» – выражается фразеологизмом *челом бьет*. Устойчивое сочетание, как известно, восходит к рубежу XIII—XIV вв., передавая значение ‘кланяться до земли’, затем его семантика развивается на основе метонимического переноса, все более абстрагируясь: в деловой письменности XIV—XVI вв. выражение характеризуется значениями ‘обращаться почтительно, кланяясь земно’, ‘просить’, ‘жаловаться’, ‘предъявлять иск’, ‘сообщать’ (как в формуляре, так и вне его). В частной переписке фразеологизм выступает в значении ‘приветствовать’, ‘благодарить’, ‘преподносить в дар’, ‘прощаться’ (в концовках эпистол). В отличие от собственно челобитных, в грамотках данная формула располагается не между сведениями об адресате и адресанте, а после них, причем постпозиция обязательна.

Следующий элемент – «пожелание здоровья и благополучия». Эта формула характерна для эпистолярного жанра, в рассматриваемом круге источников выражена глаголом повелительного (пожелательного) наклонения, обращением к адресату и уточнением: *Здравствуи государь мои дядюшка на многие лета* (40, с. 30); *Здравствуи государь со всемъ твоим праведным домом*. Существительное *дом* в приведенных примерах употреблено в значении ‘семья, домочадцы’. Варьирование формулы проявляется в распространении ключевых слов, использовании другой грамматической формы или словообразовательной модели, имеющей книжную стилистическую окраску. Так, наряду с употреблением глагольной формы *здравствуи* встречаются книжные сложные конструкции *буди здрав* (10, с. 14), *подаи бог тебе здоровье* (88, с. 54), аналитически передающие аналогичный смысл. Обращение *государь* может уточняться различными признаками, перекликающимися по значению с группой адресата в формуле *милостивои кормилец* (52, с. 36), но в деловой переписке такие случаи редки. Выражение *на многие лета* в некоторых грамотках сопровождается прилагательным *нещетные* или заменяется наречием *многолетно*. Если автор грамотки был хорошо знаком с адресатом, то при пожелании здоровья государю упоминалась и его супруга, иногда другие родственники: *Здравствуи государь на многа лет и з государынею*

нашею милостивою маткою Огафьею Васильевною (81, с. 51). Здесь значение слова *матка* аналогично *батка* – ‘покровительница, заступница’. Восточнославянское *государыня*, просторечное *матка* сочетаются в одном контексте с книжной формой творительного падежа (полная форма окончания).

Возможно и отсутствие данной формулы в составе грамоток, но в этом случае утрата восполняется за счет расширения состава следующей формулы, смысл которой в достаточной степени конкретизирован, – формулы «просьба к адресату об отклике», имеющей следующую структуру: первая часть – с глаголом в повелительном (пожелательном) наклонении (*А ко мне государь пожалуи прикажи писать про свое многолетное здоровье* (46, с. 32)); вторая часть вариативна – либо начинается с союзного слова *как* (*как вас государеи нашихъ всещедрыи владыка милостию своею хранитъ*), либо с союза *а* (*а я о том слышати всегда желаю*) (173, с. 95). При семантическом, функциональном единообразии данного элемента начального протокола наблюдается вариативность лексических и синтаксических средств его оформления. Первая часть более канонична, вторая допускает два варианта, которые, в свою очередь, могут иметь различное оформление. Первая часть структурирована глагольными формами *пожалуи – прикажи – писать,* далее инфинитив распространяется предложно-падежным сочетанием. Вторая часть содержит двусоставное предложение с глаголом-сказуемым в презенсе и предложно-падежную форму существительного с согласованным определением. Указание на объект в данном случае дается дважды: обращение *государь* с притяжательным местоимением *мои* и местоимение *свои*. Отступление от данной осложненной книжной конструкции происходит за счет употребления более разговорных выражений, например: *как тебя богъ милуетъ* (47, с. 33). Примечательно, что упрощение может затронуть каждый компонент формулы, ср.: *как вас государеи наших – какъ тебя, всещедрыи владыка – бог, милостию своею хранит – милует*. Варианты, подобные приведенному, встречаются в грамотках, адресованных обычно какому-либо хорошо знакомому лицу, с которым существуют приятельские отношения, позволяющие автору обойтись без лишних этикетных условностей. Так, формула грамотки А. И. Безобразова к князю Василию Григорьевичу имеет ограниченный набор лексических средств, не содержит распространителей. В грамотках же к князю Шеховскому не опущен ни один структурный элемент, каждый из них имеет распространители, просьба к адресату извещать о своем здоровье оформлена дважды (до и после дополнительных сведений о об авторе грамотки).

Особый случай в кругу данных формул – употребление вместо наименования *бог* словосочетания *огнепарныи параклит* в грамотке Ивана Татищева к его дяде А. И. Безобразову. Грецизм параклит обозначает одну из ипостасей триединого божества – Святой Дух. Однако еще в старославянских текстах это слово приобрело значение ‘заступник на Страшном Суде’, а в древнерусских текстах употребляется в более общем значении – ‘утешитель’. Определение *огнепарныи* употреблено в значении ‘парящий, сходящий с небес в виде языков пламени’[1]. Следует отметить, что словари фиксируют единственный в своем роде пример употребления данного прилагательного лишь на основе исследуемого источника – именно в рассматриваемом примере, что позволяет сделать вывод о значимости настоящего памятника как источника по исторической лексикологии и истории русского литературного языка. В общем контексте переписки с ее следованием канонам деловой письменности подобные изыски представляются индивидуальным способом выразить уважение и почтение к старшему родственнику: выбрано обозначение именно духа, важнейшей ипостаси, при этом прилагательное призвано усилить признак божественной энергии, исходящей от духа.

Второй вариант формулы – *Я о том слышать всегда желаю* – обязательно начинается с союза А, далее следует личное местоимение 1 лица единственного либо множественного числа в именительном падеже, выступающее как обозначение субъекта действия, или личное местоимение в дательном падеже (*мне*), в сочетании с частицей *бы* образующее условную конструкцию. Второй компонент данного варианта – *слышати* – может быть распространен различными способами: *желаю слышати, слышати жадни, мне бы слышати*. Интересно употребление краткого прилага-

[1]Словарь русского языка XI-XVII века. Вып. 12 (О – Опарный), с. 242.

тельного *жадни* в значении ‘хотим, жаждем’: слово образовано от церковнославянского глагола *жадати,* форма краткого прилагательного в языке XVII века, безусловно, архаичная. Возможна также конструкция с несколькими предикативными единицами: *Мне бы про твое государя моего многолетное здоровье всечастно слышать и о бозе радоватися* (109, с. 63). В переписке *радоватися о бозе* обычно употребляется по отношению к адресату, в грамотках же данное выражение также соотносится с адресатом, но опосредовано адресантом. Желание придать торжественное звучание вступлению и деловой части письма вызывало замену инфинитива книжной отглагольной формой существительного – *слышати желатель.* В редких случаях данный вариант имеет в своем составе деепричастный оборот, еще более усложняя в целом форму выражения почтения: *Слыша про твое государя моево многолетнее здоровье радосну быть а по том бы бог очи твои государя моево в радости видет* (156, с. 87). Это единственный случай в исследуемом материале, когда начальный протокол содержит и ненормативный элемент – желание увидеться с адресатом, компенсируя таким образом формулу пожелания здоровья. Примечательно, что в другой грамотке того же автора, Ивашки Селунского, опущена первая часть просьбы, но есть пожелание здоровья. Формуляр при этом сведен к минимуму: обращение к адресату – пожелание здоровья – дополнительные сведения о себе. Возможно, грамотка написана самим Селунским, а две другие – профессиональным писцом по заказу. Пропуски указанных формул начального формуляра объясняются характером делового документа: если это было сообщение или деловой отчет, а автор его – подчиненный вотчинника, то послание освобождалось от излишней формальной этикетности.

Последний элемент начального протокола первого типа – «дополнительные сведения об адресанте» – включает сообщение о местонахождении его и о дате написания грамотки. Данные сведения выражены сложным предложением из двух частей: первая строится по схеме *«про меня – изволишь (пожалуешь, похощеш) – ведать (спросить, вспомянуть, напамятовать)»,* вторая – по схеме «*я* – указание на место – дата – *жи (обретаюся в живых по воли божеи)*». В грамотках, адресанты которых – лица, находящиеся на службе у царя, указание на это обстоятельство приводится перед указанием на место написания грамотки и возможно в кратком варианте (*на службе великого государя* (156, с. 87)) либо в более пространном (*на государеве цареве и великого князя Алексея Михаиловича всеа Русіи службе* (48, с. 34)). В переписке лиц, хорошо знакомых друг с другом, или лиц, состоящих в родстве, после географических сведений возможно упоминание членов семьи, а также продолжение данной формулы конструкцией, содержание которой – упование на бога: *А впреди его всещедрого владыки воля; А впреди надежа моя Христос; А впреди бог воленъ.* В целом лексическое наполнение данной формулы носит переменный характер, устойчивыми элементами являются при этом первая часть и выражение *жив по воли божии.*

Анализ начального протокола, составляющих его элементов (формул) позволяет определить степень универсальности формул, используемых в частно-управленческой переписке, а также набор этих формул в протоколе в зависимости от коммуникативно-прагматического отношения «адресант – адресат». Наиболее универсальной формулой в грамотках с начальным протоколом первого типа («челобитье») следует признать формулу челобитья со всеми ее элементами, далее по мере ослабления обязательности следуют «пожелание здоровья и благополучия», «просьба извещать о здоровье адресата», «дополнительные сведения об адресанте».

Второй тип начального протокола – обращение к адресату и пожелание благополучия. В основном грамотки с протоколом этого типа писались А. И. Безобразову вотчинниками и друзьями. Структура начального протокола представляет собой в этом случае сочетание двух основных элементов – «адресат (обращение)») и «пожелание благополучия», причем оба элемента могут иметь распространители. Формула адресата по лексическому составу напоминает первый тип начального протокола, но оформлена как обращение: *Приятель мои государь и добродея Александра Иванович* (17, 17); *Батька мои государь братец Андреи Ильич* (68, с. 44); *Благодетель и государь мои милостивои Андреи Ильич* (211, с. 112); и др. Пожелание благополучия состоит из двух частей. Первая более консервативна, ее основа – выражение *здравствуи о Христе*

на веки, но может быть распространена путем добавления еще одного книжного выражения – *пребываи во всяких радостях* (17, с. 17). Вторая отличается факультативностью и вариативностью, поскольку представляет собой упоминание о близких адресата (родственниках, единомышленниках): *з государынею моею с супругою своею* с указаниемъ имени собственного (219, с. 114); *з домомъ своимъ благодатнымъ* (178, с. 97); *со всеми приятели твоими на многия неисчетныя лета* (135, с. 78); *со всеми одержимыми тобою* (59, с. 56). Все близкие в начале послания соотносятся с адресатом, подчеркивается зависимость их от хозяина и адресованная ему благодарность и забота, отсюда столь частое повторение пожелания добра и здоровья: *с теми кто тебе всякого добра желает и здоровья твоего остерегает* (17, с. 17). В пределах данного элемента существует относительная свобода выражения, которая регулируется нормами данного жанра, поэтому автор пользовался устойчивыми сочетаниями по своему усмотрению. Эти формулы, как правило, книжного происхождения, ибо высокий стиль начального протокола способствовал расположению адресата грамотки к ее автору. Так можно объяснить длинные цепочки-перечисления, в которых сказывается стремление автора охватить одной фразой различные стороны жизни адресата: *Будь здоров и счастлив и неприятелем страшен и храним богом со всем своим благодатным домом* (57, с. 38).

Выводы

В результате проведенного исследования определены типизированные наборы формул и система их языковых репрезентантов, что позволяет уточнить и представления об источниках русского литературного языка и его норм, а именно норм стилистических в связи с общими тенденциями языкового развития памятников данной эпохи.

Показательно отсутствие в частно-управленческой переписке из фонда А. И. Безобразова территориальных вариантов начального протокола, равно как и диалектных особенностей как в лексическом составе формул, так и в грамматических конструкциях. В стилистическом отношении лексика и грамматические средства языкового выражения отличаются книжным происхождением. В первом типе начального протокола формула адресанта выражена в разговорной форме, в противовес высокому стилю, в котором выступают книжные, церковнославянские средства. Таким образом, начальный протокол грамоток представляет собой своего рода литературный инвариант. Книжные элементы выполняют в составе протокола разные функции в зависимости от статуса адресанта и адресата: могут, с одной стороны, выражать зависимость первого от второго и вызывать сочувствие последнего, с другой стороны – показывать безграничное уважение автора письма к его объекту.

Употребление разговорных средств выражения при этом не обусловлено социально: они встречаются в грамотках, авторами которых выступают лица разного статуса. Переход с книжных средств на разговорные имеет функциональную зависимость: во-первых, обиходные средства придавали сообщению необходимую для делового письма краткость и ясность (сообщения о делах) и соответственно эксплицировались на морфологическом и синтаксическом уровнях; во-вторых, именование адресанта в уничижительной форме выражало зависимость его от адресата и осуществлялось преимущественно на уровне словообразовательном. Кроме того, влияние живой речевой среды сказывалось на лексико-семантическом уровне: архаические формы утрачивают свое исконное значение либо изменяют его. Часто книжные формы употребляются в экспрессивной функции как риторический изыск, как демонстрация высокой образованности. В таких случаях они перестают быть формулой, элементом формуляра, а носят индивидуально-авторский характер и являют собой уже иное отношение к слову. Следовательно, сознательный переход с книжного на разговорный стиль создает третий, нейтральный стиль.

Сам факт наличия двух типов формуляра, один из которых предстает как более упрощенный, свидетельствует о развитии в деловом языке XVII столетия начального формуляра без отягощающих его сложных конструкций, формуляра, который оказался в наибольшем соответствии с коммуникативными функциями документа.

Источники

Баракова О. В. (2003) Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформлении. М., Московский областной педагогический университет, 239 с.
Волков С. С. (2006) Стилевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 342 с.
Выхрыстюк М. С. (2013) Деловая письменность XVII-XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект: монография. Тобольск, Тобольская государственная социально-гуманитарная академия им. Д.И. Менделеева, 328 с.
Зиновьева Е. И. (2000) Записные кабальные книги Московского государства XVI-XVII вв.: Структура. Лексика. Фразеология. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 200 с.
Картавенко В. С. (2019) Социолингвистическая характеристика Смоленских памятников письменности XVI-XVII веков. Вестник Смоленского государственного университета, № 2 (46), с. 87–99.
Качалкин А. Н. (2002) Названия допетровских деловых текстов. Русская речь, № 2, с. 73–80.
Кожина М. Н. (2006) Стилистика историческая (диахроническая). В кн.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожиной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М., Флинта, Наука, 696 с.
Колесов В. В. (2023) Древнерусский литературный язык: учебник и практикум. М., Юрайт, 333 с.
Кортава Т. В. (1998) Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., Изд-во МГУ, 110 с.
Котков С. И. (1980) Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., Наука, 293 с.
Котков С. И. (1991) Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка. В кн.: Источники по истории русского языка XI-XVII вв. М., Наука, с. 3–14.
Кушнерук С. П. (2016) Документная лингвистика: учеб. пособие. М., ФЛИНТА, Наука, 256 с.
Ларин Б. А. (2005) Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII века): Учебник для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. СПб., Авалон, Азбука-классика, 416 с.
Майоров А. П. (2006) Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., Издательский центр «Азбуковник», 263 с.
Малышева И. А. (1997) Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, Хабаровский государственный педагогический институт, 182 с.
Никитин О. В. (2004) Деловая письменность в истории русского языка (XI-XVIII вв.): Лингвистические очерки: Монография. М., Наука, 266 с.
Новохатко О. В. (2018) Россия. Частная переписка XVII века. М., Памятники исторической мысли, 663 с.
Новохатко О. В. (2019) Частная переписка в России XVII века. Преподаватель XXI век, № 1, с. 317– 328.
Пирогова А. В. (2011) Структура и формуляр дозорных книг Московского государства XVII века. Вестник Университета Российской академии образования, № 5, с. 148–151.

References

Barakova O. V. (2003) Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII veka: struktura, yazykovoe oformlenii [Customs books of the Moscow state of the XVII century: structure, linguistic design]. Moscow Regional Pedagogical University, Moscow, 239 p. (In Russian).
Kachalkin A. N. (2002) Nazvaniya dopetrovskih delovyh tekstov [The names of pre-Petrine business texts]. Russkaya Rech' – Russian Speech, no. 2, pp. 73–80 (In Russian).
Kartavenko V. S. (2019) Sociolingvisticheskaya harakteristika Smolenskih pamyatnikov pis'mennosti XVI–XVII vekov [Sociolinguistic characteristics of the Smolensk monuments of writing of the XVI–XVII centuries]. Izvestia of Smolensk State University, no. 2 (46), pp. 87–99 (In Russian).
Kolesov V. V. (2023) Drevnerusskij literaturnyj yazyk: uchebnik i praktikum [Old Russian literary language: textbook and practical course]. Moscow, Yurait Publ., 333 p. (In Russian).
Kortava T. V. (1998) Moskovskij prikaznyj yazyk XVII veka kak osobyj tip pis'mennogo yazyka [The Moscow command language of the XVII century as a special type of written language]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 110 p. (In Russian).
Kotkov S. I. (1980) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 293 p. (In Russian).
Kotkov S. I. (1991) Istochnikovedcheskie issledovaniya i nauchnoe izdanie pamyatnikov v oblasti russkogo yazyka [Source studies and scientific publication of monuments in the field of the Russian language]. V kn.: Istochniki po istorii russkogo yazyka XI–XVII vv. [In: Sources on the history of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 3–14 (In Russian).
Kozhina M. N. (2006) Stilistika istoricheskaya (diahronicheskaya) [Historical (diachronic) stylistics]. In: Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Edited by M.N. Kozhina; members of the editorial board: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 696 p. (In Russian).
Kushneruk S. P. (2016) Dokumentnaya lingvistika [Documentary linguistics: a textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 256 p. (In Russian).
Larin B. A. (2005) Lekcii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (H – seredina XVIII veka) [Lectures on the history of the Russian literary language (X – middle of the XVIII century): Textbook for philologists.

specialties of the University and pedagogical institute]. St. Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika Publ., 416 p. (In Russian).
Majorov A. P. (2006) Ocherki leksiki regionalnoj delovoj pismennosti XVIII veka [Essays on the vocabulary of regional business writing of the 18th century]. Moscow, Publishing Center “Azbukovnik”, 263 p. (In Russian).
Malysheva I. A. (1997) Pamyatniki delovoj pis’mennosti XVIII veka kak ob’’ekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya [Monuments of business writing of the XVIII century as an object of linguistic source studies]. Khabarovsk State Pedagogical Institute Publ., Khabarovsk, 182 p. (In Russian).
Nikitin O. V. (2004) Delovaya pismennost’ v istorii russkogo yazyka XI-XVIII vv.: lingvisticheskie ocherki [Business writing in the history of the Russian language (XI-XVIII centuries): linguistic essays]. Monograph. Moscow, Science Publ., 266 p. (In Russian).
Novokhatko O. V. (2018) Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka Russia [Private correspondence of the XVII century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 663 p. (In Russian).
Novokhatko O. V. (2019) Chastnaya perepiska v Rossii XVII veka [Private correspondence in the XVII century Russia]. Prepodavatel XXI vek, no. 1, pp. 317–328 (In Russian).
Pirogova A. V. (2011) Struktura i formulyar dozornyh knig Moskovskogo gosudarstva XVII veka [Structure and formulary of patrol books of the Moscow state of the 17th century]. Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya – Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, no. 5, pp. 148–151 (In Russian).
Volkov S. S. (2006) Stilevye sredstva delovoj pismennosti XVII v.: na material chelobitnyh [Style means of business writing of the XVII century: on the material of petitions]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 342 p. (In Russian).
Vyhrystyuk M. S. (2013) Delovaya pismennost XVII-XVIII vv. G. Tobolska: leksiko-grammaticheskij aspect [Business writing of the XVII-XVIII centuries of Tobolsk: Lexico-grammatical aspect]. Monograph. Tobolsk, Mendeleev Tobolsk State Social and Humanitarian Academy Publ., 328 p. (In Russian).
Zinovieva E. I. (2000) Zapisnye kabalnye knigi Moskovskogo gosudarstva XVI-XVII vv.: Struktura. Leksika. Frazeologiya [The notebooks of the bonded books of the Moscow state of the XVI-XVII centuries: Structure. Vocabulary. Phraseology]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 200 p. (In Russian).

Информация об авторе

Рогожникова Татьяна Павловна
Доктор филологических наук, профессор.
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru

Autor’s information

Tatyana P. Rogozhnikova
Dr. Sc. (Philology), Professor.
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru

УДК 81'33 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7
Научная статья

О. А. Михайлова[1]
✉ allellia@mail.ru
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Оппозиция «Жизнь — Смерть» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья

Аннотация: В статье выявляется взаимосвязь концептов Жизнь и Смерть, репрезентированных в текстах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья, с ключевыми константами традиционной речевой культуры. В материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья отражена диалектная картина мира, в которой манифестируются ценности носителей говоров. Принцип тематической разметки текстов помогает реконструировать основные концепты, отражающие народную ментальность региона как часть национальной. Для выявления взаимосвязи концептов Жизнь и Смерть с другими концептами языкового сознания диалектоносителей был проведен концептуальный анализ констант, манифестированных в тематически размеченных текстах корпуса народной речи. Исследование позволило смоделировать фрагмент диалектной картины мира, репрезентирующей ключевые категории, связанные с Жизнью и Смертью. Жители Среднего Прииртышья придают большое значение семье, дому, животным, здоровью и вере, а также ценят жизнь, которая должна быть здоровой и полноценной. Смерть считается неизбежной, но не вызывающей страха. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для более глубокого понимания народной ментальности в целом и ценностей региона в частности, а также могут быть полезны для диалектологических, этнографических, культурологических и корпусных исследований.

Ключевые слова: региональный корпус текстов, диалектология, аксиология, концептология, картина мира.

Дата поступления статьи: 24 мая 2023 г.

Для цитирования: Михайлова О. А. (2024) Оппозиция «Жизнь — Смерть» в материалах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 73–82. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7.

Scientific article

O. A. Mikhailova[1]
✉ allellia@mail.ru
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

"Life and Death" opposition in the materials of the corpus of the Medium Irtysh region folk dialect

Abstract: The article reveals the relationship between the concepts of Life and Death, represented in the texts of the regional corpus of folk speech of the Medium Irtysh region, and the key constants of traditional speech culture. The materials of the regional corpus of folk speech of the Medium Irtysh region reflect the dialectal picture of the world, in which the values of speakers of dialects are manifested. The principle of thematic markup of texts helps to reconstruct the main concepts that reflect the folk mentality of the region as part of the national one. To identify the relationship between the concepts of Life and Death and other concepts of the linguistic consciousness of dialect speakers, a conceptual analysis of the constants of speech culture, reflected in thematically marked texts of the folk speech corpus, was carried out. The study made it possible to model a fragment of the dialectal picture of the world, reflecting the key categories associated with Life and Death. The inhabitants of the Medium Irtysh region attach great importance to the family, home, animals, health and faith, and also value life, which should be healthy and fulfilling. Death is considered inevitable, but not feared. The results obtained during the study can be used for a deeper understanding of the national mentality in general and the values of the region in particular, and they can also be useful for dialectological, ethnographic, cultural and corpus studies.

Keywords: regional corpus of texts, dialectology, axiology, conceptology, picture of the world.

Paper submitted: May 24, 2023.

For citation: Mikhailova O. A. (2024) "Life and Death" opposition in the materials of the corpus of the Medium Irtysh region folk dialect. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 73–82. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.7.

© О. А. Михайлова, 2024

Введение

Для наблюдений и получения выводов в исследовании были использованы записи говоров, зафиксированные в ходе экспедиции 2015 года в Тарский район Омской области. Расшифровка аудиозаписей и тематическая разметка текстов были выполнены О. А. Михайловой. Общий объем проанализированных текстов составил 42 000 слов, из которых отобрано 86 контекстов, репрезентирующих концепты Жизнь и Смерть.

Жизнь и Смерть – фундаментальные категории, на представлениях которых базируется картина мира любого народа. Как отмечает Т. И. Вендина, наше восприятие жизни влияет на ценности и идеалы общества, «жизнь лишена смысла, смысл в нее вкладывает только человек» (Вендина, 2020, с. 277). Интерес людей к философским основам жизни отражается и в языке. М. Хайдеггер отмечал экзистенциально-онтологическое значение речи, замечая, что речь является бытийным фундаментом языка (Хайдеггер, 2003, с. 189).

«Концепт Жизнь (Жить) сохраняет концептуальный смысл ‘деятельное существование’ (существование в действии, жизнедеятельность)» (Колесов, 2019, с. 442). В то же время «ключевыми для любой культуры считаются представления о смерти, формирующие концептосферу диалектного языка» (Никифорова, 2015, с. 492).

Включенность концептов Жизнь и Смерть в аксиосферу культуры является одним из ключевых аспектов исследования как языковой, так и культурологической науки.

Аксиосфера описывает систему ценностей, которые определяют отношение людей к жизни и выражаются в языке и культуре, определяя взаимоотношения людей, их мировоззрение, этические нормы и стандарты. Концепты Жизнь и Смерть являются важными элементами аксиосферы и выступают в речи говорящих как преемственные категории. Они связаны с этикой, религиозными и культурными традициями. Эти концепты рассматриваются как ключевые смысловые единицы, которые определяют языковую картину мира человека или народа.

Аксиосфера неоднородна и включает в себя несколько ценностных ядер: нравственное, социальное, интеллектуальное и экзистенциальное. Концепт «жизнь» входит в экзистенциальное ядро (Марьянчик, 2013, с. 11–16). Жизнь и Смерть являются одними из наиболее значимых концептов в языковом сознании русского человека. Они «тесно связаны» и отражаются во многих языковых единицах, которые используются для описания различных аспектов человеческой жизни (Логинова, 2016, с. 123).

По справедливому замечанию Е. Н. Рядчиковой, концепт является результатом вербализации культурных, национальных и эмоциональных представлений человека о мире. Концепт отражает языковую картину мира народа (Рядчикова, Кушу, 2004, с. 231).

Жизнь для диалектоносителя часто воспринимается как коллективный опыт, связанный с его культурой, традициями и обществом. По словам М. А. Харламовой, «жизнь диалектоносителя скорее коллективна, чем индивидуальна» (Харламова, 2013, с. 182). Жизнь рассматривается не только как индивидуальный путь каждого человека, но и как путь существования общества, в котором он живет.

Для диалектоносителя жизнь может быть связана с семейными связями, общением с друзьями и соседями, участием в общественных мероприятиях и традиционных праздниках. Он может описывать свою жизнь в контексте своей родины, говорить о своих корнях и традициях. Таким образом, духовные и культурные традиции, передаваемые из поколения в поколение, играют значительную роль в формировании ценностей и представлений диалектоносителя о жизни и мире в целом.

Коллективный подход к жизни также может проявляться в отношении к смерти. Например, диалектоноситель может воспринимать смерть как переход в другой мир, где он будет соединен со своими предками и близкими. Он может рассматривать смерть не как конец жизни, а как начало нового этапа, где продолжится его связь с сообществом *своих*, т. е. носителей *своей* культуры и традиций. Жизнь и смерть тесно связаны между собой, и одно не может существовать без другого: жизнь определяется и ценится благодаря ощущению неизбежности смерти, а смерть, в свою очередь, воспринимается как естественное завершение жизни.

Таким образом, для диалектоносителя Жизнь и Смерть рассматриваются в контексте коллективного опыта, связанного с его культурой и традициями. Они помогают ему лучше понять свое место в обществе и продолжить связь с ним даже после смерти.

Проблема и цель

В центре нашего внимания – отражение констант Жизнь и Смерть в диалектной картине мира, репрезентированной в региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья, и выявление связи универсальной антиномии *жизнь-смерть* с ключевыми константами традиционной речевой культуры.

Методология

Общенаучные методы наблюдения и классификации были использованы для сбора и квалификации исходных материалов. На основе наблюдений за народной речью, отраженной в тематически размеченных материалах корпуса, была собрана информация о том, как представления о жизни и смерти объективируются в диалектной культуре Среднего Прииртышья. Метод анализа словарных дефиниций был использован для выявления семантики слов, связанных с концептами Жизни и Смерти. Были проанализированы дефиниции ключевых слов в словарях с целью маркирования восприятия жизни и смерти в разные исторические эпохи Методы лексико-семантического и контекстуального анализа позволили проанализировать значения лексических единиц, репрезентирующих концепты в контексте современной устной речи. Метод описания был использован для характеристики содержания текстов народной речи и для формулирования выводов о взаимосвязи концептов Жизнь и Смерть с другими концептами речевой культуры. Метод концептуального анализа был использован для реконструкции связанного с концептами Жизни и Смерти фрагмента картины мира жителей Среднего Прииртышья.

Результаты

Тексты в региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья распределяются по темам и подтемам с помощью специальных тегов, сама разметка имеет иерархическую структуру. Устная речь представлена в фонетической орфографии, что позволяет лучше передать своеобразие говоров полиэтнического региона. В текстах присутствует просодическая и дискурсная разметки (Лавров, Харламова, Костюшина, 2018).

Для определения границ семантического поля нужно выделить компоненты лексического значения анализируемых лексем. Рассмотрим значения слов *жизнь* и *смерть*, отраженные в этимологическом и толковом словарях, словаре древнерусского языка и в «Словаре русской ментальности».

Этимология слова *жизнь* показывает, что слово существовало в трех значениях: «жизнь как процесс», «жизнь как часть тела (живот)» и «жизнь как средства к жизни, имущество, имение». Старославянское слово жить соотносилось с литовским *gyti* «выздоравливать, заживать» (Фасмер, 1968, с. 52–57). Таким образом, слово *жизнь* имеет семантическую соотнесенность со словами *дом, здоровье*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского *жизнь* также имеет несколько толкований. Жизнь как процесс, образ жизни, живое существо, оживление, имущество (Срезневский, 1893, с. 872–873). Слово *живот* также связано с жизнью как процессом, животным и имуществом (Срезневский, 1893, с. 867–869). В толковом словаре *жизнь* соотносится с «совокупностью явлений, происходящих в организмах», «физиологическим существованием всего живого», «периодом существования», «деятельностью общества (семейная жизнь)», «оживление, полнота сил» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 194). В «Словаре русской ментальности» *жизнь* рассматривается как «духовная сторона бытия», «развитие личности в обществе». В. В. Колесов подчеркивает, что «жизнь в русской языковой картине мира активна и агрессивна, в отличие от пассивности самого человека, который подчиняется жизни и может только пожаловаться на нее» (Колесов, 2014, с. 264–267).

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить в слове *жизнь* семы ‘процесс’, ‘здоровье’, ‘полнота сил’, ‘дом’, ‘духовность’.

Этимология слова смерть связана с понятием «благой смерти», то есть естественной смерти (Фасмер, 1987, с. 685-686). В словаре древнерусского языка слово смерть соотносится с «прекращением жизни», «мором» и «погибелью» (Срезневский, 1912, с. 760—761). В толковом словаре встречаем несколько определений: «прекращение жизнедеятельности», «конец, полное прекращение деятельности» (Ожегов, Шведова, 2006, с. 735). Словарь русской ментальности отражает связь смерти с «бесповоротной гибелью и невосполнимой утратой, влекущей за собой скорбь. При этом собственной смерти принято не бояться, так как она ощущается закономерным этапом бытия, отдыхом после тяжелой жизни» (Колесов, 2014, с. 267—269).

Проанализировав определения, выделим следующие семы, дифференциальные для лексического значения слова *смерть*: ‘прекращение существования’, ‘утрата’, ‘болезнь’, ‘неизбежность’.

Сопоставление выявленных сем слов *жизнь* и *смерть* показало, что данные члены оппозиции находятся в тесной семантической связи: наличие одной реалии исключает наличие другой. Так, если *жизнь* связана со здоровьем и полнотой сил, то *смерть* – с болезнью и прекращением существования.

Рассмотрим фрагменты текстов, содержащиеся в материалах корпуса народной речи Среднего Прииртышья, выделим темы, связанные с Жизнью и Смертью, позволяющие обнаружить связь антиномии *жизнь-смерть* с ключевыми концептами традиционной речевой культуры.

Одним из основных концептов культуры является Семья. Каждый человек отождествляет свою жизнь с жизнью своей семьи, своего рода. Диалектоносители, вспоминая своих родных, часто сосредотачиваются не на каких-либо конкретных случаях из их совместной жизни, а скорее подводят итог прожитым годам:

</жизнь> *Фс**ю** сва**ю** ж**ы**сть раска**з**ываю //* ***</семья:некровное_родство>****Кан**е**шна тижыл**о** / кагд**а** пахаран**и**ла м**у**жа / **о**чинь тижыл**о** // Пражыл**а** **я** гавар**ю** / к**а**к у-Христ**а** за-п**а**зухай // У-ив**о** бал’ш**а**я рад’н**я** / ф-Ташк**е**нти б**ы**ли / чит**ы**ри р**а**за ф-Ташк**е**нти был**а** / г**о**рат Ирб**и**т **э**та маив**о** м**у**жа // Т**а**м б**ы**ли / ф-Св**е**рдлафски б**ы**ли / г**о**рат Г**у**сь Хруст**а**л’ный пад-Маскв**о**й // Т**а**м дв**а** д**е**виря жыв**у**т у-мин**я** // В-**о**пщим **я** с хар**о**шай симьёй пражыл**а** дифч**я**та //****<семья:некровное_родство/>*** *Б**ы**л-бы м**у**ш / **я**-бы ни-пл**а**кала / **о**н никагд**а** ни-абиж**а**л / никагд**а** / никагд**а** / шт**о** б**у**ду гавар**и**ть / зр**я** никагд**а** ни-скаж**у** //****<жизнь/>*** (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Носительница говора использует оценочную лексику в своих рассуждениях. В то время, когда муж был жив, она жила *к**а**к у-Христ**а** за-п**а**зухай, с хар**о**шай симьёй* . Период жизни после смерти мужа информант воспринимает как очень тяжелый: *Б**ы**л-бы м**у**ш / **я**-бы ни-пл**а**кала*. Важно заметить, что для респондентки существенно отметить, что муж *никагд**а** ни-абиж**а**л*. В этом проявляется смена взглядов на отношения в семье, что подтверждается и другими исследованиями, в которых рассматриваются как примеры страха жен перед мужьями (Морозов, 2016, с. 45—46), так и примеры равноправных отношений в семьях, где оба супруга были рождены после 1916 года (Волошина, Демешкина, Толстова, 2021, с. 57).

Частотна в диалектном дискурсе репрезентация неразрывной связи концепта Жизнь с константой Семья. Оценка собственной жизни основывается на оценке семейной жизни:

</вопрос>*Расскажите нам, как вы жили?****<вопрос/>***

</жизнь>*О**й** м**и**ла ма**я**! // Ж**ы**ли-та // А щ**я**с **я** в**а**м раскаж**у** //* ***</семья:некровное_родство>*** *М**о**ладась / м**о**ладась **я** с-м**у**жым харош**о** пражыл**а** / с**о**рак ш**э**сь л**е**т с-м**у**жым пражыл**а** //*

<семья:некровное_родство/> <жизнь/> (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Часто при оценке своей жизни диалектоносители ссылаются на жизнь с супругом, что показывает важность хороших отношений с некровными родственниками. Пространство жизни носитель говора обычно делит на периоды «детство – молодость – старость», где детство связано с родителями, молодость – с женой или мужем, а старость – с одиночеством.

Воспоминания о родителях часто пересекаются с темой смерти. Отвечая на вопрос о месте рождения родителей, респондент сразу же говорит о смерти матери, не отвечая на вопрос. Факт смерти близкого человека значим для истории семьи:

</вопрос>*А родители ваши откуда? Расскажите про родителей.****<вопрос/>***

</семья:кровное_родство> *Род**и**тели/ я-м**а**ц сво**ю** радн**у**ю вопщ**е** не-зн**а**ю/****<семья:кровное_родство/>*** ***</смерть>*** *он**а** умерл**а** **я** м**а**лен'ка бы**л**а/****<смерть/>*** (Коппель Р. А., 1925 г. р., 90 лет, жен., рус.-эстон. говор).

«Уход на тот свет» близких родственников осознаётся диалектоносителями как личное горе. Носитель говора воспринимает смерть родных как трагичное в своей жизни событие:

</семья:кровное_родство> ***</смерть>***

О**й!// Ф**с**е ушл**и** на-т**о**т св**е**т и мин**я** бр**о**сили // Бр**а**т п**о**мир р**а**на / ф-с**о**рак л**е**т // Систр**а** умирл**а** ф-шыс**я**т гд**е**-та ш**э**сь л**е**т / т**о**жы да**я**ркай раб**о**тала // И а фтар**а**я систр**а** памирл**а** уж**э** ф-с**е**мисят д**е**вить л**е**т / с**е**мис вас'м**о**й ш**о**л //* ***<смерть/> ***<семья:кровное_родство/>*** (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Семья осознается человеком существующей нераздельно, поэтому речь репрезентирует отношение диалектоносительницы к жизни как к одинокому существованию без родных, которые *ушл**и** на-т**о**т св**е**т и мин**я** бр**о**сили*.

Таким образом, элементы повествования о семейных отношениях пересекаются с повествованием о жизни и смерти, что отражает важность этих сфер в традиционной культуре Среднего Прииртышья. Сквозь призму антиномии *жизнь-смерть* носители говоров полиэтнического региона воспринимают мир и оценивают его.

Пространство *жизни* и *смерти* неотделимо от пространства *дома*. Само понятие *дома* имеет глубоко символическое значение, которое тесно связано с историческими и культурными традициями. В следующем фрагменте текста описывается жизненный путь семьи, где брак и развод рассматриваются как взаимосвязанные события, а жизненный путь определяется местом жительства:

</вопрос>*Вы там родились?****< вопрос/>***

</жизнь>*Там радил**а**ся /* ***</брак_развод>****выхад**и**ла з**а**муш в-за**и**мку // Чит**ы**ри кил**о**митра ат-с**е**й дир**е**вни // Праж**ы**ли с**е**мь л**е**т / а-пат**о**м нач**я**лись /* ***<дом:строительство>****д**о**м паст**а**вили св**о**й н**о**вый // В-ы**ю**ни в**ы**шла / а в-актябр**е** па**е**хали л**е**с гат**о**вить //****<дом:строительство/>*** *Как в-дир**е**вни ж**ы**ть / вм**е**с'ти т**о**жы ни-жыв**у**т / как-ы-щ**я**с / так-ы-р**а**н'шы // Р**а**н'шы вм**е**с'ти т**о**жы ни-ж**ы**ли //* ***<брак_развод/>*** ***<жизнь/>*** (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Коллективный подход к жизни отражен в рефлексии диалектоносительницы о том, что ни сейчас, ни раньше *вм**е**с'ти т**о**жы ни-ж**ы**ли*. Жить вместе в деревне означает уважать общие правила, традиции и обычаи, сохранять единство и мир среди родных и соседей. Данный подход к жизни отражает глубокие корни традиционной народной культуры. Поэтому распад семьи, развод приводит к распаду пространства общего *дома*, а затем – к переезду.

Своеобразный дом ждет человека и после смерти. При этом пространство дома жизни и дома смерти могут не совпадать:

</вопрос>*А где жили ваши родители?****<вопрос/>***

</семья:кровное_родство> *Ф-Чич**е**нива / ан**и** чич**е**нифскии /****</смерть>*** *рад**и**тили там-ы-п**о**мирли / там-ы-пахар**о**нины ан**е** /* ***<семья:некровное_родство/>*** *и м**у**ш пахар**о**ниный ф-Чич**е**нива // З'десь ск**о**ра п**о**мир / а-р**а**с ив**о**ный рад**и**тили т**а**м пахар**о**нины т**о**жы / и ма**и** рад**и**тили т**а**м /****<семья:кровное_родство/>*** *и ив**о**ный т**а**м ф-Чич**е**ниви / и ив**о** туд**а** увизл**и** /****<семья:некровное_родство/>*** *и **я** туд**а** / у**е**ду т**о**жы / мн**е** уж**э** т**а**м т**о**жы м**е**ста **е**сь //****<смерть/>*** (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Определяющим для осознания диалектоносителем своего дома является близость семьи. Муж информанта *з'десь ск**о**ра п**о**мир*, после смерти *ив**о** туд**а** увизл**и***, потому что *ив**о**ный рад**и**тили т**а**м пахар**о**нины*. Таким образом, человек может выбрать пространство для жизни и воспринимать его как дом, если рядом находится семья. *Свой* дом после смерти респондент осознает еще

при жизни: дом там, где находится семья. В этом отражается стремление к коллективной жизни и после смерти. Как и для многих людей в других регионах, *семья* и *дом* могут служить символом личной и национальной идентичности. В целом связь между концептами Смерть и Семья у диалектоносителей заключается в том, что они считают, что смерть не разрушает отношений с родственниками и близкими людьми, а, наоборот, укрепляет связь с семьей. Это позволяет носителям говора смотреть на смерть не как на окончание жизни, а как на переход в другой мир. В связи с этим они не опасаются смерти, а скорее ждут ее, воспринимают как неизбежный процесс.

Диалектоноситель причисляет к членам своей семьи всех, кто связан с ним пространством *единого дома*. Поэтому закономерным является связь концепта Смерть с подтемой <животные:домашние>:

</животные:домашние> *О**о**о/ ск**о**л'ка* ***я*** *дирж**а**ла// Ск**о**л'ка* ***я*** *дирж**а**ла/ ст**о**л'ка никт**о** ни-дирж**а**л* (смеётся)*/и па-дв**е**// **</жизнь>**Ан**о** у-мин**я** фс**ё** вил**о**сь/ никад**а** цыпл**ё**нка ни-паг**и**бла к**а**х-та у-мин**я**// **<жизнь/>** **<животные:домашние/>*** (Спорыш В. Н., 1938 г. р., 77 л., жен., рус.-белор. говор).

В то же время в текстах корпуса, включающих эту подтему, находит свою реализацию сема 'имущество', так как носители говора часто говорят о животных как об имуществе («держат» животных):

</вопрос> *Вы сказали, что куры пропадали. В смысле, умирали?**<вопрос/>***

</смерть> </животные:домашние> *Н**у**/ как-чилав**е**к умир**а**т/ ну-а-м**ы**-уш/ к**у**ры прапад**а**ют/ т**а**к-вот/ по-калх**о**знаму//* ***<животные:домашние/> < смерть/>*** (Демидович З. С., 1935 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Этот фрагмент показывает рефлексию носительницы говора, связанную с выбором лексики. Жизнь и смерть животных не отождествляется с жизнью и смертью человека, а воспринимается более обыденно.

Анализ лексики, объективирующей в высказывании жизнь или смерть животных, показывает, что информанты часто употребляют такие слова, как *водиться (жить)* и *погибать, пропадать (умирать)*, когда говорят о домашних животных. В разговоре о смерти людей респонденты употребляют глаголы *умирать, помирать, уходить:*

</вопрос>*А как её зовут (кошку)?**<вопрос/>***

</животные:домашние> *А**с**я //* ***</смерть>****Мн**е** кат**о**ра памирл**а** падр**у**шка принисл**а** и**ё** кад**а** / д**е**т п**о**мир // Харан**и**ли / и б**ы**л Р**о**мка / Р**о**мкай зв**а**ли б**е**лава кат**а** // **О**н ущ**о**л з-д**о**му фси-равн**о** / ущ**о**л на-Л**е**нина и т**а**м ив**о** маш**ы**на ив**о** задав**и**ла // **Я** т**у**т ив**о** ишш**у** па-кр**а**ю / а пат**о**м мн**е** сказ**а**ла шт**о** маш**ы**на задав**и**ла ив**о** //**<смерть/>*** *Тад**а** принисл**а** Гал**и**на Григ**о**ривна мн**е** / назвал**а** и**ё** / **А**сий б**у**дим зв**а**ть / ну-дав**а**й **А**сий б**у**дим зв**а**ть и**ё** как**а**я р**а**з'ница // В**о**т ///**животные:домашние/>*** (Демидович М.Ф., 1936 г.р., 79 л., жен., старожильческий говор).

Текст этого фрагмента помогает увидеть связь в сознании диалектоносителя смерти мужа и смерти кота: когда *д**е**т п**о**мир*, кот *ущ**о**л з-д**о**му фси-равн**о***. Говоря о появлении нового домашнего животного, респондент вспоминает о том, как ушел его предыдущий питомец. Для диалектоносителей смерть животного часто ассоциируется со смертью людей. Они видят в этом связь, которая напоминает им о том, что все живое имеет свойство умирать. Таким образом, взаимосвязь констант Жизнь и Смерть с темой *животные* отражается в языке и культуре жителей Среднего Прииртышья, репрезентированной в региональном корпусе.

В текстах корпуса народной речи содержится большое количество фрагментов, в которых Жизнь ассоциируется со здоровьем, а Смерть – с болезнью:

</болезнь> *Инвал**и**тских пл**о**тят дв**е** / дв**е** т**ы**щщи //* ***Е**сли у-мин**я** инф**а**рт / падр**я**т б**ы**ла дв**а** инф**а**рта / п**о**сли д**е**да / к**а**к-та аст**а**лася жыв**а**я ищ**ё** // И **э**та / сум**е**ли врач**и** / в**о**т / аст**а**лася жыв**а**я //**<болезни/>** **</смерть>****Жыв**у** и д**у**маю / фс**е** ушл**и** дв**е** систр**ы** ушл**и** / бр**а**т ущ**о**л / м**у**ш ущ**о**л / ну рад**и**тили как-**э**та ужэ закон фс**ё** вр**е**мя пар**а**н'шэ **и**м н**а**да ухад**и**ть / памал**е**н'ку жыв**у** //**<смерть/>*** (Демидович М. Ф., 1936 г. р., 79 л., жен., старожильческий говор).

В этом высказывании отражается противопоставление жизни и болезни. Информант замечает, что, несмотря на два инфаркта, *к**а**к-та аст**а**лася жыв**а**я ищ**ё***. Жизнь является чем-то закономерным. Так как речевой жанр автобиографического рассказа «характеризуется нарушением хронологической последовательности событий, наличием отступлений от главного повествования» (Волошина, 2010, с. 9), тема *болезни* в тексте пересекается с темами *смерти:* респондент перечисляет всех умерших родственников. Текст отражает и «закон жизни»: *ну рад**и**тили как-**э**та уж**э** закон фс**ё** вр**е**мя пар**а**н'шэ **и**м н**а**да ухад**и**ть*. В представлении жительницы Среднего Прииртышья сначала должны *уходить* старшие члены семьи.

Следующий фрагмент показывает нам другое отношение к жизни. Плохое здоровье отрицательно сказывается на качестве жизни, поэтому диалектоносительница воспринимает жизнь как испытание, утверждая, что жизнь ей надоела:

***</жизнь> </здоровье> О**й/ а-зн**а**еш к**а**к надо**е**сть **э**та ж**ы**сть/ кан**е**шнъ/ фс**ё** бол**и**т и-фс**е**ми ноч**а**ми ни-спл**ю** т**о**жэ//<**жизнь**/> <**здоровье**/>* (Коппель Р. А., 1925 г. р., 90 лет, жен., рус.-эстон. говор).

Можно сделать вывод, что концепты Жизнь и Смерть взаимосвязаны с темами *болезнь* и *здоровье*. Старость сопровождается болезнями, которые влияют на работоспособность и восприятие жизни. Фрагменты, включающие в себя темы *здоровье* и *болезнь* часто маркированы оценочной лексикой. Информант воспринимает болезнь как явление, приближающее его к смерти, а смерти он может или бояться, или ждать.

В следующем контексте можем увидеть нейтральное отношение к смерти. Диалектоносительница подчеркивает, что смерть близких принесла ей много страданий, но при этом отмечает, что смерть не вызывает у нее чувства страха:

</семья:кровное_родство> </вера>

*А П**е**тя х**о**дит / фсигд**а** ст**а**вит св**е**ч'ку // Б**а**ба / **я** паш**о**л ф-цэркафь за-тв**а**х рад**и**тилей //<**вера**/> </**смерть**> **Я** кан**е**шна пл**о**ха // М**у**ш на-ма**и**х рук**а**х п**о**мир / м**а**ма на-ма**и**х рук**а**х памирл**а** // Сын**о**к т**о**жы на-ма**и**х рук**а**х // П**я**ть граб**о**ф т**о**л'ка из-д**о**му в**ы**нисла // См**е**рти **я** никагд**а** ни-ба**я**лась / и ни-ба**ю**сь никагд**а** //* <**смерть**/> (Лаврентьева К. П., 1935 г. р., 80 л., жен., старожильческий говор).

Концепт Смерть может пересекаться с темой *вера*. Вера помогает человеку переживать смерть близких, это отражается во фрагменте *П**е**тя х**о**дит / фсигд**а** ст**а**вит св**е**ч'ку // Б**а**ба / **я** паш**о**л ф-цэркафь за-тв**а**х рад**и**тилей*. Такие религиозные традиции помогают человеку позаботиться об умерших членах семьи, позволяют повлиять на благополучие своего *рода* и при жизни, и после смерти. Вера помогает человеку смириться с идеей смерти и не бояться ее.

Отношение к смерти может быть индивидуальным и зависеть от многих аспектов: культурных, религиозных и эмоциональных. Следующий фрагмент демонстрирует негативное отношение респондента к своей современной жизни и желание скорого наступления смерти:

</вопрос>**Ну до юбилея дожить надо.**< вопрос/>

***</жизнь> О**й/ ни-хач**у**/ да зач**е**м **э**та-жэ ни-ж**ы**знь а пр**о**ста аб**у**за для-люд**е**й / в**о**т/ и мн**е** н**а**да и пастир**а**ть/ и т**а**м/ и пригат**о**вить/ и в**ы**мыть/ ну и фс**ё** **э**та н**а**да//<**жизнь**/>* (Петрович А. П., 1926 г. р., 89 л., жен., рус.-польск. говор)

Связь болезни с тоской, причиной которой выступает духовное стеснение, подчеркивали многие исследователи (Мусатаева, Котлярова, 2022, с. 98, 105–106). Информант понимает, что старость связана с немощью, воспринимает себя как обузу для людей, испытывает стеснение из-за того, что не может обойтись без посторонней помощи по хозяйству. В связи с этим в ее речи возникает тема ожидания смерти. Смерть при этом воспринимается как избавление от слабости и немощности.

Некоторые диалектоносители относятся к жизни как к высшей ценности. Они смиряются с потерей близких и одиночеством и ценят свою жизнь:

</вопрос>**И внуки уже есть?**<вопрос/>

</семья:кровное родство> Две внучки и-два внука и-четыри праўнука// Я багатая/ четыри праўнука ужэ/ да// <семья:кровное родство/>

</вопрос>Часто приезжают?<вопрос/>

</семья:кровное родство>Та-кто типерь прижяит/ када пен'сия прижяют/ када пен'сия прижяют //<семья:кровное родство/> </семья:некровное родство> Двинацать лет мужа нету/ адна//<семья:некровное родство/> </животные:домашние> Он ни-захател карову/ диржал/ здал// А-я тут-жы пиризимавала/ пашла купила/ я люблю за-скатинай хадить и за-фсем//<животные:домашние/> </жизнь>А патом здесь мне дали (квартиру)*/ я очинь давол'на/ очинь/ тол'ка-бы пражыть пабол'шы//<жизнь/>* (Спорыш В. Н., 1938 г. р., 77 л., жен., рус.-белор. говор)

Фрагмент текста содержит размышления респондента о жизни и смерти, а также об ощущении одиночества. Говорящая воспринимает своих правнуков как богатство, но понимает их в некоторой степени прагматический интерес к себе: близкие к*када пен'сия прижяют*. Но, несмотря на одиночество и обиду на близких, диалектоносительница хочет *тол'ка-бы пражыть пабол'шы*. Из этого можно предположить, что семья не всегда может влиять на любовь к жизни. Восприятие жизни зависит от разных факторов: отношения с близкими, возраста, состояния здоровья, культурного и социального контекста и собственных взглядов. Смерть, как и жизнь, может вызывать различные эмоции и чувства, и они могут оказывать влияние на восприятие жизни в целом.

Оценочные категории, связанные с жизнью и смертью, присутствуют в речи практически всех наших информантов и манифестированы в проанализированных высказываниях из регионального корпуса. В диалектном дискурсе обнаружены как мелиоративные, так и пейоративные оценки жизни и смерти. Одни информанты отмечают, что жизнь и смерть – это нечто естественное и что не стоит бояться последней. Однако другие видят в жизни и смерти только страдание и утраты.

Таким образом, полагаем, что оценочные категории, связанные с жизнью и смертью, являются релевантными для сельских жителей Среднего Прииртышья, и жизнь в той или иной мере определяют наши представления об этих понятиях.

Выводы

На основе анализа лексики, репрезентирующей в тематически размеченных текстах регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья концепты Жизнь и Смерть, определен ценностный компонент диалектной картины мира полиэтнического региона. Концепт Жизнь в диалектном дискурсе выявляет такие признаки, как «близкие родственники», «общность дома», «детство — молодость — старость», «домашние животные», «хорошее здоровье». Концепт Смерть маркирован признаками: «близкие родственники», «общность дома» (дом в представлении диалектоносителей есть и после смерти), «утрата сил, работоспособности», «слабое здоровье», «страх», «смирение». Выявлена связь оппозиции *жизнь — смерть* в сознании респондентов с константами Семья, Дом, Пространство, Животные, Здоровье, Болезнь, Вера.

Исследование позволило смоделировать фрагмент диалектной картины мира на основе анализа репрезентантов констант, извлеченных из тематически размеченных текстов регионального корпуса народной речи. Жители Среднего Прииртышья ценят жизнь и придают значимость семье, дому, животным, здоровью и вере. Они считают, что жизнь должна быть здоровой и полноценной, а смерть неизбежна и не должна вызывать страх. Для диалектоносителей важно иметь тесную связь с семьей, при этом важны как родители, так и дети, внуки и правнуки. Дом считается важным пространством, где семья может чувствовать себя защищенной. Пространство дома ограничено и связано с конкретным местом, где живет род человека. Не менее значимым оказывается и пространство, где похоронены близкие родственники, что составляет неотъемлемую часть жизни, только жизни в другом мире. Кроме того, животные входят в круг семьи и сопутствуют человеку на протяжении всей жизни, а уход за ними является важной частью

успешной и счастливой жизни. Здоровье имеет высокую ценность, нездоровье плохо влияет на качество жизни и может влиять на отношение к ней. Жители Среднего Прииртышья верят в Бога, вера помогает пережить смерть близких и справиться с трудностями.

Диалектная картина мира, репрезентированная в региональном корпусе, отражает нацеленность жителей Среднего Прииртышья на сохранение традиционных ценностей с уклоном в сторону связей между поколениями, уважением к дому и жизни как ценностным категориям.

Источники

Вендина Т. И. (2020) Антропология диалектного слова. М.; СПб., Нестор-История, 684 с.
Волошина С. В. (2010) Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи). Вестник Томского государственного университа. Филология, № 2, с. 5–10. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48.
Волошина С. В., Демешкина Т. А., Толстова М. А. (2021) Концепт «Семья» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири. Текст. Книга. Книгоиздание, № 27, с. 39–68. DOI: 10.17223/23062061/27/3.
Колесов В. В. (2019) Основы концептологии. СПб., Златоуст, 776 с.
Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. (2014) Словарь русской ментальности в 2-х т. СПб., Златоуст, Т. 1, 592 с.
Колесов В. В. Колесова Д. В., Харитонов А. А. (2014) Словарь русской ментальности в 2-х т. СПб., Златоуст, Т. 2, 592 с.
Лавров Д. Н., Харламова М. А., Костюшина Е. А. (2018) Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья. Математические структуры и моделирование. № 4, с. 85–91. DOI: 10.25513/2222-8772.2018.4.84-90.
Логинова М. М. (2016) Структура концептов «Жизнь» и «Смерть» (на материале русских паремий). Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, № 1, с. 117–123.
Марьянчик, В. А. (2013) Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М., Книжный дом «Либроком», 272 с.
Морозов Н. М. (2016) Ментальность кузнецких крестьян (конец XVIII – первая половина XIX века). Статья II. Установки в семейной жизни. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, № 35, с. 43–48.
Мусатаева М. Ш., Котлярова И. В. (2022) Моделирование эмоциональных концептов «Тоска», «Грусть», «Печаль», «Горе». Вестник Томского государственного университета. Филология. № 75, с. 94–119. DOI: 10.17223/19986645/75/5.
Никифорова О. В. (2015) Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, с. 489–492.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006) Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., ООО «А ТЕМП», 944 с.
Рядчикова Е. Н., Кушу С. А. (2004) Концепты как отражение менталитета народа и его языковой картины мира. Наука-2004. Ежегодный сборник научных статей молодых ученых и аспирантов Адыгейского государственного университета. Майкоп, с. 228–245.
Срезневский И. И. (1893) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. Т. 1. СПб., 771 с.
Срезневский И. И. (1912) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. Т. 3. СПб., 996 с.
Фасмер М. Р. (1968) Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. М., Прогресс, 672 с.
Фасмер М. Р. (1987) Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. М., Прогресс, 832 с.
Хайдеггер М. (2003) Бытие и время. Харьков, Фолио, 503 с.
Харламова М.А. (2013) Народное восприятие жизни в лексикографической проекции. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, № 2, с. 181–191.

References

Vendina T. I. (2020) Antropologiya dialektnogo slova [Anthropology of the dialect word]. Nestor-Istoriya, Moscow; St. Petersburg, 684 p. (In Russian).
Voloshina S. V. (2010) Rechevoj zhanr avtobiograficheskogo rasskaza (na materiale dialektnoj rechi) [The speech genre of an autobiographical story (on the material of dialect speech)]. Tomsk State University Journal of Philologya, no. 2, pp. 5–10. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48 (In Russian).
Voloshina S.V., Demeshkina T.A., Tolstova M.A. (2021) Koncept «Sem'ya» v ustnyh avtobiograficheskih rasskazah zhitelej Sibiri [The concept of "Family" in the oral autobiographical stories of the inhabitants of Siberia]. Text. Book. Publishing, no. 27, p. 39–68. DOI: 10.17223/23062061/27/3 (In Russian).
Kolesov V. V. (2019) Osnovy konceptologii [Fundamentals of conceptology]. Zlatoust, St. Petersburg, 776 p. (In Russian).

Kolesov V. V. Kolesova D. V., A. A. Haritonov (2014) Slovar' russkoj mental'nosti v 2-h t. [Dictionary of Russian mentality in 2 volumes]. Zlatoust, St. Petersburg, Vol. 1, 592 p. (In Russian).
Kolesov V. V., Kolesova D. V., A. A. Haritonov (2014) Slovar' russkoj mental'nosti v 2-h t. [Dictionary of Russian mentality in 2 volumes]. Zlatoust, St. Petersburg, Vol. 2, 592 p. (In Russian).
Lavrov D. N., Kharlamova M. A., Kostyushina E. A. (2018) Predstavlenie razmetki korpusa narodnoj rechi Srednego Priirtysh'ya [Representation of the markup of the corpus of folk speech of the Middle Irtysh region]. Mathematical Structures and Modeling, no. 4, pp. 85–91. DOI: 10.25513/2222-8772.2018.4.84-90 (In Russian).
Loginova M. M. (2016) Struktura konceptov «Zhizn'» i «Smert'» (na materiale russkih paremij) [The structure of the concepts "Life" and "Death" (based on Russian proverbs)]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva — Bulletin of Volga University named after. V. N. Tatishcheva, no. 1, pp. 117–123 (In Russian).
Mar'yanchik, V. A. (2013) Aksiologichnost' i ocenochnost' media-politicheskogo teksta [Axiological and evaluative media-political text]. Knizhnyj dom «Librokom», Moscow, 272 p. (In Russian).
Morozov N. M. (2016) Mental'nost' kuzneckih krest'yan (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka). Stat'ya II. Ustanovki v semejnoj zhizni [The mentality of the Kuznetsk peasants (the end of the 18th – the first half of the 19th century). Article II Attitudes in family life]. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts, no. 35, pp. 43–48 (In Russian).
Musataeva M.SH., Kotlyarova I.V. (2022) Modelirovanie emocional'nyh konceptov «Toska», «Grust'», «Pechal'», «Gore» [Modeling of emotional concepts "Melancholy", "Sadness", "Sadness", "Grief"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. № 75, pp. 94–119. DOI: 10.17223/19986645/75/5 (In Russian).
Nikiforova O.V. (2015). Leksicheskaya ob"ektivaciya narodnyh predstavlenij o smerti v nizhegorodskih govorah [Lexical objectification of folk ideas about death in Nizhny Novgorod dialects]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, (2-2), pp. 489–492. (In Russian).
Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. (2006) Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. The Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov. 4th ed., updated]. OOO «A TEMP», Moscow, 944 p. (In Russian).
Ryadchikova E. N., Kushu S. A. (2004) Koncepty kak otrazhenie mentaliteta naroda i ego yazykovoj kartiny mira [Concepts as a reflection of the mentality of the people and their linguistic picture of the world]. Nauka-2004. Ezhegodnyj sbornik nauchnyh statej molodyh uchenyh i aspirantov Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Majkop, pp. 228–245. (In Russian).
Sreznevskij I. I. (1893) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3-h t. T. 1 [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments: in 3 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, 771 p. (In Russian).
Sreznevskij I. I. (1912) Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3-h t. T. 3 [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments: in 3 volumes. Vol. 3]. St. Petersburg, 996 p. (In Russian).
Fasmer M. R. (1968) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. T. 2 [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 2.]. Progress, Moscow, 672 p. (In Russian).
Fasmer M. R. (1987) Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 3.]. Progress, Moscow, 832 p. (In Russian).
Hajdegger M. (2003) Bytie i vremya [Being and time]. Folio, Har'kov, 503 p. (In Russian).
Kharlamova M. A. (2013) Narodnoe vospriyatie zhizni v leksikograficheskoj proekcii [People's perception of life in the lexicographic projection]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij, no. 2. pp. 181–191 (In Russian).

Информация об авторе

Михайлова Ольга Андреевна
Аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций.
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-5094-2205
E-mail: allellia@mail.ru

Autor's information

Olga A. Mikhailova
Postgraduate student of the Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-5094-2205
E-mail: allellia@mail.ru

УДК 81'23 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.8
Научная статья

В. П. Завальников[1]
✉ vladimir-zavalnikov@yandex.ru
[1]Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Речевые стратегии и приемы воздействия: лингвопрагматический аспект (на примере позиционирования интернет-магазина «Лидермарт»)

Аннотация: Статья посвящена особенностям речевого воздействия при позиционировании интернет-магазина «Лидермарт». Целью анализа является определение специфики и места данной компании на рынке. В основе исследования лежит лингвопрагматический подход к описанию речевых стратегий и приемов позиционирования рассматриваемого объекта. Материалом послужили статьи, размещенные на сайте компании, а также отзывы клиентов интернет-магазина. В настоящее время конкуренция между интернет-магазинами нарастает: предложений очень много и высока вероятность появления новых участников рынка, так как открытие магазина требует достаточно небольших вложений по сравнению со многими другими сферами бизнеса, информация о товарах доступна, во всех современных системах и сервисах присутствуют рекламные объявления. В статье обозначены основные речевые стратегии, используемые при продвижении магазина. Приведен лингвистический анализ материала исследования с целью показать основные ценностные и смысловые доминанты позиционирования компании на рынке. В результате сделан вывод, что в анализируемых текстах с рекламой косметических товаров используется весь спектр эффективных технологий речевого воздействия на потенциального покупателя: различные типы аргументации тезисов, стратегии интенсификации и компликации, прием имплицитного введения информации, коннотативные элементы и т. п. Эти приемы позволяют сделать рекламу интересной, запоминающейся, отличной от других.

Ключевые слова: речевое воздействие, лингвопрагматика, речевые стратегии.

Дата поступления статьи: 28 декабря 2023 г.

Для цитирования: Завальников В. П. (2024) Речевые стратегии и приемы воздействия: лингвопрагматический аспект (на примере позиционирования интернет-магазина «Лидермарт»). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 83–91. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.8.

Scientific article

V. P. Zavalnikov[1]
✉ vladimir-zavalnikov@yandex.ru
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Speech strategies and techniques of influence: linguistic and pragmatic aspect (using the example of the positioning of the Lidermart online store)

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of speech influence in the positioning of the Lidermart online store. The purpose of the analysis is to determine the specifics and place of this company in the market. The research is based on a linguopragmatic approach to the description of speech strategies and positioning techniques for the object in question. The material was articles posted on the company's website, as well as customer reviews of the online store. Currently, competition between online stores is increasing: there are a lot of offers and a high probability of new market participants since opening a store requires quite small investments compared to many other business areas, information about goods is available, and advertisements are present in all modern systems and services. The main speech strategies used in the promotion of the store are outlined. A linguistic analysis of the research material is presented to show the main

© *В. П. Завальников, 2024*

value and semantic dominants of the company's positioning in the market. As a result, it is concluded that the analyzed texts with advertisements for cosmetic products use the full range of effective technologies of speech influence on a potential buyer: various types of argumentation of theses, strategies of intensification and complementation, the technique of implicit introduction of information, and connotative elements. These techniques allow you to make advertising interesting, memorable, and different from others.

Keywords: speech impact, linguopragmatics, speech strategies.

Paper submitted: December 28, 2023.

For citation: Zavalnikov V. P. (2024) Speech strategies and techniques of influence: linguistic and pragmatic aspect (using the example of the positioning of the Lidermart online store). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 83–91. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.8.

Введение

Лингвопрагматика – это наука, которая изучает язык как средство, употребляемое человеком в процессе его деятельности, а также занимается исследованием поведения знаков в ситуациях реального общения и делает акцент на изучении отношения знаков с их пользователями. Такие экстралингвистические факторы, как намерение говорящего, условия произнесения высказывания, социальные отношения между адресантом и адресатом, помогают понять процессы функционирования языка (Малюга, 2022, с. 11).

Главная задача любого рекламного сообщения заключается в том, чтобы вызвать интерес у аудитории. Следовательно, здесь важно отталкиваться от коммуникативной и прагматичной направленности рекламного послания. С точки зрения прагматики, главная цель рекламного текста – убедить получателя совершить ответные действия. Перлокутивный акт помогает реализовать данную цель. В этом случае эффективность рекламного послания определяется тем, было ли это воздействие успешным. Следовательно, речевое воздействие зависит не только от говорящего субъекта и ситуации общения, но и от адресата данного рекламного текста.

Стиль рекламного текста определяется во многом использованной при его создании лексикой. Так как главной целью рекламы является оказание воздействия, при создании текстов специалисты используют широкий спектр лингвистических приемов и выразительных средств на всех языковых уровнях: аллегория, сравнение, метафора, повторы, параллелизм, олицетворение, риторические вопросы и др. (Кириллова, 2016, с. 61—66).

Для достижения главной цели рекламного сообщения также важен правильный выбор речевых стратегий. О. С. Иссерс считает, что «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2009, с. 182).

Тезис о том, что воздействие языковых средств имеет двойной характер, находит отражение в исследованиях многих ученых, «с функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Основной можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное)» (Иссерс, 2008, с. 106).

Важно также отметить, что в рекламных текстах, направленных на создание имиджа торговой компании и продвижение ее товаров, проявляется связь маркетинга и лингвистики. Маркетинг, выступая в роли «заказчика», инициирует создание рекламного текста, а лингвистика предоставляет целый комплекс приемов воздействия на сознание потребителей (Квят, 2008, с. 23). Все вышесказанное обусловило актуальность и выбор темы статьи.

Методы

Методологической основой исследования являются общенаучные методы, в том числе анализ и синтез, методы обобщения и абстрагирования, метод классификации. Также применялись принципы и методы системного подхода, контент-анализ, лингвистический анализ речевых стратегий и приемов позиционирования компании.

В условиях ужесточения соперничества на рынках за достижение выгод и максимальной эффективности позиционирование выступает как основополагающая технология, которая позволяет сформировать стратегическое конкурентное преимущество компании путем сравнительного анализа свойств и характеристик товара с предложением конкурентов. Далее на базе этого исследования разрабатывается уникальное предложение ценности продукта для целевых потребителей. От того, насколько эффективно будет осуществлено позиционирование объекта на рынке, зависит конкурентоспособность компании в будущем.

Выбор речевых стратегий позиционирования – важнейший этап в создании интернет-магазина. Ключевой фигурой в стратегии «продукт-потребность» будет товар или те потребности, которые он удовлетворяет. Подходит для узких ниш, на которых низкий уровень конкуренции, а также для уникальных товаров и услуг. В стратегии «цена-качество» упор делается на преимущество стоимости предложения или же его качестве. Подходит для высококонкурентных рынков (например, электроники, одежды, литературы). Стратегия «применения» заключается в создании определенного ритуала потребления товара. Позиционирование по специфичности потребителей при правильно выбранных маркетинговых каналах имеет хорошие результаты (например, автолюбители). Акцент можно делать также на платежеспособности аудитории, подчеркивая при этом элитность и эксклюзивность товара или услуги. В стратегии «интенсификации» выделяются свои достоинства и отмечаются чужие недостатки.

Результаты

Рынок косметики и парфюмерии считается высококонкурентным, поэтому в стратегии продвижения компания «Лидермарт» делает упор на преимущество стоимости предложения. Контент-анализ материалов сайта компании показал, что имидж интернет-магазина можно выстроить в форме ответов на следующие вопросы:

1. Кто? Интернет-магазин «Лидермарт».

2. Какой? Удобный интернет-магазин косметики и парфюмерии с доставкой по Омску и всей России.

3. Для кого? Преимущественно женщины в возрасте от 25 до 44 лет, проживающие в городе Омске.

4. Какая потребность? Быстрая доставка парфюмерии и косметики по городу Омску в день заказа.

5. Против кого? Основные конкуренты: «Парфюм-Лидер», «Магнит Косметик», «РИВ ГОШ», «ЛЭтуаль», магазины корейской косметики.

6. В чем отличие? Цены ниже, чем в обычных магазинах. В торговую наценку не включается содержание большого штата персонала, аренда огромных торговых площадей, покупка мебели и другие подобные расходы. «Лидермарт» работает на базе крупнейшей оптовой компании в городе Омске, благодаря этому отсутствуют издержки по содержанию товаров на полках, что позволяет организовать продажи напрямую по самым выгодным ценам.

7. Основная выгода? Интернет-магазин «Лидермарт» отвечает не только за качество товара, но и за качество его доставки. Покупателям не нужно никуда ехать, затрачивая деньги на проезд туда и обратно, стоять в пробках и долго ходить по магазинам. Сотрудники интернет-магазина быстро и качественно соберут и упакуют заказ, а служба доставки бесплатно организует доставку в удобное для покупателя время. Оплата при получении и никакого риска.

В формулировке «позиционирование» указывается характеристика, которая соотносится с заявляемой выгодой магазина. Описание целевой аудитории сосредоточено в первую очередь на психографических характеристиках и ценностях потенциального покупателя. Так, для интернет-магазина «Лидермарт» целевая аудитория в позиционировании может выглядеть так: «Люди, которые ценят свое время и деньги».

Второй параметр, который необходимо определить, – заявляемая выгода торговой марки. Из всего списка выгод, которые предоставляет интернет-магазин, выбираем ту, которая одновременно является важной для нашей целевой аудитории, и ту, которую марка предоставляет значительней, чем конкуренты.

В нашем случае среди выгод, которые предоставляет интернет-магазин «Лидермарт», можно выделить бесплатную доставку по городу Омску в день заказа при покупке от 500 рублей. Таким образом, покупатель может получить свой заказ в короткие сроки без дополнительных затрат. Именно эта выгода будет использована на макроуровне. При этом для отдельных категорий товаров могут использоваться дополнительные выгоды: ценовые акции, подарки за покупку и другие.

Для интернет-магазина «Лидермарт» позиционирование может звучать так: «Удобный интернет-магазин с широким ассортиментом и бесплатной доставкой в день заказа».

Продвижение интернет-магазина – сложный процесс, включающий в себя множество действий на веб-сайте и за его пределами. В этот процесс входят следующие этапы:

1. Анализ рынка.
2. Определение целевой аудитории, выделение типажей и их описание, выявление мотивов совершения покупок.
3. Анализ конкурентов.
4. Разработка уникального торгового предложения на основе выявленных отличий от конкурентов, соответствующих потребностям целевой аудитории.
5. Организация каналов общения с покупателями.
6. Формирование и утверждение контент-плана, включающего в себя сроки и инструменты рекламной кампании.
7. Определение эффективности рекламной кампании.

Реклама в Интернете — это самый действенный, быстрый и простой метод привлечения клиентов. Учитывая востребованность глобальной сети, ее возможности для общения и получения информации, запуск рекламы в этой информационной среде является самым доступным способом привлечения своей целевой аудитории. Она стимулирует спрос на продукцию, формирует и продвигает бренд компании, увеличивает объем продаж и долю присутствия на рынке.

Технологии речевого воздействия рассматриваются на примере пяти рекламных текстов, опубликованных на сайте интернет-магазина «Лидермарт». 1. Статья «Миссия выполнима: как защитить кожу рук зимой» от 30.01.2022. 2. Статья «Собираем косметичку новичка за 1000 рублей» от 15.02.2023. 3. Статья «5 проблем – одно решение! Косметика Sesderma для всех типов кожи» от 13.05.2023. 4. Статья «Новинки октября на сайте Лидермарт» от 10.10.2022. 5. Статья «Дешево и круто. Уходовая косметика до 100 рублей!» от 08.04.2022.

Анализ текстов, рекламирующих косметические товары, позволяет выделить разные приемы речевого воздействия. «Логические уловки основываются на умелом построении логической аргументации, а также на хитроумном использовании или нарушении логических законов и правил» (Лагута, Машкина, 2014, с. 23). Среди эмоциональных аргументов можно отметить **аргументы «к человеку»,** в том числе апелляция к авторитету: «*согласно отзывам покупателей», «косметологи советуют», «каждая женщина сталкивается с возрастными изменениями», «эксперты рекомендуют», «так нравится многим девушкам»*.

Не реже встречаются и **апелляции к экономическим интересам:** *«в бюджетном сегменте есть очень много достойных представителей», «красиво – не значит дорого», «приятная цена», «большие объемы тары позволяют экономить на упаковке», «остановим свой выбор на известных и при этом не очень дорогих марках», «позволит нам отказаться от лишних затрат», «имеет небольшой расход»*. Для многих покупателей возможность потратить меньше денег является основной мотивацией к совершению покупки.

Часто в рекламе косметических средств мы сталкиваемся с **апелляцией к комфорту:** *«подарит истинное наслаждение во время водных процедур», «сокращает воздействие стресса и негативных факторов образа жизни в больших городах на кожу и волосы»*. Ощущение комфорта и заботы подкупает многих женщин.

Апелляция **к здоровью** также актуальна для косметических средств. Особенно хорошо это прослеживается в статье о профессиональной косметике Sesderma: *«профессиональная испанская косметика Sesderma подарит вашей коже здоровье и сияние», «бороться с акне помогает сали-*

*циловая кислота», «ретиноиды, витамины А, Е, С благоприятно действуют на восстановление покровов», «азелаиновая кислота – это уникальный компонент, направленный на борьбу с купероз*ом», «койевая кислота – вещество, эффективно избавляющее от кожной пигментации, веснушек», «недостаток увлажнения часто объясняется неправильным уходом».

К **логическим аргументам** можно отнести описание компонентов косметических средств, которое встречается во всех рекламных текстах: *«облепиха и витамин Е, которые способствуют восстановлению кожи и заживлению мелких повреждений», «органическая морковь смягчает, увлажняет кожу, защищает от негативных внешних факторов», «крем содержит витамины А и Е, которые помогают коже противостоять возрастным изменениям и стимулируют регенерационные процессы»*.

Логическая аргументация прослеживается в характеристиках и способах использования продукта: *«достаточно сделать всего пару движений кисточкой», «одно средство, но какое многофункциональное», «вся косметика легка в нанесении и не требует от вас особых навыков», «их легко можно взять с собой», «объем шампуня позволяет взять его с собой в ручную кладь», «он легко наносится руками и распределяется, как обычный крем»*.

В рассмотренных текстах в равной степени присутствует как рациональная, так и эмоциональная аргументация. Потребители стали больше интересоваться составами продуктов и свойствами компонентов, поэтому данная информация представлена во всех рассмотренных текстах. Вместе с этим покупательницам важно авторитетное мнение экспертов, ссылки на отзывы, которые вызывают доверие и желание приобрести товар. Женщины также хотят чувствовать заботу со стороны производителя, что является важной эмоциональной составляющей.

Вторая группа приемов – психологические, основанные на использовании эмоций, чувств, различных слабостей, в той или иной степени присущих человеку. Так, **в стратегии интенсификации** акцент ставится на «чужих» недостатках и «своих» достоинствах. Примеры мы можем встретить в анализируемых текстах: *«Обычный лак сразу после нанесения склеивает волосы так, что с прической уже ничего нельзя сделать? Эту проблему решит инновация – линейка лаков для укладки и стайлинга от Nivea!»*, т. е. *продукты Nivea имеют более совершенные составы, чем лаки конкурентов. «Большие объемы тары позволяют экономить на упаковке, а концентраты – не переплачивать за воду в канистре»*, т. е. у других производителей средства имеют менее экономичный расход. *«Средство твердо занимает позицию лидера на виртуальной полке скрабов для ног в нашем интернет-магазине»; «C-VIT – топовая антиоксидантная линия компании на основе стабилизированного витамина С, обладающая тройным эффектом: антиоксидантным – нейтрализует свободные радикалы, придает коже сияние, выравнивает ее тон и осветляет пятна, уменьшает морщины»*, т. е. акцентируются достоинства продукта.

Использование **стратегии компликации,** связанной с получением потребителем новой информации, направлено на обострение проблемы. Например, в одном из текстов автор говорит о том, что несовершенства кожи сильно бьют по самооценке человека и заставляют ненавидеть свое отражение в зеркале. Зачастую виной тому становится неправильный уход.

Прием **имплицитного введения информации** – использование слов-операторов, которые отсылают потребителя к негативному опыту использования продукции конкурентов. Одна из разновидностей пресуппозиций связана с семантикой отрицания: *«не содержит искусственных отдушек и красителей»; «не оставляя жирной пленки на поверхности», «не нужно старательно вырисовывать форму»*.

Имплицитную информацию часто вводят в форме вопроса.

• Вопросы, создающие иллюзию общения с автором: *«хотите собрать свою универсальную косметичку?», «а какими бюджетными продуктами пользуетесь вы?», «какие проблемы вас беспокоят?»*.

• Вопросы, требующие развернутого ответа: «*каким критериям должна соответствовать косметичка новичка?», «что должно входить в состав средств для сухой кожи?», «что нового появилось на сайте в этом месяце?»*.

• Риторические вопросы, в которых выражается целесообразность использования продукта: *«согласитесь, за это не хочется переплачивать большие суммы?», «какой обзор без наших любимых баночек от «Organic Kitchen»?», «обычный лак сразу после нанесения склеивает волосы так, что с прической уже ничего нельзя сделать?»*.

В анализируемых текстах мы встречаем языковые единицы, выражающие эмоциональное отношение к называемому объекту, или коннотации. Наличие коннотативных элементов значения лежит в основе целого ряда приемов речевого воздействия.

Так, к символам **«добра»** относятся: «органические экстракты» (косметика из натуральных компонентов), «с spf-защитой» (косметика с защитой от ультрафиолетового излучения), «использованию нанотехнологий» (самые новейшие разработки), «антиоксидантную защиту» (защита от воздействия негативных внешних факторов), «для натурального макияжа» (сегодня естественный макияж является модным трендом), «бестселлером» (популярный косметический продукт на рынке).

«Злом» в рекламе косметики, как правило, считаются названия компонентов, которые оказывают негативное воздействие на кожу/волосы: «спиртосодержащие продукты» (спирт сушит кожу), «искусственных отдушек и красителей» (могут вызывать аллергическую реакцию).

Антонимические противопоставления – еще одно языковое средство, на которое стоит обратить внимание. Например, в статье «Миссия выполнима: как защитить кожу рук зимой?» приводятся как плюсы, так и минусы каждого крема для рук. Стоит отметить, что количество преимуществ на порядок больше: *«Плюсы: легкая текстура, хорошо питает кожу, имеет натуральный состав. Минусы: специфический запах». «Сам по себе крем достаточно жирный, однако он совсем не оставляет следов на вещах». «Консистенция у крема густая и очень аппетитная (напоминает сливочный десерт), при этом он легко впитывается»*.

Встречаются довольно интересные примеры метафор и метафорических образов: *«эффект кошачьих глаз», «станет настоящим украшением косметички», «любимые ботинки теперь как новые»*. Двусмысленностей и аллюзий выявлено не было.

Реклама косметики направлена на широкую аудиторию, как правило, женскую. Об этом можно судить по употреблению слов женского рода: *«каждая женщина», «нравится многим девушкам», «если вы обладательница»*.

В качестве приема обратной связи можно считать вопрос к читательницам в конце статьи и предоставление возможности оставить комментарий. Например, *«А какими бюджетными продуктами пользуетесь вы? Поделитесь своими отзывами»*.

Таким образом, в анализируемых текстах с рекламой косметических товаров используется весь спектр эффективных технологий речевого воздействия на потенциального покупателя. Эти технологии позволяют сделать рекламу интересной, запоминающейся, отличной от других.

Выводы

Для ответа на вопрос, отражает ли формируемый имидж компании реальное представление о ней потребителей, был проведен конкурс (социальная сеть «Вконтакте», январь 2022 года) среди покупателей интернет-магазина, в котором было предложено задание придумать слоган для «Лидермарта». В результате было получено более 290 вариантов, вот некоторые из них (орфография и пунктуация сохранены): «Только Лидермарт, только низкие цены», «Если косметика, то только Лидемарт. Ведь ниже цен не отыскать, пора скорее покупать», «На Лидермарт заходи, выгодные предложения не пропусти», «Экономь своё время, не экономя на качестве – Лидермарт думает о вас», «Лидермарт знает твои желания, удивляет своими ценами, дорожит своими покупателями», «Лидермарт: доставка, качество, цена! Приятный шопинг, доступный каждому всем и всегда», «Лидермарт – спаситель банковских карт», «Огромный выбор без лишних затрат сегодня и завтра! Твой Лидермарт».

Проанализировав сообщения от участников конкурса, можно выделить несколько ключевых сообщений: экономия, низкие цены, широкий ассортимент. Таким образом, сделан вывод о том, что желаемый портрет интернет-магазина «Лидермарт» совпадает с фактическим.

Нейминг также является неотъемлемой частью позиционирования бренда. Названия рассмотренных в предыдущем разделе конкурентов включают в себя корни «парфюм» и «косметик», что говорит об ассортименте реализуемых товаров. Именно такие неймы вызывают прямые ассоциации, и покупатель сразу понимает, о продаже каких товаров идет речь. С целью выяснения происхождения названия «Лидермарт» было проведено интервью с руководителем интернет-магазина. По его словам, в обсуждении принимали участие все сотрудники, а сама идея родилась спонтанно в ходе коллективного обсуждения. Слово «март» ассоциируется с первым весенним месяцем, а также с Международным женским днем, а «лидер» вызывает ассоциацию с магазином-конкурентом, что делает название более узнаваемым среди покупателей. Таким образом, был использован прием словосложения – соединение корней разных слов. Кроме того, у магазина есть несколько альтернативных вариантов написания: Лидер-Март, Lidermart, Lider-mart, Лидер Март.

Функциональная нагрузка рассмотренных текстов в значительной степени обусловливается тем маркетинговым смыслом, что вкладывает в них компания. Это может быть потребность сообщить информацию покупателю, но чаще мотивы в той либо другой степени опираются на стремление манипулировать покупателями. «Тон» манипуляции обусловливается разнообразием используемых речевых стратегий и приемов. Условиями, воздействующими на характерные черты содержательной составляющей текста и инструментов речевого воздействия, применяемых в нем, являются чаще всего свойства адресата сообщения – потенциального покупателя: пол, возраст, уровень доходов и т. д.

При создании рекламных текстов компанией «Лидермарт» использовались различные речевые стратегии, в частности стратегии интенсификации и компликации, различные типы аргументации тезисов, прием имплицитного введения информации, коннотативные элементы и т. п. Данные речевые технологии направлены как на увеличение продаж, так и на формирование положительного имиджа компании.

Источники

Амири Л. П. (2013) Текстовые деликты, или «шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах. Медиастилистика, № 2, с. 100–122.
Горячев А. А. (2010) Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации. Дис. … канд. филол. наук. СПб., 296 с.
Доценко Е. Л. (1997) Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., МГУ, 43 с.
Иссерс О. С. (2008) Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., ЛКИ, 288 с.
Иссерс О. С. (2009) Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М., Флинта : Наука, 224 с.
Квят А. Г. (2009) Позиционирование товаров и услуг в рекламном тексте. Вестник Томского государственного университета, № 319, с. 21–23.
Киклевич А., Прибышевский С. (2022) Прагматический статус эстетических речевых актов. Вестник Томского государственного университета, № 75, с. 183–198.
Кириллова Н. Б. (2016) Новые медиатехнологии как вызовы информационной эпохи. Междунар. науч.-исслед. журнал, № 10 (52), ч. 2, с. 189–194.
Лагута Н. В., Машкина А. С. (2016) Приемы манипулятивного воздействия в современном рекламном тексте: на материале баннерной и наружной рекламы Благовещенска. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, № 22, с. 22–36.
Малюга Е. Н. (2022) Лингвопрагматика юмора в англоязычном экономическом дискурсе. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Сборник материалов IX Международной научной конференции. М., с. 11–17.
Нефедов С.Т. (2022) Язык оценок: что говорят оценки об оценивающем субъекте. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, т. 19, № 4, с. 821–839.
Никитина Е. Н., Онипиенко Н. К. (2022) Семантика и прагматика высказываний с эмотивными предикатами. Сибирский филологический журнал, № 2, с. 271–285.
Пирогова Ю. К. (2001) Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. Труды международного семинара Диалог – 2001. https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova.

Попова Е. С. (2006) Прототипический рекламный текст в структуре манипулятивного воздействия. Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 110-летию со дня рождения Н. П. Гришковой): тез. докладов всеросс. научн. конф. 15–17 ноября 2006 г., Санкт-Петербург. СПб., Сага, с. 103–108.
Попова К. В. (2018) Лингвопрагматика речевых стратегий и тактик в социальной рекламе. Вестник Московского государственного областного университета, с. 231–241.
Соловьева Н. В. (2009) К вопросу о стилевом статусе рекламных текстов (на материале рекламы в сфере туризма). Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, № 6, с. 46–52.
Стернин И. А. (2001) Введение в речевое воздействие: учеб. пособие для вузов. Воронеж, ВГУ. 227 с.
Терских М. В., Зайцева О. А. (2015) Приемы воздействия в социальной рекламе. Коммуникативные исследования, № 3 (5), с. 96–115.
Терских М. В. (2020) Реализация стратегий коммуникативного воздействия в текстах социальной рекламы. Научный диалог, № 5, с. 146–157.
Формановская Н. И. (2007) Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., Икар, 480 с.

References

Amiri L. P. Amiri L. P. (2013) Tekstovyye delikty, ili “shokovyye” sposoby vozdeystviya na potrebitelya v kreolizovannykh reklamnykh tekstakh [Textual torts, or “shock” ways of influencing the consumer in creolizedadvertising texts]. Mediastilistics, no. 2, pp. 100–122 (In Russian).
Dotsenko E. L. (1997) Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny. mekhanizmy i zashchita [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection] Moscow, Publishing House of Moscow State University, 43p. (In Russian).
Formanovskaya N. I. (2007) Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, Ikar Publ., 480 p. (In Russian).
Goryachev A. A. (2010) Modelirovaniye rechevogo vozdeystviya v reklamnoy kommunikatsii [Modeling of speech impact in advertising communication]. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. St. Petersburg, 296 p. (In Russian).
Issers O. S. (2008) Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Moscow, LKI Publ., 288 p. (In Russian).
Issers O. S. (2009) Rechevoye vozdeystviye [Speech impact]. Textbook for students studying in the specialty “Public Relations”. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 224 p. (In Russian).
Kvyat A. G. (2009) Pozitsionirovaniye tovarov i uslug v reklamnom tekste [Positioning of goods and services in the advertising text]. Tomsk State University Journal, no. 319, pp. 21–23 (In Russian).
Kiklevich A., Pribyshevsky S. (2022) Pragmaticheskiy status esteticheskikh rechevykh aktov [The pragmatic status of aesthetic speech acts]. Tomsk State University Journal, no. 75, pp. 183–198 (In Russian).
Kirillova N. B. (2016) Novyye mediatekhnologii kak vyzovy informatsionnoy epokhi [Emergent media technologies as a challenge for the information age]. Meždunarodnyj naučno-issledovatel’skij žurnal (International Research Journal), no. 10 (52), part 2, pp. 189–194 (In Russian).
Laguta N. V., Mashkina A. S. (2016) Priyemy manipulyativnogo vozdeystviya v sovremennom reklamnom tekste: na materiale bannernoy i naruzhnoy reklamy Blagoveshchenska [Techniques of manipulative influence in modern advertising text: based on the material of banner and outdoor advertising in Blagoveshchensk] Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences, no. 22, pp. 22–36 (In Russian).
Malyuga E. N. (2022) Lingvopragmatika yumora v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Linguopragmatics of humor in English-language economic discourse]. Aktualnyye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professionalnogo obshcheniya [Actual problems of linguistics and linguodidactics of a foreign language of business and professional communication]. Collection of materials of the IX International Scientific Conference. Moscow, pp.11–17 (In Russian).
Nefedov S. T. (2022) Yazyk otsenok: chto govoryat otsenki ob otsenivayushchem subyekte [The language of assessments: what assessments say about the evaluating subject]. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, vol. 19, no. 4, pp. 821–839 (In Russian).
Nikitina E. N., Onipienko N. K. (2022) Semantika i pragmatika vyskazyvaniy s emotivnymi predikatami [Semantics and pragmatics of statements with emotive predicates]. Siberian Journal of Philology, no. 2, pp. 271–285 (In Russian).
Pirogova Yu. K. (2001) Strategii kommunikativnogo vozdeystviya v reklame: opyt tipologizatsii [Strategies of communicative influence in advertising: the experience of typologization]. Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog – 2001 [Proceedings of the international seminar Dialog – 2001]. https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova (In Russian).
Popova E. S. (2006) Prototipicheskiy reklamnyy tekst v strukture manipulyativnogo vozdeystviya. Slovo. Slovar’. Slovesnost’: sotsiokul’turnyye koordinaty (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya N. P. Grishkovoy) [Prototypical advertising text in the structure manipulative influence Word. Dictionary. Literature: socio-cultural coordinates (to the 110th anniversary of the birth of N. P. Grishkova)]. A series of reports of the All–Russian scientific conference on November 15-17, 2006. St. Petersburg. St. Petersburg, Saga, pp. 103–108 (In Russian).

Popova K. V. (2018) Lingvopragmatika rechevykh strategiy i taktik v sotsial'noy reklame [Linguopragmatics of speech strategies and tactics in social advertising]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow State Regional University, pp. 231–241 (In Russian).
Solovyova N. V. (2009) K voprosu o stilevom statuse reklamnykh tekstov (na materiale reklamy v sfere turizma) [To questions about the stylistic status of advertising texts (based on the material of advertising in the field of tourism)] Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, no. 3, pp. 46–52 (In Russian).
Sternin I. A. (2001) Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye [Introduction to speech influence]. Voronezh, VSU Publ., 227p. (In Russian).
Terskikh M. V., Zaitseva O. A. (2015) Priyemy vozdeystviya v sotsial'noy reklame [Methods of influence in social advertising]. Communication Studies, no. 3 (5), pp. 96–115 (In Russian).
Terskikh M. V. (2020) Realizatsiya strategiy kommunikativnogo vozdeystviya v tekstakh sotsial'noy reklamy [Implementation of strategies of communicative influence in the texts of social advertising]. Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue), no. 5, pp. 146–157 (In Russian).

Информация об авторе

Завальников Владимир Петрович
Кандидат филологических наук, доцент.
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-6005-5247.
E-mail: vladimir-zavalnikov@yandex.ru

Autor's information

Vladimir P. Zavalnikov
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor.
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-6005-5247.
E-mail: vladimir-zavalnikov@yandex.ru

УДК 371
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.9
Научная статья

О. Н. Смолин[1, 2]
✉ smolin@duma.gov.ru
[1]Комитет Государственной Думы по науке и высшему образованию, г. Москва, Российская Федерация
[2]Российская академия образования, г. Москва, Российская Федерация

Статус правовой или реальный? О некоторых итогах законотворческой работы в Год педагога и наставника

Аннотация: В статье предложен анализ законотворческой деятельности Государственной Думы относительно образования в течение 2023 года, объявленного Годом педагога и наставника. В центре внимания – повышение правового статуса педагога в Российской Федерации. Рассмотрены законодательные инициативы, проанализированы принятые законопроекты. Приведен фрагмент стенограммы пленарного заседания Государственной Думы от 2 ноября 2023 года по обсуждению проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников». В результате законотворческой работы в Год педагога и наставника федеральное законодательство весьма незначительно подняло правовой статус педагогического работника, что практически никак не сказалось на его реальном социальном статусе. Без повышения реального статуса педагогического работника кадровый кризис в образовании будет только нарастать.

Ключевые слова: законотворческая деятельность Государственной Думы РФ, правовой статус педагога Российской Федерации, кадровый кризис, заработная плата педагога.

Дата поступления статьи: 5 февраля 2024 г.

Для цитирования: Смолин О. Н. (2024) Статус правовой или реальный? О некоторых итогах законотворческой работы в Год педагога и наставника. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 92–103. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.9.

Scientific article

O. N. Smolin[1, 2]
✉ smolin@duma.gov.ru
[1]The State Duma Committee on Science and Higher Education, Moscow, Russian Federation
[2]Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

Legal or real status? On some results of legislative work in the Year of the Teacher and Mentor Annotation

Abstract: Article offers an analysis of the legislative activity of the State Duma regarding education during 2023, declared the year of the teacher and mentor. The focus is on improving the legal status of teachers in the Russian Federation. Legislative initiatives were considered, and adopted bills were analyzed. A fragment of the transcript of the plenary meeting of the State Duma on November 2, 2023, to discuss the draft federal law “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the issue of increasing the status of teaching staff” is given. As a result of legislative work in the Year of the Teacher and Mentor, federal legislation very slightly raised the legal status of the teaching worker and had virtually no effect on his real social status. Without increasing the real status of teaching staff, the personnel crisis in education will only grow.

Keywords: legislative activity of the State Duma of the Russian Federation, legal status of a teacher in the Russian Federation, personnel crisis, teacher’s salary

Paper submitted: February 5, 2024.

For citation: Smolin O. N. (2024) Legal or real status? On some results of legislative work in the Year of the Teacher and Mentor Annotation. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 92–103. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.9.

© О. Н. Смолин, 2024

В конце 2023 года в Москве и регионах отшумели официальные мероприятия официально провозглашенного Года педагога и наставника. Подведем и мы некоторые его итоги, связанные с законотворческой работой Российского парламента.

1. Закон о правовом статусе педагогического работника: марш почти на месте

Пожалуй, главным итогом года в области законотворческой деятельности можно считать Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», который при принятии в первом чтении имел подзаголовок «о совершенствовании взаимодействия участников образовательного процесса», а в думских дискуссиях и средствах массовой информации обычно именовался проектом закона о правовом статусе педагога. Автор этих строк хорошо понимал слабые стороны законопроекта, однако подписал его, руководствуясь теорией «малых дел», точнее, принципом поддержки даже самых маленьких законодательных шагов в интересах образования.

Интересно, что при обсуждении законопроекта в третьем чтении Председатель Государственной Думы акцентировал две его нормы: запрет использования на уроках средств связи (мобильных телефонов)[1] и возвращение в школьные программы уроков труда[2]. В послесоветское время соответствующий предмет был обозначен как «технология», однако теперь этот термин употребляется в законе в скобках после основного – «труд». Очевидно: оба эти сюжета, важные сами по себе, к статусу педагогического работника никакого отношения не имеют. Что же касается собственно статуса, законопроект содержит следующие основные положения.

1. Норма, согласно которой педагогические работники имеют право на защиту чести и достоинства[3]. Официально введение этой нормы обосновывалось необходимостью симметрии прав и обязанностей педагогов и обучающихся: в отношении обучающихся такая норма в законе присутствовала, а в отношении педагогов прописана не была. Фактически же речь идет о слабой попытке защитить учителя (в широком смысле слова) от травли со стороны учеников (обучающихся). Напомню: согласно опросу проектно-учебной лаборатории образовательной и молодежной журналистики НИУ «Высшая школа экономики» весной 2018 года, с такой травлей сталкивались до 70 % опрошенных учителей[4].

2. Положение о праве образовательных организаций принимать локальные нормативные акты, обеспечивающие дисциплину и обязательные для учащихся (студентов)[5]. Цель сходная: увеличить возможности педагога в отношении управления учениками и защиты от их деструктивного поведения.

Однако нельзя не заметить: первая из этих норм имеет декларативный характер, а вторая – характер отсылочный, т. е. о ее реализации можно будет судить лишь после появления соответствующих локальных нормативных актов.

Декларативность первой из названных норм подтверждается и тем фактом, что Государственная Дума отклонила поправку автора этих строк, которая предполагала возможность исключения ученика из образовательной организации за посягательство на честь и достоинство педагогического работника или иного работника образовательной организации[6].

---

[1]П. 4.1 ч. 1 ст. 43: Обучающиеся обязаны «не использовать средства подвижной радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий при освоении образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, за исключением случаев возникновения угрозы жизни или здоровью обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, иных экстренных случаев».

[2]Ч. 6.3 ст. 12.

[3]П. 12 ч. 3 ст. 47: «право на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности».

[4]Исследование: 70 % российских учителей подвергаются травле со стороны учеников. https://mel.fm/novosti/9562473-pedsovet-70-uchiteley-podvergayutsya-travle-so-storony-uchenikov#comments

[5]П. 1 ч. 3 ст. 28: «разработка и принятие правил внутреннего распорядка обучающихся, в том числе устанавливающих требования к дисциплине на учебных занятиях и правилам поведения в образовательной организации, правил внутреннего трудового распорядка, иных локальных нормативных актов».

[6]Поправка автора № 1 из таблицы отклоненных к законопроекту во втором чтении звучала следующим образом: «за посягательство на честь и достоинство педагогического работника или иного работника организации, осуществляющей образовательную деятельность».

Без такой санкции норма о праве педагогического работника на защиту чести и достоинства вообще повисает в воздухе: во-первых, такое право имеет каждый гражданин; а во-вторых, в отличие от обычного гражданина педагогический работник вряд ли будет судиться с учеником, который его травит, т. е. не станет пользоваться правом на судебную защиту. Несмотря на современные попытки максимально формализовать образовательные отношения с помощью юридических норм, большинство педагогов осознают или интуитивно чувствуют, что эти отношения в основе своей являются не юридическими, но нравственно-психологическими. Другими словами, обе приведенные нормы представляют собой, скорее, добрые намерения, чем реальное повышение правового статуса педагогического работника.

Это утверждение тем более справедливо, что принятый закон не содержит никаких норм, обеспечивающих правовую защиту педагогического работника от чиновника, между тем как педагог в такой защите явно нуждается.

Во-первых, введение ОГЭ, ЕГЭ, Всероссийских проверочных работ, а затем единых федеральных программ и учебников значительно ограничило свободу педагогического творчества. При этом представление о том, что именно такая система существовала в советский период, мягко говоря, не точно.

С одной стороны, устные экзамены по гуманитарным и многим естественно-научным дисциплинам создавали значительно больше свободы для творчества как учителя, так и ученика.

С другой стороны, хорошие советские учителя никогда не вели занятий строго по программе, как минимум по гуманитарным предметам: с учетом особенностей класса, уровня собственных знаний и отношения к материалу они акцентировали одни разделы (например, культуру эпохи Возрождения) и обзорно освещали другие, менее значимые. В результате любимые поэты, писатели и исторические деятели педагога нередко становились любимыми и для его учеников.

Специальных органов контроля за деятельностью педагогов и учеников не существовало, и такой контроль, как правило, ограничивался взаимным посещением уроков и изредка – контролем со стороны администрации школы. Автору все это хорошо известно как ученику 60-х, школьному учителю середины 70-х и вузовскому преподавателю конца 70-х – 80-х годов. Неслучайно многие советские школы и вузы считались «рассадниками» свободомыслия.

Во-вторых, насколько можно судить, в большинстве регионов существует писаное или неписаное правило, согласно которому участие руководителя образовательной организации или рядового педагога в каких-либо общественных мероприятиях возможно только с согласия чиновников, исполняющих функции учредителей. Приведу лишь два примера.

Первый. Когда автор этих строк – Первый заместитель председателя профильного парламентского комитета, куратор экспертного совета по образованию инвалидов и других лиц с ограниченными возможностями здоровья при профильном комитете Государственной Думы – попытался попасть на встречу с педагогическим коллективом в коррекционной сельской школе, ему предложили согласовать этот вопрос с Министерством образования Омской области. Разумеется, отказался, хотя согласование бы наверняка получил[1].

Пример второй. Как руководитель рабочей группы по вопросам развития доступного и качественного дошкольного и общего образования для детей-инвалидов Комиссии при Президенте Российской Федерации по делам инвалидов вынужден регулярно обращаться в региональные департаменты образования с просьбой согласовать участие членов рабочей группы в ее заседаниях. Когда же высказал удивление по этому поводу руководителю московского департамента образования, в ответ получил предложение: согласовывать такое участие не на каждое заседание рабочей группы, но на весь период ее работы! Не говорю уже об участии педагогов в программах телевидения, радио и других СМИ, которое также приходится согласовывать. Разумеется, работая учителем и преподавателем вуза в советский период, ни с чем подобным никогда не сталкивался.

Повторю: никакого укрепления правового статуса педагога по отношению к чиновнику Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ не содержит.

[1]Насколько могу судить, при новом министре образования Омской области это требование, дискриминирующее педагогов, отменено.

2. Статус реальный: несбывшиеся надежды

Единственной нормой Федерального закона от 19.12.2023 № 618-ФЗ, касающейся реального социального статуса педагогического работника, является положение, согласно которому «Для привлечения выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования к педагогической деятельности, а также в целях социальной поддержки педагогических работников федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов публичной власти федеральной территории «Сириус» и муниципальными правовыми актами могут устанавливаться дополнительные меры государственной поддержки и социальные гарантии»[1].

Прежде такое право предоставлялось только федеральным и региональным органам власти. В отношении же органов местного самоуправления это право впрямую в законе прописано не было, хотя многие органы местного самоуправления дополнительные гарантии устанавливали, чаще всего для начинающих педагогов.

Единственный смысл введения новой нормы – невозможность отнесения соответствующих расходов вышестоящими финансовыми органами к неправомерным и сокращение на этом основании мер финансовой поддержки муниципальным и (или) региональным бюджетам.

Рискну предположить: данная норма будет иметь крайне ограниченное действие, поскольку у муниципальных властей (впрочем, как и у региональных) в подавляющем большинстве случаев недостаточно средств. Те же, кто такие средства имеют, как уже отмечалось, вводили муниципальные меры поддержки и без этой нормы. Автору известны такие случаи, например, в целом ряде сельских районов Омской области.

Между тем практически одновременно с Федеральным законом от 19.12.2023 № 618-ФЗ Государственная Дума рассматривала подготовленный автором и внесенный группой депутатов фракции КПРФ проект федерального закона № 1075801-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников», который содержал конкретные меры в области оплаты труда и социальной защиты педагогов, причем финансируемые преимущественно с федерального уровня.

Главная идея законопроекта восходит к нормам Закона России «Об образовании» в редакциях 1992 и 1996 годов, которые продержались в нем до принятия Федерального закона № 122-ФЗ от 22.08.2004 года («о монетизации»), но никогда не исполнялись в полном объеме. Аналогичные идеи в усеченном виде содержал Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597, а также подготовленные автором проекты федеральных законов «О народном образовании» (отклонен голосами фракции «Единая Россия» в 2012 году) и «Об образовании для всех» (отклонен голосами той же фракции в 2017 году). Вот главные нормы законопроекта.

«Статья 47.2. Время труда и время отдыха педагогических работников

2. Для педагогических работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю.

3. Продолжительность учебной (преподавательской) работы за ставку заработной платы составляет:

1) при реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ, а также дополнительных предпрофессиональных образовательных программ – 18 часов в неделю;

2) при реализации основных и дополнительных профессиональных образовательных программ – 720 часов в год.

4. Педагогический работник имеет право:

1) на ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск, продолжительностью 56 календарных дней;

2) на длительный отпуск сроком до одного года не реже, чем через каждые 10 лет непрерывной преподавательской работы.

[1]Подпункт «д» п. 4 ст. 1 Федерального закона от 19.12.2023 № 618-ФЗ.

Статья 47.3. Заработная плата педагогических работников

2. Базовый должностной оклад (минимальный оклад) педагогического работника не может быть меньше:

– 140 процентов средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования;

– 70 процентов средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации для остальных педагогических работников.

3. Размер средней заработной платы педагогических работников государственных и муниципальных образовательных организаций при работе на одну ставку (оклад) без учета надбавки за классное руководство и кураторство студенческих групп должен:

1) для воспитателей дошкольных образовательных организаций, учителей и других педагогических работников, не указанных в пунктах 2 и 3 настоящей части, превышать размер средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше размера средней заработной платы в целом по Российской Федерации;

2) для мастеров производственного обучения и педагогических работников из числа преподавательского состава государственных и муниципальных профессиональных образовательных организаций не менее чем в полтора раза превышать размер средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше полуторного размера средней заработной платы в целом по Российской Федерации;

3) для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава государственных и муниципальных образовательных организаций, реализующих основные и (или) дополнительные образовательные программы высшего образования, не менее чем в два раза превышать размер средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации и быть не меньше двукратного размера средней заработной платы в целом по Российской Федерации.

4. Педагогическим работникам организаций, реализующих образовательные программы, имеющим ученые степени, выплачиваются ежемесячные надбавки в размере:

1) за ученую степень доктора наук – 15 000 рублей;

2) за ученую степень кандидата наук – 8 000 рублей.

7. Оплата труда работников, реализующих или обеспечивающих образование лиц с ограниченными возможностями здоровья, осуществляется по повышенным тарифным ставкам (окладам) в зависимости от типов образовательных организаций, а также от сложности выполняемых работ. Размер повышения тарифных ставок (окладов) определяется Правительством Российской Федерации и не может быть менее 20 процентов.

8. Если вследствие малокомплектности сельской муниципальной общеобразовательной организации рабочее время педагогического работника составляет менее 18 часов в неделю, но не менее 12 часов в неделю, заработная плата указанному педагогическому работнику выплачивается в размере не ниже размера тарифной ставки (оклада) педагогического работника соответствующей категории.

9. Педагогические (научно-педагогические) работники государственных и муниципальных образовательных организаций дополнительного образования по условиям труда, в том числе по оплате труда, приравниваются к соответствующим категориям работников государственных и муниципальных образовательных организаций, реализующих соответствующие основные образовательные программы».

В настоящее время автором подготовлена новая версия проекта Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» в части реализации принципа «Образование для всех, в течение всей жизни»», которым, в частности, предполагается индексировать выплаты за ученые степени кандидата и доктора наук, а также выплаты за классное руководство и ввести выплаты за кураторство студенческих групп в учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования.

Нетрудно убедиться: содержание законопроекта отличается от президентского указа № 597 по четырем главным позициям.

Во-первых, заработную плату педагогических работников предлагается приравнивать не только к средней по региону, но и к средней по Российской Федерации. Цель – уменьшение неравенства в этой области и прекращение (или как минимум сокращение) т. н. педагогического туризма, когда педагоги из Московской области едут в Москву, из близлежащих областей – в Московскую область или в ту же Москву, из регионов с низкой средней заработной платой – в регионы с зарплатой более высокой и т. п.

Во-вторых, и главное, согласно законопроекту, заработную плату педагогических работников предлагалось приравнять к средней по региону и по Российской Федерации при работе на одну ставку, т. е. реально сделать значительно выше средней по региону и по России в целом, поскольку даже в советское время учителя работали, как правило, на 1,25 – 1,3 ставки.

В-третьих, предполагалось установить заработную плату в учреждениях среднего профессионального образования не на уровне средней по региону и по Российской Федерации, но в 1,5 раза выше. Логика очевидна: чем выше уровень образования, тем выше должна быть оплата педагогического труда.

В-четвертых, предлагалось приравнять заработную плату педагогов организаций дополнительного образования к педагогам организаций, реализующих основные образовательные программы соответствующего уровня.

Очевидно: реализация законопроекта в короткие сроки прекратила бы кадровый кризис в образовании, который нарастает, но не признается федеральными органами исполнительной власти.

В Государственной Думе 2 ноября 2023 года законопроект поддержали четыре фракции, однако он был заблокирован голосами фракции подавляющего большинства. Приведу результаты голосования:

КПРФ: за – 96,5 %; не голосовало – 3,5 %;

«Новые люди»: за – 93,3 %; не голосовало – 6,7 %;

«Справедливая Россия»: за – 81,5 %; не голосовало –18,5 %;

ЛДПР: за – 71,4 %; не голосовало – 28,6 %;

«Единая Россия»: не голосовало – 100 %.

3. Статус педагога: парламентские дискуссии

В Государственной Думе законопроект вызвал бурную полемику, которая значительно вышла за пределы обсуждения собственно статуса педагогического работника и коснулась многих системных проблем образовательной политики в целом. Основными оппонентами выступили автор этих строк и Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по просвещению, представитель фракции «Единая Россия» Алена Аршинова. Для иллюстрации того, как обсуждаются подобные вопросы в Российском парламенте, приведу некоторые фрагменты этой полемики с минимальными комментариями.

Школа: кадровый кризис или кадровое благополучие?

Аршинова А. И.: «… более 70 % выпускников педвузов сейчас идут в школы, работают. Мы дали право работать старшекурсникам. […] в этом году было 385 тысяч заявлений в педвузы Минпросвещения – это на 100 тысяч больше. Соответственно, те усилия, которые мы сегодня предпринимаем, позволяют нам говорить о том, что мы движемся в правильном направлении»[1].

Смолин О. Н.: «…есть ли у нас дефицит педагогических кадров в Российской Федерации? Я напомню, что, по официальным данным, у нас в стране 1 миллион 250 тысяч учителей и не хватает всего 11 тысяч, т. е. менее 1 %. Всё замечательно – вот только учителя об этом не знают.

[1]Здесь и далее: Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 2 ноября 2023 г. (пункт 20, проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников».

Всё зависит от того, как считать. … когда принимался Указ Президента № 597 от 7 мая 2012 года, как мне не раз говорили наши коллеги из Администрации Президента, имелось в виду как раз то, что предусмотрено нашим законопроектом, а именно: заработная плата учителей, других педагогов, работающих с детьми, должна быть не ниже средней по региону при работе на 1 ставку. Сейчас учитель в среднем работает на 1,8 ставки. Если бы все учителя работали на 1 ставку, нам не хватало бы примерно 1 миллиона учителей[1]. Если же заставить учителей работать на 2,5 ставки, то можно еще примерно полмиллиона учителей уволить».

Позволю себе три коротких комментария.

Во-первых, количество заявлений в педвузы на педагогические специальности действительно растет, но преодолеть кадровый кризис это помогает мало: с одной стороны, далеко не все выпускники идут работать в учебные заведения, а с другой – многие из тех, кто приходит, через несколько лет ищут себе другую работу. Но об этом ниже.

Во-вторых, решение о том, чтобы студенты без высшего образования могли работать в школах, установлено на законодательном уровне именно для того, чтобы «заткнуть кадровую дыру». Но и оно помогло мало.

В-третьих, согласно опросу РБК 85 субъектов Российской Федерации, ответы с признанием дефицита педагогических кадров поступили из 40 регионов. О дефиците учителей математики сообщили 35 регионов, или 88 % от числа давших ответы, русского языка – 31 регион (78 %), английского и других иностранных языков – 29 регионов (73 %), литературы – 24 региона (60 %), начальных классов – 21 регион (53 %), физики – 13 регионов (33 %)[2]. Ясно, что данные опроса в очередной раз категорически расходятся с оптимистическими заявлениями официальных властей.

Нагрузка и зарплата учителей: норма или сверхэксплуатация?

Нашим законопроектом предполагалось установить нормы учебной нагрузки педагогов: в школе и дополнительном образовании – 18 часов в неделю; в учреждениях среднего профессионального и высшего образования – 720 часов в год. Продолжим фрагменты думской полемики.

Аршинова А. И.: «Продолжительность учебной (преподавательской) работы за ставку зарплаты – положениями статьи 333 Трудового кодекса уже установлено, что в зависимости от должности или специальности педработников с учетом особенностей их труда продолжительность рабочего времени (нормы часов педработы за ставку зарплаты), порядок определения учебной нагрузки, оговариваемой в трудовом договоре и основания ее изменения, случаи установления верхнего предела учебной нагрузки определяются федеральным органом исполнительной власти, который, собственно, вырабатывает политику в этой сфере. Приказом Минобрнауки конкретизирована продолжительность рабочего времени, установлен порядок определения учебной нагрузки, оговариваемой в трудовом договоре».

Другими словами, никакого законодательного регулирования в этой сфере, по мнению моего оппонента, не требуется.

Смолин О. Н.: «Я напоминаю вам, что в советский период были произведены расчеты нагрузки… учителя. Оказалось, что если вы ведете 22—23 часа (тогда это было нормой), т. е. 1,25 ставки, то вам приходится тратить, например, учителю истории – порядка 48 рабочих часов в неделю, потому что вы должны готовиться к урокам, работать с детьми и вообще приходить на работу не измученным, мечтающим о том, как дожить не до понедельника, а до воскресенья, а нормальным человеком, который готов отдавать свою личность детям. Ведь в этом и заключается главное в образовании. Собственно, образование есть воздействие личности на личность. Если вы учитель литературы, при нагрузке 22-24 часа вам приходилось бы работать около 60 часов в неделю».

«…правительство великодушно установило продолжительность рабочего времени для учителя. Только вы знаете, сколько должна быть продолжительность рабочего времени при работе на 1,8 ставки? Это 32 урока в неделю, кто не понимает. И считалось, что как минимум мы должны на один урок тратить примерно в полтора раза больше, …чем продолжается собственно сам урок. Таким

[1]Ошибка в полемике: на самом деле не хватало бы примерно 560 тыс. учителей.
[2]В регионах назвали самые востребованные специализации учителей. https://www.rbc.ru/society/31/10/2023/6537ca4d9a794754cafee966.

образом, рабочая неделя учителя должна при такой нагрузке составить порядка 80 часов в неделю. Понятно, что либо ты не живешь, либо ты не отдаешь детям того, что тебе положено им отдавать.

Я напомню, что правительство недавно великодушно установило продолжительность рабочей недели для таксистов – 40 часов. Видимо, учителя у нас в меньшем почете, потому что формально у них рабочая неделя 36 часов, а сколько фактически, я вам рассказывал».

«...самая высокая реальная заработная плата учителей, педагогов вообще, в пересчете на нагрузку была в 2012 году, когда и был принят знаменитый указ № 597. А вот данные Высшей школы экономики... 80 % учителей получают заработную плату (два года назад) в размере ниже 40 тысяч рублей. Это гораздо ниже средней по стране; более 40 % учителей приходится ограничивать себя в любых тратах, кроме расходов на еду. Понимаете, что это такое? По любой серьезной методике, кроме нашей отечественной, это прямая бедность. 40 % учителей – бедные!»

Деньги для образования: сказочный рост или хроническое недофинансирование?

Аршинова А. И.: «Сфера образования, конечно, очень большая, но расходы на образование у нас за несколько лет выросли в 3 раза: с 0,5 триллиона рублей до 1,5 триллиона рублей. Мы фактически встали рядом с теми муниципалитетами, которые испытывали трудности, которые не могли себе позволить ремонтировать инфраструктуру и т. д.».

«...пилот по заработным платам в нескольких регионах (а потом и на всю страну) готовился в 2021 году. Должно было выйти постановление, под него были зарезервированы определенные средства, но, к сожалению, время, геополитика, международные отношения, санкции расставили точки над «и», внесли изменения, корректировки, мы были вынуждены защищаться, обороняться и начать СВО, на что тоже уходят серьезные средства».

Смолин О. Н.: «Совершенно очевидно, что без поддержки федерального бюджета российские регионы решить вопрос не могут. ... В 2012 году федеральный бюджет помог регионам, и поэтому реальная заработная плата учителей в пересчете на нагрузку была самой высокой, а дальше помощь сокращалась. И как решали регионы эту проблему? Очень просто: увеличивая нагрузку учителя.

Не думайте, что это касается только регионов с дефицитными бюджетами, это касается даже Москвы. Недавно Общественная палата специально обсуждала проблему молодых учителей в городе Москве...

Во-первых, даже в Москве нагрузка увеличилась до 26 уроков в неделю (еще недавно была 22-23), т. е. почти до полутора ставок.

А во-вторых, Общественная палата установила, что многие молодые учителя приходят (*в школы*), получают положенные молодым надбавки, а затем уходят, может быть, даже на более низкую заработную плату, но с меньшими затратами труда и нервной энергии.

[...]

По оценкам Министерства просвещения Российской Федерации, цена вопроса, связанного с постановлением Государственной Думы от 23 июля 2019 года[1], которое я не устану цитировать, потому что все за него голосовали, составляет порядка 400 миллиардов рублей. Много это или мало, коллеги?

У нас сейчас дефицит федерального бюджета около 1 % (от ВВП). Даже если мы не будем принимать тех решений, про которые постоянно говорят, скажем, Николай Васильевич Коломейцев или Валерий Карлович Гартунг[2], 400 миллиардов рублей (причем мы предлагаем повышать заработную плату поэтапно...) – это не проблема для нашего бюджета.

Я не экономист, но я регулярно слушаю крупнейших российских экономистов в рамках Вольного экономического общества. Все говорят одно и то же: дефицит бюджета до 3 % не опасен... Минфин считает возможным использовать в рублях те деньги, которые мы благодаря тому же Минфину и Центробанку потеряли у наших “заклятых партнеров”».

[1]Постановление рекомендовало Правительству РФ установить базовые оклады педагогическим работникам не ниже 70 % от средней заработной платы по региону при работе на одну ставку – 18 часов в неделю.

[2]Этими и другими депутатами предлагалось, в частности: ввести прогрессивный подоходный налог по опыту подавляющего большинства стран; отказаться от возвращения НДС экспортерам сырья, что позволило бы сэкономить около 3 трлн руб.

Прибавлю к этому два коротких комментария.

Во-первых, федеральный бюджет образования в 2020–2023 годах увеличился на 38 %, что немногим выше инфляции – 34 %.

Во-вторых, по данным Счетной палаты и НИУ «Высшая школа экономики», доля расходов на образование консолидированного бюджета России от ВВП не менялась почти 20 лет и составляет около 3,6 %[1].

В-третьих, по данным ЮНЕСКО и Всемирного банка, по доле финансирования образования от валового внутреннего продукта из всех источников Россия в 2012 году занимала 98-е, в 2018 году – 120-е, в 2020 году – 84-е место[2]. В такой ситуации разговоры о сказочных темпах роста расходов на образование действительно выглядят как сказка.

Образование в федеральном бюджете – 2024: все дальше от Указа № 597

Аршинова А. И.: «Президент несколько лет назад принял решение помочь и софинансировать фактически зарплаты из федерального центра. И вы знаете о том, что регулярно из федерального бюджета поступают федеральные трансферты в наши регионы, для того чтобы регионы могли справиться с этой нагрузкой. И многие губернаторы… регулярно отчитываются перед избирателями, говоря о том, что они увеличили свои региональные бюджеты. Региональные бюджеты увеличиваются за счет наших с вами решений здесь, в том числе мы софинансируем зарплаты, мы софинансируем инфраструктуру, мы софинансируем оборудование и т. д.».

Смолин О. Н.: «Итак, уважаемые коллеги, что мы имеем в бюджете на следующий год? Заработная плата педагогических работников федеральных учреждений с 1 января увеличится на 9,8 % – мы рады. … вот только официальная инфляция за этот год… будет 13 %[3], т. е. педагоги высшей школы и других организаций на федеральном бюджете станут слегка беднее. Что касается педагогов в школах, то на всю интеллигенцию, на всех работников бюджетной сферы в очередной раз выделяется в федеральном бюджете плюс 100 миллиардов рублей. По-моему, эта цифра не менялась с 2018 года, хотя с тех пор средняя заработная плата, в соответствии с которой должна индексироваться заработная плата работников бюджетной сферы, увеличилась почти в 1,5 раза[4]. Так что пока мы не приближаемся к реализации указа президента – мы от него отдаляемся.

Коллеги! Я прошу вас поддержать этот законопроект в первом чтении. Мы готовы на рассрочку, на любые реально исполнимые решения, но надо двигаться вперед, а не назад!»

Строительство и капитальный ремонт: неслыханные достижения или частичное восстановление разрушенного?

Как уже отмечалось, дискуссия по законопроекту вышла далеко за пределы только статуса педагогического работника. Возражая против наших предложений, представитель партии власти апеллировала к успехам в области строительства и капитального ремонта школ и детских садов.

Аршинова А. И.: «…мы с вами вместе принимаем здесь решения о том, чтобы капитально ремонтировались школы, чтобы строились школы, чтобы строились детские сады. Мы с вами за несколько лет построили более 7 тысяч детских садов – это неимоверное, вообще, количество! Собственно, вы тут и не приведете советские цифры по поводу школ, по поводу капитального ремонта, поскольку это действительно беспрецедентные меры. И мы с вами благодаря инициативе президента Владимира Путина… инициируем программу капитального ремонта детских садов, колледжей».

Смолин О. Н.: «Да, мы построили 7 тысяч детских садиков – замечательно! Только, Алёна Игоревна, после советского времени мы их потеряли около 40 тысяч. …было около 88 тысяч, осталось 48 (*тысяч*)[5]; построили 7, потеряли 40 (*тысяч*) – хорошо?

[1]Доля финансирования образования от ВВП (по данным Мирового банка, НИУ ВШЭ и Счетной палаты РФ): 1950-е годы – 10-12 %; 1970 год – 7 %; 2006 год – 3,9 %; 2015 год – 3,6 %; 2020 год – 3,6 %.

[2]World Bank, UNESCO Institute for Statistics: Global Education Expenditure 2022. https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure.

[3]Ошибка в полемике: на 13 % в 2023 году, по официальным данным, должна была увеличиться средняя заработная плата, к которой должна приравниваться индексация заработной платы педагогических работников (на самом деле увеличилась на 14 %). В противном случае исполнение Указа № 597 становится невозможным.

[4]По официальным данным, инфляция в 2020–2023 годах составила 34 %, а рост средней заработной платы за те же годы – 43 %.

[5]Ошибка в полемике: по данным статистического сборника НИУ «Высшая школа экономики» 2023 года, число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, в 2021 году составило 33,9 тысячи, т. е. сокращение по сравнению с 1990 годом составило 54 тысячи таких организаций.

Строим школы – замечательно. Только потеряли мы за это (послесоветское) время более 30 тысяч школ. Было 69,7 тысячи школ, сейчас примерно 39,5 тысячи школ в Российской Федерации!

Кстати, хочу напомнить, что Президент Российской Федерации в 2014 году выступил с инициативой… ликвидировать вторые смены в начальной и старшей школе к 2020 году и ликвидировать вторые смены в основной школе к 2025 году. С тех пор про это все забыли, хотя правительство принимало в 2015 году специальный график, специальное распоряжение о погодовом финансировании этого предложения президента, поддержанного парламентом. Сейчас говорят только про третьи смены или про те регионы, где сверхперегруженные школы».

Справедливости ради следует отметить, что, выступая в парламенте, заместитель Председателя Правительства и министр финансов РФ Антон Силуанов неоднократно прямо высказывался против поручения Президента РФ о переводе школ на односменный режим работы.

Экскурс в политологию: открытие или провал?

В заключительном слове мой оппонент перешла от дискуссии по законопроекту в область политической науки как таковой. Цитирую.

Аршинова А. И.: «…надо быть честным с избирателем и вносить законопроекты так, чтобы финансово-экономическое обоснование не просто было, а было безупречным!

А до этого я постараюсь, чтобы не только мои избиратели, но и ваши избиратели знали, что предварительно нужно согласовать эту работу и согласовать мнения. Не просто выйти и выступить здесь, а согласовать с бюджетным комитетом, … посоветоваться в администрации президента, заручиться поддержкой профильного вице-премьера, а не ставить в позу здесь партию большинства».

Поскольку содокладчик от комитета выступает последним, я был лишен возможности высказать крайнее удивление по поводу этой тирады. Полагаю, и любой, кто когда-либо изучал политическую науку, будет крайне удивлен требованиям к депутату от оппозиционной фракции согласовывать каждую свою законодательную инициативу с правительством, которое формально представляет партию власти, а на самом деле ею управляет. Ни в одной стране с реальным парламентом невозможно представить себе ничего подобного. Это либо выдающееся открытие в политической науке, либо абсолютное политологическое невежество. Оценку предоставляю читателю.

Заключение

Проблема повышения статуса педагогического работника получила продолжение на Госсовете по вопросу «О повышении роли и престижа педагога и наставника», заседание которого состоялось 27 декабря 2023 года. В частности, Президент РФ дал поручение Правительству РФ подготовить меры по повышению заработной платы педагогов в регионах, где она ниже средней по Российской Федерации в целом. Приведу высказывание В. В. Путина на Государственной Совете: «Ситуация очевидна: доходы по региону ниже, чем в целом по стране, значит, и зарплата учителя отстает. От этого теряется качество образования, как я уже сказал, а сам регион лишается кадрового, профессионального ресурса. И это в конечном итоге ведет к отставанию и в развитии.

Я прошу Правительство предложить системные решения проблемы оплаты труда учителя».

Очевидно: поручение президента прямо перекликается с идеями подготовленного нами проекта закона о повышении статуса педагогического работника. Впрочем, даже если бы поручение было дано до рассмотрения законопроекта, вряд ли это повлияло бы на результаты голосования в парламенте. Однако хочется надеяться, что идея ограничения неравенства в оплате педагогического труда так или иначе будет реализована подобно тому, как Поручением Президента РФ от 15 января 2020 года № Пр-113 по итогам Послания Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 года была реализована идея проекта Федерального закона «О народном образо-

вании» и проекта закона № 605979-6 «О надбавках за классное руководство» в части выплат за классное руководство из федерального бюджета.

Подведем итоги. В Год педагога и наставника федеральное законодательство весьма незначительно подняло правовой статус педагогического работника, что практически никак не сказалось на его реальном социальном статусе. В последнем смысле Год педагога и наставника не состоялся.

В 2024 году защитникам интересов образования в парламенте предстоит много работать над тем, чтобы хотя бы поручение Президента Российской Федерации в части повышения оплаты труда педагогов в регионах со средними доходами ниже среднероссийских было реализовано.

В очередной раз повторю: без повышения реального статуса педагогического работника кадровый кризис в образовании будет только нарастать.

Источники

Варламова Т. А., Гохберг Л. М., Озерова О. К. и др. (2023) Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., ИСИЭЗ ВШЭ, 132 с.

В регионах назвали самые востребованные специализации учителей (2023). РБК. https://www.rbc.ru/society/31/10/2023/6537ca4d9a794754cafee966.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Постановления. О проекте федерального закона № 733447-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле” в части либерализации ограничений на совершение валютных операций резидентами с использованием счетов (вкладов), открытых в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и репатриации денежных средств : от 23 июля 2019 г. № 6658-7ГД. https://base.garant.ru/72327276.

Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 24 января 2020 г. № Пр-113). https://base.garant.ru/73462105/#friends.

Президент Российской Федерации. Указы. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : № 597 от 7 мая 2012 г. https://base.garant.ru/70170950.

Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : от 19.12.2023 № 618-ФЗ. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026.

Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 2 ноября 2023 г. (пункт 20, проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников». http://duma.gov.ru/legislative/transcripts.

World Bank, UNESCO Institute for Statistics: Global Education Expenditure 2022. https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure.

References

Varlamova T. A., Gokhberg L. M., Ozerova O. K. et al. (2023) Obrazovaniye v tsifrakh: 2023 : kratkiy statisticheskiy sbornik [Education in numbers: 2023: brief statistical collection]. Higher School of Economics. Moscow, ISSEK HSE, 132 p. (In Russian).

V regionakh nazvali samyye vostrebovannyye spetsializatsii uchiteley [The regions named the most popular teacher specializations] (2023). RBK. https://www.rbc.ru/society/31/10/2023/6537ca4d9a794754cafee966 (In Russian).

Gosudarstvennaya Duma Federal’nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii. Postanovleniya. [State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Resolutions]. O vnesenii izmeneniy v Federa''nyy zakon “O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole” v chasti liberalizatsii ogranicheniy na sovershеniye valyutnykh operatsiy rezidentami s ispol’zovaniyem schetov (vkladov), otkrytykh v bankakh, raspolozhennykh za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii, i repatriatsii denezhnykh sredstv [On draft federal law No. 733447-7 “On amendments to the Federal Law “On Currency Regulation and Currency Control” in terms of liberalizing restrictions on foreign exchange transactions by residents using accounts (deposits) opened in banks located outside the territory of the Russian Federation, and repatriation of funds] : dated July 23, 2019 No. 6658-7GD. https://base.garant.ru/72327276/ (In Russian).

Perechen’ porucheniy po realizatsii Poslaniya Prezidenta Federal’nomu Sobraniyu [List of instructions for the implementation of the President’s Address to the Federal Assembly] (approved by the President of the Russian Federation on January 24, 2020 No. Pr-113). https://base.garant.ru/73462105/#friends (In Russian).

President of Russian Federation. Decrees. O meropriyatiyakh po realizatsii gosudarstvennoy sotsial'noy politiki [On measures to implement state social policy] : No. 597 of May 7, 2012. https://base.garant.ru/70170950/ (In Russian).
Russian Federation. Laws. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii". On amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation": dated December 19, 2023 No. 618-FZ. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312190026/ (In Russian).
Stenogramma plenarnogo zasedaniya Gosudarstvennoy Dumy ot 2 noyabrya 2023 g. (punkt 20, proyekt Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosu povysheniya statusa pedagogicheskikh rabotnikov" [Transcript of the plenary meeting of the State Duma of November 2, 2023 (clause 20, draft federal law "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the issue of increasing the status of teaching staff"]. http://duma.gov.ru/legislative/transcripts/ (In Russian).
World Bank, UNESCO Institute for Statistics: Global Education Expenditure 2022. https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure.

Информация об авторе

Смолин Олег Николаевич,
Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования,
Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, г. Москва, РФ.
E-mail: smolin@duma.gov.ru

Autor's information

Oleg N. Smolin
Dr. Sc. (Philos.), Professor, Academician of the Russian Academy of Education,
First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: smolin@duma.gov.ru

УДК 371 + 37.014.3
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.10
Научная статья

Л. А. Шипилина[1]
shipilina-l@yandex. ru
[1]Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Проблемы управления образованием в постсоветской России в контексте диссертационных исследований по педагогике

Аннотация: Статья посвящена разрешению научной проблемы, обусловленной противоречием между требованиями к качеству управления образованием в условиях реформирования образования в современной России и существующей практикой управления образованием, неспособной обеспечить требуемое качество. Научная задача, позволяющая разрешить данную проблему, заключается в выявлении научного потенциала педагогической науки в области управления образованием и определении направлений совершенствования управленческой практики в реформировании образования. Для реализации поставленной задачи на основе системного подхода осуществлен ретроспективный анализ известных концепций и теорий управления образованием, диссертационных исследований по педагогике за период 1992–2022 гг. Изучена выборка в количестве 664 авторефератов диссертаций по общей педагогике и теории и методике профессионального образования из общего массива 37057 (электронная библиотека диссертаций и авторефератов), в темах которых заявлены проблемы управления образованием. Анализ материалов научных публикаций и диссертаций по проблематике управления образованием в педагогике показал, что наука в целом располагает необходимыми идеями, концепциями, спроектированными системами, обоснованными технологиями, экспериментально доказанными эффективными результатами, позволяющими значительно повысить качество управления образованием на всех уровнях системы образования. Проведенное исследование, к сожалению, позволило констатировать наличие разрыва между теорией и практикой управления. Выявлены наиболее актуальные проблемы в управлении образованием: профессиональная подготовка менеджеров образования в системе высшего образования, управление формированием и развитием воспитательных систем, разработка технологий управления образованием.

Ключевые слова: образование, управление образованием, качество управления образованием, педагогические исследования, внутришкольное управление, управление образовательными системами, управление качеством образования, подготовка менеджеров образования.

Дата поступления статьи: 28 декабря 2023 г.

Для цитирования: Шипилина Л. А. (2024) Проблемы управления образованием в постсоветской России в контексте диссертационных исследований по педагогике. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 104–118. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.10

Scientific article

L. A. Shipilina[1]
shipilina-l@yandex. ru
[1]Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Problems of education management in post-soviet Russia in the context of dissertation research on pedagogy

Abstract: The article is devoted to solving a scientific problem caused by the contradiction between the requirements for the quality of education management in the context of education reform in modern Russia and the existing practice of education management, which is unable to provide the required quality. The scientific task that allows for solving this problem is to identify the scientific potential of pedagogical science in the field of education management and identify areas for improving management practices in education reform. To implement this task, based on a systematic approach, a retrospective analysis of well-known concepts and theories of education management, dissertation research on pedagogy for the period 1992-2022 was carried out. A sample of 664 abstracts of dissertations on general pedagogy and theory

© Л. А. Шипилина, 2024

of methods of vocational education from a total array of 37057 (https://new-disser.ru/index.php?cat=1899&ysclid=lptqls1aem405320829), the topics of which state the problems of education management. An analysis of the materials of scientific publications and dissertations on the problems of education management in pedagogy has shown that science, in general, has the necessary ideas, concepts, designed systems, sound technologies, and experimentally proven effective results that significantly improve the quality of education management at all levels of the education system. Unfortunately, the conducted research allowed us to state the existence of a gap between management theory and practice. The most urgent problems in education management are identified: professional training of education managers in the higher education system, management of the formation and development of educational systems, and development of educational management technologies.

Keywords: education, education management, quality of education management, pedagogical research, intra-school management, management of educational systems, quality management of education, training of education managers

Paper submitted: December 28, 2023.

For citation: Shipilina L. A. (2024) Problems of education management in post-soviet Russia in the context of dissertation research on pedagogy. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 104–118. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.10.

Введение

В условиях перманентного реформирования отечественного образования в течение последних 30 лет, к сожалению, становится очевидной ситуация, когда образование перестало быть образованием; его качество не устраивает сегодня всех: общество, государство, экономику, семью, личность. Актуальным остается утверждение Т. А. Арташкиной о том, что кризис образования остро проявляется в следующих направлениях: «… кризис в духовной сфере как потеря ценностной ориентации, приводящей к разрыву образования и культуры; … кризис компетентности современных людей и специалистов, приводящий к отставанию способности человека справляться с изменениями в окружающем его мире, зависящем от темпов этих изменений; … кризис предметности образования, его целей и установок, выражающийся в несоответствии содержания, форм и методов обучения, характерных для современной системы образования, насущным и неукоснительным требованиям, вызванным новыми технологиями» (Арташкина, 2012, с. 113–125).

На эффективность развития системы образования влияет огромное количество факторов. В статье мы остановимся на действенности управления образованием как системообразующем механизме функционирования и развития данной системы. «Главная проблема построенной сегодня системы управления российским образованием заключается в том, – как справедливо утверждает В. И. Слободчиков с соавторами, – что стратегическое мышление в ней не проявлено. Стратегические ориентиры образования предъявляются членам управленческих команд фрагментарно, в отрыве от признанных концепций науки управления. Управленческие документы не содержат в себе развернутого, последовательного стратегического взгляда на развитие образования. Более того, они зачастую противоречат один другому… В такой ситуации практика управления основывается на неосмысленном выполнении поручений и предписаний вышестоящего руководства, без учета смыслов, сущности и целей этих поручений» (Слободчиков и др., 2016, с. 9). Приведем еще одну, разделяемую нами, характеристику современного управления образованием, выполненную авторами: «Сам процесс управления как механизм приведения деятельности в соответствии с нормами (законами, нравственными принципами и т. д.) профанирован. По сути, мы имеем в настоящее время не столько управление образованием, сколько манипулирование педагогическим сообществом посредством жесткой административной регламентации действий педагога» (Слободчиков и др., 2016, с. 12). Анализ многочисленных публикаций по проблемам управления образованием в постсоветской России (Материалы для дискуссионной площадки, 2017; Барановский, 2008; Вязникова, 2009; Егоров, Васильева, 2014; Панасюк, 2917; Рогач, Рябова, Фролова, 2017; Микерова, 2017; Позднякова, 2021 и др.) позволил выделить самые существенные из множества представленных. К ним относятся:

– несовершенство технологии целеполагания в системе управления образованием; централизованное планирование директивного характера, которое не учитывает реальные ситуации практической деятельности и приводит к принятию некомпетентных решений;

– разрыв между декларируемыми стратегическими задачами образования, принимаемыми централизованно, и реальными результатами, полученными при наличии жесткой регламентации и неразграниченности функций субъектов управления при принятии решений;

– обесценивание роли человеческого фактора и отсутствие мотивационных механизмов в управлении при декларации таковых в нормативных документах;

– оптимизация ради оптимизации сети образовательных учреждений;

– преувеличение роли внешних показателей качества достигаемых результатов управления в виде рейтингов, количества публикаций, участий в мероприятиях, «цифровых следов» и проч. при отсутствии четкой системы внутренних критериев качества образовательных результатов, формальность существования систем менеджмента качества (формально есть, реально не функционируют);

– дискредитация педагогической и научно-педагогической деятельности;

– слабое или неэффективное применение современных технологий управления, таких как «управление по целям», «управление изменениями», «управление знаниями», «управление проектами» и др.;

– отсутствие сложившейся эффективной системы профессиональной подготовки и наличие устаревшей системы профессиональной переподготовки менеджеров образования. Список проблем остается открытым.

Резюмируя вышеперечисленные проблемы, характеризующие низкий уровень качества управления образованием, выделим наиболее слабые стороны управления образованием:

– управленческие кадры со слабым или вообще отсутствующим стратегическим мышлением как следствие неэффективной и устаревшей кадровой политики в данной области;

– рассогласование целей, задач и принципов управления образовательными учреждениями (менеджмент в образовании) и управления образовательным процессом («педагогическое управление»);

– чрезмерное вмешательство государственных чиновников в сферу образования, административное управление наукой и образованием.

Правомерно возникающий вопрос о причинах появления данных проблем в управлении образованием некоторые авторы (Егоров, Васильева, 2014) связывают с инертностью самого образования. В целом, соглашаясь с данной точкой зрения, гипотетически выделим еще одну и обозначим ее как разрыв связи теории и практики управления образованием. Для проверки нашего предположения обратимся к истории и содержанию диссертационных исследований по проблематике управления образованием.

Цель исследования заключается в выявлении потенциала научных достижений в педагогике по повышению качества управления современным образованием в постсоветской России.

Методология

Для реализации поставленной цели осуществлен ретроспективный анализ известных концепций и теорий управления образованием и анализ диссертационных педагогических исследований. С учетом временного интервала выборки диссертаций в статье используется номенклатура научных специальностей, действующая до 2021 года: 13.00.01 – общая педагогика и история педагогики и образования; 13.00.08 – теория и методика профессионального образования. Изучена выборка в количестве 664 авторефератов докторских (108) и кандидатских (555) диссертаций из общего массива 37057 (электронная библиотека диссертаций и авторефератов[1]), в темах которых заявлены проблемы управления образованием. В указанном отрезке времени с опорой на имеющиеся источники (Замошникова, 2016; Ситаров, 2019) нами условно выделено 3 хронологических периода, что обусловлено временем перехода постсоветской России к рыночной экономике и особенностями реформирования образования в аспекте управления: 1992–2003 гг. – переход к вариативному образованию, либерализация образования, введение госстандарта ВПО, введение профильного обучения, присоединение к Болонской декларации; 2004–2012 гг. – при-

1Диссертации России. Педагогические науки https://new-disser.ru/index.php?cat=1899&ysclid=lptqls1aem405320829.

оритетный национальный проект «Образование», модернизация, переход на многоуровневую систему образования, ЕГЭ, внедрение ФГОС 1–2 поколений, ФЗ «Об образовании» 2012 г.; 2013–2022 гг. – образование как образовательная услуга, реализация компетентностного образования, стандартизация, Стратегия воспитания и развития образования в России до 2025 года, оптимизация высшего и среднего профессионального образования, цифровизация. Распределение исследовательского материала по периодам, научно-квалификационным уровням и специальностям представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение исследовательского материала по хронологическим периодам, научно-квалификационным уровням, специальностям

Table 1 – Distribution of research material by chronological periods, scientific qualification levels, specialties

периоды	научно-квалификационный уровень/ специальность			
	Д		К	
	13.00.01	13.00.08	13.00.01	13.00.08
1992–2003	17	10	123	56
2004–2012	32	30	179	147
2013–2022	14	5	27	24
Всего:	*63*	*45*	*329*	*227*

В преддверии анализа материалов публикаций и диссертаций по управленческо-педагогической проблематике предполагалось, что в исследованиях представлены основополагающие идеи и дано научное обоснование научно-управленческого потенциала системы управления образованием, сформулированы перспективные направления повышения качества управления образованием. Предпринятое автором исследование осуществлялось на базе методологии системного подхода, его основных принципов, функций и инструментов. В качестве основного метода использовался метод системного анализа, обеспечивающий системное мышление при изучении и анализе сложных систем и позволяющий рассматривать объекты и явления как взаимосвязанные компоненты, образующие целостную систему.

Результаты

В начале 90-х годов XX века — времени «демократических перемен» - появилось большое количество публикаций по проблемам управления образованием, в частности, по внутришкольному управлению, изменились представления о таковом и, соответственно, появились новые подходы и концепции управления образованием. Существенный вклад в переосмысление подходов к управлению образованием внесли исследования, проводимые под руководством Т. И. Шамовой, Ю. А. Конаржевского, В. С. Лазарева, М. М. Поташника и др. В эти годы были опубликованы коллективные монографии «Внутришкольное управление: вопросы теории и практики» (1991) и «Менеджмент в управлении школой» (1992), в которых подчеркивалась необходимость управления школой на основе системного подхода, принципов гуманизации и демократизации, теорий менеджмента как науки управления, что знаменовало отход от традиционного школоведения. Т. И. Шамова и ее первый ученик Ю. А. Конаржевский вошли в историю отечественной теории внутришкольного управления как авторы целостной концепции управленческого цикла, которая и в настоящее время является одной из самых научно обоснованных, а потому и действенным инструментом для понимания сути управления школой. Ю. А. Конаржевским была представлена научно-педагогическому сообществу и практикам образования концепция проблемно-функционального подхода, методология которого обеспечивает решение теоретических и практических проблем внутришкольного управления на разных этапах жизнедеятельности школы.

В книге коллектива авторов под руководством М. М. Поташника и В. С. Лазарева «Управление развитием школы» (1995) и в книге П. И. Третьякова «Управление школой по результатам»

(1997) для широкой общественности представлены концепции программно-целевого управления школой и управления по результатам. Эти книги стали настольными для руководителей, потому что в них были не только описаны теоретические обоснования данных подходов, но и даны исчерпывающие методические материалы, представлены технологии разработки программ развития школ, реализующие образовательные инновации и переходящие из режима функционирования в режим развития.

В 2000 году была опубликована новая книга Ю. А. Конаржевского «Менеджмент и внутришкольное управление», в которой автор делает попытку обосновать с позиций концепции проблемно-функционального подхода возможность использовать в практике внутришкольного управления поведенческие аспекты менеджмента, обосновывает человековедческий характер управления школой. В этот период времени И. К. Шалаев разрабатывает психологический аспект управления в образовании; его уникальную авторскую концепцию мотивационного программно-целевого управления хорошо знают профессионалы.

К началу 2000-х годов складывается научно обоснованное представление о системном характере управления образованием. Системное видение объектов управления позволило ввести в практику управления понятия «образовательная система», «педагогическая система», «воспитательная система», появляются публикации учебно-методического характера, связанные с управлением образовательным процессом как системой, управлением воспитательной системой (Конаржевский, Ю. А., 2001;. Шамова Т. И., Давыденко Т. М., 2001; Новикова Л. И., Караковский В. А. и др., 1999; Лазарев В. С., 2002; Третьяков П. И., Сериков Г. Н. и др., 2003 и др.). Одним из самых значительных результатов данного периода стала целостная концепция управления образованием Ю. А. Конаржевского – итог его научной деятельности и краеугольный камень современной теории управления образованием. Он утверждал: «В теории управления необходимы новые “общие правила игры”, новые идеи, на основе которых она должна развиваться, нужна своя концепция, отражающая не формальный подход к управлению школой (механический, жесткий, административно-бюрократический), а мягкий, социально-психологический, сориентированный на человека» (Щербова, 2003, с. 5). «Ю. А. Конаржевский, опираясь на потребности школы, а также на опыт менеджмента, определяет следующие принципы управления образовательными системами: уважение и доверие, целостный взгляд на человека, сотрудничество, индивидуальный подход, единый статус, стимулирование, перманентное повышение квалификации, консенсус, целевая гармонизация, горизонтальные связи, автоматизация и принцип постоянного обновления» (Илюхина, 2004, с. 13). Существенным результатом развития теории внутришкольного управления было обоснование Ю. А. Конаржевским системы закономерностей внутришкольного управления. Опираясь на исходные положения его концепции, И. В. Илюхина выделила в данной системе закономерностей две, являющиеся системообразующими: гуманистичность управления и его демократичность (Илюхина, 2004, с. 12).

Масштабность и сложность задач модернизации системы образования предполагала и реально требовала компетентного принятия решений в сфере управления образованием, повышения профессиональной компетентности управленцев и, соответственно, обновления методологии, теории и технологий управления образованием. Поэтому период 2004–2012 гг. вошел в историю развития теории управления образованием как время формирования и реализации идей Научной школы управления образовательными системами. Т. И. Шамовой, Научной школы мотивационного программно-целевого управления И. К. Шалаева, Научной педагогической школы Г. Н. Серикова. Сам факт существования научных школ является, по справедливому утверждению С. Г. Воровщикова, «…показателем зрелости определенной науки. Перспективы расцвета науки всегда определялись перспективами развития ведущих научных школ» (Воровщиков, 2009, с. 5).

Развивая теорию внутришкольного управления, коллектив исследователей под руководством Т. И. Шамовой разработали концепцию опережающего управления. Т. И. Шамова определяла опережающее управление как «…качественное управление качеством образования» (Шамова, 2009, с. 25). «Именно оно обладает таким важным качеством как интегративный характер и имеет

своей целью, опираясь на достигнутое, предвидеть будущее и на этой основе готовить необходимую систему ресурсов, которые должны обеспечить дальнейшее развитие системы. Только при этом условии можно достичь устойчивого развития образовательной системы» (Шамова, 2009, с. 26). Огромное внимание в научной школе Т. И. Шамовой уделялось и уделяется подготовке профессиональных управленцев – менеджеров образования. Не случайно, именно на базе МПГУ был открыт один из первых факультетов повышения квалификации и профессиональной переподготовки организаторов образования, и впервые была обоснована и реализована магистерская подготовка руководителей образования.

Реализация принципов мотивационного программно-целевого управления образованием И. К. Шалаева подвела автора концепции и его учеников к обоснованию идеи технологизации и цифровизации процессов управления качеством образования и управленческой деятельности, которая намного опередила время и сегодня приобретает все большую актуальность и востребованность (Шалаев, 2010, 2012). Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на высокотехнологичность разработок последователей И. К. Шалаева, основу их всегда составляла личностно ориентированная методология научного анализа и принцип антропоцентризма, характерные для концепции мотивационного программно-целевого подхода.

В рамках системно-синергетической концепции Г. Н. Сериковым и его учеником Д. Ф. Ильясовым разработана теория повышения квалификации системного управления образованием (Котлярова, 2020).

С переходом к компетентностной парадигме образования и необходимостью обеспечения реализации ее механизмов (стандартизация, ЕГЭ, многоуровневое образование) появляется много исследовательских работ, ориентированных на проблематику управления качеством образования: Д. В. Пузанков и др., 2004; Э. М. Коротков, 2006; М. М. Поташник и др., 2006; Е. А. Руднев, 2012; и др. В это время публикуются разработки, представляющие в большей степени адаптированные к управлению образованием технологии управления из классического общего менеджмента: О. Г. Прикота (2006) по проектному управлению, Г. Г. Корзниковой (2008), А. П. Егоршина (2009), С. В. Весманова и др. (2012) по стратегическому управлению в образовании. Акцент на экономической стороне управления прослеживается в исследованиях Е. Ф. Сабурова и др. (2006), И. В. Абанкиной (2006, 2009);В. В. Болговой и др. (2015).

Период реализации компетентностного образования (с 2013 г. по н. в.) в исследовании проблем управления образованием характеризуется аналитической направленностью и критическим анализом состояния теории и практики управления образованием. Так, В. П. Панасюк на основе детального исследования парадигмальных оснований управления рассматривает состояние управления образованием в контексте проблем его модернизации, с позиций полномочий субъектов управления и видового разнообразия реализуемых ими функций анализирует его системность и сбалансированность (Панасюк, 2017). В. М. Моисеев актуализирует роль анализа управления как следствия общего роста значимости управления в школе (Моисеев, 2019).

Коллективом авторов выполнена попытка разработать стройную теорию управления качеством компетентностного образования (Данильченко, Козубенко, 2019). Проблему системных изменений, связанных с педагогическим управлением в цифровой образовательной среде, нового содержания структурных компонентов педагогического управления поднимают исследователи из Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Куликова, Яковлева, 2022). И. М. Реморенко обосновывает усиление государственно-общественного управления образованием и государственной политики в образовании, реформирования методологических и управленческих подходов в сфере образования с использованием цифровых инструментов (Реморенко, 2017). Одним из важных направлений исследований по проблематике управления образованием на современном этапе является обоснование и реализация методологии проектно-ориентированного управления (О. Г. Прикот, 2018; Е. П. Седых, 2018).

Считаем необходимым отметить, что на протяжении всего постсоветского времени развития теории и практики управления образованием с проникновением идей общего менеджмента в

сферу образования расширяются представления о возможностях его применения не только в управлении образовательными учреждениями, но и в управлении педагогическим и образовательным процессами. Изучая исследовательские материалы и публикации по управлению образовательными системами, мы обратили внимание на отсутствие четкости в представлениях о возможности применения термина «менеджмент» применительно к данным системам. Сосуществуют понятия «образовательный менеджмент» (Е. Н. Белова, 2023; Н. Н. Тулькибаева и др., 2018;), «педагогический менеджмент» (В. П. Симонов, 1997; В. А. Ситаров, 2014, Л. В. Львов, 2008; Базавлуцкая Л. М. 2017 и др.), «менеджмент в образовании» (Г. Г. Корзникова, 2006; Л. А. Шипилина, 2017; С. Ю. Трапицын, 2023; Д. Н. Корнеев и др., 2012 и др.) Анализ содержания исследовательских и учебно-методических материалов показывает, что многие авторы идентифицируют данные понятия и используют их некорректно по отношению к исследованию управления образовательным учреждением и управления образовательным процессом. Как совершенно справедливо утверждает Т. А. Арташкина: «...категория управления социокультурным институтом образования ... неоднозначна и включает как минимум два самострельных процесса управления: управление образовательными учреждениями (в самом широком смысле слова) и управление образовательным процессом, протекающим в этих учреждениях... Понятие «менеджмент образования» наиболее адекватно соответствует процессу управления образовательными учреждениями, так как в наиболее общем виде понятие «менеджмент» означает управление, максимальное и эффективное использование и контроль социальных или экономических систем в условиях рыночной экономики. Управление образовательным процессом по-другому именуется «педагогическим управлением», основные принципы и технологию которого в России/СССР всегда разрабатывала педагогическая наука» (Материалы для диалоговой площадки, 2017, с. 1525–1526). Выделяя в проблематике диссертационных исследований проблему педагогического управления, мы исходили из понимания его как управления образовательным процессом.

Обратимся непосредственно к анализу диссертационных исследований по проблематике управления образованием. Для выявления основных характеристик и исследовательских тенденций управления образованием применялся системный анализ, который позволил определить основные компоненты (подсистемы-проблемы) системы управления образованием и использовать инструменты такового: методы декомпозиции системы, когнитивного, морфологического, структурного, функционального анализа и анализа эффективности.

Количественные данные системного анализа диссертационных исследований по проблематике управления образованием представлены в таблицах 2–3.

Таблица 2 – Распределение диссертационных материалов по проблематике управления образованием: специальность 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (количество диссертаций)

Table 2 – Distribution of dissertation materials on the problems of education management: specialty 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education (number of dissertations)

Подсистемы – проблемы	1 этап 1992–2003			2 этап 2004–2012			3 этап 2013– по н. вр.		
	всего	К	Д	всего	К	Д	всего	К	Д
Развитие теории управления образованием	6	6	3	14	7	7	4	2	2
Внутришкольное управление (теория и практика)	8	7	1	25	21	4	3	2	1
Управление образовательными системами разного типа	38	33	5	67	64	4	10	10	-
Педагогическое управление	3	3	-	12	10	2	3	2	1
Управление педагогическими коллективами и развитием педагогов	20	20	-	20	20	-	3	3	-
Управление качеством образования	13	11	2	31	26	5	7	4	3
Управление воспитательными системами и процессами	4	4	-	7	7	-	-	-	-
Государственное управление образованием	28	23	5	20	12	8	6	2	4
Подготовка, переподготовка, повышение квалификации руководителей	20	19	1	14	13	1	4	2	2

Таблица 3 – Распределение диссертационных материалов по проблематике управления образованием: специальность 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (количество диссертаций)

Table 3 – Distribution of dissertation materials on the problems of education management: specialty 13.00.08 – Theory and methodology of vocational education (number of dissertations)

Подсистемы – проблемы	1 этап 1992–2003			2 этап 2004–2012			3 этап 2013– по н. вр.		
	всего	К	Д	всего	К	Д	всего	К	Д
Развитие теории управления образованием	4	1	3	7	3	4	-	-	-
Управление образовательными системами разного типа	16	15	1	38	32	6	6	5	1
Управление профессиональной подготовкой	13	13	1	16	15	1	1	1	-
Педагогическое управление	4	4	-	23	21	2	6	4	2
Управление педагогическими коллективами и развитием педагогов	3	2	1	8	7	-	2	2	-
Управление качеством образования	11	8	3	29	23	6	5	3	2
Управление воспитательными системами и процессами	-	-	-	7	4	3	1	1	-
Государственное управление образованием	5	5	-	9	6	3	-	-	-
Подготовка, переподготовка, повышение квалификации руководителей	10	8	2	40	35	5	8	8	-

Небольшой математический расчет показал, что управленческая тематика в диссертациях по педагогике является ничтожно малой и не превышает 2 % от общего массива диссертаций, выполненных за исследуемый отрезок времени. Как показал анализ, самое большое количество диссертаций по исследуемой проблематике было подготовлено и защищено в период 2004–2012 гг., что составляет 63 %. Самой актуальной проблемой для исследователей в данном периоде являлась проблема управления образовательными системами разного типа: 105 диссертаций (25 % от общего количества диссертаций данного периода), из них 10 докторских (9,5 % от общего количества проблематики управления образовательными системами разного типа). Обоснование актуальности этой проблемы исследователи увязывали с необходимостью выявления специфики управления образовательными учреждениями инновационного типа, которые в то время появлялись в большом количестве, особенностей управления образовательными системами в условиях многоуровневого образования и стандартизации (Белан Е. П., 2007; А. Н. Худин, 2008; Н. В. Соловова, 2012; И. С. Еремина, 2015 и др.). Необходимо отметить, что выше обозначенная проблема являлась характерной и для исследований периода 1992–2003 гг. В этот период были проведены исследования докторского уровня Н. А. Шарай (2001), Т. Г. Калугиной (2002), посвященные управлению развитием образовательных учреждений нового типа; Б. А. Кугана (2002) с результатами по управлению сельской школой в условиях модернизации на основе системно-синергетического подхода; Г. В. Белой (2002) с разработкой интегративно-культурологической концепции университетского менеджмента.

Сравнительный анализ тематики диссертационных исследований по проблеме управления образовательными системами показал, что для исследований по общей педагогике и истории педагогики и образования более характерны проблемы внутришкольного управления (И. Б. Сенновский, 1994; Т. М. Давыденко, 1996; Н. В. Горшунова, 1997; Г. И. Мугуев, 2000; В. Н. Смирнов, 2001; О. Г. Тринитатская, 2009; С. И. Карпова, 2013 и др.); для исследователей в рамках научной специальности «теория и методика профессионального образования» явным становится увеличивающийся интерес к проблемам управления образовательными системами среднего профессионального и высшего образования, в частности, к проблеме управления профессиональной подготовкой. Так, в качестве примера обозначим следующее: значимые для теории и методики профессионального образования результаты получены в исследованиях Н. Я. Сайгушева (2002): разработана и реализована концепция рефлексивного управления процессом профессионального становления будущего учителя; Е. А. Гнатышиной (2008): разработана концепция компетентностно ориентированного управления подготовкой педагогов профессионального обучения; В. И. Солдатенковым (2006) разработан алгоритм моделирования непрерывного управления

профессиональной подготовкой студентов в вузе; С. Н. Мамаевой (2008) разработана интегративно-контекстная модель подготовки бакалавра педагогического образования, включающая содержание и технологию подготовки.

Второй по значимости проблемой для периода наибольшей исследовательской активности проблем управления образованием стала проблема управления качеством образования: 60 диссертаций (14 % от общего количества диссертаций данного периода), из них 11 докторских (18 % от общего количества проблематики «управление качеством образования»). Актуальность данной проблемы обосновывалась авторами необходимостью разработки концептуальных основ качества образования, обновления цели и задач образования, систем менеджмента качества в условиях модернизации образования, нового видения образовательных результатов и их оценки (О. А. Сафонова, 2004; Е. И. Сахарчук, 2004; И. И. Тубер, 2004; И. И. Трубина, 2005; В. С. Суворов, 2005; Г. М. Полянская, 2007; Н. М. Недвецкая, 2009; О. А. Граничина, 2009; Г. А. Шапоренкова, 2010; А. А. Факторович, 2012 и др.). Необходимо отметить, исследованию проблем управления качеством образования достаточно большое внимание уделялось и на начальном этапе реформирования образования; в этот период были разработаны оптимизационные модели и технологии управления качеством образовательного процесса в высшей школе (Ю. К. Итин, 2001); концепция управления качеством профессионально-педагогического образования (А. Г. Бермус, 2003), система показателей эффективности и управления качеством профессионального образования в учреждениях СПО (И. В. Чистова, 2003), региональная модель управления качеством дополнительного образования детей (В. В. Комаров, 2002), концепция рефлексивного управления качеством образовательного процесса в колледже (О. Л. Назарова, 2003) и другие аспекты управления качеством образования, призванные обеспечить образовательные реформы того времени.

Одной из самых широко исследуемых проблем на протяжении 1 и 2 периодов, особенно характерной для диссертационных исследований по специальности 13.00.01. (48 диссертаций из 350, из них 17 – докторских (35 %)), является проблема государственного управления образованием. Необходимость обращения к данной проблеме была связана, прежде всего, с обоснованием особенностей управления в условиях либерализации и регионализации образования, придания автономности и самостоятельности в управлении муниципальными образовательными системами и проч. Так, например, в диссертации В. И. Криличевского (2000) на основе системной парадигмы разработаны методологические основы прогностического исследования процесса развития системы образования сверхкрупного города; в диссертациях В. И. Гама (2001) и Г. А. Старцева (2003) представлены результаты исследований, связанных с разработкой стратегии управления муниципальными системами образования; проблеме разработки программно-целевого подхода к управлению региональными (областными) системами образования посвящены диссертации И. И. Калины (1999) и С. А. Репина (1999), муниципальной системы образования — М. Р. Пащенко (2004), Т. Д. Шебеко (2004); система управления развитием поликультурного образования в полиэтническом регионе представлена в исследовании М. Ф. Пафовой (2006); в докторской диссертации И. В. Терентьевой (2009) представлены методологические основания, модель, механизм, технология государственно-общественного управления высшей школой в регионе. Обеспечение государством реализации компетентностной парадигмы образования и возникающих на этом пути сложностей побудило исследователей в последующий период обратиться, например, к проблеме оптимизации управления модернизацией территориальной системы образования и исследовать стратегию и механизмы оптимизации (А. А. Осипов, 2015); модель и механизм институционального регулирования, обеспечивающего государственно-общественный характер управления; модернизационные и инновационные процессы в современном российском образовании разработаны в исследовании И. М. Реморенко (2019). Как показывает анализ выборки, в данный период выполнено значительно меньше исследований по проблеме государственного управления образованием, чем в предыдущие: в выборке оказалось всего 6 диссертаций по специальности 13.00.01 и ни одной по специальности 13.00.08.

В условиях масштабных изменений в образовании актуализировались проблемы управления педагогическими коллективами и развитием профессионализма педагогов и, собственно, педагогического управления как важных составляющих эффективности преобразований. Проблематика педагогического управления является более характерной для теории и методики профессионального образования, в то время как проблемы управления педагогическими коллективами и педагогами чаще присущи для исследований в области общей педагогики на протяжении всех трех исследуемых периодов. Однако, необходимо отметить, что с 2013 года активность в исследовании этих проблем значительно снижается по сравнению со временем 2004–2021 гг. Большая часть доступных для анализа диссертационных исследований по проблемам педагогического управления ориентирована на решение конкретных задач формирования (развития) определенных компетенций, отношений, личностных качеств, особенностей деятельности обучающихся (студентов) и проч. (Л. В. Верзунова, 2000; Л. П. Бурцева, 2005; И. В. Касьянова, 2005; Н. В. Сенченко, 2006; Р. Р. Тураев, 2007; О. Л. Прохоров, 2008; О. А. Афанасьева, 2008, С. С. Учадзе, 2010 и др.).

Среди доступных нам для анализа диссертаций по проблемам управления педагогическими коллективами и развитием педагогов не оказалось докторских диссертаций. Вместе с тем выполнено много диссертационных исследований кандидатского уровня по данной проблематике. Так, например, диссертанты углубленно исследовали проблему управления инновационной деятельностью педагогических коллективов и педагогов на разных этапах модернизации образования (Л. Н. Шкуркина, 2002; А. Н. Ахренов, 2003; Т. И. Лаздина. 2003; О. Н. Калачикова, 2009; Е. Е. Дудковская, 2022 и др.), управления развитием профессионализма педагогов (В. Н. Исаев, 2003; Т. В. Петрученко, 2003; Е. Н. Шафоростова, 2005; Ю. Г. Домалевская, 2005; Д. В. Сударикова. 2010 и др.), управления развитием научно-исследовательской деятельности педагогов и их творческих способностей и управленческой культуры (Г. А. Лысогор, 2001; Л. А. Азарова, 2003; Н. В. Тамарская, 2004; М. М. Амренова, 2007; Л. Н. Абдуллина, 2005 и др.), управление аттестацией педагогов, освоением ими новых образовательных технологий, развитием их учебно-методической деятельности (В. М. Краснощеков, 2000; С. Л. Тетерина, 2001; Т. С. Юртаева, 2001; О. А. Фокина, 2002; Т. В. Петрученко, 2003; А. Г. Крошихин, 2008, О. А. Троцкая 2016 и др.).

В настоящее время на всех уровнях управления образованием актуализирована проблема воспитания. Но если посмотреть на данные выборки исследований, то становится очевидным, что проблема управления воспитанием не являлась значимой для постсоветского периода педагогических исследований. В доступной нам выборке не оказалось ни одной диссертации из данной проблематики по теории и методике профессионального образования за 1992–2003 гг. и общей педагогике за период 2013–2022 гг. и всего 1 диссертация (А. А. Афанасьева, 2016) по теории и методике профессионального образования, посвященная исследованию воспитательного процесса в практико-ориентированной среде профессионального образования региона. Изучение исследовательских проблем по управлению воспитанием в доступной нам выборке позволяет сделать заключение о том, что в 2004–2012 гг. исследователей в большей степени интересовали проблемы создания концепций управления системой воспитания в среднем специальном учебном заведении (Л. И. Любавская, 2005), создание системы управления воспитательным процессом в вузе (О. В. Викснинь, 2005), управления гражданским и патриотическим воспитанием (Н. Г. Хвалевко, 2005; А. П. Жигадло, 2009; А. Г. Рядовой, 2010). О. Н. Уласевич предложена новая идея о специфике управления на различных этапах развития воспитательной системы общеобразовательной школы (2005); Е. Э. Доценко исследованы особенности воспитательной системы в инновационном образовательном учреждении (2007).

Несмотря на перманентное реформирование образования и инновационные процессы, протекающие в нем, проблема подготовки профессиональных управленцев для системы образования являлась актуальной с 90-х г. XX века и все первое десятилетие XXI века, о чем свидетельствуют результаты анализа проблематики исследований, но систему профессиональной подготовки менеджеров образования нельзя считать сложившейся. Большая часть диссертаций по этой проблематике посвящена формированию и развитию определенных качеств личности, свойств

деятельности, формированию и развитию управленческой компетентности в системе дополнительного профессионального образования (Л. А. Цирникель, 1997; Ю. П. Березуцкая, 1998; Р. А. Киселева, 2004; А. А. Елютина, 2004; О. В. Милянчикова, 2014; О. В. Покосовская, 2015; В. С. Ермоленко, 2023 и др.). В выборке диссертаций по данной проблеме оказалось несколько диссертаций, предметом исследования которых являлось управление непосредственно системой дополнительного профессионального образования организаторов образования. Особый интерес для изучения представляют результаты, представленные в диссертациях докторского уровня (В. И. Ерошин, 2003; В. Н. Кеспиков, 2004; И. В. Ильина, 2005; Д. Ф. Ильясов, 2005; И. Р. Лазаренко, 2006), в которых предлагаются решения проблем, актуальных сегодня для управления образованием: концепция обеспечения единства объективных и субъективных факторов в управлении системой повышения квалификации руководителей образовательных учреждений на основе принципа регулируемого эволюционирования; система исследовательской подготовки руководителей образовательных учреждений; модели и механизмы управления профессиональной переподготовкой руководителей образовательных учреждений на муниципальном уровне, инновационными процессами в системе дополнительного профессионального образования и т. д.). В доступной нам выборке диссертаций по проблеме подготовки менеджеров образования нашлось всего 6 (из 96) диссертаций по базовой профессиональной подготовке менеджеров образования (докторская диссертация Л. А. Шипилиной, 1999; кандидатские диссертации Л. К Журавлевой, 2001; Е. В. Пичугиной, 2006 – специализация «Менеджмент в образовании» в рамках высшего педагогического образования; кандидатские диссертации А. П. Ереминой, 2018; Е. В. Савенковой, 2019 – магистерские программы «Менеджмент в образовании» в рамках направления «Педагогическое образование»; докторская диссертация А. В. Трапицына, 2005; кандидатская диссертация Н. В. Сторчак, 2017 – в логике сравнительных исследований с контекстом подготовки менеджеров образования в европейском образовании, в англо-саксонских странах).

В ходе изучения проблем управления образованием и возможностей их решения с использованием результатов диссертационных исследований по педагогическим специальностям вполне логичным представляется обращение к проблеме развития теоретических основ управления образованием в исследуемый период времени. В ходе анализа диссертационных исследований нами установлено, что качественное наполнение теории управления образованием более активно происходило с последнего десятилетия XX века и на протяжении первого десятилетия XXI века. В большей степени это наблюдается в исследованиях по специальности 13.00.01. Нами выбрано 20 диссертаций, из них 50 % диссертаций – докторского уровня, результаты которых имеют существенную теоретическую значимость. Из 11 диссертаций по специальности 13.00.08, которые также имеют своими результатами содержательные наработки в теории управления образованием, 7 диссертаций (64 %) – докторского уровня.

Приведем некоторые примеры: использование структурно-номинативного подхода к разработке целостной педагогической теории позволило И. Ф. Игропуло (2004) разработать теорию управления инновационными процессами в образовательном учреждении, на основе которой автор предложила для практического применения технологию управления опережающего характера; Т. Г. Новиковой (2006) разработаны теоретико-методологические основы, содержание экспертизы инновационной деятельности, научные основания экспертного оценивания инновационной деятельности, что является важным для практики развития и оценки инновационной образовательной деятельности. Основные направления дальнейшего развития концепции управления образованием Ю. А. Конаржевского представлены в диссертационном исследовании И. В. Илюхиной (2004). Свой вклад в дальнейшее развитие теории и методологии управления образовательными системами привнес А. А. Ярулов (2008) исследованием интегративного управления формированием среды образования в школе; результаты данного исследования убедительно доказывают преимущества интегративного управления и дают возможность практическим работникам использовать механизм интеграции для повышения уровня и качества изучения проблем управления образовательными системами; М. С. Васильевой (2007) обоснован

программно-целевой подход, с одной стороны, как методология исследования управленческих проблем, с другой, как технология моделирования образовательных учреждений нового качественного уровня; автором разработана концепция программно-целевого управления с учетом идей новой парадигмы управления и доказана его эффективность. Актуальными для реформаторов образования нашего времени являются результаты исследования Д. Е. Фишбейна (2007), в котором впервые в России было проведено исследование базовых представлений работников общего образования с использованием эффективной международной сертифицированной методики. На основе полученных результатов автором были выделены направления изменений российского образования, при реализации которых прогнозируются повышенные риски сопротивления персонала. Изучение А. А. Коростелевым (2009) феномена аналитической деятельности руководителей образовательных учреждений углубило имеющиеся теоретические представления о ее генезисе и необходимости ее технологизации в управлении образовательными системами, позволило вычленить ее в качестве самостоятельной функции. Автором разработан алгоритм, электронное и программное обеспечение технологии анализа результатов работы образовательной системы, что является актуальным для современных менеджеров образования. В диссертационном исследовании П. А. Петрякова (2013) систематизированы научные подходы к понятию «образовательный менеджмент» в отечественной и зарубежной педагогике, которые позволили автору выявить две альтернативные концептуальные позиции: первая обосновывает теорию и практику управления образовательными системами и образовательными учреждениями, вторая — инновационное управление организациями различного типа посредством образования; кроме того, автором разработаны классификация концепций и стратегий образовательного менеджмента, система многоуровневой подготовки специалистов в области образовательного менеджмента, которая носит международный характер и имеет поликультурную направленность, но почему-то не нашла применения в России.

Выводы

Анализ материалов научных публикаций и диссертаций по проблематике управления образованием в педагогике подтвердил предположение о том, что наука в целом располагает необходимыми научными разработками (идеями, концепциями, спроектированными системами, обоснованными технологиями, экспериментально доказанными эффективными результатами), позволяющими значительно повысить качество управления образованием на всех уровнях системы образования. В результатах научных исследований сформулированы перспективные направления совершенствования управления образованием и повышения его качества. Обращение к анализу существующих в данной сфере актуальных проблем с позиций их научного разрешения, к сожалению, позволил констатировать факт: большая часть результатов научных изысканий слабо реализуется в практике управления образованием, наблюдается разрыв между теорией и практикой управления. Доминирование административного подхода в практике управления образованием на государственном, региональном, муниципальном, внутриорганизационном уровнях противоречит природе образовательных систем, их антропоцентрической направленности, гуманистическим целям и задачам образования.

Системный анализ содержания исследовательских материалов также подтвердил первоначальное утверждение о наиболее слабых сторонах управления образованием, таких как недостаточная готовность управленческих кадров работать в условиях постоянных изменений, неэффективность кадровой политики, наличие рассогласования целей и задач между педагогическим управлением и менеджментом в образовании. Кроме того, анализ проблематики диссертационных исследований с позиций современных требований государства и общества к образованию позволил выявить наиболее актуальные проблемы в управлении образованием, ждущие своих исследователей. Такими проблемами являются профессиональная подготовка менеджеров образования в системе высшего образования, управление формированием и развитием воспитательных систем, разработка технологий управления образованием, в частности, принятием

решений на всех уровнях управления. По нашему глубокому убеждению, базой для исследований должен являться не только передовой зарубежный опыт, но в первую очередь имеющиеся фундаментальные и перспективные научные разработки в области управления образованием, лучшие российские образовательно-управленческие практики, традиции, культура и ментальность.

Источники

Арташкина Т. А. (2012) Образование в контексте культуры: Социокультурный механизм взаимодействия. Palmarium Academic Publishing, Germany, 572 с.

Барановский А. И. (2008) Образовательный менеджмент: актуальные проблемы становления. Современные наукоемкие технологии, № 1, с. 25–28.

Воровщиков С. Г. (2009) Научная школа управления образовательными системами. В кн. Управление образовательными системами. Шамова Т. И. Избранные труды, М., Учебный центр «Перспектива», с. 3–28.

Вязникова Л. Ф. (2009) Аксиологические аспекты личностно-профессионального самоопределения руководителя в системе образования. Становление и развитие управленческой науки в системе повышения квалификации руководителей образования: Сборник статей Первых педагогических чтений научной школы управления образованием (29 января 2009 г.), М., «Прометей» МПГУ, 2009, с. 104–110.

Данильченко С. Л., Козубенко И. И. (2019) Теоретические и практические подходы к управлению качеством образования: монография. Уфа, Научно-издательский центр «Аэтерна», 300 с.

Егоров Е. Е., Васильева Л. И. (2014) Некоторые проблемы повышения качества управления образовательной организацией. Современные научные исследования и инновации, 2014, № 12, ч. 2. https://web.snauka.ru/issues/2014/12/41260

Замошникова Н. Н. (2016) Реформирование образования в РФ 1991–2015 годы: от структурно-функционального диссонанса социальной системы к поиску баланса интересов ее субъектов. Гуманитарный вектор. Серия «Философия. Культурология», т. 11, № 2, с. 49–60.

Илюхина И. В. (2004) Концепция управления образованием и направления ее реализации в педагогическом наследии Ю. А. Конаржевского. Автореф. дисс. канд. пед. наук. М., 18 с.

Котлярова И. О. (2020) Научная педагогическая школа: этапы развития и достижения. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки», т. 12, № 3, с. 6–22.

Куликова С. С., Яковлева О. В. (2022) Педагогическое управление в цифровой образовательной среде: вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов. Образование и наука, т. 24, № 2, с. 48–83. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-2-48-83

Материалы для дискуссионной площадки (2017). Профессиональное образование в современном мире, т. 7, №4, с. 1525–1552. https://profed.nsau.edu. ru/jour/article/view/411/410

Микерова Г. Г. (2017) Современные тенденции управления системой образования в России. Современные технологии управления, № 4 (76), номер статьи: 7603. URL: https://sovman.ru/article/7603/

Моисеев М. А. (2019) Введение в анализ систем внутришкольного управления. Педагогика: история, перспективы, т. 2, № 6, с. 36–49.

Панасюк В. П. (2017) Управление образованием и образовательными системами: состояние, тенденции, проблемы и перспективы. Образование и наука, т. 19, № 2, с. 72–88. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-72-88

Позднякова Е. В. (2021) Государственное управление образованием. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, т. 7 (73), № 3, ч. 1, с. 37–40. DOI: 10. 37279/2413-1733-2021-7-3(1)-37-40.

Прикот О. Г. (2018) Методология проектного управления в образовательной организации. Казанский педагогический журнал, № 6, с. 25–30.

Реморенко, И. М. (2017) Государственно-общественные механизмы регулирования образования: монография. Москва: Перо, 481 с.

Рогач О. В., Рябова Т. М., Фролова Е. В. (2017) Анализ проблем управления инновационным развитием школьного образования в современной России. Интеграция образования, т. 21, № 4, с. 669–682. DOI: 10.15507/1991-9468.089. 021.201704.669-682

Седых Е. П. (2018) Особенности проектного управления образовательными системами. Вестник Мининского университета, т. 6, № 4, с. 3. doi:10. 26795/2307-1281-2018-6-4-3.

Ситаров В. А. (2019) История образования в России: постсоветское время. Проблемы педагогики и психологии, №2, с. 201–216. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19

Слободчиков В. И., Корольков И. В., Остапенко А. А. и др. (2016) Системный кризис отечественного образования и пути его преодоления. Народное образование, № 9–10, (1459), с. 7–20.

Шамова Т. И. (2009) Перспективы развития системы управления образованием Становление и развитие управленческой науки в системе повышения квалификации руководителей образования. Сборник статей Первых педагогических чтений научной школы управления образованием (29 января 2009 г.). М., «Прометей» МПГУ, с. 19–26.

Щербова Т. В. (2003) Педагогическое наследие Юрия Анатольевича Конаржевского. Начальная школа плюс до и после, № 7, с. 53–58.
Шалаев И. К. (2010) Повышение качества образовательного сервиса на основе мотивационного программно-целевого управления: монография. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 202 с.
Шалаев И. К. (2012) Региональная составляющая теории и практики управления образованием: монография. Барнаул: АлтГПА, 194 с.

References

Artashkina T. A. (2012) Obrazovanie v kontekste kul'tury: Sociokul'turnyj mekhanizm vzaimodejstviya [Education in the context of culture: The socio-cultural mechanism of interaction]. Palmarium Academic Publishing, Germany, 572 p. (In Russian).
Baranovskij A. I. (2008) Obrazovatel'nyj menedzhment: aktual'nye problemy stanovleniya [Educational management: actual problems of formation]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high-tech technologies, no. 1, pp. 25–28 (In Russian).
Danil'chenko S. L., Kozubenko I. I. (2019) Teoreticheskie i prakticheskie podhody k upravleniyu kachestvom obrazovaniya: monografiya [Theoretical and practical approaches to education quality management: a monograph]. Ufa, Nauchno-izdatel'skij centr "Aeterna" Publ., 300 p. (In Russian).
Egorov E. E., Vasil'eva L. I. (2014) Nekotorye problemy povysheniya kachestva upravleniya obrazovatel'noj organizaciej [Some problems of improving the quality of management of an educational organization]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii – Modern Scientific research and Innovation, no. 12, p. 2. https://web.snauka. ru/issues/2014/12/41260 (In Russian).
Ilyuhina I. V. (2004) Koncepciya upravleniya obrazovaniem i napravleniya ee realizacii v pedagogicheskom nasledii Yu. A. Konarzhevskogo [The concept of education management and the directions of its implementation in the pedagogical heritage of Yu. A. Konarzhevsky]. Avtoref. diss. kand. ped. nauk – The author's abstract. diss. candidate of Pedagogical Sciences. Moscow, 18 p. (In Russian).
Kotlyarova I. O. (2020) Nauchnaya pedagogicheskaya shkola: etapy razvitiya i dostizheniya [Scientific pedagogical school: stages of development and achievements]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki» – Bulletin of the South Ural State University. The series "Education. Pedagogical sciences", vol. 12, no. 3, pp. 6–22 (In Russian).
Kulikova S. S. , YAkovleva O. V. (2022) Pedagogicheskoe upravlenie v cifrovoj obrazovatel'noj srede: voprosy professional'noj podgotovki budushchih pedagogov [Pedagogical management in the digital educational environment: issues of professional training of future teachers]. Education and Science, vol. 24, no. 2, pp. 48–83. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-2-48-83 (In Russian).
Materialy dlya diskussionnoj ploshchadki (2017) [Materials for the discussion platform].
Professional education in the modern world, vol. 7, no. 4, pp. 1525–1552. https://profed.nsau.edu.ru/jour/article/view/411/410 (In Russian).
Mikerova G. G. (2017) Sovremennye tendencii upravleniya sistemoj obrazovaniya v Rossii [Modern trends in the management of the education system in Russia]. Sovremennye tekhnologii upravleniya – Modern Management Technologies, no. 4 (76), article number: 7603. URL: https://sovman. ru/article/7603/ (In Russian).
Moiseev M. A. (2019) Vvedenie v analiz sistem vnutrishkol'nogo upravleniya [Introduction to the analysis of intra-school management systems]. Pedagogy: history, prospects, vol. 2, no. 6, pp. 36–49 (In Russian).
Panasyuk V. P. (2017) Upravlenie obrazovaniem i obrazovatel'nymi sistemami: sostoyanie, tendencii, problemy i perspektivy [Management of education and educational systems: state, trends, problems and prospects]. Education and Science, vol. 19, no. 2, pp. 72–88. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-72-88 (In Russian).
Pozdnyakova E. V. (2021) Gosudarstvennoe upravlenie obrazovaniem [Public administration of education]. Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences, vol. 7 (73), no. 3, part 1, pp. 37–40. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-37-40 (In Russian).
Prikot O. G. (2018) Metodologiya proektnogo upravleniya v obrazovatel'noj organizacii [The methodology of project management in an educational organization]. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal – Kazan Pedagogical Journal, no. 6., pp. 25–30 (In Russian).
Remorenko I. M. (2017) Gosudarstvenno-obshchestvennye mekhanizmy regulirovaniya obrazovaniya: monografiya [State-public mechanisms of regulation of education: a monograph]. Moscow, Pero Publ, 481 p. (In Russian).
Rogach O. V., Ryabova T. M., Frolova E. V. (2017) Analiz problem upravleniya innovacionnym razvitiem shkol'nogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii [Analysis of the problems of management of innovative development of school education in modern Russia]. Integration of Education, vol. 21, no. 4, pp. 669–682. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.669-682 (In Russian).
Sedyh E. P. (2018) Osobennosti proektnogo upravleniya obrazovatel'nymi sistemami. [Features of project management of educational systems]. Vestnik Mininskogo universiteta – Bulletin of the Mininsky University, vol. 6, no. 4, p. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-4-3 (In Russian).
Sitarov V. A. (2019) Istoriya obrazovaniya v Rossii: postsovetskoe vremya [The history of education in Russia: post-Soviet times]. Problemy pedagogiki i psihologii – Problems of Pedagogy and Psychology, no. 2, pp. 201–216. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19 (In Russian).

Slobodchikov V. I., Korol'kov I. V., Ostapenko A. A. and etc. (2016) Sistemnyj krizis otechestvennogo obrazovaniya i puti ego preodoleniya [The systemic crisis of domestic education and ways to overcome it]. Narodnoe obrazovanie – Public Education, no. 9–10, (1459), pp. 7–20 (In Russian).
Shamova T. I. (2009) Perspektivy razvitiya sistemy upravleniya obrazovaniem [Prospects for the development of the education management system]. Stanovlenie i razvitie upravlencheskoj nauki v sisteme povysheniya kvalifikacii rukovoditelej obrazovaniya. Sbornik statej Pervyh pedagogicheskih chtenij nauchnoj shkoly upravleniya obrazovaniem (29 yanvarya 2009 g.) - Formation and development of management science in the system of advanced training of education managers. Collection of articles of the First pedagogical readings of the scientific school of Education Management (January 29, 2009). Moscow «Prometej» MPGU, pp. 19-26. (In Russian).
Shcherbova T. V. (2003) Pedagogicheskoe nasledie Yuriya Anatol'evicha Konarzhevskogo [The pedagogical legacy of Yuri Anatolyevich Konarzhevsky]. Nachal'naya shkola plyus do i posle – Elementary school plus before and after, no. 7, pp. 53–58 (In Russian).
Shalaev I. K. (2010) Povyshenie kachestva obrazovatel'nogo servisa na osnove motivacionnogo programmno-celevogo upravleniya: monografiya [Improving the quality of educational services based on motivational program-target management: monograph]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Publ., 202 p. (In Russian).
Shalaev I. K. (2012) Regional'naya sostavlyayushchaya teorii i praktiki upravleniya obrazovaniem: monografiya [The regional component of the theory and practice of education management: a monograph]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Publ., 194 p. (In Russian).
Vorovshchikov S. G. (2009) Nauchnaya shkola upravleniya obrazovatel'nymi sistemami [Scientific School of Educational Systems Management]. V kn. Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami. Shamova T. I. Izbrannye trudy. – In the book. Management of educational systems. Shamova T. I. Selected works, Moscow, Uchebnyj centr "Perspektiva" Publ., pp. 3–28 (In Russian).
Vyaznikova L. F. (2009) Aksiologicheskie aspekty lichnostno-professional'nogo samoopredeleniya rukovoditelya v sisteme obrazovaniya [Axiological aspects of personal and professional self-determination of a leader in the education system]. Stanovlenie i razvitie upravlencheskoj nauki v sisteme povysheniya kvalifikacii rukovoditelej obrazovaniya. Sbornik statej Pervyh pedagogicheskih chtenij nauchnoj shkoly upravleniya obrazovaniem (29 yanvarya 2009 g.) – Formation and development of management science in the system of advanced training of education managers. Collection of articles of the First pedagogical readings of the scientific school of Education Management (January 29, 2009). Moscow, Prometej MPGU Publ., pp. 104–110 (In Russian).
Zamoshnikova N. N. (2016) Reformirovanie obrazovaniya v RF 1991–2015 gody: ot strukturno-funkcional'nogo dissonansa social'noj sistemy k poisku balansa interesov eyo sub"ektov [The reform of education in the Russian Federation 1991–2015: from the structural and functional dissonance of the social system to the search for a balance of interests of its subjects]. Gumanitarnyj vektor. Seriya «Filosofiya. Kul'turologiya» – The humanitarian vector. The series "Philosophy. Cultural Studies", vol. 11, no. 2, pp. 49–60 (In Russian).

Информация об авторе

Шипилина Людмила Андреевна
Доктор педагогических наук, профессор.
Омский государственный педагогический университет, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-2627-5032.
E-mail: shipilina-l@yandex.ru

Autor's information

Lyudmila A. Shipilina
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor.
Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-2627-5032.
E-mail: shipilina-l@yandex.ru

УДК 001.18+001.8+008+330.4+519.7 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.11
Научная статья

Д. А. Алферьев[1, 2]
✉ alferev_1991@mail.ru

[1]Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Российская Федерация
[2]Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Математические навыки специалистов гуманитарных наук в эпоху цифровизации

Аннотация: Математическая наука является фундаментом развития научного знания. Потребность в ее понимании и применении еще больше обострилась с распространением Интернета и улучшением возможностей вычислительных устройств. Это событие нашло отражение в появлении так называемых вычислительных методов, работа с которыми требует серьезной математической подготовки. При всей сложности и необъятности существующих в настоящий момент математических дисциплин мы задались целью показать, в каком направлении будет развиваться математическое знание в реалиях формирующегося цифрового общества. Исследовательской базой послужили научные труды современников и предшественников отечественной и зарубежной науки, которые четко обозначили свою позицию в отношении математики и управления посредством нее социально-экономическими процессами. В рамках исследования удалось обозначить потенциальные пути дальнейшего развития компьютерной техники; отметить философские аспекты, с которыми сталкиваются специалисты, занимающиеся моделированием сложных систем; выделить проблемы осознания имеющихся математических идей, особенно применительно к представителям гуманитарных специальностей. Проделанная работа может быть полезна для разработки современных и актуальных учебных программ при подготовке профессий, связанных с управлением социальными объектами и экономикой.

Ключевые слова: математика, вычислительные методы, истина, обозримость, социально-экономическое моделирование.

Дата поступления статьи: 19 января 2023 г.

Для цитирования: Алферьев Д. А. (2024) Математические навыки специалистов гуманитарных наук в эпоху цифровизации. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 119–128. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.11.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Scientific article

D. A. Alfer'ev[1, 2]
✉ alferev_1991@mail.ru

[1]Vologda Research Center of the RAS, Vologda, Russian Federation
[2]Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

Mathematical skills of humanities professionals in the digital age

Abstract: Mathematical science is the foundation for the development of scientific knowledge. The need for its understanding and application has become even more acute with the spread of the Internet and the improvement in the capabilities of computing devices. This event was reflected in the appearance of the so-called computational methods, whose work requires serious mathematical training. With all the complexity and immensity of the currently existing mathematical disciplines, we set out to show in what direction mathematical knowledge will develop in the realities of an emerging digital society. The research base was the scientific works of contemporaries and predecessors of domestic and foreign science, who clearly outlined their position about mathematics and the management of socio-economic processes through them. As part of the study, it was possible to identify potential ways for the further development of computer technology; note

© Д. А. Алферьев, 2024

the philosophical aspects faced by specialists involved in the modeling of complex systems; and highlight the problems of understanding the existing mathematical ideas, especially about representatives of the humanities. The work done can be useful for the development of modern and relevant curricula for the preparation of professions related to the management of social facilities and the economy.

Keywords: mathematics, computational methods, truth, visibility, socio-economic modeling.

Paper submitted: January 19, 2023.

For citation: Alfer'ev D. A. (2023) Mathematical skills of humanities professionals in the digital age. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 119–128. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.11.

Financing: The work was carried out within the framework of the state assignment FMGZ-2022-0002 "Methods and mechanisms of socio-economic development of Russian regions in the context of digitalization and the fourth industrial revolution".

Введение

Математика из игрушки, посредством которой в стародавние времена можно было мериться интеллектуальным превосходством (в XVI в. математики устраивали специфические дуэли по решению уравнений[1]), превратилась в инструмент, который нужен человеку как вода рыбе. Особенно это стало заметно при всеобъемлющей и всеобщей цифровизации общества. С данной точкой зрения, в частности, согласен д. ф-м. н. В. П. Ильин, о чем он пишет в своей статье «Математическое моделирование и философия науки» (Ильин, 2018, с. 58).

Примерно об этом же пишут в своей статье к. э. н. С. М. Ильченко и к. э. н. Я. В. Круковский (Ильченко, Круковский, 2021, с. 187—188). С развитием электронно-вычислительных устройств специалисты из экономики и социологии все чаще и больше занимаются полноценным компьютерным моделированием, на манер своих коллег из сферы естествознания, что обуславливает понимание на более высоком уровне математического инструментария.

Еще одна свежая работа, опубликованная в конце 2022 г. и подготовленная экономистом Л. Р. Родионовой, повествует об эволюционных процессах, происходящих с самой экономикой (Родионова, 2022, с. 100). Это обуславливает более динамический характер входящих в нее элементов, который не может быть корректно описан без использования инструментария высшей математики.

На самом деле влияние математики на повседневную общественную жизнь, пожалуй, присутствовало всегда, просто сейчас оно особенно обострилось из-за распространения компьютеров, за счет которых можно моделировать и управлять сложными процессами и явлениями. Но без серьезных познаний в математике это осуществлять довольно проблематично. По сути, чем более математизированным становится какое-либо научное направление, тем больше реально практических и прикладных результатов мы можем в нем получить, о чем, к примеру, в своей статье «Волшебный мир математики обрел "земное лицо"» (Казарян, 2013) в довольно интересной манере рассказывает д. филос. н. В. П. Казарян.

В этой связи целью данной статьи является попытка показать, в каком направлении и дальше будут развиваться прикладные математические исследования гуманитарной сферы; с чем сталкиваются современные специалисты, занимающиеся вопросами моделирования сложных систем и управления ими; а также какие основные барьеры на текущий момент присутствуют в подобного рода работах.

Результаты

При оптимальном управлении сложными процессами и явлениями человек предпринимает попытки переложить их на математический язык, или, иными словами, смоделировать. С развитием вычислительных компьютерных мощностей особую значимость в этом направлении приобрели так называемые вычислительные методы, которые в самом начале своего появления подвергались серьезной критике со стороны научного сообщества и считались не имеющими серьезных перспектив в своем дальнейшем развитии (Ильин, 2018, с. 59).

Это связано с тем, что они не объясняют суть интересующего нас процесса, а только находят некий результат, который случится по мере его протекания в заданных условиях. При этом, как показала практика, данные методы делают это довольно успешно и точно, в связи с чем точка зрения относительно их прикладного потенциала была пересмотрена, и теперь они применяются повсеместно.

[1]Vert Dider (2021) Мнимые числа реальны: # 1-13 [Welch Labs], 7:00-8:00. https://www.youtube.com/watch?v=kicp_odjsRs

О положительных возможностях вычислительных методов, в частности, говорит в одной из своих видеозаметок[1] к. ф-м. н. Б. С. Бояршинов. В еще одной видеозаписи[2] он также доступно и понятно рассказывает об эвристической природе (мы не до конца понимаем, как они работают) подобных алгоритмов и приводит успешный пример их применения в космической отрасли, где был смоделирован образ стойкой микросхемы (т. е. мы можем определить, насколько стабильно она будет работать, но не совсем понимаем, от чего это зависит).

Об эвристическом характере вычислительных методов также упоминается в одной из статей вологодского д. филос. н. Н. А. Ястреб (Ястреб, 2021, с. 52). При этом она также явно указывает на то, что подобные методы часто не подходят для осознания сути вещей, но в рамках решения прикладных задач могут быть использованы довольно успешно, в том числе и в аспекте социально-экономической действительности.

В этой связи довольно интересной является статья «Перспективы вычислительного подхода в социальных науках. Дискуссия» (Бажанов и др., 2021), где разными авторами довольно широко и подробно освещаются плюсы и минусы современного вычислительного подхода (особенно распространенных ныне нейросетей). Не вдаваясь в ее подробности, можно отметить, что вычислительные методы нашли широкий отклик в рамках социально-экономических и прочих гуманитарных наук и прочно укоренились как один из методов управления и организации человеческой деятельности.

Большие и объемные вычисления также могут использоваться и при однозначных установленных закономерностях, в некоторой мере заменяя натурный эксперимент. Хорошим примером (Ильин, 2018, с. 59) в этой связи является проведение испытаний ядерного оружия посредством компьютерной эмуляции, которые в реальных условиях наносили бы серьезный, непоправимый ущерб окружающий среде.

Еще одним примером подобного подхода может выступить учебный авиасимулятор, на котором будущие летчики отрабатывают навыки пилотирования летательным аппаратом. В подобном ключе проблемой выступает нехватка вычислительных мощностей, которые необходимы для более быстрых и точных расчетов.

Направлением научной деятельности в этом ключе служат:

1. Параллельные вычисления

В рамках этого различные стадии и этапы вычислительного алгоритма по возможности пытаются распределить на имеющиеся вычислительные технические устройства, т. е. алгоритм на некоторых из своих шагов протекает не последовательно, а параллельно, после чего объединяется для вывода итоговой расчетной оценки. Данное направление в задачах ускорения вычислительных процессов появилось одним из самых первых и часто фигурирует в работах, связанных с классическими суперкомпьютерами, сложными системами и кибернетикой. Крупной работой по этой теме является книга ак., д. ф-м. н. В. В. Воеводина и д. ф-м. н. Вл. В. Воеводина, которая так и называется «Параллельные вычисления» (Воеводин, Воеводин, 2004).

Оптимизацией технологических производственных параллельных процессов в свое время занимался выдающийся белорусский и советский экономист д. э. н. Н. И. Ведута. Этой проблеме посвящена целая глава его книги «Экономическая кибернетика» (Ведута, 1971, с. 266–316).

Работа ак., д. ф-м. н. В. Л. Макарова, чл.-к., д. э. н. А. Р. Бахтизина, к. э. н. Е. Д. Сушко и Г. Б. Сушко, связанная с агентным моделированием, также описывает реализацию параллельных вычислений, которые были использованы авторами для ускорения вычислений в созданных и апробируемых ими моделях (Макаров и др., 2018, с. 511–517). Реализация параллельных вычислений на суперкомпьютерах не является какой-то новой тематикой для российской науки, о чем свидетельствует недавнее заседание президиума РАН от 16.02.21, где выступил ак., д. ф-м. н. Б. Н. Четверушкин с докладом «О перспективах развития в России высокопроизводительных вычислений и предсказательного моделирования в современных технологиях», подготовленным совместно с чл.-к., д. ф-м. н. М. В. Якобовским (Четверушкин, Якобовский, 2021).

[1]Бояршинов Б. С. (2020) Почему математика верно описывает природу и общество? https://www.youtube.com/watch?v=HOE6zLLM5XY
[2]Бояршинов Б. С. (2019) Эвристика и «нейронные» сети. https://www.youtube.com/watch?v=3hcCNNsvxfA

После данного сообщения последовало большое обсуждение на тему «Опасное отставание в суперкомпьютерных технологиях необходимо преодолеть», в котором приняли участие президент РАН А. М. Сергеев, а также различные академики и члены-корреспонденты. Подробнее с их дискуссией можно ознакомиться в статье С. С. Попова, подготовленной для «Вестника РАН» (Попов, 2021).

2. Квантовые вычисления

В соответствии с наблюдением, отмеченным американским инженером и предпринимателем (состояние оценивается несколькими млрд долл. США) Гордоном Муром, которое еще также принято называть «Законом Мура», количество транзисторов, размещаемых на единице площади микросхемы, увеличивается в 2 раза примерно каждые 2 года. Это связано с тем, что их размер уменьшается и в настоящий момент практически приблизился к величине атома, в связи с чем подобные технические устройства не могут быть описаны теорией классической механики[1]. Научная область знаний, которая занимается изучением объектов микромира, называется квантовой физикой. Ее идеи описываются на языке математики, и тот математический инструментарий, который там разработан, в настоящий момент имеет название квантовых вычислений. В прикладном аспекте эти разработки идут по трем основным направлениям: развитие связи (шифрование информации), ускорение вычислений (квантовые технические устройства в самом своем основании имеют параллельные вычисления) и более точное моделирование объектов макромира (учет правил микромира, которые оказывают непосредственное влияние на итоговый конечный результат).

Более подробно все вышеперечисленные направления представлены в крупной статье коллектива авторов под руководством ак., д. ф-м. н. А. С. Сигова (Сигов и др., 2019). Еще один аналогичный, чуть более свежий, но менее развернутый обзор квантовых вычислений дал в своем интервью руководитель Центра квантовых технологий МГУ им. М. В. Ломоносова д. ф-м. н. С. П. Кулик сотруднику журнала «Эксперт» А. Константинову[2]. По этой теме в 2020 г. нами также был сделан доклад на одной научной петербургской конференции, с тезисами которого читатель может ознакомиться по представленной ссылке (Алферьев, Дуболазова, Гончарова, 2020).

Большое количество работ, посвященных квантовым вычислениям в экономике, принадлежит перу д. э. н. А. Н. Козырева. О необходимости освоения данного математического аппарата современными экономистами, в частности, говорится в одной из его статей «Цифровизация, математические методы и системный кризис экономической науки» (Козырев, 2019), где вкратце рассказывается о примитивности и несостоятельности большинства классических экономико-математических моделей, в связи с чем одним из решений выявленной проблемы выдвигается использование инструментария квантовой физики.

3. Нейроморфные компьютеры

Еще одним направлением развития вычислительных возможностей технических устройств может быть реализация их архитектуры на манер организации нейронных сетей живых организмов. Подобные системы удивительным образом рационализированы (условно оптимизированы), что позволяет решать им численные задачи за меньшее количество процедур и, следовательно, задействовать меньшее количество энергии. Так, со слов Д. Ларионова, являющегося нач. отд. ИИ компании Росатома «Цифрум», устройство мозга позволяет реализовать эффективное принятие решения приблизительно за 6 операций[3]. Подобные устройства носят название нейроморфных. С их современными идеями можно ознакомиться в интервью упомянутого выше Д. Ларионова[4]. Большое количество работ, посвященных нейроморфным устройствам и компьютерам, принадлежит советскому и российскому д. т. н. А. И. Галушкину. Под его редакцией выпускалась серия книг «Нейрокомпьютеры и их применение», где одним из первых произведений была его же монография, которая так и называлась «Нейрокомпьютеры» (Галушкин, 2000).

[1]Kurzgesagt – In a Nutshell. (2015) Quantum Computers Explained – Limits of Human Technology, 00:00-1:00. https://www.youtube.com/watch?v=JhHMJCUmq28.
[2]Константинов А. (2021) Вторая квантовая революция. Эксперт, № 47, с. 70–74. https://expert.ru/expert/2021/47/vtoraya-kvantovaya-revolyutsiya/.
[3]Рословец Ф. (2021) Нейрочипы – настоящая имитация мозга | Замена нейросетей для искусственного интеллекта, 11:00-15:00. https://www.youtube.com/watch?v=IKed2RqlEvo.
[4]Там же.

Из интересных достижений в этом направлении следует отметить китайский нейроморфный чип «Тяньцзинь» (Pei J. et al., 2019), позволяющий на небольшом портативном устройстве реализовать ансамбль нейронных сетей, который, в свою очередь, решил такую инженерную задачу, как автономное управление велосипедом. Также на российском научно-техническом конгрессе «Направления национального научно-технологического прорыва 2030», прошедшем 16 декабря 2021 г., вице-президентом АО «Лаборатория Касперского» и дир. деп. перспективных технологий А. П. Духваловым был представлен нейроморфный отечественный процессор «АЛТАЙ», энергопотребление которого на 2 порядка ниже, чем у GPU[1].

На наш взгляд, принципы нейроморфизма применимы также и для эффективного управления социально-экономическими объектами. В небольшой книжке вологодских ученых за авторством Б. В. Семенова и чл.-к., д. с.-х. н. А. П. Дороговцева «Глобальные и локальные сети в отраслевых информационных системах (методические вопросы)» (Семенов, Дороговцев, 1996) рассмотрено функционирование межотраслевого взаимодействия через описание некой архитектуры сетей, которую оно образует, с авторскими вариантами и предложениями ее технико-экономической оценки. Переложив эти наработки на теорию искусственных нейронных сетей, можно получить математическую модель межотраслевого управления. Реализация подобных идей изложена в книге нескольких авторов «Нейроуправление и его приложения» (Омату, Халид, Юсоф, 2000), написанной под руководством японского ученого Сигеру Омату и в книге коллектива авторов под руководством В. А. Терехова «Нейросетевые системы управления» (Терехов, Ефимов, Тюкин, 2002).

В настоящий момент вычислительные возможности суперкомпьютеров достигают петафлопсных мощностей (ПФлопс – 10^{15} операций с плавающей запятой в секунду) (Ильин, 2018, с. 58, 60; Четверушкин, Якобовский, 2021, с. 1108–1109). Из последних актуальных прогнозов: к 2023 г. прогнозируемая пиковая производительность суперкомпьютеров обозначена в 1 экзафлопс (10^{18} операций) (Четверушкин, Якобовский, 2021, с. 1109), что в значительно большей мере позволит использовать облачные технологии и реализовывать так называемые умные технологии, причем в масштабах целых городов.

Использование математики постоянно перекликается с понятием абсолютной и относительной истины, где для принятия управленческого решения нам необходимо добиться определенного приемлемого для нас уровня точности моделируемого объекта. В соответствии с видением В. П. Ильина он складывается из трех составляющих (Ильин, 2018, с. 61):

– **Ошибка предметной области.** То, насколько точно и правильно были сделаны эмпирические наблюдения.

– **Ошибка математической модели.** Количество факторов, учтенных в искомой расчетной оценке.

– **Ошибка вычислений.** Зависимость от выбранного условного метода аппроксимации и особенностей заложенной в программу машинной арифметики.

Приемлемый уровень точности модели – важная практическая задача, сопряженная с материальными затратами, необходимыми для их реализации. И в случае избыточности их придется покрывать за счет упущенных возможностей от других проектов, о чем, со слов В. П. Ильина (Там же), к примеру, говорил ак. и адмирал российского флота А. Н. Крылов. С его рассуждениями и мыслями по этому поводу можно подробнее ознакомиться в 3-ем томе 1-ой части собственных собраний научных трудов (Крылов, 1949).

Содержание и обеспечение суперкомпьютера само по себе удовольствие крайне энергозатратное, и для реализации машины экзафлопсной мощности, со слов В. П. Ильина, потребует около 100 МВт электроэнергии, что сопоставимо с энергопотреблением небольшого завода (Ильин, 2018, с. 64; Попов, 2021, с. 1124). Относительно этого ак., д. ф-м. н. Н. Ю. Лукоянов в обсуждении научного сообщения «Об отставании в суперкомпьютерных технологиях РФ» сказал, что коммерциализировать подобную технологию в настоящий момент не удастся, но разработка

[1]Научная Россия (2021) Российский научно-технический конгресс 16.12.2021 – прямая трансляция, 2:55:00-2:56:00. https://scientificrussia.ru/articles/rossijskij-naucno-tehniceskij-kongress-16122021-pramaa-translacia.

подобных компьютеров жизненно необходима, так как они позволяют быть на передовой научно-технического прогресса (Попов, 2021, с. 1121), с чем мы, в принципе, согласны.

Решением подобной проблемы может быть как раз разработка более эффективных алгоритмов, например, базирующихся на каких-либо принципах нейроморфизма, с чем, в частности, согласен ак., д. ф-м. н. В. А. Бетелин (Попов, 2021, с. 1117—1118). В этом аспекте, по мнению Б. Н. Четверушкина и М. В. Якобовского, РФ имеет серьезное конкурентное преимущество на международной арене, соответственно, обладая сильными математическими школами (Четверушкин, Якобовский, 2021, с. 1113).

Несмотря на нехватку вычислительных мощностей при их гипотетической достаточности стоит отметить один момент, который уже косвенно проговаривался. Различные прикладные задачи могут быть решены посредством разных вычислительных алгоритмов, при этом результат у них получится практически одинаковый. Об этом, в частности, упоминается в книге одного из работников Google – Орельена Жерона (Жерон, 2018, с. 50—51).

В этом аспекте он ссылается на статью Мишель Банко и Эрика Брила (Banko, Brill, 2001), а также еще одну публикацию под руководством Алона Халеви (Halevy, Norvig, Pereira, 2009), где подчеркивается важность качества данных, а не того, посредством чего они будут обрабатываться. Соответственно техническая чистота цифровой информации также может значительно снизить затрачиваемые ресурсы по их исследованию.

Еще один аспект, который сопряжен с современным математическим мышлением и явно проявил себя в начале XXI в., связан с большим объемом и разнообразием накопленных человечеством математических знаний. С их обширностью и неохватностью можно ознакомиться в визуально наглядной карте математики[1], созданной канадским PhD по физике Домиником Уоллиманом. Еще одно свежее представление существующих математических разделов представлено в видео от к. ф-м. н. А. Н. Павликова в виде иерархической древовидной структуры[2].

Немаловажную роль здесь также играет и появление компьютеров, которые дали возможность реализовывать масштабные алгоритмы, сложность которых не позволяет в полной мере осознать то, как они работают. В общих чертах об этом говорится в одной из статей (Михайлова, 2016, с. 126) белорусского к. филос. н. Н. В. Михайловой, где она указывает на то, что из-за громоздкости современных доказательств стала утрачиваться способность их обозримости (возможность представить функционирование отдельных элементов объекта в их общем взаимодействии между собой).

Довольно емко и точно по этому поводу также высказался советский и российский математик д. ф-м. н. В. А. Успенский: «Современная математика имеет сложное строение, постепенно становящееся необозримым. Доказательства некоторых теорем оказываются столь громоздкими, что проверка их требует чрезвычайно большого желания, терпения и времени. О владении специальными знаниями нечего и говорить: не только придумывание, но и проверка доказательств ряда теорем доступна лишь узкому кругу посвященных» (Успенский, 2011, pdf-с. 287; Успенский, 2015, с. 452—453).

Из современников в этом аспекте также высказался А. П. Духвалов, отметив, что нынешние информационные технологии являются суперсложными. Их функционирование напоминает поведение живых организмов (киберфизическое поведение), которые, в свою очередь, также взаимодействуют между собой. Также реализация автоматизированных систем обусловила проблему непонимания управления их процессами даже специалистами из соответствующих предметных областей[3].

Несмотря на то, что совокупность математических знаний усложнилась и стало труднее осознавать все их составляющее в целостном единстве, данная наука будет и дальше становиться все более тяжеловесной. При современном моделировании каких-либо процессов и явлений специ-

[1]Walliman D. (2017) The Map of Mathematics. https://dominicwalliman.com/post/157283769280/poster-summarising-the-main-subjects-of.
[2]Павликов А. Н. (2021) Высшая математика. Рисую дерево вышмата. https://www.youtube.com/watch?v=6yL2DU8hrSM.
[3]Научная Россия (2021) Российский научно-технический конгресс 16.12.2021 – прямая трансляция, 2:32:00-2:36:00. https://scientificrussia.ru/articles/rossijskij-naucno-tehniceskij-kongress-16122021-pramaa-translacia.

алисты не просто проделывают ряд механических работ, но непосредственно сталкиваются с философскими началами моделируемого объекта:

– многомерность. Решение многих задач происходит в реалиях гиперпространства, идеи которого плохо воспринимаются в рамках существующего материального мира;

– природа случая. Работа с объектами как с неподдающимися полному и точному описанию или попытка их перевода в какую-либо контролируемую функциональную зависимость;

– фрактальная сложность. Бесконечное усложнение объекта при более детальном и скрупулезном его рассмотрении и, соответственно, принятие решения на уровне точности, на котором его целесообразно изучать в рамках решаемой задачи;

– сущность интеллекта и сознания. Попытки осознания того, приближаются ли сложные компьютерные программы к подобию сознания человека или же искусно имитируют его интеллектуальную деятельность.

Помимо уменьшения возможности обозримости математических дисциплин даже для специалистов точных наук, проблема прикладной применимости математики выглядит еще более плачевной для профессий гуманитарного характера, к коим, например, относятся экономисты и социологи. В. П. Козырев в своей вышеупомянутой статье (Козырев, 2019, с. 6) выделяет семь проблемных аспектов в этом направлении, которые мы бы свели до трех:

1. Отсутствие данных. Точнее, они есть, но являются конфиденциальными или достоянием каких-либо коммерческих структур, не особо заинтересованных в академических исследованиях;

2. Слабая математическая подготовка. Специалисты гуманитарного профиля плохо разбираются в математике, оттого неверно трактуют различные результаты, полученные ими посредством каких-либо информационно-аналитических компьютерных приложений, и, более того, не желают ее осваивать;

3. Ангажированность результатов. Некоторые научные выводы прорабатываются не для поиска истины, а для лоббирования интересов заказчика исследования.

Выводы

В заключение отметим, что появление так называемого цифрового общества связано с осознанием им такого ресурса, как информация. О важности и равноценности информации наряду с материей и энергией одним из первых упомянул американский математик и основоположник кибернетики Норберт Винер (Винер, 1983, с. 208).

Инструментом для обработки и анализа информации являются компьютеры, которые, в свою очередь, в настоящий момент представляют собой развитие счетов, логарифмической линейки и арифмометров. Сложное техническое устройство, пронизывающее сейчас все составляющие человеческой жизни, в полной мере может использовать лишь специалист, обладающий серьезным багажом математических знаний, что обуславливает доминантное положение математической науки в настоящем историческом периоде. Математик из некоего мистика оформился как конкретный специалист, выполняющий определенные услуги наряду с электриком, менеджером или врачом.

Укрепление позиций математики как базообразующей дисциплины для всех остальных научных направлений будет развиваться и дальше. Причем в рамках гуманитарной сферы ее роль с новым вычислительным инструментарием выглядит особенно актуально и перспективно. В этой связи экономисты и социологи, чтобы быть востребованными в новых реалиях цифровой экономики, на наш взгляд, все-таки должны научиться корректно использовать математический инструментарий, причем более высокого порядка, чем он был до нынешнего времени.

Источники

Алферьев Д. А., Дуболазова Ю. А., Гончарова Н. Л. (2020) Направления использования квантовых вычислений в аспекте социально-экономических наук. Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем. Сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб., Политех-Пресс, с. 644–647.

Бажанов В. А., Барышников П. Н., Михайлов И. Ф., Смирнова Н. М., Ястреб Н. А. (2021) Перспективы вычислительного подхода в социальных науках. Дискуссия. Философия науки и техники, № 26 (1), с. 56–63. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-56-63.
Ведута Н. И. (1971) Экономическая кибернетика. Очерки по вопросам теории. Мн., Наука и техника, 320 с.
Винер Н. (1983) Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., Наука, 344 с.
Воеводин В. В., Воеводин Вл. В. (2004) Параллельные вычисления. СПб., БХВ-Петербург, 608 с.
Галушкин А. И. (2000) Нейрокомпьютеры: учебное пособие для вузов. М., ИПРЖР, 528 с.
Жерон О. (2018) Прикладное машинное обучение с помощью Scikit-Learn и Tensor Flow: концепции, инструменты и техники для создания интеллектуальных систем. Спб., Альфа-книга, 688 с.
Ильин В. П. (2018) Математическое моделирование и философия науки. Вестник РАН, № 88 (1), с. 58–66. DOI: 10.7868/S0869587318010073.
Ильченко С. М., Круковский Я. В. (2021) Системообразующие аспекты моделирования процессов цифровой трансформации современной экономики. Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 15 (1), с. 187–198. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.21.
Казарян В. П. (2013) Волшебный мир математики обрел «земное лицо». Российский гуманитарный журнал, № 2 (3), с. 252–261. DOI: 10.15643/libartrus-2013.3.4.
Козырев А. Н. (2019) Цифровизация, математические методы и системный кризис экономической науки. Цифровая экономика, № 8 (4), с. 5–20. DOI: 10.34706/DE-2019-04-01.
Крылов А. Н. (1949) Собрание трудов ак. А.Н. Крылова. Т. III: ч. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 498 с. https://math.ru/krylov/.
Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Сушко Г. Б. (2018) Моделирование социальных процессов на суперкомпьютерах: новые технологии. Вестник РАН, № 88 (6), с. 508–518. DOI: 10.7868/S086958731806004X.
Михайлова Н. В. (2016) Переусложненность современной математики: философско-методологический анализ. Российский гуманитарный журнал, № 5 (2), с. 122–130. DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.3.
Омату С., Халид М., Юсоф Р. (2000) Нейроуправление и его приложения. М., Изд-во ИПРЖР, 272 с.
Попов С. С. (2021) Опасное отставание в суперкомпьютерных технологиях необходимо преодолеть. Обсуждение научного сообщения. Вестник РАН, № 91 (12), с. 1115–1124. DOI: 10.31857/S0869587321120100.
Родионова Л. Р. (2022) Эволюционные процессы в экономике. Modern Economy Success, № 6, с. 100–105. https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2022/11/mes-6-2022.pdf.
Семенов Б. В., Дороговцев А. П. (1996) Глобальные и локальные сети в отраслевых информационных системах (методические вопросы). Вологда, Изд-во ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 61 с.
Сигов А. С., Андрианова Е. Г., Жуков Д. О., Зыков С. В., Тарасов И. Е. (2019) Квантовая информатика: обзор основных достижений. Российский технологический журнал, № 7 (1), с. 5–37. DOI: 10.32362/2500-316X-2019-7-1-5-37.
Терехов В. А., Ефимов Д. В., Тюкин И. Ю. (2002) Нейросетевые системы управления. М., Высш. шк, 183 с.
Успенский В. А. (2011) Апология математики (сборник статей). СПб., Амфора, 554 с.
Успенский В. А. (2015) Предисловие к математике (сборник статей). СПб., Амфора, 474 с.
Четверушкин Б. Н., Якобовский М. В. (2021) О перспективах развития в России высокопроизводительных вычислений и предсказательного моделирования в современных технологиях. Вестник РАН, № 91 (12), с. 1108–1114. DOI: 10.31857/S0869587321120057.
Ястреб Н. А. (2021) Шахматы и машина Тьюринга: границы применимости вычислительного подхода в социальных науках. Философия науки и техники, № 26 (1), с. 51–55. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-51-55.
Banko M., Brill E. (2001) Scaling to Very Very Large Corpora for Natural Language Disambiguation. 39 Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. Proceedings. The Association for Computational Linguistics Publ., Stroudsburg, pp. 26–33. DOI: 10.3115/1073012.1073017.
Halevy A., Norvig P., Pereira F. (2009) The Unreasonable Effectiveness of Data. IEEE Intelligent Systems, vol. 24, iss. 2, pp. 8–12. DOI: 10.1109/MIS.2009.36.
Pei J., Deng L., Song S., Zhao M., Zhang Yo., Wu Sh., Wang G., Zou Zh., Wu Zh., He W., Chen F., Deng N., Wu S., Wang Yu, Wu Yu., Yang Zh., Ma Ch., Li G., Han W., Li H., Wu H., Zhao R., Xie Yu., Shi L. (2019) Towards Artificial General Intelligence with Hybrid Tianjic Chip Architecture. Nature, vol. 572, pp. 106–111. DOI: 10.1038/s41586-019-1424-8.

References

Alfer'ev D. A., Dubolazova Yu. A., Goncharova N. L. (2020) Napravleniya ispol'zovaniya kvantovykh vychisleniy v aspekte sotsial'no-ekonomicheskikh nauk [Directions for the use of quantum computing in the aspect of socio-economic sciences]. Ustoychivoye razvitiye tsifrovoy ekonomiki, promyshlennosti i innovatsionnykh system [Sustainable development of the digital economy, industry and innovation systems]. Collection of proceedings of the scientific-practical conference with foreign participation. St. Petersburg, Polytech-Press Publ., pp. 644–647 (In Russian).
Banko M., Brill E. (2001) Scaling to Very Very Large Corpora for Natural Language Disambiguation. 39 Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. Proceedings. The Association for Computational Linguistics Publ., Stroudsburg, pp. 26–33. DOI: 10.3115/1073012.1073017.

Bazhanov V. A., Baryshnikov P. N., Mikhailov I. F., Smirnova N. M., Yastreb N. A. (2021) Perspektivy vychislitel'nogo podkhoda v sotsial'nykh naukakh. Diskussiya [Perspectives of the computational approach in social sciences. Discussion]. Filosofija nauki i tehniki / Philosophy of Science and Technology, vol. 26, iss. 1, pp. 56–63. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-56-63 (In Russian).

Chetverushkin B. N., Yakobovsky M. V. (2021) O perspektivakh razvitiya v Rossii vysokoproizvoditel'nykh vychisleniy i predskazatel'nogo modelirovaniya v sovremennykh tekhnologiyakh [On the prospects for the development of high-performance computing and predictive modeling in modern technologies in Russia]. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 91, iss. 12, pp. 1108–1114. DOI: 10.31857/S0869587321120057 (In Russian).

Galushkin A. I. (2000) Neyrokomp'yutery: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Neurocomputers: textbook for universities]. Moscow, IPRJR Publ., 528 p. (In Russian).

Geron O. (2018) Prikladnoye mashinnoye obucheniye s pomoshch'yu Scikit-Learn i Tensor Flow: kontseptsii, instrumenty i tekhniki dlya sozdaniya intellektual'nykh sistem [Applied machine learning with Scikit-Learn and Tensor Flow: concepts, tools and techniques for building intelligent systems]. St. Petersburg, Al'fa-kniga Publ., 688 p. (In Russian).

Halevy A., Norvig P., Pereira F. (2009) The Unreasonable Effectiveness of Data. IEEE Intelligent Systems, vol. 24, iss. 2, pp. 8–12. DOI: 10.1109/MIS.2009.36.

Ilchenko S. M., Krukovsky Y. V. (2021) Sistemoobrazuyushchiye aspekty modelirovaniya protsessov tsifrovoy transformatsii sovremennoy ekonomiki [System-forming aspects of modeling the processes of digital transformation of the modern economy]. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol 15, iss. 1, pp. 187–198. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.21 (In Russian).

Ilyin V. P. (2018) Matematicheskoye modelirovaniye i filosofiya nauki [Mathematical modeling and philosophy of science]. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 88, iss. 1, pp. 58–66. DOI: 10.7868/S086958731801007 3 (In Russian).

Kazaryan V. P. (2013) Volshebnyy mir matematiki obrel "zemnoye litso" [The magical world of mathematics has acquired an "earthly face"]. Liberal Arts in Russia, vol. 2, iss. 3, pp. 252–261. DOI: 10.15643/libartrus-2013.3.4 (In Russian).

Kozyrev A. N. (2019) Tsifrovizatsiya, matematicheskiye metody i sistemnyy krizis ekonomicheskoy nauki [Digitalization, mathematical methods and the systemic crisis of economic science]. Digital Economy, vol. 8, iss. 4, pp. 5–20. DOI: 10.34706/DE-2019-04-01 (In Russian).

Krylov A. N. (1949) Sobraniye trudov akademika A. N. Krylova. T. III: ch. I [Collection of works of academician A. N. Krylov. T. III: part I]. Moscow- Leningrad, AN SSSR Publ., 498 p. https://math.ru/krylov/ (In Russian).

Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Sushko E. D., Sushko G. B. (2018) Modelirovaniye sotsial'nykh protsessov na superkomp'yuterakh: novyye tekhnologii [Modeling of social processes on supercomputers: new technologies]. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 88, iss. 6, pp. 508–518. DOI: 10.7868/S086958731806004X (In Russian).

Mikhailova N. V. (2016) Pereuslozhnennost' sovremennoy matematiki: filosofsko-metodologicheskiy analiz [Overcomplexity of modern mathematics: philosophical and methodological analysis]. Liberal Arts in Russia, vol. 5, iss. 2, pp. 122–130. DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.3 (In Russian).

Omatu S., Khalid M., Yusof R. (2000) Neyroupravleniye i yego prilozheniya [Neurofeedback and its applications]. Moscow, IPRJR Publ., 272 p. (In Russian).

Pei J., Deng L., Song S., Zhao M., Zhang Yo., Wu Sh., Wang G., Zou Zh., Wu Zh., He W., Chen F., Deng N., Wu S., Wang Yu, Wu Yu., Yang Zh., Ma Ch., Li G., Han W., Li H., Wu H., Zhao R., Xie Yu., Shi L. (2019) Towards Artificial General Intelligence with Hybrid Tianjic Chip Architecture. Nature, vol. 572, pp. 106–111. DOI: 10.1038/s41586-019-1424-8.

Popov S. S. (2021) Opasnoye otstavaniye v superkomp'yuternykh tekhnologiyakh neobkhodimo preodolet'. Obsuzhdeniye nauchnogo soobshcheniya [Dangerous lag in supercomputer technologies must be overcome. Discussion of the scientific message]. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 91, iss. 12, pp. 1115–1124. DOI: 10.31857/S0869587321120100 (In Russian).

Rodionova L. R. (2022) Evolyutsionnyye protsessy v ekonomike [Evolutionary processes in the economy]. Modern Economy Success, iss. 6, pp. 100–105. https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2022/11/mes-6-2022.pdf (In Russian).

Semenov B.V., Dorogovtsev A.P. (1996) Global'nyye i lokal'nyye seti v otraslevykh informatsionnykh sistemakh (metodicheskiye voprosy) [Global and local networks in industry information systems (methodological issues)]. Vologda, VNKTS TSEMI RAN Publ., 61 p. (In Russian).

Sigov A. S., Andrianova E. G., Zhukov D. O., Zykov S. V., Tarasov I. E. (2019) Kvantovaya informatika: obzor osnovnykh dostizheniy [Quantum informatics: a review of the main achievements]. Russian Technological Journal, vol. 7, iss. 1, pp. 5–37. DOI: 10.32362/2500-316X-2019-7-1-5-37 (In Russian).

Terekhov V. A., Efimov D. V., Tyukin I. Yu. (2002) Neyrosetevyye sistemy upravleniya [Neural network control systems]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 183 p. (In Russian).

Uspensky V. A. (2011) Apologiya matematiki (sbornik statey) [Apology of mathematics (collection of articles)]. St. Petersburg, Amfora Publ., 554 p. (In Russian).

Uspensky V. A. (2015) Predisloviye k matematike (sbornik statey) [Preface to mathematics (collection of articles)]. St. Petersburg, Amfora Publ., 474 p. (In Russian).

Veduta N. I. (1971) Ekonomicheskaya kibernetika. Ocherki po voprosam teorii [Economic cybernetics. Essays on questions of theory]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 320 p. (In Russian).

Voevodin V. V., Voevodin Vl. V. (2004) Parallel'nyye vychisleniya [Parallel computing]. St. Petersburg, BKHV-Peterburg Publ., 608 p. (In Russian).
Wiener N. (1983) Kibernetika, ili upravleniye i svyaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics, or control and communication in animals and machines]. Moscow, Nauka Publ., 344 p. (In Russian).
Yastreb N. A. (2021) Shakhmaty i mashina T'yuringa: granitsy primenimosti vychislitel'nogo podkhoda v sotsial'nykh naukakh [Chess and the Turing machine: the limits of applicability of the computational approach in the social sciences]. Philosophy of Science and Technology, vol. 26, iss, 1, pp. 51–55. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-1-51-55 (In Russian).

Информация об авторе

Алферьев Дмитрий Александрович
Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории интеллектуальных и программно-информационных систем Вологодского научного центра РАН, г. Вологда, РФ; ассистент Высшей инженерно-экономической школы Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-3511-7228.
E-mail: alferev_1991@mail.ru

Autor's information

Dmitry A. Alfer'ev
Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Laboratory of Intelligent and Software-Information Systems of the Vologda Research Center of the RAS, Vologda, Russian Federation; Assistant of the Higher Engineering and Economic School of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-3511-7228.
E-mail: alferev_1991@mail.ru

УДК 378.147.88 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.12
Научная статья

Н. В. Герова[1], В. А. Павлушина[2]
✉ nat.gerova@gmail.com
[1]Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Российская Федерация
[2]Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация

Перспективные направления использования корпусных исследований в информационной подготовке будущих педагогов-филологов

Аннотация: В статье исследуются возможности корпусных исследований в информационной подготовке студентов филологического направления. Проблематика исследования обусловлена тем, что внедрение элементов корпусных методов в учебное содержание дисциплин информационно-коммуникационного блока требует разработки конкретных лабораторных заданий. Целью статьи является практическое обоснование эффективности использования программных средств корпусной лингвистики в учебной работе учащихся. Методами исследовательской работы выступили анализ научной и учебно-методической литературы по заявленной проблеме, обобщение опыта преподавания, содержания учебных пособий по вопросам использования информационно-коммуникационных технологий в лингвистике. В качестве результата исследования авторы предлагают методические рекомендации по проведению лабораторного практикума с применением свободно распространяемого мультиплатформенного корпусного менеджера AntConc, лингводидактический потенциал программы которого хорошо зарекомендовал себя для работы в вузе. AntConc представляет собой инструмент для создания лингвистических корпусов, составления конкорданса и лингвостатистического анализа текстов. Подробно разбирается интерфейс корпусного менеджера и функционал каждого его инструмента. Также предлагаются упражнения для самостоятельной работы учащихся в рамках отработки технических навыков использования данного программного обеспечения.

Ключевые слова: информационные технологии в образовании, информационная подготовка студентов, корпус слов, корпусная лингвистика, корпусный менеджер, программа AntConc.

Дата поступления статьи: 1 декабря 2023 г.

Для цитирования: Герова Н. В., Павлушина В. А. (2024) Перспективные направления использования корпусных исследований в информационной подготовке будущих педагогов-филологов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 129–138. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.12.

Scientific article

N. V. Gerova[1], V. A. Pavlushina[2]
✉ nat.gerova@gmail.com
[1]Moscow Witte University, Ryazan, Russian Federation
[2]Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation

Perspective directions for the use of corpus research in the information training of future teachers of philology

Abstract: The article explores the possibilities of corpus research in the information training of students in the philological direction. The problems of the research are due to the fact that the introduction of elements of corpus methods into the educational content of the disciplines of the information and communication block requires the development of specific laboratory tasks. The purpose of the article is a practical justification of the effectiveness of the use of corpus linguistics software in the educational work of students. The methods of research work were the analysis of scientific and educational literature on the stated problem, the generalization of teaching experience, and the content of textbooks on the use of information and communication technologies in linguistics. As a result of the study, the authors offer methodological recommendations for conducting a laboratory workshop using the freeware corpus analysis toolkit for concordancing and

© Н. В. Герова, В. А. Павлушина, 2024

text analysis, AntConc, whose linguodidactic potential has proven itself well for work at a university. AntConc is a tool for creating linguistic corpora, concordance compilation, and linguistic statistical analysis of texts. The interface of the case manager and the functionality of each of its tools are analyzed in detail. Exercises for the independent work of students are also offered as part of the development of technical skills for using this software.

Keywords: information technologies in education, information training of students, corpus of words, corpus linguistics, corpus manager, AntConc program.

Paper submitted: December 1, 2023.

For citation: Gerova N. V., Pavlushina V. A. (2024) Perspective directions for the use of corpus research in the information training of future teachers of philology. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 129–138. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.12.

Введение

Цифровая трансформация образования, ставшая сегодня важнейшим вектором его модернизации, открывает новые возможности для профессиональной подготовки специалистов всех отраслей (Карцхия, 2017; Роберт, 2020; Уваров, 2020). Готовность и умение работать с широким спектром источников и носителей информации, критически ее осмысливать и перерабатывать с использованием средств информационных технологий – эти базовые цифровые компетенции должны быть в арсенале каждого выпускника высшего учебного заведения. Говоря, в частности, о подготовке будущих педагогов филологического профиля, следует отметить, что здесь традиционные образовательные технологии дополняются высокоэффективными инновационными методами (Белякова, Захарова, 2020; Гац, 2014; Коханова 2008; Титова, 2009; Тома, Емелин, Наркевич-Йодко, 2023). Примером такого динамично развивающегося направления являются корпусные исследования.

Практический опыт исследователей В. П. Захарова, И. А. Котюровой, Д. А. Палийчук, Л. Ю. Щипициной подтверждает высокую дидактическую ценность корпусных методов. В числе бесспорных преимуществ следует отметить такие их особенности, как междисциплинарность, эмпирическая достоверность и адекватность, аутентичность, а также гибкость и адаптация к конкретным целям и задачам (Массалина, 2021). Включение корпусных методов в структуру информационной подготовки студентов-филологов позволяет существенно разнообразить содержание профессиональной практики, самостоятельных проектов и научно-исследовательских разработок.

Отметим также, что введение обозначенных вопросов в учебное содержание дисциплин ИТ-направления особенно актуально в контексте пристального внимания, которое сегодня оказывается сквозным технологиям в отечественном образовании. К данным технологиям, которые мультидисциплинарны по своей сути и одновременно охватывают несколько научно-технических направлений и отраслей, в частности, относятся большие данные (Big Data) (Китайгородский, 2021; Лэй, 2023; Мухаметзянов, 2020). Знание и понимание важности больших данных, представление о методах сбора и анализа является обязательной профессиональной компетенцией современного выпускника. Как отмечает А. А. Бонч-Осмоловская, работа с корпусом текстов: возможность проанализировать информацию о том, как развивается и как меняется язык, какие выражения употребляются чаще, в каком контексте, а какие выходят из обихода и т. п., – дает наглядную иллюстрацию использования Big Data в языкознании.

Однако, при условии, что в научной и учебно-методической литературе достаточно полно представлена разработанность теоретических основ корпусной лингвистики, в предметной подготовке студентов педагогического профиля в данном направлении сохраняется ряд проблем практического характера. Внедрение элементов корпусных исследований в учебное содержание дисциплин информационно-коммуникационного блока требует разработки конкретных лабораторных практикумов и практических рекомендаций, что обозначило цель нашего исследования.

Методы

Методами исследовательской работы выступили анализ научной и учебно-методической литературы по заявленной проблеме, обобщение опыта преподавания, содержания учебных пособий по вопросам использования информационно-коммуникационных технологий в лингвистике.

Определяя терминологический аппарат проблемной области, отметим, что под лингвистическим (или языковым) корпусом понимается совокупность специально отобранных текстов, структурированных, предназначенных для решения конкретных лингвистических задач и размеченных по различным лингвистическим параметрам (Захаров, 2011). В это понятие также традиционно включают и корпусные менеджеры – специализированное программное обеспечение для поиска данных в корпусе в соответствии с запросом пользователя, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме (Щипицина, 2013). Результаты поиска обычно выдаются в виде конкорданса, где искомая единица представлена в контекстном окружении с представлением частотных характеристик отдельных языковых единиц и т. п.

Результаты

Первичное знакомство студентов-филологов с корпусными методами рекомендуется организовать в рамках дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии и медиаинформационная грамотность». Практический опыт показывает, что на начальном этапе логично использовать базу национального корпуса, который представляет язык на данном этапе его существования во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов. В рамках лабораторного практикума студентам предлагается протестировать работу лингвистических корпусов: Национального корпуса русского языка[1] (НКРЯ) и Корпуса русского литературного языка[2]. На конкретных примерах учащиеся анализируют результаты поиска, число вхождений, прослеживают контексты использования и т. д.

Получив базовые навыки, учащиеся переходят к следующему этапу – самостоятельное составление и анализ корпусов текстов. И здесь в качестве инструментария рассмотрим программу AntConc[3], лингводидактический потенциал которой хорошо зарекомендовал себя для работы в вузе (Арутюнян, 2021; Котюрова, 2020; Лунькова, 2014).

AntConc – свободно распространяемая мультиплатформенная программа, представляющая собой инструмент для создания лингвистических корпусов, составления конкорданса и лингвистического анализа текстов. Программа разработана доктором Лоуренсом Энтони, профессором факультета естественных наук и инженерии Университета Васэда, Япония. Программа AntConc представлена в нескольких версиях: Windows (Installer), Windows (Portable), MacOS 10/11, Linux (Portable). Наличие версии Windows-Portable является особенностью последних релизов AntConc (в данной статье рассматривается актуальная на момент написания версия 4.2.0). Это позволяет использовать AntConc, даже если пользователь не обладает правами администратора на компьютере и не имеет возможности самостоятельно устанавливать на нем программное обеспечение. К тому же это удобно, если требуется разместить программу на переносном устройстве, например, USB-накопителе.

Из технических особенностей следует отметить невозможность использования AntConc на мобильном устройстве (например, iPhone, Android или iPad).

Рабочее окно программы AntConc содержит девять вкладок, каждая из которых предоставляет особый инструмент для анализа текста (рис. 1).

В качестве практических рекомендаций рассмотрим фрагмент лабораторной работы, выполняемой студентами при первом знакомстве с интерфейсом и основными возможностями программы AntConc.

В процессе работы учащиеся должны протестировать все функции, и для примера в качестве пробного корпуса предлагается загрузить текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и

[1]Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/
[2]Корпус русского литературного языка. URL: https://narusco.ru/
[3]AntConc (Version 4.2.0) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. URL: https://www.laurenceanthony.net/software.html

наказание». Параллельно отметим, что еще одним достоинством данного приложения является возможность работать с файлами в формате txt, объединяя несколько файлов в единый корпус или анализируя по отдельности. Ниже рассмотрены основные этапы освоения программы и приведен ряд конкретных заданий, которые могут быть предложены студентам.

1. KWIC (Key Words in Context) – инструмент, позволяющий построить список всех употреблений определенного языкового выражения в контексте (конкорданс). Эта функция дает возможность увидеть, как слова и словосочетания используются в данном корпусе текстов (рис. 2). Для запуска инструмента следует ввести ключевое слово/словосочетание в строку поиска и начать генерацию результатов кнопкой Start.

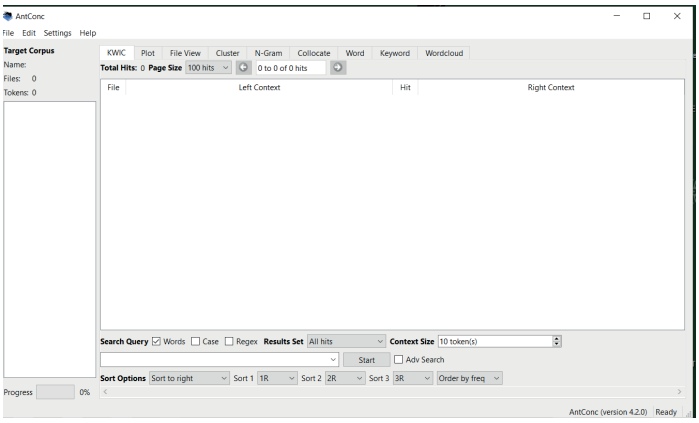

Рис. 1. Рабочее окно программы AntConc

Fig. 1. The main window of the AntConc program

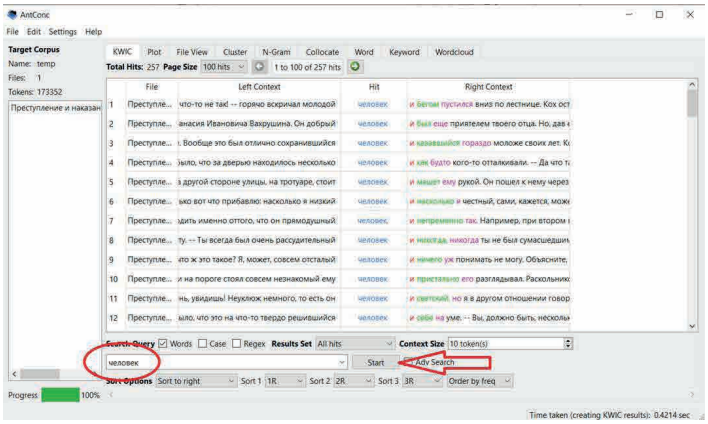

Рис. 2. Конкорданс для слова «человек»

Fig. 2. Concordance for the word “chelovek”

Для организации поиска также доступны дополнительные опции:

• Context Size: выбор количества слов, которые будут выводиться по обе стороны от поискового запроса.

• Sort Options: сортировка, позволяющая установить порядок строк в конкордансе на трех разных уровнях: C – искомое слово, 1L, 2L… – слова слева от целевого слова, 1R, 2R… – слова справа от целевого слова.

• Search Query: параметры поискового запроса. Помимо поиска слов (Words) здесь также можно включить опцию для поиска с учетом или без учета регистра (Case), а также для регулярных выражений (Regex).

• Advanced Options: расширенный поиск. В окне расширенного поиска можно задать дополнительные параметры, например, выполнить поиск по нескольким словам, введя их или загрузив список поис-

ковых запросов из файла. Еще одна дополнительная опция расширенного поиска позволяет задать параметры контекста, в котором должен отображаться поисковый запрос, например, смежные слова.

Для примера, студентам предлагается проанализировать, как часто и в каком контексте встречается имя Раскольникова рядом (на расстоянии пяти слов справа и слева) со словами «убивец», «убийца», «убил» (рис. 3). Для этого следует:

- перейти на вкладку KWIC;
- ввести в поисковую строку исследуемое слово «Раскольников»;
- активизировать опцию расширенного поиска Advanced Options;
- в разделе Context Search выставить размер контекста (5L и 5R) и последовательно ввести смежные слова «убивец», «убийца», «убил», всякий раз добавляя каждое новое слово в рабочее поле кнопкой Add;
- применить параметры, нажав на кнопку Apply;
- запустить инструмент кнопкой Start.

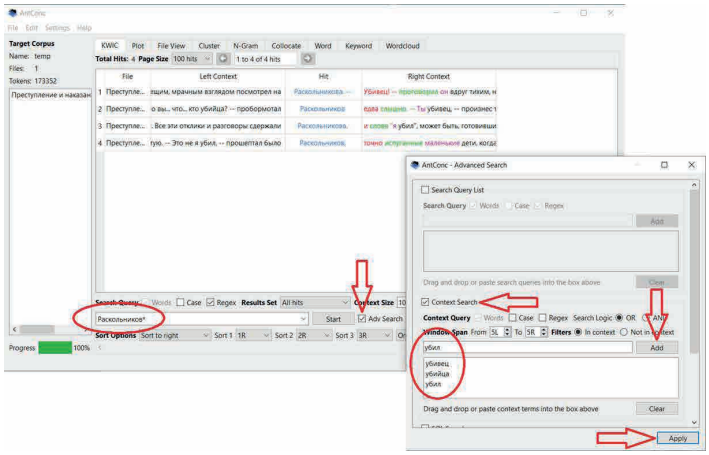

Рис. 3. Результат расширенного поиска в заданном контексте

Fig. 3. The result of an extended search in a given context

2. Plot – инструмент, который отображает наличие исследуемых слов или словосочетаний в тексте в виде штрих-кода. При этом длина текста нормализуется к ширине строки, а каждое попадание отображается в виде вертикальной линии внутри строки. Такой прием делает возможным визуально оценить, с какой частотой и в какой части текста встречается искомый объект (рис. 4).

3. File View отображает текст выбранного файла в первоначальном виде. При этом все вхождения объекта, указанного в строке поиска, выделяются особым цветом. Это позволяет увидеть контекст употребления искомого слова, но в объеме всего текста.

4. Clusters – функция, которая позволяет организовывать поиск по ключевому слову и представляет результаты в виде групп (кластеров) слов из заданного количества элементов слева и справа от исследуемого объекта (рис. 5). Кластеры могут быть упорядочены по частоте, первой или последней букве в кластере, диапазону кластера (количеству файлов, в которых появляется кластер) или вероятности того, что первое слово в кластере предшествует остальным словам.

5. N-Gram – последовательность из n-элементов. Эта функция также связана с поиском в загруженных файлах групп слов (кластеров) заданной длины. Если в строке поиска задается ключевое слово, то осуществляется поиск групп слов с учетом исследуемого объекта. Если строка поиска остается пустой, то функция выдает результат в виде любых сочетаний стоящих рядом слов в заданном количестве (размер словосочетаний указывается параметром N-Gram Size). Это позволяет найти наиболее распространенные в тексте сочетания указанного количества слов (рис. 6). Следует отметить, что данные сочетания выделяются механически, без соотнесения со смыслом.

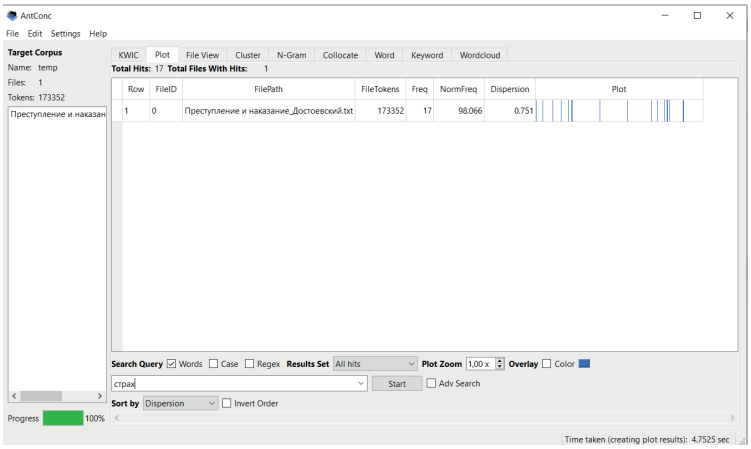

Рис. 4. Представление употреблений слова в виде штрих-кода

Fig. 4. Representation of the uses of the word in the form of a barcode

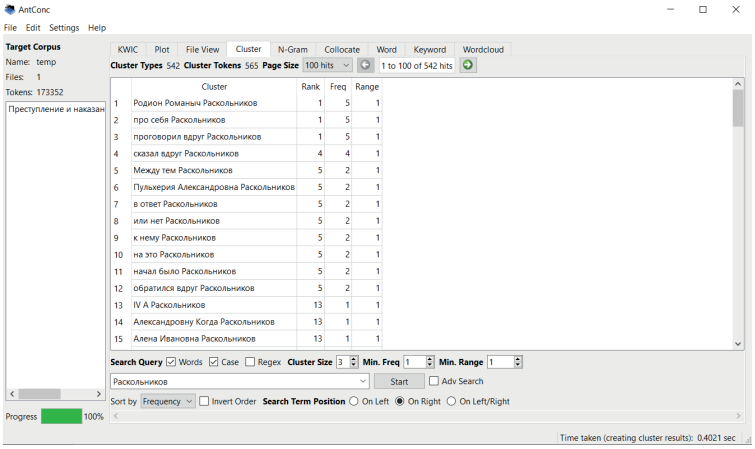

Рис. 5. Отбор групп слов, стоящих перед исследуемым объектом (размер кластера – 3)

Fig. 5. Selection of groups of words facing the object under study (cluster size – 3)

6. Collocate – инструмент, который позволяет искать словосочетания по поисковому запросу и дает возможность сделать статистический анализ по словам, стоящим слева и справа от исследуемого элемента. Словосочетания могут быть упорядочены по общей частоте, по частоте употребления слов слева или справа от поискового запроса, по первой или последней букве слова и др.

Разобранный на скриншоте (рис. 7) пример показывает, что статистически в данном тексте слово «бывший» перед словом «студент» встречается чаще всего (FreqL = 9). Однако это слово также употребляется в тексте и с другими словами. Поэтому сила его коллокации (Effect) со «студент» меньше, чем, например, у слов «подслуживается», «загорячился» и т. д. Таким образом, в заданной сортировке по параметру Effect эти слова поднимаются на более высокие позиции.

7. Word – инструмент, который подсчитывает все словоупотребления в корпусе и представляет их в упорядоченном списке. Это позволяет оперативно создать частотный словарь исследуемых текстов, увидеть, какие слова наиболее часто встречаются в корпусе (рис. 8). Данный вид анализа, например, позволяет определить, что в исследуемом тексте 24 925 вхождений, из них наиболее частотные относятся к служебным частям речи: союз «и» (Freq = 8476), частица «не» (Freq = 3779), предлог «в» (Freq = 3742).

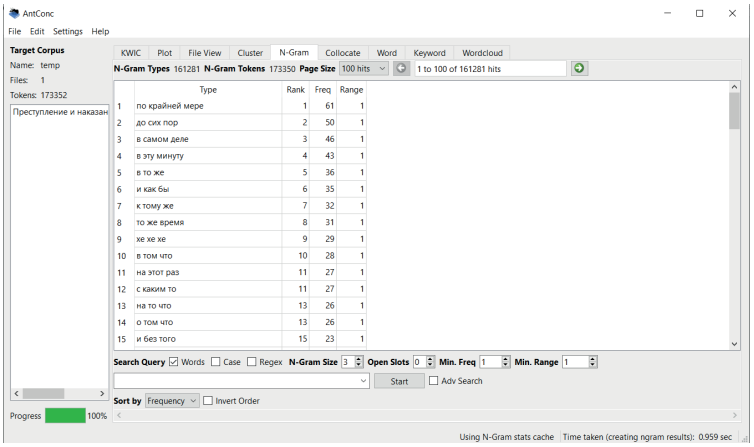

Рис. 6. Результат поиска всех сочетаний по три элемента

Fig. 6. The result of searching for all combinations of three elements

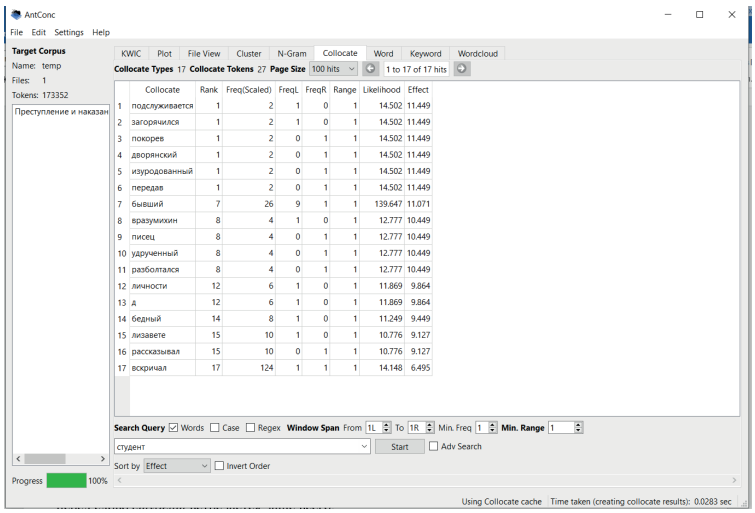

Рис. 7. Результат поиска коллокаций слова «студент» (количество слов слева и справа – 1)

Fig. 7. Search result for collocations of the word “student” (the number of words on the left and right is 1)

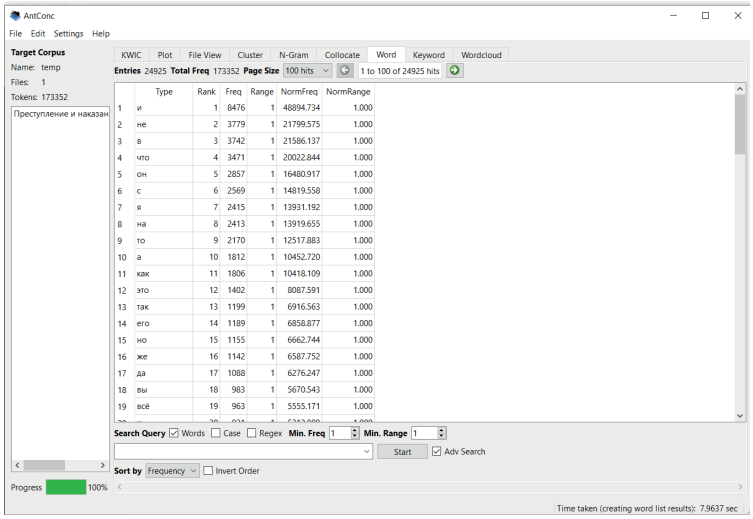

Рис. 8. Частотный словарь исследуемого текста

Fig. 8. Frequency dictionary of the text under study

8. Key Word – инструмент, рассчитывающий, какие слова в корпусе употребляются с необычно высокой или необычно низкой частотой по сравнению с эталонным корпусом. Это позволяет идентифицировать характерные слова в корпусе, например, как часть исследования жанра. Для применения данной функции необходимо загрузить эталон, выбрав в пункте меню File команду Corpus Manager.

9. WordCloud – инструмент для построения «облака слов». Использование данной операции позволяет сгенерировать визуальный образ заданного текста, его фрагмента или проведенного ранее исследования в любом разделе программы AntConc (источник текста выбирается в разделе Source) (рис. 9). Инструмент также позволяет задать необходимые параметры будущего «облака»: размер (Image Size), максимальное количество слов (Max. Words), конфигурация (Mask settings), цветовая гамма (Color settings), настройки шрифта (Font settings) и др.

После изучения основных инструментов AntConc в продолжении лабораторной работы студентам предлагается провести на этом же тексте самостоятельные исследования. Проиллюстрируем данный этап примерами заданий: 1) Какое существительное и какой глагол встречаются в тексте «Преступление и наказание» чаще всего? 2) Определите наиболее употребимые выражения из пяти элементов. 3) С какими прилагательными в тексте употребляется слово «раскаяние»? 4) Какое имя: Соня или Сонечка – автор употребляет чаще по отношению к своей героине? 5) Определите все коллокации слова «явка» в диапазоне двух слов слева и справа. Выясните, есть ли среди них «явка с повинной», сколько раз и в каком контексте она употребляется.

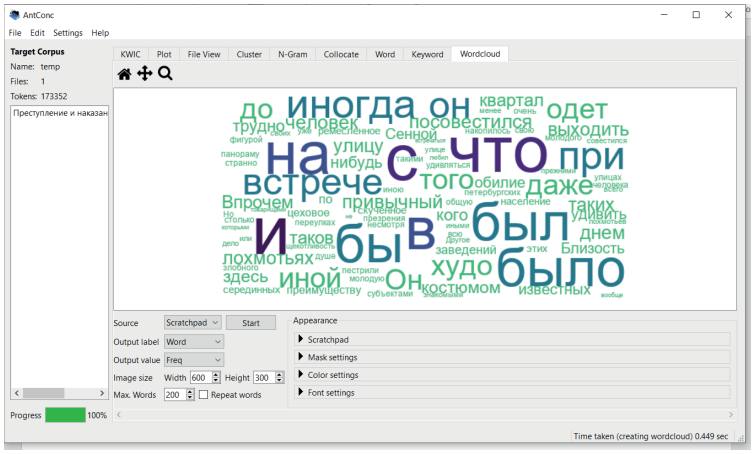

Рис. 9. Результат построения «облака слов» для фрагмента текста

Fig. 9. The result of constructing a “word cloud” for a text fragment

Выводы

Результатом освоения данного лабораторного практикума является самостоятельное создание учащимися корпуса текстов не менее нескольких тысяч словоупотреблений. При планировании корпуса рекомендуется использовать отрывки или полные тексты художественных произведений, научные документы, публицистические материалы и др. При отборе следует ориентироваться на общие требования к созданию корпусов: репрезентативность, сбалансированность, полнота, достаточный объем, экономичность, структуризация материала. Для отработки практико-ориентированных навыков студентам-филологам предлагается провести анализ исследуемого корпуса, составив частотный словарь, рассмотрев употребление конкретных лексем, словосочетаний и задействовав все функции корпусного менеджера AntConc.

Подводя итог, отметим, что представленные практические рекомендации могут быть эффективны в деле формирования цифровых компетенций будущих лингвистов, переводчиков, учителей русского или иностранных языков, журналистов, а также всех студентов, заинтересованных в лингвистических исследованиях. Задания могут варьироваться от определения значения различных словоформ конкретной лексической единицы в контексте до визуализации текста в виде «облака слов». Овладение новым инструментарием, ранее неизвестным прикладным программным обеспечением повышает мотивацию обучения, активизирует познавательный интерес и стимулирует учащихся к саморазвитию. Отметим также междисциплинарный характер получаемых знаний, что позволяет будущим педагогам применять цифровые ресурсы для оригинальных и перспективных решений профессиональных проблем. Тем самым в процессе информационной подготовки осуществляется побуждение студентов выдвигать и проверять научные гипотезы, осваивать новые программные продукты и проводить самостоятельные исследования.

Источники

Арутюнян А. М. (2021) Лингводидактический потенциал мультимедийной программы конкорданс AntConc. Rhema. Рема, № 1, с. 99–110. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110.

Белякова Е. Г., Захарова И. Г. (2020) Профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность студентов-педагогов в условиях индивидуализации образования. Образование и наука, т. 22, № 1, с. 84–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112.

Бонч-Осмоловская А. А. (2018) Большие данные в лингвистике. Издательский дом «ПостНаука». https://postnauka.org/video/86731.

Гац И. Ю. (2014) Информационные технологии в профессиональной деятельности преподавателя русского языка : учебное пособие для студентов направлений подготовки «Языкознание и литературоведение» и «Образование и педагогические науки». М., Московский государственный областной университет, 160 с.

Дьякова О. А. (2021) Возможности использования корпус-менеджера Antconc для описания лексических средств концептуализации времени в англоязычном антиутопическом художественном

дискурсе. Мировые языки в экономике будущего. Сборник научных трудов. Оренбург, Оренбургский государственный университет, с. 127–131.
Захаров В. П., Богданова С. Ю. (2011) Корпусная лингвистика. Иркутск, Иркутский государственный лингвистический университет, 161 с.
Карцхия А. А. (2017) Цифровая революция: новые технологии и новая реальность. Правовая информатика, № 1, с. 13–18.
Китайгородский М. Д. (2021) Сквозные цифровые технологии – от индустрии к образованию. Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки, № 2, с. 146–150. DOI: 10.24412/2308-717X-2021-2-146-150.
Котюрова И. А. (2020) Корпусные исследования с помощью сервиса AntConc в условиях работы в вузе. Язык и культура, № 52, с. 36–50. DOI: 10.17223/19996195/52/3.
Коханова В. А. (2008) Информационные технологии в профессиональной подготовке студента-филолога к педагогической деятельности. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование, № 1 (1), с. 85–90.
Лунькова Е. С. (2014) Использование программы AntConc 3.2.4W для анализа художественного текста. Системы компьютерной математики и их приложения, № 15, с. 260–262.
Лэй М. (2023) Использование технологий Big Data в преподавании иностранных языков. Научный аспект, т. 6, № 1, с. 628–632.
Массалина И. П. (2021) Корпусный анализ специальных текстов с помощью компьютерной программы AntConc. Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции, посвященной 50-летию кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ им. А. И. Евдокимова. М., Клио, с. 163–167.
Мухаметзянов И. Ш. (2020) Цифровая трансформация образования (большие данные, кибербезопасность, цифровой след учащегося). Педагогическая информатика, № 4, с. 180–191.
Палийчук Д. А. (2022) Корпусные технологии в изучении коллокаций (на примере сервисов «AntConc» и «SketchEngine»). Studia Humanitatis, № 2. https://www.st-hum.ru/.
Роберт И. В. (2020) Дидактика периода цифровой трансформации образования. Мир психологии, № 3 (103), с. 184–198. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_3_184.
Титова Л. Н. (2009) Развитие профессионально-педагогической информационной подготовки будущих учителей-филологов. Образование и наука. Известия УрО РАО, № 3 (60), с. 125–131.
Тома Ж. В., Емелин В. Н., Наркевич-Йодко М. С. (2023) Задачи профессионального воспитания студентов-педагогов в условиях цифровой трансформации образования. Современные наукоемкие технологии, № 5, с. 62–66. DOI 10.17513/snt.39618.
Уваров А. Ю. (2020) Три сценария развития образования и его цифровая трансформация. Continuum. Математика. Информатика. Образование, № 3 (19), с. 61–74. DOI: 10.24888/2500-1957-2020-3-61-74.
Щипицина Л. Ю. (2013) Информационные технологии в лингвистике. Москва, Флинта, 128 с.

References

Arutyunyan A.M. (2021) Lingvodidakticheskiy potentsial mul'timediynoy programmy konkordans AntConc [Linguodidactic potential of AntConc multimedia program]. Rhema, no. 1, pp. 99–110. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-99-110 (In Russian).
Belyakova E. G., Zaharova I. G. (2020) Professional'noe samoopredelenie i professional'naya identichnost' studentov-pedagogov v usloviyah individualizacii obrazovaniya [Professional self-determination and professional identity of teaching students in the context of individualization of education]. Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal, vol. 22, no. 1, pp. 84–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112 (In Russian).
Bonch-Osmolovskaya A. A. (2018) Bol'shie dannye v lingvistike [Big Data in linguistics]. Izdatel'skij dom "PostNauka" – PostNauka Publishing House. https://postnauka.org/video/86731 (In Russian).
Dyakova O. A. (2021) Vozmozhnosti ispol'zovaniia korpus-menedzhera Antconc dlya opisaniya leksicheskikh sredstv kontseptualizatsii vremeni v angloiazychnom antiutopicheskom khudozhestvennom diskurse [The possibilities of using the Antconc corpus manager to describe the lexical means of conceptualizing time in the English-language dystopian artistic discourse]. Mirovyye yazyki v ekonomike budushchego [World languages in the economy of the future]. Collection of scientific papers. Orenburg, Orenburg State University, pp. 127–131. (In Russian).
Gac I. Yu. (2014) Informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti prepodavatelya russkogo yazyka : uchebnoe posobie dlya studentov napravlenij podgotovki "Yazykoznanie i literaturovedenie" i "Obrazovanie i pedagogicheskie nauki" [Information technologies in the professional activity of a teacher of the Russian language : a textbook for students of the fields of study "Linguistics and literary studies" and "Education and pedagogical Sciences"]. Moscow, Moscow State Regional University, 160 p. (In Russian).
Karckhiya A. A. (2017) Cifrovaya revolyuciya: novye tekhnologii i novaya real'nost' [The Digital Revolution: new technologies and a new reality]. Legal Informatics, no. 1, pp. 13–18 (In Russian).
Kitajgorodskij M. D. (2021) Skvoznye cifrovye tekhnologii – ot industrii k obrazovaniyu [End–to-end digital technologies - from industry to education]. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki – Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences, no. 2, pp. 146–150. DOI: 10.24412/2308-717X-2021-2-146-150 (In Russian).

Kohanova V. A. (2008) Informacionnye tekhnologii v professional'noj podgotovke studenta-filologa k pedagogicheskoj deyatel'nosti [Information technologies in the professional training of a philologist student for pedagogical activity]. Vestnik Moscow city teacher training university. Series "Philological Education", no. 1 (1), pp. 85–90 (In Russian).
Kotyurova I. A. (2020) Korpusnye issledovaniia s pomoshchiu servisa AntConc v usloviiakh raboty v vuze [Case studies using the AntConc service in the conditions of work at the university]. Language and Culture, no. 52, pp. 36–50. DOI: 10.17223/19996195/52/3 (In Russian).
Lunkova E. S. (2014) Ispol'zovaniye programmy AntConc 3 2 4W dlya analiza khudozhestvennogo teksta [Using the AntConc 3.2.4W program for the analysis of a literary text]. Sistemy komp'yuternoj matematiki i ih prilozheniya – Computer Mathematics Systems and their Applications, no. 15, pp. 260–262 (In Russian).
Lej M. (2023) Ispol'zovanie tekhnologij Big Data v prepodavanii inostrannyh yazykov [The use of Big Data technologies in teaching foreign languages]. Nauchnyj aspect – The scientific aspect, vol. 6, no. 1, pp. 628–632 (In Russian).
Massalina I. P. (2021) Korpusnyi analiz spetsial'nykh tekstov s pomoshchiu kompiuternoi programmy AntConc [Corpus analysis of special texts using the AntConc computer program]. Konceptual'no-terminologicheskoe prostranstvo medicinskogo znaniya [The conceptual and terminological space of medical knowledge]. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Methodological conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Latin Language and Fundamentals of Terminology of the Moscow State Medical University named after A. I. Evdokimov. Moscow, Clio Publ., pp. 163–167 (In Russian).
Muhametzyanov I. Sh. (2020) Cifrovaya transformaciya obrazovaniya (bol'shie dannye, kiberbezopasnost', cifrovoj sled uchashchegosya) [Digital transformation of education (big data, cybersecurity, digital footprint of the student)]. Pedagogical Informatics, no. 4, pp. 180–191 (In Russian).
Paliychuk D. A. (2022) Korpusnye tekhnologii v izuchenii kollokatsii na primere servisov "AntConc" i "SketchEngine" [Corpus technologies in the study of collocations (using the example of the services "AntConc" and "SketchEngine")]. Studia Humanitatis, no. 2. https://www.st-hum.ru/ (In Russian).
Robert I. V. (2020) Didaktika perioda cifrovoj transformacii obrazovaniya [Didactics of the period of digital transformation of education]. Mir psihologii – World of psychology, no. 3 (103), pp. 184–198. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_3_184 (In Russian).
Shchipitsina L. Yu. (2013) Informatsionnye tekhnologii v lingvistike [Information technologies in linguistics]. Moscow, Flinta Publ., 128 p. (In Russian).
Titova L. N. (2009) Razvitie professional'no-pedagogicheskoj informacionnoj podgotovki budushchih uchitelej-filologov [Development of professional and pedagogical information training for future teachers of philology]. Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO – Education and science. Izvestia UrO RAO, no. 3 (60), pp. 125–131 (In Russian).
Toma Zh. V., Emelin V. N., Narkevich-Jodko M. S. (2023) Zadachi professional'nogo vospitaniya studentov-pedagogov v usloviyah cifrovoj transformacii obrazovaniya [The tasks of professional education of student teachers in the context of digital transformation of education]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern high-tech technologies, no. 5, pp. 62–66. DOI: 10.17513/snt.39618 (In Russian).
Uvarov A. Yu. (2020) Tri scenariya razvitiya obrazovaniya i ego cifrovaya transformaciya [Three scenarios for the development of education and its digital transformation]. Continuum. Mathematics. Computer science. Education, no. 3 (19), pp. 61–74. DOI: 10.24888/2500-1957-2020-3-61-74 (In Russian).
Zakharov V.P., Bogdanova S.Yu. (2011) Korpusnaia lingvistika [Corpus linguistics]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University, 161 p. (In Russian).

Информация об авторах

Герова Наталья Викторовна
Доктор педагогических наук, доцент кафедры бизнеса и управления. Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте, г. Рязань, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-7946-1226.
E-mail: nat.gerova@gmail.com

Павлушина Вера Алексеевна
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики, вычислительной техники и методики преподавания информатики. Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-0279-3465.
E-mail: v.pavlushina@365.rsu.edu.ru

Autor's information

Natalia V. Gerova
Dr. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Business and Management. Moscow Witte University, Ryazan, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-7946-1226.
E-mail: nat.gerova@gmail.com

Vera A. Pavlushina
Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Computer Science, Computer Engineering and Methods of Teaching Computer Science. Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-0279-3465.
E-mail: v.pavlushina@365.rsu.edu.ru

УДК 378.124
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.13
Научная статья

Н. И. Фомин[1], Л. И. Миронова[1]
✉ ni.fomin@urfu.ru
[1]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Цифровая трансформация высшего образования: сервис для оценки педагогической квалификации преподавателя университета

Аннотация: В условиях цифровой трансформации вузовской подготовки студентов уровень профессиональной квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) вуза должен одновременно соответствовать как уровню развития техники и технологий, так и современной методологии, теории и практике развития информатизации образования, что позволит обеспечить сферу профессионального образования научно-методическими и программно-технологическими разработками, как аналоговой, так и цифровой формы реализации. В этих условиях становится проблемой оценка уровня профессиональной квалификации ППС и отсутствие эффективного инструмента для ее оценивания. В статье решена конкретная задача, позволяющая получить комплексную достоверную оценку педагогической квалификации преподавателя современного университета, включающую одновременное оценивание как результатов осуществления преподавателем учебного процесса, выраженных в характеристиках психолого-педагогической эффективности учебных занятий, оцениваемых студентами через показатели собственной деятельности (характеристики эффективности учебных занятий), так и результатов информационно-методической подготовленности учебного процесса (показатели подготовленности), оцениваемых экспертами. Разработанный алгоритм, позволяющий получить комплексную оценку, может служить основой для создания сервиса оценивания педагогической квалификации преподавателя университета в условиях цифровой трансформации вузовской подготовки.

Ключевые слова: цифровая трансформация вузовской подготовки, педагогическая квалификация, учебный процесс, индекс эффективности учебного процесса, самооценка студентов, индекс качества подготовки преподавателя.

Дата поступления статьи: 20 декабря 2023 г.

Для цитирования: Фомин Н. И., Миронова Л. И. (2024) Цифровая трансформация высшего образования: сервис для оценки педагогической квалификации преподавателя университета. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 139–147. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.13.

Scientific article

N. I. Fomin[1], L. I. Mironova[1]
✉ ni.fomin@urfu.ru
[1]Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

Digital transformation of higher education: a service for assessing the pedagogical qualifications of a university teacher

Abstract: In the context of the digital transformation of university student training, the level of professional qualifications of the teaching staff (teaching staff) of the university must simultaneously correspond to both the level of development of technology and technology, as well as modern methodology, theory, and practice of the development of informatization of education, which will provide the sphere of professional education with scientific, methodological, and software and technological developments, both analog and digital forms of implementation. In these conditions, it becomes a problem to assess the level of professional qualifications of teaching staff due to the lack of an effective tool for its assessment. The article solves a specific problem that makes it possible to obtain a comprehensive, reliable assessment of the pedagogical qualifications of a modern university teacher, including simultaneous assessment of both the results of the teacher's implementation of the educational process, expressed in the characteristics of the psychological and pedagogical effectiveness of training sessions, assessed by students through indicators of their activities (characteristics of

© Н. И. Фомин, Л. И. Миронова, 2024

the effectiveness of training sessions), and the results of information and methodological preparedness of the educational process (readiness indicators), assessed by experts. The developed algorithm, which allows obtaining a comprehensive assessment, can serve as the basis for creating a service for assessing the pedagogical qualifications of a university teacher in the context of the digital transformation of university training.

Keywords: digital transformation of higher education, pedagogical qualification, educational process, educational process efficiency index, students' self-assessment, teacher training quality index.

Paper submitted: December 20, 2023.

For citation: Fomin N. I., Mironova L. I. (2024) Digital transformation of higher education: a service for assessing the pedagogical qualifications of a university teacher. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 139–147. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.13.

Введение

В современных условиях цифровой трансформации профессиональной подготовки выпускников вузов одним из главных идеологов и исполнителей является научная школа «Информатизация образования» под руководством И. В. Роберт (Институт стратегии развития образования, г. Москва) (Роберт, 2012; 2019). Главная цель научно-исследовательской и учебно-методической деятельности научной школы «Информатизация образования»: создание методологии, теории и практики развития информатизации образования как области научно-педагогического знания и как целенаправленно организованного процесса обеспечения сферы образования научно-методическими и программно-технологическими разработками, обеспечивающими использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), как аналоговой, так и цифровой формы реализации, для целей обучения, воспитания, интеллектуального развития индивидуума в условиях информационной безопасности личности субъектов образовательного процесса и при сохранении их физического и психического здоровья. В ходе этого процесса роль преподавателя университета трудно переоценить. Личность преподавателя должна рассматриваться в числе факторов, непосредственно определяющих успех цифровых изменений и новшеств в высшем образовании. Кроме этого, характер и эффективность педагогической деятельности преподавателя является важным фактором повышения качества обучения, а также адаптации студентов к отраслевому рынку труда. Сказанное в равной степени относится и к архитектурно-строительной вузовской подготовке (Фомин, Миронова, 2023). Поэтому разработка универсального алгоритма, позволяющего получить комплексную оценку педагогической квалификации преподавателя университета в условиях цифровой трансформации профессиональной подготовки, является актуальной задачей.

Проблема и цель. Анализ различных методик оценки педагогической квалификации преподавателя университета, которые возможно преобразовать в автоматизированные диагностические системы, позволил установить следующее.

Из монографии Т. В. Габай известно описание методики (Габай, 1988) оценки педагогической квалификации университетского преподавателя (в ней сделана фокусировка на математические дисциплины), которая реализуется посредством сравнительной оценки фактического уровня обобщенных характеристик студента в результате сопоставления их с соответствующими требуемыми характеристиками. Данная методика отличается простотой реализации, но одновременно недостаточно высокой достоверностью оценки, поскольку в ней отсутствуют какие-либо экспертные компоненты оценки квалификации преподавателя. По сути, результат использования предлагаемой методики формируется только на основании результатов оценок студентов, которые сложно поддаются верификации и могут быть недостаточно объективны.

В исследовании М. А. Гавриловой (Гаврилова, 1994) предлагается методика оценки педагогической квалификации, в которой предусмотрен анализ перечня экспертных компонент обучения, а также квалификационных требований (условных профессиональных характеристик) университетского преподавателя. В данной методике предусмотрен учет экспертных оценок по результатам их сравнения друг с другом. По нашему мнению, данная методика обладает большей достоверностью, чем описанная ранее, однако в ней не реализован принцип комплексной оценки: участников образовательного процесса (студентов) и независимых экспертов.

Формат данной статьи не позволяет рассмотреть все многообразие разработанных методик оценивания педагогической квалификации университетского преподавателя. Вместе с этим описанные выше методики, а также результаты ряда исследований, представленные в работах: Амбаровой, Зборовского, 2022; Боголеповой и Шадровой, 2021; Буркова и др., 2020; Газиевой и Бурашниковой, 2023; Дульзон и Васильевой, 2011; Макович, 2020; Муравьевой и Олейниковой, 2020; Настуева, 2020; Носковой и др., 2020; Парамонова, 2021; Поляковой, Приходько, 2022; Хусаиновой и др., 2011, – позволяют сформулировать проблему исследования: отсутствие эффективных методик для оценки педагогической квалификации преподавателя вуза в условиях цифровой трансформации инженерной подготовки в университетах.

Таким образом, целью работы является разработка алгоритма получения оценки педагогической квалификации преподавателя университета, результаты которой возможно использовать в процессе цифровой трансформации вузовской подготовки.

Методы

Методологической основой послужил спектр работ, опубликованных в последнее время, по вопросам цифровой трансформации отечественного высшего образования, а также по методическому обеспечению повышения качества образовательного процесса. Кроме этого, для решения задач исследования использовались следующие основные методы исследования: теоретический анализ и обобщение положений педагогической науки по проблемам профессиональной подготовки студентов в университетах; анализ государственных образовательных стандартов по техническим направлениям подготовки.

Результаты

В основе разработанного алгоритма лежит получение интегральной оценки, которая включает:

– оценку учебного процесса преподавателя (выраженную в характеристиках психолого-педагогической эффективности учебных занятий) студентами. Оценка производится через показатели деятельности студентов (данные показатели можно назвать характеристиками эффективности учебных занятий);

– оценку информационно-методической подготовленности учебного процесса (выраженную в показателях подготовленности). Оценка производится экспертами.

Таким образом, алгоритм позволяет получить интегральную оценку профессиональной деятельности преподавателя на основе исходных данных, полученных от студентов и экспертов. Пошаговый алгоритм представлен в виде, позволяющем его автоматизировать в полном объеме и обеспечить, таким образом, его внедрение в цифровую образовательную среду архитектурно-строительного высшего образования в полном объеме.

Далее приведены укрупненные шаги предлагаемого алгоритма.

Шаг 1. Ввод исходной информации.

В качестве исходных данных для работы алгоритма необходимо ввести 6 видов информации:

1) перечень характеристик эффективности учебных занятий (лекций, практических занятий, самостоятельной работы). Это основные виды занятий, но этот список может быть увеличен, например, за счет включения результатов проектной деятельности, которой занимаются студенты архитектурно-строительного профиля. Данная оценка получена студентом в результате самооценки учебной работы;

2) перечень пороговых значений характеристик эффективности учебных занятий, в состав которых входит 4 пороговых значения, с помощью которых можно оценить характеристики на 5 уровнях: $\alpha = 0{,}2$ соответствует «нижнему» уровню; $\beta = 0{,}4$ соответствует уровню «ниже среднего»; $\gamma = 0{,}6$ соответствует «среднему» уровню; $\delta = 0{,}8$ соответствует уровню «выше среднего»; $\varepsilon = 1{,}0$ соответствует «высокому» уровню. Алгоритм допускает расширение перечня пороговых значений характеристик эффективности учебных занятий;

3) в случае, если анализируются только лекции, практические занятия и самостоятельная работа студентов, для работы алгоритма надо ввести количество укрупненных характеристик эффективности учебных занятий (К-характеристик), К = 3;

4) перечень значений коэффициента значимости для каждой укрупненной характеристики эффективности учебных занятий (К1, К2, … КК);

5) перечень показателей подготовленности учебного процесса, необходимых для объективной оценки уровня подготовки преподавателем учебного процесса. Оценивание данных показателей осуществляют эксперты;

6) перечень четырех пороговых значений для уровней достижения подготовленности учебного процесса, позволяющих оценить показатели на 5 уровнях: α = 0,2 соответствует «нижнему» уровню; β = 0,4 соответствует уровню «ниже среднего»; γ = 0,6 соответствует «среднему» уровню; δ = 0,8 соответствует уровню «выше среднего»; ε = 1,0 соответствует «высокому» уровню.

Шаг 2. Оценка педагогической квалификации студентами.

На этом шаге алгоритма студенты осуществляют самооценку по 10-балльной шкале. Каждая такая оценка преобразуется в характеристику эффективности учебного занятия по каждому анализируемому типу занятий (лекции, практические занятия, самостоятельная работа). При этом происходит подсчет количества студентов, которые произвели самооценку и передали данные об этом в систему. Эту переменную величину обозначим Q1. Далее система производит верификацию значения Q1: если 9 ≤ Q1 ≤ 1, т. е. самооценка принимает самые низкие или самые высокие значения, то такое значение самооценки обнуляется и в дальнейших расчетах не участвует.

Шаг 3. Оценка уровня характеристик (по типам занятий).

Далее по каждому типу учебных занятий вычисляется оценка уровня характеристик эффективности учебных занятий. На основе сравнения значения характеристики, определенной студентом, и порогового значения оценка характеристики получает условное значение: α; β; γ; δ или ε. Далее по каждому типу учебных занятий система вычисляет значение оценок по каждой характеристике по следующим формулам:

– для характеристик лекций:

$$\begin{aligned} А_л &= \alpha_{1л} + \alpha_{2л} + \alpha_{3л} + \ldots + \alpha_{Q1л} \\ В_л &= \beta_{1л} + \beta_{2л} + \beta_{3л} + \ldots + \beta_{Q1л} \\ Г_л &= \gamma_{1л} + \gamma_{2л} + \gamma_{3л} + \ldots + \gamma_{Q1л} \\ Δ_л &= \delta_{1л} + \delta_{2л} + \delta_{3л} + \ldots + \delta_{Q1л} \\ Е_л &= \varepsilon_{1л} + \varepsilon_{2л} + \varepsilon_{3л} + \ldots + \varepsilon_{Q1л} \end{aligned} \quad (1)$$

– для характеристик практических занятий:

$$\begin{aligned} А_п &= \alpha_{1п} + \alpha_{2п} + \alpha_{3п} + \ldots + \alpha_{Q1п} \\ В_п &= \beta_{1п} + \beta_{2п} + \beta_{3п} + \ldots + \beta_{Q1п} \\ Г_п &= \gamma_{1п} + \gamma_{2п} + \gamma_{3п} + \ldots + \gamma_{Q1п} \\ Δ_п &= \delta_{1п} + \delta_{2п} + \delta_{3п} + \ldots + \delta_{Q1п} \\ Е_п &= \varepsilon_{1п} + \varepsilon_{2}п + \varepsilon_{3п} + \ldots + \varepsilon_{Q1п} \end{aligned} \quad (2)$$

– для характеристик самостоятельной работы:

$$\begin{aligned} А_с &= \alpha_{1с} + \alpha_{2с} + \alpha_{3с} + \ldots + \alpha_{Q1с} \\ В_с &= \beta_{1с} + \beta_{2с} + \beta_{3с} + \ldots + \beta_{Q1с} \\ Г_с &= \gamma_{1с} + \gamma_{2с} + \gamma_{3с} + \ldots + \gamma_{Q1с} \\ Δ_с &= \delta_{1с} + \delta_{2с} + \delta_{3с} + \ldots + \delta_{Q1с} \\ Е_с &= \varepsilon_{1с} + \varepsilon_{2с} + \varepsilon_{3с} + \ldots + \varepsilon_{Q1с} \end{aligned} \quad (3)$$

Как было отмечено выше, количество оцениваемых типов учебных занятий может варьироваться в зависимости от организации учебного процесса в вузе.

Шаг 4. Определение общего значения оценок (по типам занятий).

Определяем общую оценку по каждому типу занятий (укрупненную характеристику), по лекциям ($\Sigma_л$), по практическим занятиям ($\Sigma_п$) и самостоятельной работе ($\Sigma_с$) по формулам:

$$\Sigma_л = А_л + В_л + Г_л + Д_л + Е_л; \quad (4)$$
$$\Sigma_п = А_п + В_п + Г_п + Д_п + Е_п; \quad (5)$$
$$\Sigma_с = А_с + В_с + Г_с + Д_с + Е_с. \quad (6)$$

Далее определяем предварительное среднее значение самооценки студентов по укрупненным характеристикам, в нашем случае: по лекциям ($i_л$), практическим занятиям ($i_п$) и самостоятельной работе ($i_с$), как результат деления общего значения оценок (Σ) на количество студентов *Q1*, которые произвели оценку по формулам (7, 8, 9):

$$i_л = \Sigma_л / Q1; \quad (7)$$
$$i_п = \Sigma_п / Q1; \quad (8)$$
$$i_с = \Sigma_с / Q1. \quad (9)$$

Шаг 5. Вычисление итогового среднего значения (по типам занятий).

Итоговое среднее значение самооценки студентов по укрупненным характеристикам (по лекциям ($I_л$), по практическим занятиям ($I_п$) и по самостоятельной работе ($I_с$)) вычисляем с учетом соответствующего коэффициента значимости, определенного на первом шаге алгоритма: $К_1$, $К_2$, $К_3$, по формулам (10, 11, 12):

$$I_л = i_л \bullet K_1; \quad (10)$$
$$I_п = i_п \bullet K_2; \quad (11)$$
$$I_с = i_с \bullet K_3. \quad (12)$$

Шаг 6. Нахождение индекса эффективности осуществления преподавателем учебного процесса.

На данном шаге предусмотрено нахождение индекса эффективности осуществления преподавателем учебного процесса (I_{ef}). Величина определяется как среднее квадратичное итоговых средних значений самооценки студентов по укрупненным характеристикам (типам учебных занятий). Для трех рассматриваемых типов значение I_{ef} определяется по следующей формуле:

$$I_{ef} = [(I_л^2 + I_п^2 + I_с^2) / 3]^{0,5}. \quad (13)$$

Шаг 7. Оценка педагогической квалификации экспертами.

Функциями экспертов является анализ перечня показателей подготовленности учебного процесса, в состав которого может входить следующее методическое обеспечение дисциплины: информационно-методические материалы, учебные пособия и рекомендации, пакеты учебных задач и заданий, электронные ресурсы, методики оценки и самооценки результатов обучения, а также образовательные программы и рабочие программы учебных дисциплин, модулей и практик, разработанные преподавателем. Оценки рекомендуется определять по 10-балльной шкале. Перечень оцениваемых показателей может быть расширен или изменен, в зависимости от специфики педагогической работы преподавателя.

При реализации предложенного алгоритма в системе необходимо также определить количество экспертов, выполнивших оценку и передавших в систему данные. Эту переменную величину обозначим Q2.

Каждому показателю подготовленности учебного процесса присваивают условное значение: α; β; γ; δ или ε, в зависимости от сравнения значения результата, определенного экспертом, и уровня достижения данного показателя. Затем определяют численное значение оценок по каждому показателю по следующим формулам:

$$\begin{aligned} A &= \alpha_1 + \alpha_2 + \alpha_3 + \ldots + \alpha_{Q2} \\ B &= \beta_1 + \beta_2 + \beta_3 + \ldots + \beta_{Q2} \\ \Gamma &= \gamma_1 + \gamma_2 + \gamma_3 + \ldots + \gamma_{Q2} \\ \Delta &= \delta_1 + \delta_2 + \delta_3 + \ldots + \delta_{Q2} \\ E &= \varepsilon_1 + \varepsilon_2 + \varepsilon_3 + \ldots + \varepsilon_{Q2} \end{aligned} \quad (14)$$

Таким образом, на данном шаге определяется общая количественная оценка по каждому показателю.

Шаг 8. Вычисление общего численного значения оценок показателей.

На данном шаге вычисляется общее численное значение оценок показателей по формуле:

$$\Sigma = A + B + \Gamma + \Delta + E. \quad (15)$$

Шаг 9. Нахождение индекса качества подготовки учебного процесса.

На данном шаге предусмотрено нахождение индекса качества подготовки учебного процесса (I_q). Величина индекса находится в результате деления общего численного значения на количество экспертов Q2:

$$I_q = \Sigma / Q2. \quad (16)$$

Применение представленного в статье алгоритма позволяет определить два индекса:

I_{ef} – индекс эффективности осуществления преподавателем учебного процесса и I_q – индекс качества подготовки преподавателя учебного процесса.

Эти индексы определяются студентами и экспертами в автоматическом режиме и позволяют комплексно оценивать, как результаты осуществления преподавателем учебного процесса (по результатам оценки студентов), так и качество его подготовленности (по результатам оценки экспертов).

Разработанный алгоритм получения оценки педагогической квалификации преподавателя университета может стать надежным инструментом отбора преподавателей в ходе осуществления процессов цифровой трансформации архитектурно-строительного образования. Новизна представленного алгоритма и его практическая применимость подтверждена патентом РФ на изобретение № 2653287 (Система оценки педагогической квалификации преподавателя вуза, 2016)[1].

Выводы

В статье представлено описание алгоритма, позволяющего получить комплексную оценку педагогической квалификации преподавателя университета. Разработанный алгоритм прошел опытную эксплуатацию в процессе реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлению «Строительство» и «Архитектура». Как показал опыт, представленный алгоритм достаточно легко может быть автоматизирован.

Одновременно с этим элементы разработанного алгоритма используются при подготовке к конкурсному отбору преподавателей кафедры промышленного, гражданского строительства и экспертизы недвижимости Института строительства и архитектуры Уральского федерального университета.

[1]Патент РФ № 2653287, МПК G09 B 7/00 (2018) Система оценки педагогической квалификации преподавателя вуза / Н. И. Фомин, А. П. Исаев, Л. В. Плотников, Л. В. Валуева, Е. В. Мартынова. № 2017129265; заявл. 15.08.2016; опубл. 07.05.2018. Бюл. № 13. 12 с.

Следует отметить, что универсальный характер разработанного алгоритма позволяет оценить педагогическую квалификацию преподавателя не только архитектурно-строительного профиля. В ближайшей перспективе по разработанному алгоритму в Уральском федеральном университете планируется создание облачного сервиса, который позволит автоматизировать процесс оценивания педагогической квалификации преподавателя и по его результатам осуществлять сертификацию преподавателя (Исаев и др, 2015).

Источники

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. (2022) Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы. Высшее образование в России, № 1, с. 59–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71.

Боголепова С. В., Шадрова Е. В. (2021) Компетенции лучших преподавателей: сравнительный анализ мнений студентов классического и исследовательского университетов. Педагогика и психология образования, № 3, с. 73–94. DOI: 10.31862/2500-297X-2021-3-73-94.

Бурков Е. А., Любкин П. Л., Падерно П. И. (2020) Использование системы поддержки принятия решений при составлении компетентностной модели преподавателя с помощью методологии экспертного исследования. Современное образование: содержание, технологии, качество, т. 1, с. 396–398.

Габай Т. В. (1988) Учебная деятельность и ее средства. Монография. М., МГУ, 256 с.

Гаврилова М. А. (1994) Компьютерная ориентация методической подготовки будущих учителей математики. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 180 с.

Газиева И. А., Бурашникова А. А. (2023) Компетентностный функциональный профиль преподавателя вуза: ценностный подход. Высшее образование в России, т. 32, № 3, с. 26–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47.

Дульзон А. А., Васильева О. М. (2014) Система самооценки и оценки компетенций научно-педагогических кадров. Высшее образование в России, № 5, с. 61–72.

Исаев А. П., Валуева Л. В., Мартынова Е. В., Плотников Л. В., Плотников Ю. В., Фомин Н. И.,
Черепанова Е. В. (2015) Сертификация преподавателей университета на основе оценки научно-педагогических компетенций. Екатеринбург, Издательский дом «Ажур», 106 с.

Макович Г. В. (2020) Ролевой репертуар преподавателя высшей школы в эпоху цифровизации как компонент оценки его квалификации. Современные проблемы науки и образования, № 6, DOI:10.17513/spno.30358.

Муравьева А. А., Олейникова О. Н. (2020) Компетенции преподавателей вузов: современные вызовы и смена парадигмы. Педагогика и психология образования, № 3, с. 100–115. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-3-100-115.

Настуев Е. Б. (2020) Структура профессиональной компетентности преподавателя высшей школы в обеспечении качества образования. Научное обозрение. Педагогические науки, № 3, с. 23–27.

Носкова А. В., Голоухова Д. В., Кузьмина Е. И., Галицкая Д. В. (2020) Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования. Высшее образование в России, т. 31, № 1, с. 159–168. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-1-159-168.

Парамонов И. Ф. (2021) Критерии и методы оценки профессиональной успешности преподавателя в вузе. Современное педагогическое образование, № 5, с. 147–150.

Полякова Т. Ю., Приходько В. М. (2022) Компетенции преподавателя технического вуза. Высшее образование в России, т. 31, № 7, с. 61–78. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-61-78.

Роберт И. В. (2012) Концепция создания информационно-коммуникационной предметной среды. М., ИИО РАО, 42 с.

Роберт И. В. (2019) Характеристики информационно образовательной среды и информационно образовательного пространства. Мир психологии, № 2 (98), с. 110–120.

Третьякова Н. В. (2011) Оценка качества работы преподавателя на основе методики многомерного анализа его деятельности. Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта, № 11 (81), с. 151–155.

Фомин Н. И., Миронова Л. И. (2023) Актуальные вопросы цифровой трансформации архитектурно-строительного образования для формирования отраслевого технологического суверенитета. В кн.: Современные тренды высшего образования в России. Ульяновск, Зебра, с. 551–565.

Хусаинова Г. Р. Карстина С. Г., Галиханов М. Ф. (2022) Оценка готовности преподавателей к инновационной профессионально-педагогической деятельности. Высшее образование в России, т. 31, № 7, с. 42–60. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-7-42-60.

References

Ambarova P. A., Zborovskiy G. Ye. (2022) Nauchno-pedagogicheskoye soobshchestvo v rossiyskikh vuzakh v usloviyakh osushchestvleniya programmy “Prioritet-2030”: problemy i perspektivy [Scientific and pedagogical community in Russian universities in the context of the implementation of the Priority

2030 program: problems and prospects]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, no. 1, pp. 59–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71 (In Russian).
Bogolepova S. V., Shadrova Ye. V. (2021) Kompetentsii luchshikh prepodavateley: sravnitel'nyy analiz mneniy studentov klassicheskogo i issledovatel'skogo universitetov [Competencies of the best teachers: a comparative analysis of the opinions of students at classical and research universities]. Pedagogy and Psychology of Education, no. 3, pp. 73–94. DOI: 10.31862/2500-297X-2021-3-73-94 (In Russian).
Burkov Ye. A., Lyubkin P. L., Paderno P. I. (2020) Ispolzovanie sistemy podderzhki prinyatiya reshenij pri sostavlenii kompetentnostnoj modeli prepodavatelya s pomoshh'yu metodologii ekspertnogo issledovaniya [Using a decision support system when drawing up a competency model of a teacher using expert research methodology]. Sovremennoye obrazovaniye: soderzhaniye, tekhnologii, kachestvo [Modern education: content, technology, quality]. Vol. 1, pp. 396–398 (In Russian).
Dulzon A. A., Vasilyeva O. M. (2014) Sistema samootsenki i otsenki kompetentsiy nauchno-pedagogicheskikh kadrov [System of self-assessment and assessment of competencies of scientific and pedagogical personnel]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, no. 5, pp. 61–72 (In Russian).
Fomin N. I., Mironova L. I. (2023) Aktual'nye voprosy cifrovoj transformacii arhitekturno-stroitel'nogo obrazovaniya dlya formirovaniya otraslevogo tekhnologicheskogo suvereniteta [Actual issues of digital transformation of architectural and construction education for the formation of sectoral technological sovereignty]. In: Sovremennyye trendy vysshego obrazovaniya v Rossii [Modern trends in higher education in Russia]. Ulyanovsk, Zebra Publ., pp. 551–565 (In Russian).
Gabay T. V. (1988) Uchebnaya deyatel'nost' i ee sredstva [Educational activity and its means]. Moscow, Moscow State University, 256 p. (In Russian).
Gavrilova M. A. (1994) Komp'yuternaya orientaciya metodicheskoj podgotovki budushchih uchitelej matematiki [Computer orientation of methodical training of future teachers of mathematics]. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Moscow, 180 p. (In Russian).
Gaziyeva I. A., Burashnikova A. A. (2023) Kompetentnostnyy funktsional'nyy profil' prepodavatelya vuza: tsennostnyy podkhod [Competence-based functional profile of a university teacher: a value-based approach]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, vol. 32, no. 3, pp. 26–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-26-47 (In Russian).
Isayev A. P., Valuyeva L. V., Martynova Ye. V., Plotnikov L. V., Plotnikov Yu. V., Fomin N. I., Cherepanova Ye. V. (2015) Sertifikatsiya prepodavateley universiteta na osnove otsenki nauchno-pedagogicheskikh kompetentsiy [Certification of university teachers based on the assessment of scientific and pedagogical competencies]. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, 106 p. (In Russian).
Khusainova G. R. Karstina S. G., Galikhanov M. F. (2022) Otsenka gotovnosti prepodavateley k innovatsionnoy professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti [Assessing the readiness of teachers for innovative professional teaching activities]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, vol. 31, no. 7, pp. 42–60. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-7-42-60 (In Russian).
Makovich G. V. (2020) Rolevoj repertuar prepodavatelya vysshej shkoly v epokhu cifrovizacii kak komponent ocenki ego kvalifikacii [Role repertoire of a higher school teacher in the era of digitalization as a component of assessing his qualifications]. Modern problems of science and education, no. 6, DOI:10.17513/spno.30358 (In Russian).
Muravyova A. A., Oleynikova O. N. (2020) Kompetencii prepodavatelej vuzov: sovremennyye vyzovy i smena paradigmy [Competencies of university teachers: modern challenges and paradigm shift]. Pedagogy and Psychology of Education, no. 3, pp. 100–115. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-3-100-115 (In Russian).
Nastuev E. B. (2020) Struktura professional'noj kompetentnosti prepodavatelya vysshej shkoly v obespechenii kachestva obrazovaniya [The structure of professional competence of a higher school teacher in ensuring the quality of education]. Scientific Review. Pedagogical science, no. 3, pp. 23–27 (In Russian).
Noskova A. V., Goloukhova D. V., Kuzmina E. I., Galitskaya D. V. (2020) Tsifrovyye kompetentsii prepodavateley v sisteme akademicheskogo razvitiya vysshey shkoly: opyt empiricheskogo issledovaniya [Digital competencies of teachers in the system of academic development of higher education: experience of empirical research]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, vol. 3, no. 1, pp. 159–168. DOI:10.31992/0869-3617-2022-31-1-159-168 (In Russian).
Paramonov, I.F. (2021) Kriterii i metody ocenki professional'noj uspeshnosti prepodavatelya v vuze [Criteria and methods for assessing the professional success of a teacher at a university]. Modern Pedagogical Education, no. 5, pp. 147–150 (In Russian).
Polyakova T. Yu., Prikhod'ko V. M. (2022) Kompetencii prepodavatelya texnicheskogo vuza [Competencies of a technical university teacher]. Vysshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, vol. 31, no. 7, pp. 61–78. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-61-78 (In Russian).
Robert I. V. (2012) Koncepciya sozdaniya informacionno-kommunikacionnoj predmetnoj sredy [The concept of creating an information and communication subject environment]. Moscow, Institute of Informatization of Education, 42 p. (In Russian).
Robert I. V. (2019) Kharakteristiki informacionno obrazovatel'noj sredy i informacionno obrazovatel'nogo prostranstva [Characteristics of the information educational environment and information educational space]. World of psychology, no. 2 (98), pp. 110–120 (In Russian).
Tretyakova N. V. (2011) Ocenka kachestva raboty prepodavatelya na osnove metodiki mnogomernogo analiza ego deyatel'nosti [Evaluation of the quality of the teacher's work based on the methodology of multidimensional analysis of his activities]. Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta, no. 11 (81), pp.151–155 (In Russian).

Информация об авторах

Фомин Никита Игоревич
Кандидат технических наук, доцент, зав. кафедрой промышленного, гражданского строительства и экспертизы недвижимости, директор Института строительства и архитектуры. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-7095-7161.
E-mail: ni.fomin@urfu.ru

Миронова Людмила Ивановна
Доктор педагогических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры промышленного, гражданского строительства и экспертизы недвижимости Института строительства и архитектуры. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-3675-6008.
E-mail: mirmila@mail.ru

Autor's information

Nikita I. Fomin
Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor, Head of the Department of Industrial, Civil Engineering and the property inspection, Director of the Institute of Construction and Architecture. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-7095-7161.
E-mail: ni.fomin@urfu.ru

Lyudmila I. Mironova
Dr. Sc. (Pedagogy), Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor, Professor of the Department of Industrial, Civil Engineering and the property inspection of the Institute of Construction and Architecture. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-3675-6008.
E-mail: mirmila@mail.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 № 1 2024
Педагогические науки

УДК 37.048.45: 331.548
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.14
Научная статья

М. В. Заикин[1]✉, И. Д. Белоновская[2]
✉ zaikin1403@gmail.com

[1]Оренбургское президентское кадетское училище, г. Оренбург, Российская Федерация
[2]Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Анализ и моделирование процессов профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций во взаимодействии с военным учебным центром университета

Аннотация: Проблема исследования обусловлена необходимостью совершенствования процессов профессионального самоопределения кадетов в условиях социального заказа на подготовку кадров в интересах обеспечения суверенитета страны. Цель и научные задачи состоят в раскрытии особенностей профессионального самоопределения кадетов, моделировании личностно и социально востребованных профориентационных взаимодействий кадетских организаций и военного учебного центра гражданского университета в регионе. Методологическая база представлена деятельностным, аксиологическим и контекстным подходами. Методическую и нормативную основу представляет профминимум Министерства просвещения РФ. Основные результаты исследования представлены анализом выбора вуза выпускниками кадетских училищ, в котором сочетаются военные и гражданские профессии. Определены факторы и риски профессионального выбора выпускников кадетских организаций. Моделирование выявило роли партнеров взаимодействия. Взаимодействие кадетских организаций и военного учебного центра университета обладает профориентационным потенциалом определения и расширения поля профессионального выбора кадетов, проведения профессиональных проб в области военной и оборонной отраслей, создания информационно и инновационно насыщенной квазипрофессиональной среды. Выводы фиксируют перспективы масштабирования разработанной модели, вовлеченность воспитанников кадетских организаций в активное профессиональное самоопределение, усиление роли ВУЦ как интегратора военно-профориентационных мероприятий в регионе. Статья предназначена руководителям и работникам кадетских организаций, ВУЦ при университетах, исследователям профессионального самоопределения молодежи.

Ключевые слова: воспитанник кадетского училища, профориентационное взаимодействие, военный учебный центр, университет, оборонно-промышленный комплекс.

Дата поступления статьи: 30 ноября 2023 г.

Для цитирования: Заикин М. В., Белоновская И. Д. (2024) Анализ и моделирование процессов профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций во взаимодействии с военным учебным центром университета. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 148–159. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.14

Scientific article

M. V. Zaikin[1], I. D. Belonovskaya[2]
✉ zaikin1403@gmail.com

[1]Orenburg Presidential Cadet College, Orenburg, Russian Federation
[2]Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Process analysis and modeling professional self-determination students of cadet organizations in cooperation with the military training center university

Abstract: The problem of the study is caused by the need to improve the processes of professional self-determination of cadets in the context of a social order for training in the interests of ensuring the sovereignty of the country. The

© М. В. Заикин, И. Д. Белоновская, 2024

purpose and scientific objectives are to reveal the features of professional self-determination of cadets, modeling personal and socially demanded career guidance interactions of cadet organizations, and the military training center of a civilian university in the region. The methodological base is represented by activity-based, axiological, and contextual approaches. The methodological and regulatory framework is provided by the professional forum of the Ministry of Education of the Russian Federation. The main results of the study are presented by an analysis of the choice of a university by graduates of cadet schools, which combines military and civilian professions. The factors and risks of the professional choice of graduates of cadet organizations are determined. The modeling revealed the roles of the interaction partners. The interaction of cadet organizations and the Military Training Center of the University has the career guidance potential to determine and expand the field of professional choice for cadets, conduct professional tests in the field of military and defense industries, create an information and innovation-rich quasi-professional environment. The conclusions fix the prospects for scaling the developed model, the involvement of students of cadet organizations in active professional self-determination, and the strengthening of the role of the University as an integrator of military career guidance activities in the region. The article is dedicated to the heads and employees of cadet organizations, universities, at universities, researchers of professional self-determination among youth.

Keywords: cadet school pupil, career guidance interaction, military training center, university, military-industrial complex.

Paper submitted: November 30, 2023.

For citation: Zaikin M. V., Belonovskaya I. D. (2024) Process analysis and modeling professional self-determination students of cadet organizations in cooperation with the military training center university. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 148–159. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.14.

Введение

Профессиональное самоопределение является важным жизненным этапом подрастающего поколения. Процесс выбора профессионально-образовательной траектории движения к избранной профессии включает различные этапы «… формирования отношения личности к себе как к субъекту будущей профессиональной деятельности, а также нахождение смысла выполняемого труда в конкретной социально-экономической ситуации» (Зеер, Павлова, Садовникова, 2017, с. 147). В этой связи образовательные организации Российской Федерации с 1 сентября 2023 г. реализуют обязательную Единую модель профессиональной ориентации (профминимум) Минпросвещения России, решая задачи развития экономики и укрепления технологического суверенитета Российской Федерации.

Реализация профминимума имеет специфику в кадетских организациях. Кадетские организации по своим функциям направлены на подготовку несовершеннолетних обучающихся по общеобразовательным программам в единстве с подготовкой к военной или иной государственной службе. В современных условиях вызовов обеспечения обороноспособности и суверенитета страны профессиональное самоопределение кадетов может быть значительно расширено полем специальностей оборонно-промышленного комплекса, обогащено ориентацией на освоение военной и гражданской профессии во взаимодействии с военным учебным центром федерального университета (ВУЦ) в региональном образовательном пространстве. К настоящему времени не раскрыты особенности профессионального самоопределения кадетов в сочетании военной и гражданских профессий, не раскрыт потенциал военных учебных центров гражданских вузов в данном направлении профориентационной работы, не определены направления взаимодействия с кадетскими организациями региона, что и актуализирует тематику данной статьи как проблему исследования.

Целью исследования является раскрытие профориентационного потенциала взаимодействия кадетских организаций с военным учебным центром гражданского университета для обеспечения профессионального самоопределения кадетов. В задачи статьи входит анализ особенностей профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций в сочетании военной и гражданских профессий и моделирование процесса формирования профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций во взаимодействии с военным учебным центром гражданского университета.

Методы

Методология исследования представлена сочетанием деятельностного, аксиологического и контекстного подходов как теоретико-методологического обоснования этапов ознакомления, вовлеченности, предпрофессиональной активности воспитанников кадетских организаций для прогностического результата достижения профессионального самоопределения кадетов в сочетании военной и гражданских профессий.

Деятельностный подход обеспечивает возможность изучения профессионального самоопределения как этапа активной самостоятельной педагогически поддерживаемой деятельности кадетов по ознакомлению со спектром современных профессий (Симанкова, 2015). Аксиологический подход позволяет выявить аксиологические факторы вовлеченности кадетов в выбор профессии (Кирьякова, 2023). Контекстный подход определяет способы представления кадетам специфики профессиональной деятельности в военной и оборонной отрасли в условиях взаимодействия организаций различного уровня (Вербицкий, 2018).

Методология образования в настоящее время определяет необходимость педагогического моделирования как способа прогнозирования поведения социальной системы при инновационных внедрениях (Новиков, 2007, Сериков, 2016), а также минимизации возможных рисков (Булавлева 2018, Ганаева, Матвиевская, Тавстуха, 2022).

Результаты

Анализ особенностей профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций

Реализация профминимума в условиях кадетской организации имеет определенные особенности. Они обусловлены военной направленностью учебной и внеучебной деятельности, а также организацией обучения и проживания воспитанников в условиях интерната. На продвинутом уровне профминимума превалируют аспекты учета запросов общества, согласования социальных интересов и свойств личности, собственно запросы личности как часть процесса формирования индивидуального стиля жизни (Асриев, 2021). Эти процессы являются механизмом профессионального самоопределения.

В Оренбургской области задачи подготовки подростков к военной и государственной службе в наиболее полном объеме реализуют Президентское кадетское училище и кадетская школа-интернат им. И. И. Неплюева.

Профессиональное самоопределение воспитанников кадетского училища предполагает военную направленность, что определяет систему всей жизнедеятельности кадетской организации и соответствующей профориентационной работы. В формирование военно-профессионального самоопределения кадетов включены процессы пропедевтики военной службы (Ланских, 2016), лидерства (Ермолова, 2015), предпрофессиональной подготовки (Горбунова, 2017), ценностного ориентирования (Царев, 2020), внеурочной деятельности (Кузнецова, 2021), общая образовательная политика системы кадетских организаций в регионе (Асриев, 2023).

Склонность молодежи к выбору военной службы анализируется в отечественной и зарубежной научной литературе. В последние годы этой теме посвящены глубокие исследования (Битев, 2018; Наволокин, 2023; Lennon, 2020; Österberg, Rydstedt, 2013; Vinothkumar, Subramanian 2016; Wadham, Skrzypiec, Ph. Slee, 2014). Исследователи определяют роль образовательных организаций как одного из важнейших факторов выбора военной профессии, наравне с семейными династическими традициями военной службы. В условиях кадетского образования эти факторы взаимно усиливаются, поскольку кадетские организации преимущественно принимают детей военнослужащих.

В условиях кадетской организации типа ««школа-интернат» образовательная среда, воспитывающая и развивающая среда предельно насыщены военно-ориентированной событийностью (А. Ю. Асриев).

Несмотря на общую военно-профессиональную направленность кадетской организации реалии выбора профессии кадетов шире, чем только военная служба. Исследования А. Ю. Голубева показывают, что не менее четверти выпускников кадетских организаций поступают в гражданские вузы. Так, в 2006 году из 1066 выпускников 33 самых крупных кадетских корпусов в военные вузы поступило 438 (41 %), в гражданские вузы – 425 (40 %), в средние специальные учебные заведения – 140 (13 %) (Голубев, 2008, с. 68).

Реальную ситуацию выбора будущей профессии выпускниками кадетских организаций показывают сайты на страницах самообследования. Нами проведен анализ открытых данных отчетов Президентских кадетских училищ Минобороны РФ. В настоящее время в Российской Федерации действует семь Президентских кадетских училищ Минобороны РФ (рис. 1).

Рис. 1. Президентские кадетские училища Министерства обороны Российской Федерации

Fig. 1. Presidential Cadet Schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation

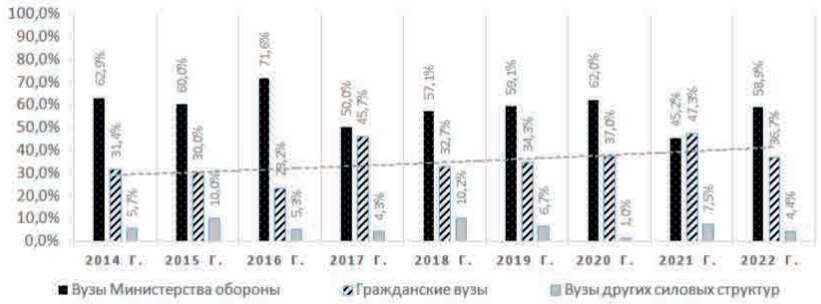

Рис. 2. Динамика поступления в вузы выпускников Оренбургского президентского кадетского училища

Fig. 1. Dynamics of enrollment in universities of graduates of the Orenburg Presidential Cadet School

Рис. 3. Динамика поступления в вузы выпускников Омского кадетского военного корпуса

Fig. 3. Dynamics of enrollment in universities by graduates of the Omsk Cadet Military Corps

Анализ поступления выпускников Оренбургского президентского кадетского училища в вузы страны показывает, что в среднем до 59 % выпускников кадетов поступают в вузы Министерства обороны, 6 % – в вузы других силовых министерств, а 35 % – в гражданские вузы (рис. 2).

В Тюменском президентском кадетском училище в 2018 году из 89 поступивших в вузы выпускников 40 кадетов стали студентами гражданских вузов (45 %), в 2019 году 41 кадет поступил в военный вуз, 44 – в другие престижные вузы страны. Аналогичная ситуация складывалась в Омском кадетском корпусе (рис. 3), Кызылском (рис. 4), Краснодарском (рис. 5), Владивостокском (рис. 6) президентских кадетских училищах.

Рис. 4. Динамика поступления в вузы выпускников Кызылского президентского кадетского училища

Fig. 4. Dynamics of enrollment in universities of graduates of the Kyzyl Presidential Cadet School

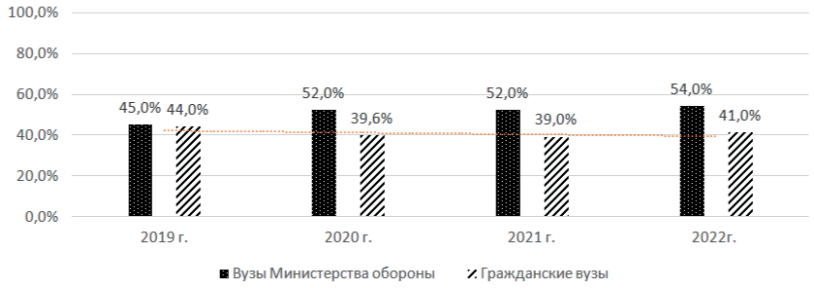

Рис. 5. Динамика поступления в вузы выпускников Краснодарского президентского кадетского училища

Fig. 5. Dynamics of enrollment in universities by graduates of the Krasnodar Presidential Cadet School

Рис. 6. Динамика поступления в вузы выпускников Владивостокского президентского кадетского училища

Fig. 6. Dynamics of enrollment in universities by graduates of the Vladivostok Presidential Cadet School

Рис. 7. Динамика поступления в вузы выпускников Севастопольского президентского кадетского училища

Fig. 7. Dynamics of enrollment in universities by graduates of the Sevastopol Presidential Cadet School

В то же время учредитель Президентских кадетских училищ в лице Министерства обороны РФ ожидает более активного профессионального самоопределения выпускников в отношении выбора военного вуза. Так, в 2022 году профессию военного выбрало 99,8 % выпускников Севастопольского президентского кадетского училища (рис. 7).

Такая задача постоянно ставится перед руководством училищ, ее решение достижимо, но насколько оно обоснованно? Нельзя не учитывать в этом вопросе исследования, проведенные А. Ю. Асриевым. Он показал, что потенциал кадетского образования значительно шире. Социальный заказ не ограничивается подготовкой кадров для военных вузов, но включает и иные значимые позиции. Приоритеты социального заказа представлены на рис. 8 (графическая интерпретация авторов данной статьи).

Подтверждением выводов А. Ю. Асриева являются результаты профессионального выбора выпускников кадетских организаций. Таким образом, достаточно сложно однозначно оценить в современной ситуации, как будут развиваться события на поле профессионального выбора кадетов, но в целом приведенные пропорции сохраняются на протяжении последних лет и могут считаться стабильными.

Модель взаимодействия кадетских организаций региона с военным учебным центром университета

Продвинутый уровень единой модели профориентации сочетает взаимодействие общеобра-

Рис. 8. Приоритеты социального заказа на подготовку воспитанников кадетского училища (по исследованию А. Ю. Асриева)

Fig. 8. Priorities of the social order for the training of cadet school students (according to the research of A. Yu. Asriev)

зовательных организаций с вузами. Вузы как субъекты профориентации наиболее обеспечены соответствующими ресурсами и заинтересованы в устойчивом профессиональном выборе обучающихся. В этой связи гражданские университеты страны развивают профориентационную работу с кадетскими организациями. Социально-экономическая ситуация развития России и «санкционный прессинг» потребовали расширения традиционного поля профессионального самоопределения кадетов в направлении военного образования в сочетании со специальностями оборонно-промышленного комплекса, где остро не хватает грамотных, творческих и оперативно мыслящих инженеров.

Новые возможности профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций нашего города создает открытие при Оренбургском государственном университете Военного учебного центра (далее – ВУЦ ОГУ). ВУЦ ОГУ обеспечивает обучение граждан Российской Федерации из числа студентов университета, осваивающих образовательные программы высшего образования (бакалавриата и специалитета) по очной форме обучения по программам военной подготовки для подготовки сержантов и солдат запаса. В перспективе планируется подготовка офицерского состава.

В задачи ВУЦ также входит воспитательная работа с молодежью и военно-профессиональная ориентация. Несмотря на обширный спектр научных и фактографических данных, большой объем глубоких теоретических и эмпирических исследований в сфере кадетского образования и профессионального самоопределения его воспитанников (Заикин, 2022), еще недостаточно полно определен потенциал взаимодействия кадетских организаций и военных учебных центров, не раскрыты направления его реализации.

Учитывая заинтересованность вузов в абитуриентах-кадетах и значительное количество кадетов, поступающих в гражданские вузы, мы исследовали возможные направления развития профориентационной работы вуза с кадетами в образовательном пространстве классических университетов. Своевременность исследования определена резко обострившейся социально-политической обстановкой, созданием в гражданских университетах военных учебных центров, повышением заинтересованности экономики в инженерных специальностях, связанных с укреплением оборонно-промышленного комплекса России.

Роль ВУЦ при гражданских вузах в настоящее время активно исследуется. Направления совершенствования деятельности ВУЦ определены главным образом в отношении студентов данного вуза (Сметанников, 2022; Куксов, 2021; Ежов 2022). Для определения причин выбора будущей профессии выпускников кадетских организаций Оренбурга, поступавших в гражданские вузы, авторами статьи были проведены исследования, в опросах участвовали 648 респондентов 10 лет выпусков (рис. 9).

Рис. 9. Результаты опросов кадетов – абитуриентов гражданских вузов (2014–2023 гг.)

Fig. 9. Results of surveys of cadet applicants to civilian universities (2014–2023)

Опросы показали, что кадеты – абитуриенты гражданских вузов в большинстве своем не были разочарованы в профессии военного (до 82 % опрошенных). Выбор гражданского вуза воспитанниками кадетского училища определен тем, что они не смогли пройти вступительные испытания в военные вузы (до 21 % опрошенных), не имеют должной физической подготовки и необходимого состояния здоровья (до 11 %). Из всей массы опрошенных 73,5 % вполне уверенно ответили, что более тяготеют к другим видам деятельности и находят у себя соответствующие способности (медицина, IT-технологии, технические науки, лингвистика и другие гуманитарные науки), в этой связи не представляют своей карьеры в военном деле. Значительная часть (42–61 %) абитуриентов осознают, что не склонны к военной профессии, поскольку она связана с жизненным риском, жесткими условиями военного быта и военной дисциплины.

Каковы бы ни были объективные и субъективные причины профессионального выбора гражданского направления подготовки, к сожалению, многие предпрофессиональные военные умения и качества, приобретенные в кадетской организации, остаются невостребованными по прямому назначению. В то же время более половины таких абитуриентов хотели бы освоить профессию военного параллельно с другой специальностью.

Открытие военного учебного центра создает такую возможность, но требует поэтапной вовлеченности будущих абитуриентов в профессионально ориентированную деятельность при взаимодействии с ВУЦ.

Традиционные сложившиеся в регионе отношения кадетских организаций и университета имели определенную зону взаимодействия согласно действующим договорам. Образовательные организации вели совместную научно-исследовательскую работу в сфере педагогических наук, в магистратуре и ФПК ОГУ повышали квалификацию педагоги и воспитатели, были организованы совместные конкурсы, лаборатории и другие виды учебной и внеучебной деятельности (Рейф, 2023). В то же время профессиональное самоопределение воспитанников в направлении гражданских специальностей ОГУ не было высокорезультативным. Воспитанники кадетских организаций не могли непосредственно самостоятельно посещать мероприятия университета, не имели свободного доступа к информационному пространству профориентации региона. Ситуация обусловлена закрытостью кадетской жизнедеятельности, локализацией событийности на территории кадетской организации. Как результат – доля абитуриентов, выбиравших гражданские профессии в ОГУ, была невелика (рис. 10).

Рис. 10. Модель отношений ОГУ и кадетских организаций региона до создания военного учебного центра ОГУ

Fig. 10. The model of relations between OSU and cadet organizations of the region before the creation of the OSU military training center

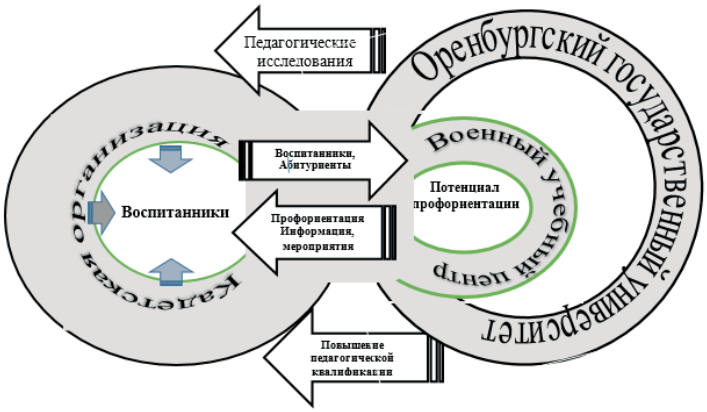

Рис. 11. Модель взаимодействия кадетской организации и военного учебного центра в формировании профессионального самоопределения воспитанников

Fig. 11. A model of interaction between a cadet organization and a military training center in the formation of professional self-determination of students

С открытием ВУЦ ОГУ ситуация становится иной (рис. 11). Взаимодействие с военным учебным центром позволит раскрыть перед кадетами возможности продолжения военного образования совместно с получением гражданской профессии. ВУЦ представляет собой «буферную зону», в которой сохраняются близкие кадетству военно-патриотические ценности, обстановка, военно-ориентированная событийность, квазипрофессиональная среда изолированных учебных корпусов.

Потенциальных абитуриентов с высоким уровнем гражданской ответственности и самодисциплины, патриотическим настроением, качественной физико-математической подготовкой привлекают для подготовки по военно-учетным специальностям через военные учебные центры при университетах и подготовки специалистов для регионального оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в сфере высокоинтеллектуальных технологий, в том числе технологий двойного назначения.

Как правило, метапредметные учебные компетенции выпускников кадетских училищ обеспечивают успешное совмещение различных образовательных направлений в вузе, получение альтернативных профессий и специальностей, освоение дополнительных профессиональных программ. Дисциплинированные и организованные, выпускники кадетских организаций обладают и явными лидерскими качествами, становятся старостами групп, студенческих строительных отрядов, участвуют в волонтерских движениях, возглавляют спортивные команды, активно вовлекают и других студентов в проектные работы, в НИРС.

Потенциал ВУЦ позволяет проводить профессиональную ориентацию в военной и оборонной отраслях по всем основным направлениям такой работы. Взаимодействие с ВУЦ ОГУ поможет кадету существенного расширить поле профессионального самоопределения.

Обширный перечень возможных совместных работ может быть существенно дополнен возможностями ВУЦ в военно-профессиональной ориентации кадетов. Особенность такого взаимодействия определяется тем, что сотрудничество кадетского училища и ВУЦ ОГУ не требует преодоления межведомственных границ и происходит в пределах одного ведомства (Министерства обороны России). Могут быть упрощены вопросы организации выезда кадетов за пределы

училища, так как ВУЦ расположен в том же городе Оренбург. Значимым является и тот факт, что военно-профессиональная ориентация является одной из функциональных задач ВУЦ.

Сотрудничество в военно-профессиональной ориентации кадетского училища с ВУЦ ОГУ обеспечено ресурсами материально-технического, учебно-методического, кадрового и информационно-практического характера. В настоящее время кадетское училище, ориентированное на программы основной школы, не обладает развитой материальной базой военно-прикладного, военно-спортивного и проектно-исследовательского направлений. Основная военно-ориентированная практика кадетов проходит с выездом в военные вузы других городов. В то время как материально-техническая база ВУЦ позволяет более глубоко и практико-ориентированно ознакомиться с будущей профессией военного, провести первые профессиональные пробы, выполненные в рамках квазипрофессиональной военной деятельности.

Так, например, урочная деятельность может быть дополнена профориентационными дискуссиями с приглашением ведущих ученых ОГУ. Внеучебная деятельность расширена военно-профессиональным консультированием со стороны преподавателей ВУЦ по вопросам совмещения обучения военным и гражданским специальностям, получения военно-учетных специальностей, перспектив карьерного роста. На мероприятии в рамках проекта «Я горжусь героями» в музее военного учебного центра ребята смогут посмотреть выставку оружия, посетить практическое занятие в интерактивном тире, принять участие в мастер-классе по сборке и разборке оружия.

Ценности гражданственности и военно-профессиональной идентичности могут стать целью цикла тематических экскурсий по музеям ВУЦ и ОГУ (тематика истории и перспектив обеспечения обороны, развития современного вооружения, история Оренбургского тыла и др.). В дополнительном образовании точками развития взаимодействия станут мероприятия военно-спортивного и исследовательского направления состязательного, проектного, игрового, событийного характера.

Востребованным является расширение поля профессионального выбора кадетов презентаций направлений, связанных с оборонно-промышленным комплексом. Современный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) России нацелен на создание научно-технического и промышленного задела перспективных образцов техники вооружения и обороны. В настоящее время ОПК развивается по типу кластера, в его структуру интегрированы не только предприятия-партнеры, но и ведущие региональные университеты. В этой связи целевое и программное взаимодействие ОПКУ с профильными кафедрами и подразделениями университета при организационном посредничестве ВУЦ является перспективным способом модернизации профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций.

В настоящее время в Оренбургском государственном университете сложились условия, отвечающие таким направлениям. Так, с 2021 г. действует Договор о сотрудничестве между Президентским кадетским училищем и университетом. Предметом договора выступают области инновационной образовательной деятельности, выявления и поддержки талантливых детей, реализации дополнительных общеобразовательных программ, развития системы ранней профессиональной ориентации обучающихся и содействия эффективному функционированию образовательного кластера «школа–вуз».

В рамках данного договора ОГУ оказывает содействие ПКУ в организации работы по предметным областям «Робототехника», «Военные переводчики», «Естествоиспытатели». Училище и университет взаимодействуют в проведении практических исследований, экспериментальных работ, измерений и опытов, проводимых в рамках деятельности по данным предметным областям, используется учебно-материальная база университета.

Инженерно-технические кафедры Аэрокосмического института ОГУ аккумулируют апробированные педагогические технологии профориентации на специальности отраслей оборонно-промышленного комплекса. К ним относятся машиностроение, авиастроение, самолетостроение, автоматизация и информатизация технологических процессов и производств.

Кроме того, ВУЦ определяет планы вовлечения воспитанников кадетских организаций в профориентационное взаимодействие с другими вузами и филиалами вузов Оренбурга и Оренбургской области, установление прочных партнерских социально ориентированных связей с предприятиями и организациями ОПК и региона.

Выводы

Особенности профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций выявил анализ данных о самообследовании президентских кадетских училищ за 2010–2022 гг. Специфика профессионального самоопределения воспитанников кадетских организаций обусловлена особенностями жизнедеятельности и событийности учебной организации «школа-интернат». Закрытость кадетских организаций определяет неоднозначность результата профессионального выбора ее воспитанников. Более 30 % выпускников выбирают гражданские профессии. Выбор гражданского вуза и специальности может соответствовать личностным предпочтениям воспитанника, но не в полной мере соответствует социальному заказу на пополнение мобилизационного резерва страны кадрами военных специалистов и специалистов оборонно-промышленного комплекса. Риски ошибки выбора профессии сочетаются с риском неоправданных потерь государственных средств, затраченных на специализированную кадетскую военно-ориентированную подготовку.

Особенности профессионального самоопределения выпускников кадетских организаций, поступающих в гражданские вузы, состоят в сформированности ценности военной службы; освоенности предпрофессиональных умений и метапредметных компетенций, востребованных в высшем образовании; неопределенной или неустойчивой мотивации продолжить военное образование; необходимости вовлеченности в систему профессиональной ориентации региона; своевременной информированности о возможностях совмещения обучения по гражданской профессии и военного образования в военных учебных центрах при университетах.

Модель профессионального самоопределения воспитанников кадетской организации во взаимодействии с военным учебным центром университета основана на методологии деятельностного, аксиологического и контекстного подходов. Методической базой моделирования является профминимум Министерства просвещения РФ в действующей редакции. Нормативной, содержательной, организационной основой модели является профориентационное взаимодействие кадетской организации с военными учебными центрами при гражданских университетах.

Результат реализации модели характеризуется определенностью выбора профессии на основе информирования, презентации и вовлеченности воспитанников в квазипрофессиональную деятельность по направлениям и специальностям высшего образования, связанным с военным и оборонно-промышленным комплексом.

Реализация модели обеспечивает соответствие профессионального выбора и социального заказа через договоры и программы взаимодействия кадетских организаций с ВУЦ с профильными кафедрами и подразделениями университета, снижаются личностные и социальные риски ошибок профессионального выбора.

Перспективы масштабирования модели определяются вовлеченностью воспитанников кадетских организаций в активное профессиональное самоопределение, усилением роли военного учебного центра как интегратора военно-профориентационных мероприятий в регионе, как инициатора и организатора согласования планов взаимодействия с другими вузами и филиалами вузов Оренбурга и Оренбургской области, установления прочных партнерских социально ориентированных связей с предприятиями и организациями ОПК и региона.

Источники

Асриев А. Ю., Чекалева Н. В. (2021) Региональные модели кадетского образования: пять идей социокультурного исследования. Письма в Эмиссия. Оффлайн, № 7, с. 2968.

Асриев А. Ю. (2023) Практика реализации современной образовательной политики в области кадетского образования в Сибири. Автореф. дис. … д-ра пед. наук : 5.8.1. Омск, 43 с.

Битев А. С. (2018) Педагогические условия формирования у обучающейся молодежи позитивного отношения к военной службе. Автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.01. Майкоп, 22 с.

Булавлева Т. В. (2018) О рисках и проблемах современной социальной педагогики. Преподаватель XXI век, № 4–1, с. 45–53.

Голубев А. Ю. (2008) К вопросу о кадетском образовании в России. Военная мысль, №. 7, с. 69–79.

Горбунова Л. Г. (2017) Предпрофессиональная подготовка кадетов к будущей деятельности в сфере с высоким уровнем риска и гражданской ответственности. Автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.01. Ярославль, 23 с.

Ежов А. В. (2022) Развитие управленческой компетентности будущих офицеров в условиях военного учебного центра гражданского вуза. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Ростов-на-Дону, 22 с.
Ермолов Е. М. (2015) Становление и развитие качеств лидера воинского коллектива у кадет и суворовцев. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Санкт-Петербург, 27 с.
Заикин М. В. (2022) Особенности предпрофессиональной подготовки воспитанников кадетских училищ (обзор диссертационных исследований 2000–2022 гг.). Вестник Оренбургского государственного университета, № 4 (236), с. 100–108.
Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Садовникова Н. О. (2004) Профориентология: Теория и практика. М., Акад. проект ; Екатеринбург, Деловая кн., 246 с.
Кирьякова А. В., Южанинова Е. Р., Мороз В. В. (2023) В. А. Сухомлинский о возрастном становлении ценностных ориентиров школьников. Логика, механизмы, технологии. Вестник Оренбургского государственного университета, № 3 (239), с. 22–28.
Кузнецова Л. А. (2021) Формирование военной идентичности кадет в условиях внеурочной деятельности. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.1. Великий Новгород, 24 с.
Куксов А. Ю. (2021) Формирование военно-профессиональной ответственности у студентов в военном учебном центре гражданского вуза. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Великий Новгород, 24 с.
Наволокин И. И. (2023) Формирование ценностного отношения к военной службе у учащихся старших классов общеобразовательного учреждения. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.1. Владикавказ, 25 с.
Психология и педагогика контекстного образования (2018). Коллективная монография. Под науч. ред. А. А. Вербицкого. – М., СПб., Нестор-История, 413 с.
Рейф М. Б. (2023) Организационно-педагогические условия успешного военно-профессионального самоопределения кадет. Современные проблемы науки и образования, № 3. https://science-education.ru/ru/article/view?id=32606.
Самохин В.Ф., Ланских Е. А. (2012) Пропедевтика военной службы в кадетских классах средних общеобразовательных школ: сущность и педагогические условия реализации. Историческая и социально-образовательная мысль, № 6, с. 120–122.
Симанкова О. С. (2015) Педагогические условия воспитания социальной компетентности кадетов : деятельностный подход. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. М., 22 с.
Сметанников А. П. (2022) Формирование военно-профессионального имиджа офицера у курсантов военного учебного центра гражданского вуза. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 5.8.7. Краснодар, 26 с.
Царёв И. Н. (2020) Формирование ценностных ориентаций воспитанников кадетского военного корпуса. Автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Великий Новгород, 24 с.
Lennon M. B. (2020) Strengthen the Nation: Exploring the Motivating Factors Leading to Irish Defence Forces Recruitment. DOI: 10.33232/jmhds.1.2.34.
Österberg, J., Rydstedt, L. W. (2013) Core values and attitudes among Swedish conscripts volunteering for international missions: An exploratory study. The Journal of Values-Based Leadership, vol. 6, iss. 2, Article 9. http://scholar.valpo.edu/jvbl/vol6/iss2/9.
Vinothkumar M., Subramanian S. (2016) Self-Efficacy, Attitude and Subjective Norms as Predictors' of Youth's Intention to Enlist in Defence Services. Journal of the Indian Academy of Applied Psychology, vol. 42, no. 2, pp. 309–318. DOI: 10.1037/t59415-000.
Wadham B., Skrzypiec G., Slee Ph. (2014) Young Australians' Attitudes to the Military and Military Service. SAGE Open. DOI: 10.1177/2158244014547197.

References

Asriev A. Yu., Chekaleva N. V. (2021) Regional'nyye modeli kadetskogo obrazovaniya: pyat' idey sotsiokul'turnogo issledovaniya [Regional models of cadet education: five ideas for sociocultural research]. The Emissia. Offline Letters, no. 7, p. 2968 (In Russian).
Asriev A. Yu. (2023) Praktika realizatsii sovremennoy obrazovatel'noy politiki v oblasti kadetskogo obrazovaniya v Sibiri [The practice of implementing modern educational policy in the field of cadet education in Siberia]. Abstr. Dis. ... Dr. Ped. Sci. Omsk, 43 p. (In Russian).
Bitev A. S. (2018) Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya u obuchayushcheysya molodezhi pozitivnogo otnosheniya k voyennoy sluzhbe [Pedagogical conditions for the formation of a positive attitude towards military service among students]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Maykop, 22 p. (In Russian).
Bulavleva T. V. (2018) O riskakh i problemakh sovremennoy sotsial'noy pedagogiki [On the risks and problems of modern social pedagogy]. Prepodavatel XXI vek, no. 4–1, pp. 45–53 (In Russian).
Ermolov E. M. (2015) Stanovleniye i razvitiye kachestv lidera voinskogo kollektiva u kadet i suvorovtsev [Formation and development of the qualities of a leader of a military team among cadets and Suvorov students]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. St. Petersburg, 27 p. (In Russian).
Ezhov A. V. (2022) Razvitiye upravlencheskoy kompetentnosti budushchikh ofitserov v usloviyakh voyennogo uchebnogo tsentra grazhdanskogo vuza [Development of management competence of future officers in the conditions of a military training center of a civilian university]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Rostov-on-Don, 22 p. (In Russian).
Golubev A. Yu. (2008) K voprosu o kadetskom obrazovanii v Rossii [On the issue of cadet education in Russia]. Military Thought, no. 7, pp. 69–79 (In Russian).
Gorbunova L. G. (2017) Predprofessional'naya podgotovka kadetov k budushchey deyatel'nosti v sfere s vysokim urovnem riska i grazhdanskoy otvetstvennosti [Pre-professional preparation of cadets for future activities in a field with a high level of risk and civil responsibility]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Yaroslavl, 23 p. (In Russian).

Kiryakova A. V., Yuzhaninova E. R., Moroz V. V. (2023) V. A. Sukhomlinskiy o vozrastnom stanovlenii tsennostnykh oriyentirov shkol'nikov. Logika, mekhanizmy, tekhnologii [V. A. Sukhomlinsky on the age-related formation of value orientations of schoolchildren. Logic, mechanisms, technology]. Vestnik of the Orenburg State University, no. 3 (239), pp. 22–28 (In Russian).

Kuznetsova L. A. (2021) Formirovaniye voyennoy identichnosti kadet v usloviyakh vneurochnoy deyatel'nosti [Formation of military identity of cadets in conditions of extracurricular activities]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Veliky Novgorod, 24 p. (In Russian).

Kuksov A. Yu. (2021) Formirovaniye voyenno-professional'noy otvetstvennosti u studentov v voyennom uchebnom tsentre grazhdanskogo vuza [Formation of military professional responsibility among students at the military training center of a civilian university]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Veliky Novgorod, 24 p. (In Russian).

Lennon M. B. (2020) Strengthen the Nation: Exploring the Motivating Factors Leading to Irish Defence Forces Recruitment. DOI: 10.33232/jmhds.1.2.34.

Navolokin I. I. (2023) Formirovaniye tsennostnogo otnosheniya k voyennoy sluzhbe u uchashchikhsya starshikh klassov obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Formation of a value attitude towards military service among high school students of a general education institution]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Vladikavkaz, 25 p. (In Russian).

Österberg, J., Rydstedt, L. W. (2013) Core values and attitudes among Swedish conscripts volunteering for international missions: An exploratory study. The Journal of Values-Based Leadership, vol. 6, iss. 2, Article 9. http://scholar.valpo.edu/jvbl/vol6/iss2/9.

Psikhologiya i pedagogika kontekstnogo obrazovaniya [Psychology and pedagogy of contextual education] (2018). Collective monograph. Under scientific ed. A. A. Verbitsky. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 413 p. (In Russian).

Reyf M. B. (2023) Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya uspeshnogo voyenno-professional'nogo samoopredeleniya kadet [Organizational and pedagogical conditions for successful military-professional self-determination of cadets]. Modern problems of science and education, no. 3. https://science-education.ru/ru/article/view?id=32606 (In Russian).

Samokhin V.F., Lanskikh E.A. (2012) Propedevtika voyennoy sluzhby v kadetskikh klassakh srednikh obshcheobrazovatel'nykh shkol: sushchnost' i pedagogicheskiye usloviya realizatsii [Propaedeutics of military service in cadet classes of secondary schools: essence and pedagogical conditions for implementation]. Historical and Socio-Educational Idea, no. 6, pp. 120–122 (In Russian).

Simankova O. S. (2015) Pedagogicheskiye usloviya vospitaniya sotsial'noy kompetentnosti kadetov : deyatel'nostnyy podkhod [Pedagogical conditions for developing social competence of cadets: an activity approach]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Moscow, 22 p. (In Russian).

Smetannikov A. P. (2022) Formirovaniye voyenno-professional'nogo imidzha ofitsera u kursantov voyennogo uchebnogo tsentra grazhdanskogo vuza [Formation of the military-professional image of an officer among cadets of a military training center of a civilian university]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Krasnodar, 26 p. (In Russian).

Tsarev I. N. (2020) Formirovaniye tsennostnykh oriyentatsiy vospitannikov kadetskogo voyennogo korpusa [Formation of value orientations of students of the cadet military corps]. Abstr. Dis. ... Cand. Ped. Sci. Veliky Novgorod, 24 p. (In Russian).

Vinothkumar M., Subramanian S. (2016) Self-Efficacy, Attitude and Subjective Norms as Predictors' of Youth's Intention to Enlist in Defence Services. Journal of the Indian Academy of Applied Psychology, vol. 42, no.2, pp. 309–318. DOI: 10.1037/t59415-000.

Wadham B., Skrzypiec G., Slee Ph. (2014) Young Australians' Attitudes to the Military and Military Service. SAGE Open. DOI: 10.1177/2158244014547197.

Zaikin M. V. (2022) Osobennosti predprofessional'noy podgotovki vospitannikov kadetskikh uchilishch (obzor dissertatsionnykh issledovaniy 2000–2022 gg.) [Features of pre-professional training of students of cadet schools (review of dissertation research 2000–2022)]. Vestnik of the Orenburg State University, no. 4 (236), pp. 100–108 (In Russian).

Zeer E. F., Pavlova A. M., Sadovnikova N. O. (2004) Proforiyentologiya: Teoriya i praktika [Career guidance: Theory and practice]. Moscow, Akad. proyekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 246 p. (In Russian).

Информация об авторах

Заикин Михаил Викторович
Педагог дополнительного образования. Оренбургское президентское кадетское училище, г. Оренбург, РФ.
E-mail: zaikin1403@gmail.com

Белоновская Изабелла Давидовна
Доктор педагогических наук, профессор. Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, РФ. ORCID ID: 0000-0003-0968-8764. E-mail: t251589@mail.ru

Autor's information

Mikhail V. Zaikin
Teacher of additional education. Orenburg Presidential Cadet College, Orenburg, Russian Federation.
E-mail: zaikin1403@gmail.com

Izabella D. Belonovskaya
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-0968-8764.
E-mail: t251589@mail.ru

УДК 376.64, 159.9
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.15
Научная статья

Н. В. Александрова[1, 2]✉, О. В. Зайцева[1], Е. С. Асмаковец[3, 4]
✉ natalie_v_al@inbox.ru

[1]Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация
[2]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация
[3]Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация
[4]Российская академия образования, г. Москва, Российская Федерация

Информационно-просветительская деятельность в области проблем детского психического здоровья среди замещающих родителей в профилактике вторичного сиротства в Омской области

Аннотация: Проблемы в состоянии психического здоровья социальных сирот встречаются чаще, чем в популяции детей, воспитывающихся в кровных семьях. Причинами этого являются генетическая отягощенность эндогенными психическими расстройствами и личностной патологией, повреждения центральной нервной системы, вызванные злоупотреблением родителями психоактивными веществами и асоциальным образом жизни, тяжелый ранний психотравмирующий опыт. Проведено исследование методом анкетирования среди замещающих родителей. В анкету были включены вопросы, выявляющие признаки психических и поведенческих расстройств у детей, представления о возможностях психиатрической помощи и отношение к ней, мнение о проводимых мероприятиях по информационно-просветительской деятельности в области проблем детского психического здоровья. Выявлено наличие проявлений психических расстройств у большей части приемных детей и недостаточное понимание болезненной природы затруднений с их сопровождением. Это расценено как один из факторов риска отказа от детей и их возврата в интернатные учреждения – вторичного сиротства. Отмечается наличие искаженных либо нереалистически преувеличенных представлений о возможностях психиатрической помощи. Выявлена высокая потребность замещающих родителей в информационном сопровождении в области проблем детского психического здоровья и их решения. Указаны такие формы проведения информационно-просветительской деятельности, как групповые обучающие мероприятия и индивидуальное клинико-психологическое консультативное сопровождение процесса воспитания приемного ребенка.

Ключевые слова: замещающие родители, приемные семьи, социальные сироты, информационно-просветительская деятельность, признаки психических расстройств, профилактика вторичного сиротства.

Дата поступления статьи: 2 мая 2023 г.

Для цитирования: Александрова Н. В., Зайцева О. В., Асмаковец Е. С. (2024) Информационно-просветительская деятельность в области проблем детского психического здоровья среди замещающих родителей в профилактике вторичного сиротства в Омской области. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 160–171. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.15.

Scientific article

N. V. Alexandrova[1, 2]✉, O. V. Zaitseva[1], E. S. Asmakovets[3, 4]
✉ natalie_v_al@inbox.ru

[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
[2]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation
[3]Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
[4]Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

Information and educational activities in the field of children's mental health problems among substitute parents in the prevention of secondary orphanages in the Omsk region

Abstract: Problems in the state of mental health of social orphans are more common than in the population of children brought up in blood families. The reasons for this are a genetic burden of endogenous mental disorders and

© Н. В. Александрова, О. В. Зайцева, Е. С. Асмаковец, 2024

personality pathology, damage to the central nervous system caused by parental abuse of psychoactive substances and an antisocial lifestyle, and a severe early traumatic experience. A study was conducted using the method of questioning among substitute parents. The questionnaire included questions that revealed signs of mental and behavioral disorders in children, ideas about the possibilities of psychiatric care and attitudes toward it. The presence of manifestations of mental illness in most of the adopted children and insufficient understanding of the painful nature of the difficulties with their accompaniment were revealed. This is regarded as one of the risk factors for the abandonment of children and their return to boarding institutions. The presence of distorted or unrealistic ideas about the possibilities of psychiatric care is noted. The high need for substitute parents for informational support in the field of children's mental health problems and their solutions was revealed. Such forms of conducting outreach activities as group training events and individual clinical and psychological consultative support for the process of raising a foster child are indicated.

Keywords: foster parents, foster families, social orphans, outreach activities, signs of mental disorders, prevention of secondary orphanhood.

Paper submitted: May 2, 2023.

For citation: Alexandrova N. V., Zaitseva O. V., Asmakovets E. S. (2024) Information and educational activities in the field of children's mental health problems among substitute parents in the prevention of secondary orphanages in the Omsk region. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 160–171. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.15.

Введение

Дети при живых биологических родителях, лишенных по разным причинам родительских прав, являются социальными сиротами. Их дальнейшее жизнеустройство может проходить путем помещения в институциональные учреждения – дома ребенка или детские дома, замещающие семьи. В отличие от детей, выпустившихся из интернатных заведений, где все для жизни предоставлялось гарантированно и бесперебойно, и не было необходимости прилагать физических и умственных усилий для поддержания быта и организации жизни, дети из замещающих семей более самостоятельны и адаптированы к отдельному проживанию. В исследованиях В. Н. Ослон выявлено наличие серьезных недостатков нахождения детей сирот в интернатных учреждениях: невозможность приспособления к требованиям реальной социальной среды, иждивенчество, нарушение формирования привязанности (Ослон, 2016). Это неизбежно приводит к расстройству последующей социальной адаптации за стенами детского дома (Дурницына, 2017, с. 94). Достоинства воспитания детей-сирот в семье, по сравнению с интернатными учреждениями, показаны во многих исследованиях (Аверьянова, Ханова, 2013; Воликова, 2013; Данилина, Перевощикова, 2013; Ослон, 2006; Филькина и др., 2013). Дети усваивают нормы семейной жизни, находясь в атмосфере взаимной заботы и любви, запечатлевают образцы здоровых социальных ценностей, получают представления о планировании жизненного пути, учатся распоряжаться деньгами и планировать бюджет, готовить еду, ухаживать за одеждой и жильем.

Проблема социального сиротства является актуальной для Омского региона, поскольку, по данным Министерства образования Омской области, общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 1 января 2023 года составляет 5953 человека. Доля детей-сирот в общем количестве детского населения региона составила на этот период 1,45 %.

В 2022 году на территории Омской области органами опеки и попечительства было выявлено и учтено 839 детей-сирот. Из числа выявленных 801 ребенок-сирота устроен на семейные формы воспитания (опека, попечительство, приемная семья, возврат в кровную семью, усыновление) и 38 детей-сирот помещены в интернатные учреждения. На протяжении последних лет в Омской области зафиксирована положительная динамика уменьшения количества ежегодно выявляемых детей-сирот. В 2022 году наблюдается положительная динамика снижения количества выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, (839 детей), по сравнению с аналогичным периодом 2021 года на 3,1 % (865 детей).

Возможность воспитываться в замещающей семье помогает ребенку сформировать положительный образ родителей, принять свою роль сына или дочери, брата и сестры, научиться строить взаимоотношения с близкими, освоить нормы ответственной семейной жизни, которые он может впоследствии перенести в свою семью, осознать и научиться выполнять обязанности, распоряжаться средствами, организовывать быт.

Благоприятная для развития социального сироты роль замещающей семьи несомненна (Филькина и др., 2017).

Сегодня, по данным Министерства образования Омской области, в регионе в замещающих семьях воспитывается 89,7 % детей-сирот. Под опекой (попечительством) – 3770, в приемных семьях – 1570. На 1 января 2022 года на территории Омской области действовало 512 приемных семей. В органах опеки и попечительства Омской области состоит на учете 1121 усыновленный ребенок.

Однако далеко не всегда приемный ребенок входит в семью благополучно. Это является не только следствием укоренившихся за время пребывания в неблагополучной родной семье или детском доме привычек и образцов поведения, но и проблемами развития, соматическими и психическими заболеваниями детей-сирот. Многочисленными исследованиями установлено, что многие дети-сироты имеют различные варианты психического дизонтогенеза, психические и поведенческие расстройства (Аверьянова, Ханова, 2013; Бодагова, 2020; Говорин и др., 2009; Егорова, 2015; Иовчук, 2009; Седова и др., 2017; Сулимова, Уласень, 2019). Если ребенок принят в приемную семью в раннем возрасте, то проявления психических нарушений разворачиваются с его взрослением (Кочерова и др., 2018, с. 35; Кочерова и др., 2019, с. 828).

По данным исследований (Бобров и др., 2017; Бодагова, 2020; Плаксина, 2009), структура психических нарушений у приемных детей может складываться из сочетания депривационной составляющей и ранней психотравматизации с другими видами психопатологии. Ведь ребенок был лишен матери, часто был жертвой жестокого обращения или пренебрежения его нуждами либо воспитывался бесконтрольно и безнадзорно до времени помещения в интернатное учреждение или замещающую семью. Так, в процессе консультирования авторами приемных детей нами был выявлен психотравмирующий опыт, полученный ребенком 3 лет от кровной матери. Она избила мальчика, вбила в его анальное отверстие штык от лопаты, бросила на пол и сверху поставила диван. Ребенок находился несколько месяцев в отделениях реанимации и хирургии, позднее перенес несколько реконструктивных операций. Другую девочку 9 лет кровная мать вовлекала в групповые сексуальные оргии. Больше половины приемных детей не получали достаточного даже по калорийности, не говоря уже о биологической ценности, питания. Они долгое время, уже питаясь досыта в замещающих семьях, брали еду и прятали ее в вещах и под подушкой.

У детей-сирот высока распространенность органических психических расстройств с нарушениями психического развития, генетика отягощена алкогольной и наркотической зависимостью, эндогенными заболеваниями и личностными расстройствами. Распространенность таких нарушений у родителей социальных сирот намного выше, чем в популяции в целом (Бобров и др., 2017, с. 36; Ветошкина, 2015, с. 22).

В исследованиях Н. М. Иовчук, О. Б. Савиной и П. Л. Егоровой раскрыты особенности психических расстройств детей-сирот и их нозологическая структура (Иовчук, 2009; Савина, 2016; Егорова, 2015). Так, описан специфический «синдром сиротства», который вызван последствиями депривации и проявляется эмоциональной дефицитарностью, речевым недоразвитием вследствие недостаточности социальных контактов, двигательной неловкостью, астенизацией, нарушениями пищевого поведения, недостаточностью коммуникативных функций с пассивностью и подчиняемостью. Дополняют и расширяют эти данные работы авторов, изучавших особенности соматического и психического состояния детей-сирот и эпидемиологические аспекты их психических расстройств (Бодагова, 2020; Говорин и др., 2009; Седова и др., 2017; Филькина и др., 2017). В структуре проблем эмоциональной сферы детей указанной категории преобладает тревожность (Ветошкина, 2015, с. 20; Воликова, 2013, с. 50а).

В работе Т. В. Уласень проведена комплексная оценка влияния психического здоровья на адаптационные возможности воспитанников социозащитных учреждений (Уласень, 2020, с. 20). Наличие нарушений интеллектуального развития, эмоциональных и поведенческих расстройств приводило к более выраженной социальной дезадаптации. В исследованиях А. А. Агаркова с соавторами установлено, что наличие психической патологии повышало уязвимость детей указанной категории при встречах с требованиями общества (Агарков и др., 2012, с. 43).

Дети – социальные сироты имеют большее количество причин психических расстройств, по сравнению с детской популяцией в целом. Это и неблагоприятная наследственная отягощенность психическими расстройствами, большая вероятность органического повреждения мозга в силу асоциального образа жизни биологических родителей, социально-психологические причины, такие как раннее запечатление негативных паттернов поведения, которые произошли до изъятия ребенка из семьи. Развившиеся поведенческие и психические расстройства в разной степени могут быть скомпенсированы лечением у детского психиатра: амбулаторно или стационарно. Но особенности симптоматики нарушений детского психического здоровья несведущими людьми часто воспринимаются не как проявления болезни, а как избалованность, лень, невоспитанность, неблагодарность.

По данным БУ ОО «Центр поддержки семьи», оказывающего помощь и сопровождение замещающим семьям Омска и Омской области, 0,62 % приемных родителей имеют высшее образование, 13,6 % приемных родителей имеют среднее специальное образование и 80,1 % приемных родителей имеют только полное среднее образование. На наш взгляд, недостаточный уровень воспитательных компетенций и образования замещающих родителей может приводить к применению неэффективных методов воспитания приемных детей, усугублению кризисных и конфликтных ситуаций в семье, эмоциональному выгоранию замещающих родителей и вторичному сиротству. Не многие замещающие родители компетентны в базовых основах детской психологии и педагогики, зачастую сводя процесс воспитания детей и свои представления о нем только к необходимости удовлетворения физиологических потребностей детей: накормить и одеть, присмотреть и защитить от опасности. Кроме того, треть действующих приемных семей представлены только матерями, они воспитывают детей-сирот в одиночку, не имея поддержки партнера, что повышает психологическую нагрузку этого процесса.

Психическое нездоровье приемных детей очень часто представляет значительные трудности для специалистов образовательных учреждений, которые не справляются с ними психолого-педагогическими методами, эффективными в работе с психически здоровыми детьми. Поэтому часто именно педагоги школ или дошкольных образовательных учреждений первыми видят необходимость сопровождения таких обучающихся еще и специалистами психиатрического профиля. Но, несмотря на рекомендации замещающим родителям обратиться за медицинской помощью, это происходит не сразу, нередко только в случае глубокой декомпенсации состояния, когда возможности нормализовать психику или улучшить ее деятельность оказываются упущенными. Приемные родители не справлялись с воспитанием. В ряде случаев психические или поведенческие расстройства проявлялись физической агрессией, сексуальными перверсиями и даже насилием к другим детям или самим родителям. Такие проявления расценивались как глубокая неблагодарность, вызывали обиду и страх, в том числе за жизнь и здоровье как других детей, так и самих взрослых, имеющиеся возможности контроля были неэффективными.

Поэтому нередки случаи, когда психическое расстройство детей являлось причиной их возврата из замещающей семьи обратно в интернатное учреждение – вторичное сиротство. Это явление приводит к грубым расстройствам эмоционального и нравственного развития ребенка, повышает в последующей жизни риски социальной дезадаптации и делинквентных форм поведения.

Замещающие родители, которые принимают ребенка – социального сироту, должны понимать природу трудностей в его воспитании, которые вызваны сочетаниями последствий депривации, ранним запечатлением им асоциальных образцов поведения, а также генетически и органически сформированной психической патологии. Поскольку известны факторы риска задержки психического развития, эмоциональных и поведенческих расстройств у детей раннего возраста, воспитывающихся в замещающей семье (Кочерова и др., 2018, с. 39; Кочерова и др., 2019, с. 829), важны их своевременные диагностика и лечение детскими психиатрами.

Недостаточное понимание замещающими родителями природы нарушений психических функций у детей-сирот, а также недостаточность педагогических и воспитательных компетенций в ряде случаев являются причиной возврата детей в сиротские учреждения, представ-

ляющего социальный феномен отказа от детей усыновителей, опекунов, приемных родителей и патронатных воспитателей, и влекущего нравственную и психическую деградацию ребенка. Это явление деструктивно влияет на детей, еще более нарушая их последующую социализацию. В связи с чем считаем актуальным информирование и просвещение замещающих родителей в вопросах детского психического здоровья, применения эффективных средств и техник взаимодействия с детьми.

Это подтверждает статистика увеличения количества отказов от воспитания детей-сирот в Омской области: в 2021 году замещающие родители отказались от 142 детей, из них помещены в интернатные учреждения 44, в 2022 году – от 165, в детские дома возвращены 82 ребенка, основными причинами отказа от детей стали заболевание/смерть опекуна (попечителя), приемного родителя; заболевание ребенка (психическое), конфликтные взаимоотношения с ребенком, отсутствие необходимых родительских компетенций.

В исследованиях семей с родственной опекой показано, что у замещающих родителей (так же, как и у принимаемого ребенка-сироты) имеется психотравмирующий опыт (Ослон, 2016, с. 125–127). Многие из них пережили смерть, исчезновение близкого члена семьи, лишение и ограничение родительских прав вследствие тяжелой химической зависимости и невозможности воспитывать детей.

Мотивы установления опеки над ребенком чаще всего связаны у них с «жалостью и состраданием к детям, оставшимся без родительской заботы», чувством долга перед родственниками. Их прием нередко носит вынужденный характер. Сами опекуны (попечители) чувствуют себя жертвой трагических обстоятельств своей семьи. Для них характерен крайне высокий уровень неудовлетворенности в основных сферах жизнедеятельности (семья, личная жизнь, карьера, досуг и т. д.), значительно (в 6 раз) превышающий данный показатель у опекунов неродственной опеки и приемных родителей. Это подтверждает изучение в течение последних трех лет состава кандидатов в замещающие родители, прошедших подготовку по программе «Школа приемного родителя» БУ ОО «Центр поддержки семьи»: граждан, желающих усыновить, – от 36 до 42 % и граждан, принимающих под опеку своих родственников, – от 58 до 64 % от общего числа слушателей.

Данные о высокой частоте психических расстройств у социальных сирот, трудности воспитания таких детей наряду с недостаточным пониманием замещающими родителями высокого удельного веса их клинической природы, известные из нашей консультативной практики, и вытекающие отсюда риски вторичного сиротства обосновали актуальность нашего исследования.

Методы

Нами (Александрова, Асмаковец, Зайцева, 2021, с. 61–65) было проведено исследование методом анкетирования среди замещающих родителей Омска и Омской области. Было опрошено 112 родителей в возрасте от 32 до 60 лет со стажем воспитания приемных детей от 2 до 30 лет.

Вопросы касались выявления проблем психического здоровья у приемных детей, понимания сущности имеющихся нарушений, ожиданий и опыта от обращения за детской психиатрической помощью, получения обратной связи от проводимых среди замещающих родителей информационно-просветительских мероприятий в этой сфере. Анкетирование проводилось на групповых мероприятиях с участием замещающих семей.

Результаты

К серьезным проблемам, с которыми столкнулись замещающие родители при воспитании приемных детей, они отнесли: агрессию (74 %), проявлявшуюся в драках с другими детьми в семье, непослушание (68 %), приводившее к эмоциональному напряжению в отношениях с замещающими родителями, онанизм (89 %), который у большинства из них проявлялся открыто и беззастенчиво, воровство в семье и у посторонних людей (35 %), противоправное поведение (24 %), нежелание учиться (89 %), сложности в освоении программы обучения (69 %), прогулы школы (62 %), проблемы в общении со сверстниками (38 %).

Достаточно специфичны проявления поведенческих расстройств, которые часто причудливо сочетались с нарушениями интеллектуального развития. Такие формы не встречались в многолетней практике нашего психологического и психиатрического консультирования.

Так, четверо детей, которых забрали из одной семьи, в период адаптации зубами отгрызли соединения у кроватей между ярусами. Объяснить причины этого поступка они не смогли. В другой семье 14-летний подросток забирал подгузники, предназначенные для младших детей, испражнялся в них, фотографировал содержимое и размещал в соцсетях. Другой подросток воровал и выбрасывал в окно нижнее белье девочек. Более половины всех приемных детей занимались онанизмом, возраст самых маленьких с этим извращением составлял 3 года. Дети среднего школьного возраста изображали сексуальные действия и записывали их на видео.

У многих проявлялась физическая агрессия к более младшим и кровным детям замещающих родителей. У части проявлялась лживость, оговоры приемных родителей. Также распространены были уходы из дома, бродяжничество в течение того времени, пока их не находила полиция.

Многие родители отмечали инфантилизм, незрелость мышления относительно возрастных норм. Так, девочка-подросток, позавидовав подаркам от «зубной феи», которые покупали детям с менявшимися молочными зубами, собственноручно разрезала, расшатала и удалила себе постоянный зуб, что сопровождалось сильным кровотечением. У подавляющего большинства отмечались волевые нарушения разной степени выраженности. Распространенными были лень, нежелание готовить домашние задания, посещать школьные и дополнительные занятия, отказы заниматься даже самообслуживанием, не говоря об обязанностях по дому.

Причинами этого замещающие родители считали: индивидуальные особенности (22 %), последствия запечатления девиантных образцов поведения в кровной семье или интернатном учреждении (15 %), наследственность (15 %), лень, нежелание учиться, соблюдать нормы и требования, неблагодарность (20 %); психическое расстройство (28 %).

Ожидания от обращения к психиатру были следующими: что ребенок после лечения полностью будет соответствовать нормам – возрастным и социальным (76 %); будет проведена психокоррекция и психотерапия, которые полностью и быстро изменят ребенка (68 %); уменьшится выраженность проблем (38 %); будут назначены препараты, которые помогут в исправлении проблемного состояния (76 %); предложена психологическая помощь наряду с медикаментозным лечением (87 %); госпитализация, которая поможет отдохнуть от проблемного ребенка (25 %).

Впечатление и результат от взаимодействия с учреждением психиатрической помощи: разочарование – ожидали, что ребенок кардинально нормализуется, но этого не произошло (48 %); недовольство, потому что предлагали только медикаментозное лечение, а были ожидания реконструктивной психолого-психотерапевтической работы (55 %); кратковременное улучшение состояния, а были ожидания полного избавления от проблем за однократный курс (45 %); выраженное улучшение проблемного состояния (12 %).

Отмечено более реалистичное отношение к психиатрии у замещающих родителей со стажем более 8 лет. Многие из них (85 %) обращались за психиатрической помощью при проявлениях агрессии или эмоциональных нарушениях, принимали необходимость длительного медикаментозного лечения, не проявляли завышенных ожиданий от психологических и психотерапевтических методов. Следует отметить, что практически все они с приемными детьми, в отличие от кровных, без колебаний обращались за консультативно-диагностической помощью в государственные психиатрические лечебные учреждения. С кровными же детьми при наличии проявлений проблем обращение следовало через более долгий промежуток неблагополучия, часто первичное обращение было в коммерческие клиники из-за отсутствия там системы учета.

Анализ опроса кандидатов по результатам прохождения «Школы приемного родителя» показывает, что более половины кандидатов (58 %) имеют поверхностные знания в вопросах детской психологии и педагогики и завышенные представления о своих воспитательных компетенциях. Также большинство опрошенных не имеют объективных представлений о «трудностях» развития, поведения детей и не готовы к принятию и воспитанию детей, имеющих особенности

здоровья. Решение или смягчение возникающих проблем возможно при их идентификации как патологических, своевременном выявлении и длительном лечении с соблюдением семейного комплекса детскими психиатрами.

Все опрошенные посещали просветительские мероприятия, проводившиеся в групповом варианте. На них в популярной форме излагались проявления психических и поведенческих расстройств, личностной патологии, нарушений развития, общие принципы диагностики и лечения в детской психиатрии. Раскрывались основы закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и правах граждан при ее оказании». После посещения образовательных мероприятий большинство замещающих родителей (75 %) отметили, что появилось объяснение некоторых непонятных ранее вопросов, связанных с трудностями воспитания и развития ребенка, и сформировалось представление о возможности решения проблем посредством обращения за психиатрической помощью, которые считали нерешаемыми (88 %).

Как предпочтительные были указаны такие формы получения знаний о детских психических расстройствах: выступления врачей-психиатров популярного характера в рамках собраний замещающих родителей (95 %); образовательные семинары, курсы (67 %); информация от специалиста в рамках индивидуального очного консультирования вне психиатрической больницы (38 %); официальная консультация психиатра психиатрической больницы (58 %).

Востребована информация следующего содержания: сведения о возможности немедикаментозной помощи – психологической и психотерапевтической (86 %); причины и проявления психических расстройств (89 %); сведения о возможностях медикаментозной помощи, ее побочных эффектах (78 %); сведения о лечении конкретных проблем, заболеваний, нарушений адаптации детей (85 %); основы психиатрического законодательства (48 %).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования показали, что проявления психических расстройств имеются у большинства приемных детей.

Поведенческие и эмоционально-волевые нарушения чаще расцениваются замещающими родителями как неуважение и неблагодарность, последствия пребывания в асоциальных биологических семьях, произвольно совершаемые приемными детьми неблаговидные действия, баловство. Это вызывает выраженное психологическое напряжение в семье, провоцирует конфликты, в которые вовлекаются супруги и кровные дети.

Выраженные трудности в воспитании вызывают также и интеллектуальные нарушения. Причем более выраженные проявления умственной отсталости идентифицируются сопровождающими детей специалистами достаточно рано, такие дети в большинстве случаев обучаются в адаптивных образовательных учреждениях, и замещающие родители принимают этот факт как объективную проблему. При менее выраженных нарушениях познавательных функций проблемы обучения расцениваются также как лень и недобросовестность, приводя к ошибкам в сопровождении обучения детей в школе.

Лишь часть замещающих родителей (в основном у них длительный, более 10 лет, стаж родительства и большое количество – от пяти – приемных детей, воспитанных за эти годы) воспринимают нарушения психических функций приемных детей как заболевание и обращаются за помощью к детским психиатрам. Причем эти люди обычно понимают ограничения, связанные с наблюдением и лечением детей у психиатра, но объективно оценивают угрозы для развития детей без соответствующего лечения.

Практически все родители настороженно относятся к медикаментозному лечению в психиатрии. Те из них, кто обращался с детьми в клинику, не удовлетворены частичным уменьшением выраженности болезненных проявлений или недолгим улучшением.

Половина опрошенных показала нереалистические представления о возможностях психологической помощи, сформированные, по-видимому, кинематографом и популярными изданиями. Эти родители считали, что особым образом организованное общение с психологом или психо-

терапевтом способно за короткое время полностью изменить ребенка в желаемую ими сторону, отвергая тот факт, что измениться в первую очередь необходимо самим родителям. Например, характер обращений замещающих семей за психологической помощью в бюджетное учреждение Омской области «Центр поддержки семьи» показывает, что родители обращаются за решением проблем, связанных с конфликтными взаимоотношениями в семье, «неправильным» поведением ребенка, отставанием в развитии, ненормативным течением возрастных кризисов, трудностями освоения учебной программы и низкой учебной мотивацией, а также сложностями адаптационного периода. Все обращения поступают к специалистам Центра не при «первых звоночках» и проявлениях, а в состоянии, как правило, запущенной проблемы, высокой степени эмоционального выгорания родителя и желания отказаться от воспитания ребенка, что чревато высокой степенью риска вторичного сиротства.

Так, например, в марте 2022 года в Центр к психологам обратилась удочеритель Елена с девочкой 12 лет, с жалобами на крайнюю ситуацию в семье, связанную с поведением подростка и стойким желанием отказаться от ребенка. Елена без супруга воспитывает в семье дочь с 3 месяцев. Еще в дошкольном детстве мать обратила внимание на проблемы в поведении ребенка, связанные с эмоциональной холодностью и равнодушием ребенка (девочка могла жестоко обращаться с животными, сверстниками), трудностями воспитательного воздействия на дочь (методы как поощрения, так и наказания за проступки или не работали, или имели краткосрочный эффект), несоблюдением культурно-гигиенических навыков ребенка. В младшем школьном возрасте появились проблемы в поведении, связанные с разрушительным характером поведения девочки и «маниакальной» порчей вещей в квартире (раскручивались и разбирались все технические средства, ломались и портились предметы мебели), нарушением пищевого поведения (девочка прятала еду или остатки еды в шкаф с бельем – «чтобы не мыть»). В 12 лет поведение ребенка приобрело все более деструктивные формы, у девочки появилось влечение к огню, поджиганию в квартире различных вещей. Закрывание на замок комнаты и ценных вещей, по словам матери, ни к чему не приводит, девочка находит способы проникнуть в запертое пространство. За это время за помощью к психологам и врачам удочеритель Елена не обращалась, надеясь на разрешение проблем самостоятельно со временем по мере взросления ребенка. Психологом рекомендованы консультация врача-психиатра по месту жительства и комплексное психиатрическое обследование в стационаре.

Почти все опрошенные замещающие родители считают нужным информирование их в области проблем детского психического здоровья: симптомы заболеваний, их прогноз, особенности взаимодействия с больным ребенком, ожидания в ограничениях социализации и получении образования, особенности правового сопровождения психиатрической помощи.

В настоящее время накоплен достаточный опыт медико-социального сопровождения детей из замещающих семей. Существующая система подготовки граждан, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, в соответствии с Приказом № 235 от 13.03.2015 Министерства образования и науки РФ строго регламентирует содержание и порядок подготовки, и наряду со многими необходимыми знаниями не предусматривает просвещения в области детской психиатрии. В программу подготовки входят такие разделы, как проблемы подбора семьи и ребенка, особенности развития ребенка, жестокое обращение с ребенком и его последствия для развития ребенка, причины и формы нарушенного развития у детей. Виды образовательных учреждений для детей с ОВЗ, особенности развития ребенка, оставшегося без попечения родителей, представление о семье как о развивающей системе, роль семьи в обеспечении потребностей развития ребенка, адаптация ребенка в приемной семье, трудное поведение приемного ребенка, навыки управления «трудным» поведением ребенка, обеспечение безопасной среды для ребенка, охрана здоровья ребенка, особенности полового воспитания приемного ребенка, родительские и профессиональные роли приемной семьи и ее дальнейшее взаимодействие с другими организациями, предоставляющими услуги детям и семьям,

основы законодательства Российской Федерации об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан (Забелина, Алюшина, 2018; Плакухта, 2019, с. 131).

Соответственно, обоснованным, на наш взгляд, является проведение информационно-просветительской деятельности в области проблем детского психического здоровья в разные периоды функционирования приемной семьи.

Выводы

Представления о проблемах детского психического здоровья у замещающих родителей являются по большей части неверными. Большинство из них склонны психологизировать проблемы поведенческой, эмоциональной и познавательной сфер приемных детей. Обращению к специалистам в области детской психиатрии часто препятствовала стигматизация этой отрасли медицины, необоснованные опасения, что это отрицательно скажется на дальнейшей судьбе ребенка. У большинства приемных родителей отмечаются идеализированные представления о методах психиатрии, ожидания преимущественно психотерапевтических методов лечения и серьезные опасения психофармакологических вмешательств. Отсутствие своевременного обращения из-за этих заблуждений усугубляло проявления психического нездоровья и связанные с этим воспитательные трудности, повышая риски возврата детей в интернатное заведение с сопутствующими неблагоприятными последствиями вторичного сиротства.

Таким образом, информационно-просветительская деятельность в области проблем детского психического здоровья и способов их решения средствами детской психиатрии среди замещающих родителей на разных этапах функционирования семьи – от подготовки до консультативного сопровождения в процессе воспитания – позволяет сформировать адекватное понимание трудностей воспитания приемного ребенка с клинических позиций. Такую работу следует осуществлять как в групповых формах обучения: на занятиях «Школы приемного родителя», семинарах и форумах замещающих семей, мероприятиях Российского детского фонда, учреждений министерств просвещения и труда и социального развития, так и в консультативном формате в процессе сопровождения конкретных замещающих семей при возникающих трудностях воспитания приемного ребенка.

Источники

Аверьянова Н. И., Ханова Н. А. (2013) Особенности социализации, нервно-психического развития, личностного психологического статуса и школьной успеваемости подростков, воспитывающихся в разных условиях. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, № 6. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsializatsii-nervno-psihicheskogo-razvitiya-lichnostnogo-psihologicheskogo-statusa-i-shkolnoy-uspevaemosti-podrostkov.

Агарков А. А., Полежаев П. К., Елисеев А. В., Рахмазова Л. Д., Скороходова Т. Ф., Погорелова Т. В. (2012) Особенности адаптации детей-сирот с психическими нарушениями. Сибирский вестник психиатрии и наркологии, № 2 (71), с. 41–45.

Александрова Н. В., Асмаковец Е. С., Зайцева О. В. (2021) Просвещение замещающих родителей в области детской психиатрии: помощь в воспитании и профилактика вторичного сиротства. Вопросы психического здоровья детей и подростков, т. 21, № 4, с. 59–66.

Бобров А. Е., Уласень Т. В., Сулимова Н. В., Нивеницын Э. Л. (2017) Психиатрические аспекты сиротства с позиций биопсихосоциальной концепции. Вопросы психического здоровья детей и подростков, т. 17, № 1, с. 36–41.

Бодагова Е. А. (2020) Анализ психического здоровья детей, оставшихся без попечения родителей. Вопросы психического здоровья детей и подростков, т. 20, № 2, с. 71–76.

Бодагова Е. А. (2020) Распространенность психических и аддиктивных расстройств среди детей, оставшихся без попечения родителей. Современные проблемы науки и образования, № 6, с. 122.

Ветошкина С. А. (2015) Особенности эмоциональной сферы у детей-сирот. Современная зарубежная психология, т. 4, № 1, с. 15–25.

Воликова С. В. (2013) Социальная тревожность детей-сирот. Психиатрия, № 4 (60), с. 50а.

Говорин Н. В., Злова Т. П., Ахметова В. В., Власова А. А., Шаляпина Н. В. (2009) Эпидемиологические и клинические аспекты психического здоровья детей-сирот. Доктор.Ру, № 4 (48), с. 49–52.

Данилина Н. К., Перевощикова Н. К. (2012) Приемная семья – альтернатива социальному сиротству. Мать и Дитя в Кузбассе, № 4. https://cyberleninka.ru/article/n/priemnaya-semya-alternativa-sotsialnomu-sirotstvu.

Дурницына М. Д. (2017) Проблемы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Актуальные проблемы социогуманитарного образования. Сборник статей. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, с. 92–97.
Егорова П. Л. (2015) Состояние психического здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Психическое здоровье, т. 13, № 8 (111), с. 59–63.
Забелина Н. В., Алюшина Д. С. (2018) Технология социального сопровождения в практике социальной работы с приемной семьей. Коллекция гуманитарных исследований, № 2 (11). https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-sotsialnogo-soprovozhdeniya-v-praktike-sotsialnoy-raboty-s-priemnoy-semiey.
Иовчук Н. М. (2009) Особенности психических расстройств и их прогноз у детей-сирот в интернатном учреждении и замещающей семье. Вопросы психического здоровья детей и подростков, т. 9, № 2, с. 6–13.
Кочерова О. Ю., Антышева Е. Н., Чубаровский В. В., Филькина О. М. (2019) Факторы риска сохранения задержки нервно-психического развития у детей раннего возраста в первый год воспитания в замещающей семье. Анализ риска здоровью, № 2, с. 33–40.
Кочерова О. Ю., Антышева Е. Н., Чубаровский В. В., Филькина О. М., Воробьева Е. А., Долотова Н. В. (2019) Факторы риска и прогнозирование эмоциональных расстройств и расстройств поведения у детей раннего возраста, воспитывающихся в замещающих семьях. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, т. 27, № 5, с. 827–830.
Кремнева Л. Ф., Проселкова М. О., Козловская Г. В., Иванов М. В. (2017) К вопросу об этиологии синдрома сиротства. Социальная и клиническая психиатрия, № 1. https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etiologii-sindroma-sirotstva.
Ослон В. Н. (2006) Жизнеустройство детей-сирот – профессиональная замещающая семья. М., Генезис, 368 с.
Ослон В. Н. (2016) Модельные программы сопровождения семей, принявших на воспитание детей с ОВЗ, подросткового возраста, сиблингов. Методическое пособие. Министерство образования и науки РФ, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской Академии образования». Москва, с. 125–127.
Плаксин В. А., Плаксина Н. Ю. (2009) Сиротство детей в России как комплексная медико-социальная проблема. Обзор литературы. Экология человека, № 5, с. 9–15.
Плахута О. Г. (2019) Теоретико-методологический анализ программ подготовки к замещающей семейной заботе. Человеческий капитал, № 1 (121), с. 128–133.
Савина О. Б. (2016) Особенности психических расстройств у детей-сирот. Вопросы медицинской реабилитации при оказании психиатрической помощи. Сборник научных трудов. Иваново, Ивановская государственная медицинская академия, с. 107–111.
Седова А. А., Брюнеткин В. Ю., Апенченко Ю. С., Зиньковский Т. А., Костюкова Т. Л., Николаева Т. О. (2017) Специфика соматического и психического здоровья воспитанников социального приюта. Современные проблемы науки и образования, № 5, с. 59.
Сулимова Н. В., Уласень Т. В. (2019) Результаты общеклинического обследования воспитанников социозащитных учреждений. Смоленский медицинский альманах, № 3. https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-obscheklinicheskogo-obsledovaniya-vospitannikov-sotsiozaschitnyh-uchrezhdeniy.
Уласень Т. В. (2020) Комплексная оценка влияния психического здоровья на адаптационные возможности воспитанников социозащитных учреждений. Вопросы психического здоровья детей и подростков, т. 20, № 1, с. 13–23.
Филькина О. М., Кочерова О. Ю., Антышева Е. Н., Слабинская Т. В. (2016) Особенности заболеваемости и физического развития детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в разных социальных условиях. Вестник Ивановской медицинской академии, т. 21, № 2, с. 16–19.

References

Agarkov A. A., Polezhaev P. K., Eliseev A. V., Rakhmazova L. D., Skorokhodova T. F., Pogorelova T. V. (2012) Osobennosti adaptacii detej-sirot s psihicheskimi narusheniyami [Features of adaptation of orphans with mental disorders]. Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry, no. 2 (71), pp. 41–45 (In Russian).
Aleksandrova N. V., Asmakovets E. S., Zaitseva O. V. (2021) Prosveshchenie zameshchayushchih roditelej v oblasti detskoj psihiatrii: pomoshch' v vospitanii i profilaktika vtorichnogo sirotstva [Education of substitute parents in the field of child psychiatry: assistance in education and prevention of secondary orphanhood]. Mental Health of Children and Adolescent, vol. 21, no. 4, pp. 59–66 (In Russian).
Averianova N. I., Khanova N. A. (2013) Osobennosti socializacii, nervno-psihicheskogo razvitiya, lichnostnogo psihologicheskogo statusa i shkol'noj uspevaemosti podrostkov, vospityvayushchihsya v raznyh usloviyah [Features of socialization, neuropsychic development, personal psychological status and school performance of adolescents brought up in different conditions]. Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, no. 6. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsializatsii-nervno-psihicheskogo-razvitiya-lichnostnogo-psihologicheskogo-statusa-i-shkolnoy-uspevaemosti-podrostkov (In Russian).

Bobrov A. E., Ulasen T. V., Sulimova N. V., Nivenitsyn E. L. (2017) Psihiatricheskie aspekty sirotstva s pozicij biopsihosocial'noj koncepcii [Psychiatric aspects of orphanhood from the standpoint of the biopsychosocial concept]. Mental Health of Children and Adolescent, vol. 17, no. 1, pp. 36–41 (In Russian).

Bodagova E. A. (2020) Analiz psihicheskogo zdorov'ya detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej [Analysis of the mental health of children left without parental care]. Mental Health of Children and Adolescent, vol. 20, no. 2, pp. 71–76 (In Russian).

Bodagova E. A. (2020). Rasprostranennost' psihicheskih i addiktivnyh rasstrojstv sredi detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej [Prevalence of mental and addictive disorders among children left without parental care]. Modern problems of science and education, no. 6, p. 122 (In Russian).

Danilina N. K., Perevoshchikova N. K. (2012) Priemnaya sem'ya – al'ternativa social'nomu sirotstvu [Foster family – an alternative to social orphanhood]. Mother and Baby in Kuzbass, no. 4. https://cyberleninka.ru/article/n/priemnaya-semya-alternativa-sotsialnomu-sirotstvu (In Russian).

Durnitsyna M. D. (2017) Problemy socializacii detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej [Problems of socialization of orphans and children left without parental care]. Aktual'nye problemy sociogumanitarnogo obrazovaniya]. Actual problems of socio-humanitarian education]. Digest of articles. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, pp. 92–97 (In Russian).

Egorova P. L. (2015) Sostoyanie psihicheskogo zdorov'ya detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej [State of mental health of orphans and children left without parental care]. Mental Health, vol. 13, no. 8 (111), pp. 59–63 (In Russian).

Filkina O. M., Kocherova O. Yu., Antysheva E. N., Slabinskaia T. V. (2016) Osobennosti zabolevaemosti i fizicheskogo razvitiya detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej i vospityvayushchihsya v raznyh social'nyh usloviyah [Features of morbidity and physical development of children left without parental care and brought up in different social conditions]. Bulletin of the Ivanovo Medical Academy, vol. 21, no. 2, pp. 16–19 (In Russian).

Govorin N. V., Zlova T. P., Akhmetova V. V., Vlasova A. A., Shaliapina N. V. (2009) Epidemiologicheskie i klinicheskie aspekty psihicheskogo zdorov'ya detej-sirot [Epidemiological and clinical aspects of mental health of orphans]. Doctor.Ru, no. 4 (48), pp. 49–52 (In Russian).

Iovchuk N. M. (2009) Osobennosti psihicheskih rasstrojstv i ih prognoz u detej-sirot v internatnom uchrezhdenii i zameshchayushchej sem'e [Features of mental disorders and their prognosis in orphans in a residential institution and a substitute family]. Mental Health of Children and Adolescent, vol. 9, no. 2, pp. 6–13 (In Russian).

Kocherova O. Yu., Antysheva E. N., Chubarovskii V. V., Filkina O. M. (2019) Faktory riska sohraneniya zaderzhki nervno-psihicheskogo razvitiya u detej rannego vozrasta v pervyj god vospitaniya v zameshchayushchej sem'e [Risk factors for maintaining neurodevelopmental delay in young children in the first year of upbringing in a foster family]. Health Risk Analysis, no. 2, pp. 33–40 (In Russian).

Kocherova O. Yu., Antysheva E. N., Chubarovskii V. V., Filkina O. M., Vorobeva E. A., Dolotova N. V. (2019) Faktory riska i prognozirovanie emocional'nyh rasstrojstv i rasstrojstv povedeniya u detej rannego vozrasta, vospityvayushchihsya v zameshchayushchih sem'yah [Risk factors and prediction of emotional and behavioral disorders in young children brought up in foster families]. Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, vol. 27, no. 5, pp. 827–830 (In Russian).

Kremneva L. F., Proselkova M. O., Kozlovskaia G. V., Ivanov M. V. (2017) K voprosu ob etiologii sindroma sirotstva [To the question of the etiology of orphanhood syndrome]. Social'naya i klinicheskaya psihiatriya – Social and Clinical Psychiatry, no. 1. https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-etiologii-sindroma-sirotstva (In Russian).

Oslon V. N. (2006) Zhizneustrojstvo detej-sirot – professional'naya zameshchayushchaya sem'ya [Living arrangements for orphans – a professional substitute family]. Moscow, Genezis Publ., 368 pp. (In Russian).

Oslon V. N. (2016) Model'nyye programmy soprovozhdeniya semey, prinyavshikh na vospitaniye detey s OVZ, podrostkovogo vozrasta, siblingov [Model support programs for families who have adopted children with disabilities, adolescence, and siblings]. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Institute of Educational Management of the Russian Academy of Education, Moscow, pp. 125–127 (In Russian).

Plaksin V. A., Plaksina N. Yu. (2009) Sirotstvo detej v Rossii kak kompleksnaya mediko-social'naya problema. Obzor literatury [Orphanage of children in Russia as a complex medical and social problem. Literature review]. Ekologiya cheloveka (Human Ecology), no. 5, pp. 9–15 (In Russian).

Plakhuta O. G. (2019) Teoretiko-metodologicheskij analiz programm podgotovki k zameshchayushchej semejnoj zabote [Theoretical and methodological analysis of training programs for substitute family care]. Human capital, no. 1 (121), pp. 128–133 (In Russian).

Savina O. B. (2016) Osobennosti psihicheskih rasstrojstv u detej-sirot. Voprosy medicinskoj reabilitacii pri okazanii psihiatricheskoj pomoshchi [Features of mental disorders in orphans. Issues of medical rehabilitation in the provision of psychiatric care]. Collection of scientific papers. Ivanovo, Ivanovo State Medical Academy, pp. 107–111 (In Russian).

Sedova A. A., Briunetkin V. Yu., Apenchenko Yu. S., Zinkovskii T. A., Kostiukova T. L., Nikolaeva T. O. (2017) Specifika somaticheskogo i psihicheskogo zdorov'ya vospitannikov social'nogo priyuta [The specifics of somatic and mental health of pupils of a social shelter]. Modern problems of science and education, no 5, p. 59 (In Russian).

Sulimova N. V., Ulasen T. V. (2019) Rezul'taty obshcheklinicheskogo obsledovaniya vospitannikov sociozashchitnyh uchrezhdenij [The results of a general clinical examination of pupils of social protection institutions]. Smolenskij medicinskij al'manah – Smolensk Medical Almanac, no. 3. https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-obscheklinicheskogo-obsledovaniya-vospitannikov-sotsiozaschitnyh-uchrezhdeniy (In Russian).
Ulasen T. V. (2020) Kompleksnaya ocenka vliyaniya psihicheskogo zdorov'ya na adaptacionnye vozmozhnosti vospitannikov sociozashchitnyh uchrezhdenij [Comprehensive assessment of the impact of mental health on the adaptive capacity of pupils of social protection institutions]. Mental Health of Children and Adolescent, vol. 20, no. 1, pp. 13–23 (In Russian).
Vetoshkina S. A. (2015) Osobennosti emocional'noj sfery u detej-sirot [Features of the emotional sphere in orphans. Modern foreign psychology, vol. 4, no. 1, pp. 15–25 (In Russian).
Volikova S. V. (2013) Social'naya trevozhnost' detej-sirot [Social anxiety of orphans]. Psikhiatriya – Psychiatry (Moscow), no. 4 (60), p. 50a (In Russian).
Zabelina N. V., Aliushina D. S. (2018) Tekhnologiya social'nogo soprovozhdeniya v praktike social'noj raboty s priemnoj sem'ej [Technology of social support in the practice of social work with a foster family]. The Collection of Humanitarian Studies, no. 2 (11). https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-sotsialnogo-soprovozhdeniya-v-praktike-sotsialnoy-raboty-s-priemnoy-semiey (In Russian).

Информация об авторах

Александрова Наталия Викторовна
Кандидат медицинских наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-7026-7227.
E-mail: natalie_v_al@inbox.ru

Зайцева Ольга Валерьевна
Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ. ORCID: 0009-0005-3082-5307.

Асмаковец Елена Сергеевна
Кандидат психологических наук, доцент. Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, РФ. Зав. сектором психологического консультирования, супервизии и кадровой поддержки. Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе высшего образования ФГБУ «Российская академия образования», г. Москва, РФ.
ORCID: 0000-0001-7646-9444.

Autor's information

Natalia V. Alexandrova
Cand. Sc. (Medical), Associate Professor. Dostoevsky Omsk State University; Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-7026-7227.
E-mail: natalie_v_al@inbox.ru

Olga V. Zaitseva
Postgraduate student. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID: 0009-0005-3082-5307.

Elena S. Asmakovets
Cand. Sc. (Psychological), Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation. Head of the sector of psychological counseling, supervision and personnel support. Federal Resource Center for Psychological Services in the Higher Education System of the Federal State Budgetary Institution "Russian Academy of Education", Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-7646-9444.

УДК 37.016:811
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.16
Научная статья

В. Н. Карташова[1]
cartashova.vale@yandex.ru
[1]Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Актуализация межкультурной компетенции обучающихся в процессе иноязычной подготовки в вузе (на примере праздников)

Аннотация: ФГОС среднего общего образования требует от выпускников школы владения навыками межкультурной коммуникации. Поэтому так важно и актуально формировать межкультурную компетенцию у будущих педагогов. Цель статьи: описание опытно-экспериментальной работы по формированию когнитивной составляющей межкультурной компетенции в процессе иноязычной учебной и внеаудиторной деятельности будущих бакалавров-педагогов на основе изучения праздников и традиций народа страны изучаемого языка. Проведен теоретический анализ научных и методических работ, исследующих культурные традиции, традиционные праздники, проблему формирования межкультурной компетенции студентов в процессе изучения иностранного языка в вузе. В качестве эмпирических методов исследования выступили анкетирование и интервьюирование обучающихся. В статье представлены итоги опытно-экспериментальной работы по формированию когнитивной составляющей межкультурной компетенции на основе изучения праздников и традиций народа страны изучаемого языка в процессе иноязычной учебной и внеаудиторной деятельности обучающихся по направлению подготовки 44.03.05. Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Описаны праздничные мероприятия, проведенные обучающимися, представлены примеры фрагментов занятий, проанализированы результаты экспериментального обучения, приведены данные опроса обучающихся. В заключении резюмируется, что проведение праздников является одной из эффективных форм формирования когнитивной составляющей межкультурной компетенции студентов в процессе изучения иностранного языка на педагогических направлениях подготовки.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, будущий бакалавр-педагог, межкультурная компетенция, когнитивная составляющая, праздники, внеаудиторные мероприятия, анкетирование.

Дата поступления статьи: 22 ноября 2022 г.

Для цитирования: Карташова В. Н. (2024) Актуализация межкультурной компетенции обучающихся в процессе иноязычной подготовки в вузе (на примере праздников). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 172–181. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.16.

Scientific article

V. N. Kartashova[1]
cartashova.vale@yandex.ru
[1]Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Actualization of the intercultural competence of students in the process of foreign language training at the university (on the example of holidays)

Abstract: The Federal State Educational Standard of Secondary General Education requires school graduates to possess intercultural communication skills. That is why it is so important and relevant to form intercultural competence among future teachers. The purpose of the article is to describe the experimental work on the formation of cognitive component intercultural competence' in the process of foreign language educational and extracurricular activities of future bachelor teachers based on the study of holidays and traditions of the people of the country of the studied language. The theoretical analysis of scientific and methodological works exploring cultural traditions, and traditional holidays, the problem of the formation of intercultural competence in students in the process of learning a foreign language at the university is carried out. The empirical research methods were questionnaires and interviews with students. The article presents the results

© В. Н. Карташова, 2024

of experimental work on the formation of cognitive component intercultural competence based on the study of holidays and traditions of the people of the country of the studied language in the process of foreign-language educational and extracurricular activities of students in the field of training 44.03.05. Pedagogical education (with two training profiles). Festive events held by students are described, examples of fragments of classes are presented, the results of experimental training are analyzed, and data from a survey of students are given. In conclusion, it is summarized that holding holidays is one of the effective forms of formation of the cognitive component intercultural competence of students in the process of learning a foreign language in pedagogical areas of training.

Keywords: foreign language training, future bachelor-teacher, intercultural competence, cognitive component, holidays, extracurricular activities, questionnaires.

Paper submitted: November 22, 2022.

For citation: Kartashova V. N. (2024) Actualization of the intercultural competence of students in the process of foreign language training at the university (on the example of holidays). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 172–181. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.16.

Введение

Особую значимость в нашем глобализирующемся мире приобретает владение межкультурной компетенцией. Как в личной, так и в профессиональной жизни граждан она играет важную роль и понимается как ключевая квалификация жителя XXI века (Гальскова, 2004; Кабакчи, Прошина, 2021; Муратов, 2005; Сергеева, Походзей, 2014; Садохин, 2008; Deardorff, 2006; и др.).

Межкультурная компетенция обозначает способность к социально-культурной ориентации, включает восприятие общих черт и отличий различных культур; она предназначена для обеспечения здорового сосуществования общества (Садохин, 2008). Сформированная межкультурная компетенция помогает облегчить общение с иностранными деловыми партнерами, помочь избежать недоразумений в процессе межкультурной коммуникации. ФГОС среднего общего образования требует от выпускников школы владения навыками межкультурной коммуникации (ФГОС. Среднее общее образование. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 11.12.2020). Поэтому так важно и актуально формировать межкультурную компетенцию у будущих педагогов.

В настоящее время в научной литературе представлены «разные модели межкультурной компетенции, разработанные в рамках той или иной дисциплины» (Апальков, Сысоев, 2008, с. 89). Анализ многочисленных работ исследователей в области методики обучения иностранным языкам (Н. Д. Гальскова, Н. И. Васильева, М. В. Гараева, А. Ю. Муратов, К. Е. Строганова, M. Byram, K. Knapp и др.) показывает, что понятие межкультурной компетенции трактуется как совокупность знаний, умений, навыков и качеств личности, необходимых для самореализации в процессе межкультурной коммуникации. Большинство ученых считает, что межкультурная компетенция «традиционно включает в себя три составляющие: знания, отношения и умения» (Апальков, Сысоев, 2008, с. 89). Таким образом, в составе межкультурной компетенции можно выделить три составляющие: когнитивный, аттитюдный и деятельностный компоненты.

В нашем исследовании речь идет о когнитивной (знаниевой) составляющей межкультурной коммуникации, включающей специализированные знания из сферы иностранного языка и культуры (знания нравов, обычаев, ценностей культуры родной страны и страны изучаемого языка, жизненных привычек, установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки...) (Васильева, 2019)[1].

Одним из начальных способов достижения цели формирования у обучающихся межкультурной компетенции является обучение иностранным языкам с позиции обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Именно в процессе изучения иностранного языка у обучающегося формируется способность участвовать «в межкультурном диалоге, используя межкультурные знания, умения, навыки, личностные качества и опираясь на стратегию интеграции как перспективный путь аккультурации (освоения инокультуры)» (Грунина, 2014, с. 125).

Межкультурная компетенция не является ни врожденной, ни приобретенной как объект. Скорее, это процесс обучения на протяжении всей жизни, который никогда не будет завершен.

[1] Васильева Н. И. Межкультурная компетенция, ее составные элементы и способы формирования.URL: https://infopedia.su/31x4748.html

Исследователи по вопросам формирования межкультурной компетенции подчеркивают, что это достаточно сложный, длительный и многоаспектный процесс (Баканова, Гурецкая, 2022; Куклина, Шевченко, 2022; Тарева, Викулова, Макарова, 2018; Чам, Минакова, 2022; Corbett, 2003; Mai, 2022). Изучение иностранного языка позволяет обучающимся узнать, понять национальный менталитет народа, говорящего на нем. Познание другой (иноязычной) культуры характеризуется принятием разных культурных перспектив и изменением моделей мышления и поведения. В ситуациях культурного общения выявляется и ставится под сомнение самобытное отношение, что позволяет интегрировать новые элементы в схему поведения, создавая сочувствие и терпимость. Согласно так называемым фазовым или ступенчатым моделям, каждый человек проходит многоэтапный процесс развития, прежде чем он полностью овладеет межкультурной компетентностью. Эти фазы или стадии состоят из отрицания, защиты, тривиализации, принятия, адаптации и интеграции (Mai, 2022).

Изучение культуры любого народа эффективнее происходит в интенсивной познавательной деятельности обучающихся. К ней относятся семинарские занятия и лекции, различные проектные работы, практикуемые в учебной деятельности обучающихся. Урок, проведенный как исследование, является одной из наиболее эффективных форм развития межкультурной компетенции (Московкин, Афанасьева, 2019). Большим потенциалом обладают всевозможные формы досуговой деятельности: олимпиады, конференции, фестивали, различные конкурсы (научных работ, конкурсы переводчиков и др.) (Альмяшева, Овчерук, 2014; Лесик, Пескова, 2019; Ляшенко, Марфина, 2021; Поняева, 2019; Руденко, 2022; Сатретдинова, 2022). Интересный и положительный результат могут дать внеаудиторные мероприятия, подготовленные и проведенные самими обучающимися (Дмитриева, Лукина, Федорова, 2022; Иванова и др., 2021; Ляшенко, Марфина, 2021, Холод, Егорова, 2014).

Цель. В статье нами описан опыт работы по формированию когнитивной составляющей межкультурной компетенции у будущих бакалавров-педагогов на основе изучения праздников и традиций народа страны изучаемого языка в процессе иноязычной учебной и внеаудиторной деятельности. Предметом нашего рассмотрения является праздник как форма иноязычной подготовки студентов педагогических направлений университета.

Методы

В процессе исследования применялся теоретический метод: анализ научных и методических работ, исследующих проблему формирования межкультурной компетенции студентов – будущих учителей в процессе изучения иноязычных культурных традиций, популярных праздников. В качестве эмпирических методов исследования выступили анкетирование, интервьюирование и тестирование обучающихся.

Результаты

Становление межкультурной коммуникации обучающихся осуществляется «во взаимосвязи освоения иноязычного кода и развития культурного опыта человека, в составе которого можно вычленить отношение человека к себе, к миру, а также опыт творческой деятельности» (Гальскова, Гез, 2007, с. 346). Опыт творческой деятельности обучающимся возможно накопить в процессе их образовательной деятельности. Мы выдвинули гипотезу, что знание студентами культурных традиций, популярных праздников народа страны изучаемого языка и их представление на внеаудиторных мероприятиях способствуют повышению уровня их межкультурной компетенции, в частности когнитивной составляющей.

«Праздник является образно-эмоциональным зримым воплощением коммуникативной конфигурации межкультурных связей, играющей особенную роль в межцивилизационном общении» (Валиев, 2022, с. 358). По мнению ученого И. В. Суханова, традиции отражают факт накопления, передачи опыта и его демонстрацию (Суханов, 1976, с. 72). Это позволяет каждому из нас ощутить себя историческим лицом, привносящим разнообразие в соблюдение тех или иных традиций общества. Важнейшая роль отводится сохранению (ценностей, опыта, обще-

ственных норм), которое позволяет запустить некое самообновление системы общества и привнести в традиции что-то новое.

Говоря о функциях, которые несут в себе традиции, стоит выделить познавательную, воспитательную и прогностическую.

Познавательная функция реализуется через изучение, понимание и накопление знаний о том, как зарождалась та или иная традиция. Познавательная функция открывает истинные исторические предпосылки и истоки той или иной традиции. Для взращивания воспитанного, образованного поколения, которое сможет почитать многовековые традиции, необходимо вложить в него знания о том, что было до него.

Вторая функция – воспитательная. Неся в себе огромный духовный опыт и культурно-историческое наследие поколений, традиция развивает и формирует культуру нового поколения. С этой позиции традиция выступает в качестве основы для воспитания подрастающих поколений.

Третья функция – прогностическая, она может быть реализована только в том случае, если обучающийся обладает знаниями о той или иной традиции, исторической подоплеке ее происхождения. Понимая то, что было ранее, можно предвидеть, как будет развиваться та или иная традиция. Т. е. антиципация становится возможной благодаря накоплению знаний и сведений о прошлом.

Ряд традиций, которые имеют определенную дату или период исполнения, называют праздником. Это особый вид досуговой деятельности, который существовал и будет существовать во все времена. Праздники служат некой эмоциональной перезарядкой, мощным инструментом, который может вмиг перенастроить мысли, чувства, настроение и желания человека. Праздник сам по себе есть прямое и непосредственное продолжение общественной жизни, ее типичных будней, только иными средствами, в индифферентных проявлениях.

Каждый народ обладает своим уникальным набором традиционных ежегодных праздников, принятых в стране. Существуют праздники, имеющие схожие или одинаковые ритуалы, обряды, нормы, стандарты, характерные для того или иного события. Так, схожими можно назвать новогодние традиции наряжать елку и украшать дом, так как это условие соблюдается всеми странами, где празднуют Новый год. Помимо этого, существуют традиции, которые реализуются лишь в некоторых странах, и каждая традиция имеет собственную нравственную, духовную, политическую, историческую, культурную ценность.

Существует несколько типологий праздников. Приведем пример одной из тех, что показалась нам релевантной. Согласно этой типологии, праздники можно разделить на народные, религиозные, государственные, профессиональные, семейные и тематические, ежегодные и событийные.

Каждый вид праздника характеризуется определенными особенностями, характерными только для него. Народные праздники можно описать как стихийные, органичные и естественные. Религиозные праздники отличаются высокой степенью идеологической направленности, определенным вероисповеданием, четкой регламентированностью в особенностях проведения и наличием глобальной истории, стоящей за праздником и всеми его обрядами. Например, для России характерны такие праздники, как Троица, Медовый и Яблочный Спасы, Крещение, Пасха, Вознесение. Государственные праздники имеют все те же характеристики, что и религиозные, за исключением наличия вероисповедания. Среди государственных праздников в нашей стране можно выделить День России, Международный женский день, День Победы, День Государственного флага Российской Федерации, Праздник Весны и Труда, День защитника Отечества. Профессиональные праздники (День учителя, День строителя, День шахтера, День медработника и т. д.) отмечаются только представителями одной профессии и поздравляют в этот день только тех, кто к ней причастен. Семейные и тематические праздники характеризуются узким кругом причастных людей, например, семья и ее знакомые. К семейным праздникам, прежде всего, относятся дни рождения членов семьи, новоселье, именины, крещение новорожденных. Каждый праздник имеет свою культурную и идеологическую ценность для каждого человека, кто причастен к нему.

Также есть те праздники, что празднуются раз в жизни: выпускной из школы, получение аттестата, свадьба, ее годовщины, юбилейные дни рождения. Данные актуальны для многих стран.

Проанализировав календари праздников России и Великобритании, мы обнаружили немало сходств и различий. Существуют праздники, похожие по смыслу, но отмечаемые по-разному. Большинство праздников в Великобритании являются религиозно ориентированными по сравнению с большим количеством официальных праздников в России. Общее для каждого праздника – это семейность.

Нами была организована опытно-экспериментальная работа по формированию межкультурной компетенции студентов первых курсов направления подготовки «Педагогическое образование» на основе изучения праздников Великобритании и их театральной презентации во внеаудиторной деятельности. «Театральный проект при изучении иностранного языка, особенно со студентами первого курса, зачастую с низким уровнем подготовки, имеет большие преимущества. Театральная деятельность на иностранном языке повышает эффективность обучения и помогает сохранить интерес к изучаемому языку. Студенты учатся работать в команде, держаться на сцене, развивают выразительность своей речи, овладевают не только речевыми, но и актерскими умениями» (Макарова, Амосова, Науменко, 2016, с. 136). Именно эта форма обучения не только формирует межкультурную компетенцию обучающихся бакалавров педагогического образования, но и успешно подготавливает к будущей педагогической деятельности (Холод, Егорова, 2015, с. 123).

Опытно-экспериментальная работа состояла из трех этапов. Констатирующий этап эксперимента подразумевал проведение диагностики, связанной с мотивацией изучения иностранного языка и определения у студентов уровня сформированности когнитивной составляющей межкультурной компетенции. Критерием выступал уровень (высокий, средний, низкий) знаний студентов об основных традиционных праздниках Великобритании и России, что подразумевало знание языка, социокультурных ценностей народа страны изучаемого языка и России, знаний общих законов межкультурной коммуникации. На формирующем этапе ставилась задача апробировать экспериментальную программу по организации и проведению целевых практических занятий и внеаудиторных мероприятий по традиционным праздникам Великобритании и России. Студенты накапливали знания и использовали возможности для формирования базовых навыков по проведению внеаудиторных мероприятий, связанных с праздниками. Контрольный этап эксперимента подразумевал проведение повторной диагностики уровня сформированности когнитивной составляющей межкультурной компетенции у обучающихся 1-го курса в области традиционных праздников, интерпретацию полученных данных, подведение итогов эксперимента.

Опытно-экспериментальная работа проводилась нами на базе института психологии и педагогики ЕГУ им. И. А. Бунина. В эксперименте приняли участие 46 студентов, обучающихся по направлению 44.03.05. Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) Начальное образование, Музыкальное образование, направленность (профиль) Начальное образование, Дополнительное образование.

Вначале мы провели интервьюирование, связанное с мотивацией к изучению иностранного языка, оно было организовано на базе опросника И. Г. Леонова «Коммуникативная готовность к диалогу». В ходе опроса было выявлено, что лишь 20 из 46 обучающихся были мотивированы на изучение иностранного языка, что составляет 43,7 % из 100 %. Всего 23 студента хотели бы пообщаться с носителем языка, ведь это всего 39,1 % из 100 %, 65,2 % опрошенных хотели бы знать больше о традициях и праздниках Великобритании.

Следующая часть констатирующего эксперимента была направлена на определение уровня сформированности когнитивной составляющей когнитивного компонента межкультурной компетенции. Для выявления языковых знаний студентов, знания ими традиций празднования Рождества, Нового года, Женского праздника, Дня матери, Майского праздника, Пасхи, Масленицы в своей стране и стране изучаемого языка нами была разработана анкета с использованием системы «Google Форма». Анкета содержала десять обязательных вопросов о традициях важных

праздников в России и Великобритании. Девять из десяти вопросов имели развернутую форму ответа во избежание вероятности угадывания правильного варианта.

Вопрос 1. Когда празднуется Рождество в Великобритании и в России? Ответ: в Великобритании – 25 декабря, в России – 7 января.

Данные показали, что 24 из 46 (52,1 %) респондентов не знают, когда отмечается Рождество в Великобритании или ошибочно полагают, что оно совпадает с днем празднования его в России. Всего 6 респондентов (15 %) не знали, когда отмечают Рождество в России.

Вопрос 2. Как называется суббота во время Масленичной недели в России? Ответ: Золовкины посиделки. 42 из 46 (91 %) респондентов ограничились ответом «не знаю». Двое назвали этот день «Добрая суббота».

Вопрос 3. Сколько дней длится Масленица в России, сколько в Великобритании? Ответ: 1 день – в Англии, 7 дней – в России.

36 респондентов не смогли верно указать период празднования Масленицы в Великобритании (78,2 %). Всего десять участников знали верный ответ о России (21 %).

Вопрос 4. К какому из праздников относится имя персонажа Green Jack? Ответ: к Майскому празднику. Большая часть респондентов (31 чел.) отнесла персонажа Green Jack к празднику Пасхи. Остальные затруднились с ответом.

Вопрос 5. Какой весенний праздник в России является официальным выходным, а в Великобритании не празднуется и «сливается» с другим, более приоритетным для страны праздником? Ответ: 8 Марта. 40 респондентов (86,9 %) затруднились с ответом. Встречались также ответы «Новый год».

Вопрос 6. Что такое симнель? К какому празднику относится? Ответ: торт для мам в Англии, преподносимый их детьми на День матери. Участники ограничились ответом «не знаю» или высказывали ложные предположения. Верный ответ не дал ни один отвечающий.

Вопрос 7. Что является символом праздника Пасхи в Великобритании? Ответ: пасхальный кролик. 26 респондентов (56 %) символом праздника назвали крашеное яйцо. 10 отвечающих (13 %) не смогли вовсе дать ответ.

Вопрос 8. Где и когда впервые в России был проведен Праздник Весны и Труда? Ответ: в 1891 году в Санкт-Петербурге. Среди ответов фигурировали самые различные варианты, начиная от 1700 года и заканчивая 2000 годом. Правильный ответ не дал никто из отвечающих.

Вопрос 9. Какие традиции празднования Пасхи в Великобритании вам известны? Кратко опишите, что знаете. 42 из 46 (91 %) участников ограничились ответом «не знаю» и т. п. Четверо молодых людей выразили ложные предположения.

На последний вопрос «Чувствуете ли вы недостаток знаний по данной теме?» все респонденты выбрали вариант «Да», что составляет 100 % от общего количества участников. Это первый и единственный вопрос, который получил единогласный ответ. Это подтвердило необходимость проведения запланированных мероприятий экспериментальной программы.

Формирующий этап эксперимента подразумевал разработку и внедрение двух мероприятий в план внеаудиторной деятельности и проведение десяти занятий по формированию базовых знаний о традициях заявленных праздников.

Празднования Рождества и Нового года были проведены в форме билингвального внеаудиторного мероприятия. Женский день и День матери также были рассмотрены на внеаудиторном, но уже монолингвальном мероприятии.

Мероприятие Merry Christmas and Happy New Year проходило 24 декабря 2021 года на английском и русском языках. Оно было условно разделено на две части: празднование Нового года и Рождества в России, обсуждение отличительных черт праздника, празднование Рождества в Великобритании. Зрителям, а ими стали сокурсники и школьники из педагогического класса, была дана историческая сводка появления праздников, разбор традиций прошлого и современности, тех, что дошли до наших дней. Во время представления были определены ключевые сходства и различия этих праздников в двух странах. На мероприятии были использованы сервисы Web 2.0 YouTube* и LearningApps. *(*РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ. — Прим. ред.)*

Следующее внеаудиторное мероприятие было посвящено двум весенним праздникам: Дню матери и Женскому дню. Студенты рассказали об истории праздников, объяснив, почему мы все-таки объединили эти два праздника в одно мероприятие. Выявление сходств и различий происходило в форме дискуссии по командам. Мы подготовили раздаточный материал для каждого из участников. Студенты посмотрели видеоролик на английском языке об известных женщинах и их достижениях Celebrating Working Women: International Women's Day. Во время просмотра обучающиеся имели возможность зафиксировать услышанное и увиденное, чтобы в дальнейшем суметь успешно участвовать в викторине и не подвести свою команду. Далее ведущие мероприятия научили зрителей, как сделать небольшие поздравительные открытки для своих мам, бабушек с благодарностью и теплыми пожеланиями на иностранном языке с переводом (MANNAEPISODE 04:SimnelCake (Mothering Sunday) https://www.youtube.com/watch?v=-x2VSk3I2xg).

Остальные праздники (Pancake Day, The Easter, May Day, Пасха, Масленица, Праздник Весны и Труда) удалось изучить и проанализировать на учебных занятиях и в процессе самостоятельной работы обучающихся. На занятиях использовалось несколько видов работ: фронтальная, групповая, индивидуальная; были задействованы ресурсы сети Интернет. При этом реализовался принцип лингвострановедческой компарации: извлекая из различных источников информацию об иноязычных праздниках, студенты подготавливали собственные проекты, описывающие сходные явления и праздники своей Родины. В учебном процессе использовались проектный и игровой методы, например, стратегической целью занятия с применением игры было обучение умению читать с общим охватом содержания и с выборочным пониманием. Обучающиеся были разделены на группы по 4 человека. Каждой группе был предложен небольшой адаптированный текст для чтения. Нужно было пересказать его содержание, не называя праздника и страны. Остальные команды должны были отгадать, о каком празднике или традиции и в какой стране идет речь (five o'clock tea, Saint David's Day, Chelsea Flower Show, formally known as the Great Spring Show, Straw Bear Festival и т. д.).

Особо следует упомянуть подготовку творческого проекта, связанного с изучением культурных традиций страны изучаемого языка, например Travel around London. Студентам предлагалась самостоятельная разработка и планирование различных маршрутов. Например: 1. Bus Sightseeing Tour Of London. 2. Walking tour. 3. Excursion on a pleasure steamer along the Thames.

В конце учебного года было проведено тестирование по изученным темам на знание английских реалий, его результаты были сопоставлены с первоначальным анкетированием. Анализируя процесс развития когнитивной составляющей межкультурной компетенции у студентов 1-го курса, необходимо отметить положительную динамику в совершенствовании и углублении языковых и культурных знаний, число обучающихся с высоким уровнем знаний увеличилось (с 21 % до 36 %), а остальные повысили свои знания до среднего уровня (с 43 % до 64 %).

Анализируя и сопоставляя результаты анкетирования обучающихся в начале года и тестирования в конце года, можно сделать следующее заключение: обучающиеся углубили и расширили знания по темам культуры, традиций и праздников. Тестирование по английскому языку, а также анализ проведенных мероприятий показали, что студенты совершенствовали свои иноязычные коммуникативные навыки. Все изученные темы оказались для обучающихся более интересными, чем они считали до проведения экспериментальной работы.

Выводы

Фундаментом компетентностного подхода, принятого сегодня в образовании, является система формируемых у обучающегося компетенций.

Развитие когнитивной составляющей межкультурной компетенции как составляющей профессиональной компетентности будущего бакалавра-педагога преимущественно происходит в процессе изучения праздников в иноязычной учебной и внеаудиторной деятельности будущего бакалавра.

Внеаудиторная деятельность вызывает особый интерес у обучающихся своим форматом и тематикой проведения. В основу внеаудиторной деятельности заложены положительные

эмоции, при проведении праздничного мероприятия создается комфортная обстановка, что в немалой степени способствует эффективному усвоению изучаемого материала. Кроме того, внеаудиторная деятельность играет важную роль в подготовке студентов к их будущей профессиональной педагогической деятельности, развивает готовность к созданию и реализации культурно-просветительских мероприятий.

Праздник является одной из эффективных форм деятельности, направленной на формирование межкультурной компетенции студентов в процессе изучения иностранного языка на неязыковых направлениях подготовки. Изучение праздников в компаративном аспекте формирует у студентов интерес к культуре, традициям и обычаям страны изучаемого языка, воспитывает уважение к собственной культуре, позволяет расширить общий кругозор, культурно обогащает студентов. Все это в конечном итоге приводит к повышению уровня когнитивной составляющей межкультурной компетенции обучающихся.

Источники

Альмяшова Л. В., Овчерук Л. Д. (2014) Иностранный язык в неязыковом вузе и внеурочная деятельность студентов. Молодой ученый, № 18 (77), с. 50–509. https://moluch.ru/archive/77/13398/.

Апальков В. Г., Сысоев, П. В. (2008) Компонентный состав межкультурной компетенции. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, № 8 (64), с. 89–93.

Баканова Ю. В., Гурецкая А. О. (2022) Вопросы межкультурной коммуникации в процессе преподавания иностранного языка в военном вузе. Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, Издательский дом «Среда», с. 153–157.

Велиев Э. Э. (2022) Праздничная культура как основа развития социально-культурного пространства. Бизнес. Образование. Право, № 3 (60), с. 356–360. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.332.

Гальскова Н. Д. (2004) Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам. Иностранные языки в школе, № 1, с. 3–8.

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. (2007) Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., Издательский центр «Академия», 336 с.

Грунина Е. В. (2014) Определение уровня сформированности межкультурной компетенции студентов неязыковых специальностей ВПО с позиций конструктивистского подхода. Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура. Сб. науч. ст. Екатеринбург, Издательство УМЦ УПИ, с. 124–130.

Дмитриева О. Н., Лукина М. Н., Федорова А. Я. (2022) Повышение мотивации к изучению иностранного языка путем организации внеаудиторных мероприятий у студентов неязыковых вузов. Мир науки, культуры, образования, № 3 (94), с. 30–34. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-30-34.

Иванова Т. М., Иванова Ю. А., Ионова Т. А. (2021) Внеаудиторная работа по иностранному языку на неспециальных факультетах педвуза. Тенденции развития науки и образования, № 77-2, с. 37–39. DOI: 10.18411/trnio-09-2021-46.

Кабакчи В. В., Прошина З. Г. (2021) Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. Russian Journal of Linguistics, т. 25, № 1, с. 165–193.

Куклина С. С., Шевченко А. И. (2019) Формирование межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде вуза. Язык и культура, № 47, с. 197–216.

Лесик С. Г., Пескова А. С. (2019) Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в рамках деятельности лингвистического объединения Francofolie. Вестник Калужского университета, № 4 (45), с. 31–34.

Ляшенко Н. А., Марфина Ж. В. (2021) Роль внеаудиторной работы в процессе профессиональной подготовки будущего лингвиста. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология, № 2 (55), с. 148–157.

Макарова Е. А., Амосова Т. В., Науменко И. В. (2016) Повышение мотивации студентов к изучению иностранного языка в неязыковом вузе. Современные проблемы взаимодействия языков и культур. Материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск, Амурский государственный университет, с. 135–140.

Муратов А. Ю. (2005) Формирование межкультурной компетенции учащихся в процессе обучения английскому языку с использованием телекоммуникаций. Автореф. дис. … канд. пед. наук. Барнаул, 26 с.

Московкин Л., Афанасьева Н. (2019) Формирование межкультурной компетенции при изучении иностранного языка в ходе урока-исследования. Чуждоезиково обучение, т. 46, № 4, с. 388–400.

Поняева Т. А. (2019) Роль внеаудиторной работы при обучении студентов технических вузов иностранным языкам. Глобальный научный потенциал, № 2 (95), с. 56–57.

Руденко Ж. А. (2022) Внеаудиторная работа по формированию межкультурной компетенции у иностранных студентов: из опыта работы педагога-практика. Гуманитарная парадигма, № 1 (20), с. 88–97.

Садохин А. П. (2008) Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации. Общественные науки и современность, № 3, с. 156–166.

Сатретдинова А. Х. (2022) Внеаудиторные формы работы в вузе в контексте мультикультурного образования. Перспективы науки, № 8 (155), с. 245–247.

Сергеева Н. Н., Походзей Г. В. (2014) Развитие иноязычной межкультурной компетенции студентов неязыковых специальностей в системе профессионально ориентированного языкового образования. Монография. Екатеринбург, Уральский гос. педагогический ун-т, 216 с.
Суханов И. В. (1976) Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., Изд-во политической литературы, 246 с.
Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. (2018). Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации. Бизнес. Образование. Право, № 4 (45), с. 398–404. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.405.
Холод Н. И., Егорова О. С. (2014) Формы и методические принципы организации внеаудиторной деятельности студентов по иностранному языку. Ярославский педагогический вестник, т. 2, № 4, с. 108–113.
Холод Н. И., Егорова О. С. (2015) Праздник как форма обучения иностранному языку в вузе. Ярославский педагогический вестник, № 6, с. 123–128.
Чам М. Ф., Минакова Л. Ю. (2022) Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку. Вестник Томского государственного университета, № 476, с. 208–219.
Corbett J. (2003) An Intercultural Approach to English Language Teaching. Publisher: Multilingual matters, 229 p.
Deardorff D. K. (2006) Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. Journal of Studies in International Education, no. 10, pp. 247–248.
Mai J. (2022) Interkulturelle Kompetenz: Definition, Bedeutung, Beispiele. https://karrierebibel.de/interkulturelle-kompetenz/.

References

Almyashova L. V., Ovcheruk L. D. (2014) Inostrannyj yazyk v neyazykovom vuze i vneurochnaya deyatel'nost' studentov [Foreign language in a non-linguistic university and extracurricular activities of students]. Young Scientist, no. 18 (77), pp. 506–509. https://moluch.ru/archive/77/13398/ (In Russian).
Apal'kov V. G., Sysoyev P. V. (2008) Komponentnyy sostav mezhkul'turnoy kompetentsii [Component composition of intercultural competence], no. 8 (64), pp. 89–93.
Bakanova Yu. V., Guretskaya A. O. (2022) Voprosy mezhkul'turnoj kommunikatsii v protsesse prepodavaniya inostrannogo yazyka v voennom vuze [Issues of intercultural communication in the process of teaching a foreign language at a military university]. Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo [Trends in the development of education: teacher, educational organization, society]. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference with international participation, Cheboksary, Publ. House "Sreda", pp. 153–157 (In Russian).
Cham M. F., Minakova L. Yu. (2022) Mezhkul'turnyj kommunikativnyj trening i ego rol' v formirovanii mezhkul'turnoj kompetentsii obuchayushchikhsya inostrannomu yazyku [Intercultural communicative training and its role in the formation of intercultural competence of foreign language learners]. Tomsk State University Journal, no. 476, pp. 208–219 (In Russian).
Corbett J. (2003) An Intercultural Approach to English Language Teaching. Publisher: Multilingual matters, 229 p.
Deardorff D. K. (2006) Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. Journal of Studies in International Education, no. 10, pp. 247–248.
Dmitrieva O. N., Lukina M. N., Fedorova A. Ya. (2022) Povyshenie motivatsii k izucheniyu inostrannogo yazyka putem organizatsii vneauditornykh meropriyatij u studentov neyazykovykh vuzov [Increasing motivation to learn a foreign language by organizing extracurricular activities for students of non-linguistic universities]. The world of science, culture and education, no. 3(94), pp. 30–34. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-30-34 (In Russian).
Galskova N. D. (2004) Mezhkul'turnoe obuchenie: problema tselej i soderzhaniya obucheniya inostrannym yazykam [Intercultural learning: the problem of the goals and content of teaching foreign languages]. Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign languages at School, no. 1, pp. 3–8 (In Russian).
Galskova, N. D., Gez N. I. (2007) Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology. Moscow, Publishing Center "Academy", 336 p. (In Russian).
Grunina E. V. (2014) Opredelenie urovnya sformirovannosti mezhkul'turnoj kompetentsii studentov neyazykovykh spetsialnostej VPO s pozitsij konstruktivistskogo podkhoda [Determination of the level of formation of intercultural competence of students of non-linguistic specialties of higher education from the standpoint of a constructivist approach]. Sovremennyye kommunikatsii: Yazyk. Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura [Modern communications: Language. Human. Society. Culture]. Collection of scientific articles. Ekaterinburg, Publ. House of UMTS UPI, pp. 124–130 (In Russian).
Ivanova T. M., Ivanova Yu. A., Ionova T. A. (2021) Vneauditornaya rabota po inostrannomu yazyku na nespetsialnykh fakultetakh pedvuza [Extracurricular work in a foreign language at non-specialized faculties of the pedagogical university]. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education, no. 77-2, pp. 37–39. DOI 10.18411/trnio-09-2021-46 (In Russian).
Kabakchi V. V., Proshina Z. G. (2021) Leksiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoj kommunikatsii [Lexico-semantic relativity and adaptability in translation and intercultural communication]. Russian Journal of Linguistics, vol. 25, no. 1, pp. 165–193 (In Russian).

Kholod N. I., Egorova O. S. (2014) Formy i metodicheskie printsipy organizatsii vneauditornoj deyatel'nosti studentov po inostrannomu yazyku [Forms and methodological principles of the organization of extracurricular activities of students in a foreign language]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, vol. 2, no. 4, pp. 108–113 (In Russian).
Kholod N. I., Egorova O. S. (2015) Prazdnik kak forma obucheniya inostrannomu yazyku v vuze [A holiday as a form of teaching a foreign language at a university]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 6, pp. 123–128 (In Russian).
Kuklina S. S., Shevchenko A. I. (2019) Formirovanie mezhkul'turnoj kompetentsii v professional'no orientirovannoj informatsionnoj obrazovatel'noj srede vuza [Formation of intercultural competence in a professionally oriented informational educational environment of the university]. Language and Culture, no. 47, pp. 197–216 (In Russian).
Lesik S. G., Peskova A. S. (2019) Formirovanie inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentsii v ramkakh deyatel'nosti lingvisticheskogo ob''edineniya "Francofolie". [Formation of foreign language communicative competence within the framework of the linguistic association "Francofolie"]. Vestnik Kaluzhskogo universiteta – Bulletin of Kaluga University, no. 4 (45), pp. 31–34 (In Russian).
Lyashenko N. A., Marfina Zh. V. (2021) Rol' vneauditornoj raboty v protsesse professionalnoj podgotovki budushchego lingvista [The role of extracurricular work in the process of professional training of a future linguist]. Vestnik Tver State University. Series: Pedagogy and psychology, no. 2 (55), pp. 148–157 (In Russian).
Mai J. (2022) Interkulturelle Kompetenz: Definition, Bedeutung, Beispiele. https://karrierebibel.de/interkulturelle-kompetenz/.
Makarova E. A., Amosova T. V., Naumenko I. V. (2016) Povyshenie motivatsii studentov k izucheniyu inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [Increasing the motivation of students to study a foreign language in a non-linguistic university]. Sovremennyye problemy vzaimodeystviya yazykov i kul'tur [Modern problems of interaction of languages and cultures]. Materials of the International scientific and practical conference, Blagoveshchensk, Amur State University, pp. 135–140 (In Russian).
Muratov A. Yu. (2005) Formirovanie mezhkul'turnoj kompetentsii uchashchikhsya v protsesse obucheniya anglijskomu yazyku s ispolzovaniem telekommunikatsij [Formation of intercultural competence of students in the process of teaching English using telecommunications]. Abstr. Dis. ... Cand. of Ped. Sci. Barnaul, 26 p. (In Russian).
Moskovkin L., Afanasyeva N. (2019) Formirovanie mezhkulturnoj kompetentsii pri izuchenii inostrannogo yazyka v khode uroka-issledovaniya [Development of intercultural competence in teaching foreign language during the research lesson]. Foreign Language Teaching, vol. 46, no. 4, pp. 388–400 (In Russian).
Ponyaeva T. A. (2019) Rol' vneauditornoj raboty pri obuchenii studentov tekhnicheskikh vuzov inostrannym yazykam. [The role of extracurricular work in teaching foreign languages to students of technical universities]. Global Scientific Potential, no. 2 (95), pp. 56–57 (In Russian).
Rudenko J.A. (2022). Vneauditornaya rabota po formirovaniyu mezhkul'turnoj kompetentsii u inostrannykh studentov: iz opyta raboty pedagoga-praktika [Extracurricular work on the formation of intercultural competence among foreign students: from the experience of a practical teacher]. Gumanitarnaya paradigma – Humanitarian Paradigm, no. 1 (20), pp. 88–97 (In Russian).
Sadokhin A. P. (2008) Mezhkul'turnaya kompetentsiya i kompetentnost v sovremennoj kommunikatsii [Intercultural competence and competence in modern communication]. Social Sciences and Contemporary World, no. 3, pp. 156–166 (In Russian).
Satretdinova A. H. (2022) Vneauditornye formy raboty v vuze v kontekste multikul'turnogo obrazovaniya [Extracurricular forms of work at the university in the context of multicultural education]. Science Prospects, no. 8 (155), pp. 245–247.
Sergeeva N. N., Pokhodzey G. V. (2014) Razvitie inoyazychnoj mezhkul'turnoj kompetentsii studentov neyazykovykh spetsialnostej v sisteme professionalno orientirovannogo yazykovogo obrazovaniya [Development of foreign-language intercultural competence of students of non-linguistic specialties in the system of professionally oriented language education]. Monograph. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 216 p. (In Russian).
Sukhanov I. V. (1976). Obychai, traditsiiipreemstvennostpokolenij.[Customs, traditions and continuity of generations]. Moscow, Publ. House of Political Literature, 246 p. (In Russian).
Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. (2018). Innovatsionnoe modelirovanie kejsov po mezhkulturnoj kommunikatsii [Innovative modeling of cases on intercultural communication]. Business. Education. Law, no. 4 (45), pp. 398–404. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.405 (In Russian).
Veliyev E. E. (2022) Prazdnichnaya kul'tura kak osnova razvitiya sotsialno-kul'turnogo prostranstva [Festive culture as the basis for the development of the socio-cultural space]. Business. Education. Law, no. 3(60), pp. 356–360. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.332 (In Russian).

Информация об авторе

Карташова Валентина Николаевна
Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания. Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, РФ.
ORCID ID: 000-0002-2057-5659.
E-mail: cartashova.vale@yandex.ru

Autor's information

Valentina N. Kartashova
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation.
ORCID ID: 000-0002-2057-5659.
E-mail: cartashova.vale@yandex.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Экономические науки

УДК 330
JEL A10, A13, B10, B 25 B41, B50
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.17

Научная статья

В. В. Бирюков[1]
✉ sciencebvv@gmail.com
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Особенности и перспективы переформатирования современной экономической теории

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, которые связаны с поиском новых подходов к анализу современной экономики, позволяющих разрешать накопившиеся в недрах экономической науки противоречия. Целью статьи является определение особенностей сложившихся тенденций и перспектив переформатирования современной экономической теории в соответствии с меняющимися реалиями. Методологическую основу исследования составил используемый в социальных науках конструктивистский подход, позволяющий изучать экономику на основе постструктуралистской логики. Автором показано, что конкурирующие исследовательские подходы создаются в рамках общей парадигмы и предполагают построение структуралистских версий теоретических описаний, в которых интерпретируется экзогенное влияние социальных факторов на экономическое поведение субъектов. При этом неортодоксальный подход предусматривает рассмотрение процессов, происходящих на трех основных уровнях экономической реальности: глубинном, среднем и эмпирическом, а мейнстримовский подход – лишь на среднем и эмпирическом уровнях. Охарактеризована современная волна перемен в развитии экономической теории, связанная с использованием междисциплинарных методов исследования экономики и осознанием ограниченности теорий экономического мейнстрима. Для выхода на новый уровень понимания сложности современной экономики предлагается использовать междисциплинарный по своему статусу конструктивистский подход, который позволяет на основе постструктуралистской логики анализировать эндогенные механизмы формирования институциональных связей, складывающихся на трех уровнях экономической реальности. В связи с этим возникает возможность содержательно интерпретировать успехи и неудачи, возникающие при проведении реформ национальных экономик.

Ключевые слова: экономическая методология, институциональная экономика, поведенческая экономика, междисциплинарность.

Дата поступления статьи: 21 августа 2023 г.

Для цитирования: Бирюков В. В. (2024) Особенности и перспективы переформатирования современной экономической теории. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 182–189. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.17.

Scientific article

V. V. Biryukov[1]
✉ sciencebvv@gmail.com
[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Features and prospects for reforming modern economic theory

Abstract: The article deals with issues that are related to the search for new approaches to the analysis of the modern economy, allowing for the resolution of the contradictions that have accumulated in the depths of economic science. The purpose of the article is to determine the features of current trends and prospects for reforming modern economic theory in accordance with changing realities. The methodological basis of the study was the constructivist approach used in the social sciences, which makes it possible to study the economy on the basis of post-structuralist logic. The author shows that competing research approaches are created within the framework of a common paradigm and involve the construction of structuralist versions of theoretical descriptions that interpret the exogenous influence of social factors on the economic behavior of subjects. At the same time, the unorthodox approach provides for the consideration of processes occurring at

© В. В. Бирюков, 2024

three main levels of economic reality: deep, average, and empirical, while in the mainstream approach, only at the average and empirical levels. The modern wave of changes in the development of economic theory, associated with the use of interdisciplinary methods of studying the economy and the awareness of the limitations of the theories of the economic mainstream is characterized by reaching a new level of understanding the complexity of the modern economy, it is proposed to use a constructivist approach that is interdisciplinary in its status, which allows, based on post-structuralist logic, to analyze the endogenous mechanisms for the formation of institutional ties formed on its three levels of economic reality. In this regard, it becomes possible to meaningfully interpret the successes and failures that arise in the implementation of reforms in national economies.

Keywords: economic methodology, institutional economics; behavioral economics, interdisciplinarity

Paper submitted: August 21, 2023.

For citation: Biryukov V. V. (2024) Features and prospects for reforming modern economic theory. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 182–189. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.17.

Введение

Наблюдающийся сегодня рост внимания к проблематике переформатирования современной экономической теории происходит в связи с осознанием ее ограниченности в объяснении складывающихся в реальной экономике процессов и прогнозировании их последствий. Уже возникшие в конце прошлого века дебаты о кризисе доминирующего формата экономической теории вызвали первую волну методологического поворота, которая сопровождалась превращением неоинституционализма и поведенческой экономики в ключевые направления экономического мейнстрима. Вместе с тем эти дебаты только активизировались после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., показав, что сложившийся формат экономической теории в корне устарел (Некипелов, 2019; Piketty, 2020; Ross, 2022; Бирюков, 2022; Кирдина-Чэндлер, 2023).

Происходящие в настоящее время события свидетельствуют о возросшей за последние три десятилетия пропасти между экономической теорией и экономической реальностью. Глобальные экономические потрясения 2020-х гг., вызванные формированием нового мирохозяйственного уклада и трансформацией сложившейся неоколониальной архитектуры современной экономики, усиливают потребность углубленного анализа современных изменений экономической теории, которые связаны с поиском ее нового формата, позволяющего выйти за рамки традиционного видения картины экономической реальности, порождающего фрагментированное ее описание. Целью статьи является определение особенностей сложившихся тенденций и перспектив переформатирования современной экономической теории в соответствии с меняющимися реалиями.

Методы

Логика выполненного исследования исходит из того, что для понимания современных особенностей формирования конкурирующих исследовательских подходов к изучению экономики как сложной саморазвивающейся системы необходимо учитывать, что эволюционирующая во времени и пространстве экономическая реальность включает три основные уровня: эмпирический, средний и глубинный (Lawson, 2003; Клейнер, 2019). На эмпирическом уровне происходят непосредственно наблюдаемые экономические процессы; на среднем уровне проявляются локальные формы экономических связей, которые обнаруживаются на поверхностном уровне. На глубинном уровне складываются системообразующие экономические связи, движущие силы, механизмы и ключевые тенденции развития экономики, которые обнаруживаются на более низких уровнях.

Экономическая реальность как часть социальной реальности формируется в ходе взаимодействий субъектов, на основе которых создаются институциональные связи и которые реализуются с помощью неформальных норм и формальных правил, а также поддерживающих их механизмов. Вопреки упрощенным представлениям теоретические описания экономических процессов должны неизбежно отражать связь институтов и экономического поведения субъектов, однако она часто маскируется и замалчивается (Hodgson, 2007; Фролов, 2022; Бирюков, 2022).

Сложившаяся сегодня доминирующая традиция в западной метафизике, как пишет Д. Росс, является атомистической; экономисты, не интересующиеся критической философией, культурно

наследуют ее без особых размышлений (Ross, 2022). Сформировавшийся в результате этого методологический консенсус обусловливает разработку концептуальных подходов, опирающихся на каноническую модель экономического поведения субъектов экономики. В соответствии с данной моделью субъекты из-за несоизмеримости своих предпочтений не могут конструировать координирующие их взаимодействия экономические институты (Бирюков, 2022).

Утвердившееся сегодня в экономической теории видение проблемного поля не позволяет объяснять конструирование эндогенной связи изменений поведения субъектов экономики и институтов, что обусловливает использование структуралистского подхода (структура – поведение субъектов – результат) и фрагментированное описание картины экономической реальности. Для выхода из сложившегося методологического тупика предлагается опираться на используемые в социальных науках методы междисциплинарного познания конструктивизма, позволяющие изучать экономику с учетом ее интерсубъективной природы.

Результаты

Современная когнитивная ситуация в экономической теории, связанная с доминированием эклектико-теоретических описаний, является следствием особенностей формирования ее исследовательской традиции в последние два столетия. В XIX в. развитие экономической науки складывалось прежде всего под влиянием идей классической и немецкой исторической школы; последняя поведение экономических субъектов интерпретировала на основе субъективной теории ценности в сочетании с методологическим коллективизмом (Kurz, 2016, p. 253). В отличие от классической теории представители исторической школы сфокусировали внимание не на изучении общих закономерностей развития экономики в рыночных условиях, а на анализе проблемы выбора путей экономического развития с учетом национальных особенностей страны, что сопровождалось исследованием влияния духовных сил нации, культуры и институтов на хозяйственную деятельность.

Возникший в последней трети XIX в. известный «спор о методах» Г. Шмоллера и К. Менгера фактически касался выбора исследовательской стратегии в рамках складывающейся в условиях маржиналистского переворота дуалистической парадигмы, предполагающей описание экономической деятельности людей с привлечением экзогенных коллективных феноменов. При этом Менгер предложил подход к анализу экономики исходя из спонтанной эволюции социокультурных феноменов (коллективных ценностей, институтов и др.), на основе которого сложилась австрийская школа.

Историческая школа и сформировавшаяся на основе ее идей неортодоксальная теория определяли развитие экономических знаний в последней трети XIX в. и в первые два десятилетия XX в. (Макашева, 2022). Неортодоксальные институционалисты, как и сторонники идей Маркса, исходят из необходимости изучения системных изменений в экономике, поэтому считают, что методологический индивидуализм требуется дополнять методологическим коллективизмом (Сэмюэлс, 2002, с. 127). При этом институционалисты с самого начала считали необходимым исследовать экономические процессы с помощью междисциплинарных методов. Особенности видения неортодоксальными институционалистами картины экономической реальности вызвали использование концептуального подхода, который предусматривает описание процессов, происходящих на трех ее основных уровнях. На глубинном уровне рассматривается влияние господствующих в обществе ценностных представлений на построение институтов; на среднем уровне раскрывается роль институтов в формировании ментальных конструкций субъектов; на поверхностно-эмпирическом уровне интерпретируются особенности экономического поведения субъектов в рамках сложившейся социокультурной среды.

Разнообразные экономические теории мейнстрима сегодня создаются также в рамках исследовательской традиции, возникшей под влиянием маржиналистского переворота. Мейнстрим не предусматривает ответа на вопрос о том, каким образом индивидуальные предпочтения людей трансформируются в коллективные решения, что порождает далеко идущие последствия для всей экономической теории (Некипелов, 2019, с. 25). Создаваемые в мейнстриме теоретические построения предполагают, что институты определяют значение идей, ценностей и идеологий,

на основе которых появляются субъективные ментальные конструкции (Норт, 1997, с. 143). В связи с этим в данных построениях описываются процессы, происходящие лишь на среднем и эмпирическом уровнях экономической реальности.

В силу методологической ограниченности фактически мейнстримовские версии объяснительных описаний экономических процессов основываются на заимствовании концептуальных идей классической и исторической школы, а также неортодоксального институционализма. Кроме того, стремление экономистов выйти за рамки мейнстримовского видения проблемного поля приводят к тому, что происходящие в современной экономической теории перемены свидетельствуют о более активном использовании идей неортодоксального подхода для разработки теоретических построений, что подтверждается библиометрическим анализом работ, выполненных по экономической проблематике. Следует отметить, что методологический поворот, возникший в конце прошлого века, привел к появлению плюралистичного мейнстрима, в рамках которого все большую значимость стали приобретать исследования экономики на основе неоинституционального и поведенческого подходов, что фактически стало ответом на критику неортодоксальными экономистами концептуальных изъянов неоклассики.

Присуждение Нобелевской премии Р. Коузу, Д. Норту, О. Уильямсону и Э. Остром стало запоздалым публичным признанием сторонниками мейнстрима важности изучения институционального устройства экономики. При этом в начале 2000-х годов произошло быстрое и триумфальное распространение идей неоинституционализма, их проникновение во многие академические дисциплины, а также применение в различных областях прикладных разработок и экономической политики. Сложившийся бум интереса к институтам, которые массово инкорпорировались в экономические модели, привел к тому, что экономисты стали считать себя институционалистами (Ménard, Shirley, 2014, p. 555).

Вместе с тем в прошедшем десятилетии в трансформации современных теорий мейнстрима все большую значимость приобретает подъем поведенческой экономики, который стал происходить с 1980-х годов и привел к усилению взаимного влияния между экономической и психологической теорией и экспериментами. Собрав многочисленные «аномалии», которые возникают при сопоставлении экономических моделей неоклассики с психологическими экспериментами, поведенческая экономика сформулировала настоящий вызов традиционному мейнстриму. В начале текущего столетия в результате использования новых технологий наблюдения за поведением возникло утверждение, что микроэкономика должна иметь нейропсихологическую основу; одновременно высказывалось противоположное мнение о том, что экономисты не должны обращать внимание на психологию или нейробиологию. В ходе дебатов утвердилось представление о важности «прагматичного» сочетания экономической и психологической теории. Произошедшая в 2010-х гг. массовая интеграция идей психологии в экономические исследования выразилась в объявлении Э. Ангнера о триумфе революции под лозунгом: «Теперь мы все поведенческие экономисты» (Angner, 2019, p. 195). Широкое распространение идей психологии среди экономистов подтверждается библиографическим анализом их работ.

Библиометрические исследования англоязычного сегмента научной литературы свидетельствуют о том, что на протяжении последних семидесяти лет экономическая наука является самой закрытой из всех социальных и гуманитарных наук с точки зрения соотношения цитирования внутри дисциплины и цитирования работ других дисциплин. Вместе с тем формирование плюралистичного мейнстрима привело к тому, что с 1990-х гг. влияние экономистов на сопредельные науки стало увеличиваться, но и одновременно они чаще стали ссылаться на работы ученых других социальных наук. При этом наблюдается рост доли эмпирических исследований в экономической науке, который сопровождается увеличением во внешнем цитировании доли эмпирических работ (Angrist et al., 2020).

Вместе с тем библиометрический анализ работ в сегменте поведенческой экономики свидетельствует о том, что начиная с 1980-х гг. происходит существенное уменьшение публикаций поведенческих экономистов в журналах по психологии и цитирования публикаций журналов

по психологии поведенческими экономистами. При этом с 2010 г. наблюдается значительное увеличение междисциплинарных взаимодействий поведенческих экономистов с представителями других дисциплин (Truc, 2021). Оценивая складывающиеся тренды в переформатировании экономической теории, Д. Росс считает, что проникновение идей психологии в экономическую теорию перешагнуло свою высшую точку и перешло в рецессию; теперь следует ожидать периода усиленного концептуального и методологического просачивания между экономической теорией и социологией (Ross, 2022).

Рассматривая современную волну методологического поворота, связанную с возрастанием междисциплинарного сотрудничества экономистов и социологов, Д. Росс пишет, что оно вряд ли вызвано влиянием неортодоксальных экономистов, которые всегда стремились экономическую теорию изменять с помощью социологии. Фундаментальную причину появления этой волны Д. Росс видит в ограниченности сложившейся в поведенческой экономике интеллектуальной традиции. Он пишет, что в большинстве работ по поведенческой экономике предполагается, что выбор отдельных людей, изолированных от «социальных помех», является, по крайней мере, хорошей приблизительной моделью экономического поведения in situ. Растущее понимание экономистами ограниченности атомистического индивидуализма приводит к необходимости учета влияния социальных факторов и появлению современных направлений интегрирования социологии в экономику. Активизацию взаимодействия экономистов и социологов Д. Росс рассматривает как наиболее многообещающий путь, по которому экономическая наука и социология могут постепенно сближаться, развитие, которое он считает и желательным, и вероятным (Ross, 2022).

В силу особенностей проблемной области экономика и социология, как пишет С. Г. Кирдина-Чэндлер, являются более естественными партнерами, чем, например, экономика и психология. Библиометрический анализ показывает, что сегодня на фоне роста доли эмпирических работ в публикациях российских и зарубежных экономистов усиливается внимание к созданию единой теории; но в англоязычной литературе доля публикаций по плюрализму значительно превышает долю публикаций по синтезу, в русскоязычной литературе сложилась противоположная ситуация (Кирдина-Чэндлер, 2023).

Вместе с тем поиск перспективного формата развития экономической теории, как представляется, целесообразно осуществлять исходя из конструктивистской методологии, которая приобретает в настоящее время в социальных науках статус своеобразной метатеории. В связи с этим в социальных науках складывается новый этапах развития, связанный с перефокусированием внимания с психологии на знание субъекта; поэтому начинают использоваться не психологические способы получения знаний, а способы, обусловленные мировоззренческими структурами и ценностями. При этом ценности в теоретических построениях приобретают широкое содержание, связанное с процедурой оценивания (Микешина, 2020). Используемый в современных социологических и политических исследованиях конструктивистский подход фундаментально отличается от неоинституционального подхода (Шмерлина, 2016; Алексеева, 2022). В отличие от неоинституционалистов конструктивисты считают, что в ходе коммуникативных практик субъекты способны конструировать институциональные связи на основе обмена знаниями и достижения ценностного компромисса. В связи с этим становится возможным проводить конструктивистские исследования на базе постструктуралистского подхода.

Важно учитывать, что представители исторической школы и Шмоллер заложили неортодоксальную традицию использования ценностно ориентированного подхода к изучению институциональных изменений экономики в контексте реализации национальных интересов. Так, Ф. Лист показал необходимость проведения институциональных изменений с учетом ступени развития национального хозяйства и обеспечения приоритета внутреннего рынка с помощью воспитательного протекционизма, способствующего развитию предпринимательства и молодых отраслей (Лист, 2020). В теории народного хозяйства Г. Шмоллера внимание акцентируется на том, что смитовская политэкономия считала важным поддержание справедливости в рыночном обмене, но это часть справедливости; требуется создание справедливых народно-хозяйственных

институтов. При изучении каждого института необходимо установить его важность с позиции интересов всего общества (Шмоллер, 2012, с. 53–54). Идеи исторической школы послужили важным импульсом развития российской школы и формирования ее характерных черт: приоритета общего блага над частным; необходимости учета культурно-исторических особенностей при выборе траектории развития российской экономики и особой роли государства в построении суверенной экономики.

При смене устаревшего формата экономической теории важно учитывать интерсубъективные особенности экономической реальности, которая складывается в ходе экономических практик субъектов, обладающих ценностно-когнитивными способностями и определенным экономическим мышлением. Предлагаемый подход созвучен идеям неортодоксального институционализма, однако он исходит из необходимости отказа от традиционной парадигмы и поворота к классической парадигме, в которой использовалась ценностно-экономическая модель поведения (Бирюков, 2022). В связи с этим возникает возможность на основе постструктуралистской логики содержательно исследовать эндогенные механизмы формирования институциональных связей, складывающихся на ее глубинном, среднем и эмпирическом уровнях экономической реальности.

Использование постструктуралистской логики позволяет объяснять эндогенную взаимосвязанность изменений ценностных ориентаций субъектов экономики и ее институциональной динамики. При этом неформальные и формальные экономические институты выступают как создаваемые в долгосрочном, среднесрочном и краткосрочном периодах развития экономики относительно устойчивые экономические конструкции, которые складываются в результате достижения ценностно-когнитивного компромисса акторами, занимающими разные позиции в экономико-временном пространстве. Возникающие в экономике вертикальные и горизонтальные институциональные связи поддерживают некоторый баланс кооперационных и рыночных форм экономических взаимодействий с помощью принудительных и стимулирующих мотиваций (Бирюков, 2020).

Постструктуралистский подход инструменталистскую интерпретацию ценностей и идей позволяет заменить субстанциональной интерпретацией, а также пониманием значимой роли экономических ценностей и идей в построении механизмов развития экономики как сложной системы. Вместе с тем важно учитывать, что экономические ценности и идеи могут быть как инновационным фактором, так и фактором, закрепляющим устаревшую хозяйственную систему. В связи с этим, как показывает Д. Родрик, становятся возможными объяснения застоя и успешных изменений хозяйственной жизни, причин поддержки реформ элитами, которые раньше их блокировали (Rodrik, 2014).

Выводы

Произошедший в конце прошлого века методологический поворот привел к изменению формата экономического мейнстрима в результате превращения неоинституционализма и поведенческой экономики в ведущие исследовательские направления. Однако у мейнстримовских и неортодоксальных экономистов сохранилась интеллектуальная традиция использования концептуальных подходов, которые обусловливают создание структуралистских версий теоретических описаний, интерпретирующих экзогенное влияние неэкономических факторов на экономическое поведение субъектов. При этом неортодоксальный подход предполагает рассмотрение процессов, складывающихся на трех основных уровнях экономической реальности: глубинном, среднем и эмпирическом, а мейнстримовский подход – только на среднем и эмпирическом уровнях. Современная волна перемен в экономической теории, связанная с использованием междисциплинарных методов исследования экономики и осознанием ограниченности сложившейся в экономическом мейнстриме исследовательской традиции, приводит фактически к возрастанию значимости неортодоксального подхода в результате появления современных направлений интегрирования социологии в экономику.

Для выхода на новый уровень понимания сложности современной экономики необходимо осознать парадигмальную слепоту применяемых исследовательских «линз» и использовать меж-

дисциплинарный по своему статусу конструктивистский подход, который позволяет на основе постструктуралистской логики анализировать эндогенные механизмы формирования институциональных связей, складывающихся на ее трех уровнях экономической реальности. В связи с этим возникает возможность на основе системного целостного видения картины экономической реальности разрабатывать и осуществлять изменения в экономике в соответствии с новыми вызовами.

Источники

Алексеева Т. А. (2022) Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. Полис. Политические исследования, № 4, с. 77–93. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07.
Бирюков В. (2020) Ценности, институты и экономическое развитие. Общество и экономика, № 4, с. 5–24. DOI: 10.31857/ S020736760009149-2.
Бирюков В. (2022) Парадигмальные особенности разработки институциональных стратегий исследования современной экономики. Общество и экономика, № 10, с. 33–49. DOI: 10.31857/S020736760022707-6.
Кирдина-Чэндлер С. Г. (2023) О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. AlterEconomics, № 1 (20), с. 59–78. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.463.
Клейнер Г. Б. (2019) Принципы двойственности в свете системной экономической теории. Вопросы экономики, № 11, с. 127–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-127-149.
Лист Ф. (2020) Национальная система политической экономии. Челябинск, Социум, 451 с.
Макашева Н. А. (2022) Маржиналистская революция: событие, процесс, миф? Вопросы экономики, № 11, с. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-11-5-23.
Микешина Л. А. (2020) Проблема ценностей в социологической науке – эпистемологический анализ. Социологические исследования, № 12, с. 44–53. DOI: 10.31857/S013216250011917-1.
Некипелов А. Д. (2019) Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления. Вестник Российской Академии наук, № 89 (1), с. 24–37. DOI: 10.31857/S0869-587389124-37.
Норт Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., Фонд экономической книги «Начала», 190 с.
Сэмюэлс У. (2002) Институциональная экономическая теория. В кн.: Панорама экономической мысли в конце 20 века. Т. 1. СПб., Экономическая школа, с. 125–141.
Фролов Д. П. (2022) Будущее плюралистичной институциональной теории. Вопросы экономики, № 4, с. 45–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-45-69.
Шмерлина И. А. (2016) «Институциональная логика»: критический анализ направления. Социологический журнал, № 22 (4), с. 110–138. DOI:10.19181/socjour.2016.22.4.481.
Шмоллер Г. Ф. (2012) Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М., Либроком, 216 с.
Angner E. (2019) We're all behavioral economists now. Journal of Economic Methodology, vol. 26, no. 3, pp. 195–207. DOI: 10.1080/1350178X.2019.1625210.
Angrist J. Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S. F. (2020) Inside job or deep impact? Extramural citations and the influence of economic scholarship. Journal of Economic Literature, vol. 58, no. 1, pp. 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508.
Hodgson G. M. (2007) Institutions and individuals: interaction and evolution. Organization Studies, vol. 28, no. 1, pp. 95–116. DOI: 10.1177/0170840607067832.
Kurz H. (2016) German and Austrian schools. In: H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Handbook on the history of economic analysis, vol. II. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 252–273.
Lawson T. (2003) Reorienting economics. New York, Routledge, 412 p.
Ménard C., Shirley M. M. (2014) The future of new institutional economics: From early intuitions to a new paradigm? Journal of Institutional Economics, vol. 10, no. 4, pp. 541–565. DOI: 10.1017/ S174413741400006X.
Piketty T. (2020) Capital and Ideology. Cambridge, Harvard University Press, 1104 p.
Rodrik D. (2014) When ideas trump interests: preferences, worldviews, and policy innovations. Journal of Economic Perspectives, vol. 28, no. 1, pp. 189–208. DOI: 10.1257/ jep.28.1.189.
Ross D. (2022) Economics is converging with sociology but not with psychology. Journal of Economic Methodology, vol. 30, no. 4, pp. 1–22. DOI: 10.1080/1350178X.2022.2049854.
Truc A. (2021) Mapping behavioral economics and its interdisciplinary practices. Working Paper. UQAM. SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3788167.

References

Alekseeva T. A. (2022) Agent-strukturnye otnosheniya: metodologiya konstruktivizma [Agent-structural relations: methodology of constructivism]. Polis. Political Studies, no. 4, pp. 77–93. DOI: 10.17976/ jpps/2022.04.07 (In Russian).
Angner E. (2019) We're all behavioral economists now. Journal of Economic Methodology, vol. 26, no. 3, pp. 195–207. DOI: 10.1080/1350178X.2019.1625210.
Angrist J. Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S. F. (2020) Inside job or deep impact? Extramural citations and the influence of economic scholarship. Journal of Economic Literature, vol. 58, no. 1, pp. 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508.

Biryukov V. (2020) Cennosti, instituty i ekonomicheskoe razvitie [Values, institutions and economic development]. Society and Economics, no. 4, pp. 5–24. DOI: 10.31857/S020736760009149-2 (In Russian).
Biryukov V. (2022). Paradigmal'nye osobennosti razrabotki institucional'nyh strategij issledovanija sovremennoj jekonomiki [Paradigmatic features of the development of institutional strategies for the study of the modern economy]. Society and Economics, no 10, pp. 33–49. DOI: 10.31857/S020736760022707-6 (In Russian).
Frolov D. P. (2022). Budushchee plyuralistichnoi institutsional'noi teorii [The future of pluralistic institutional theory]. Voprosy Ekonomiki, no 4, pp. 45–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-45-69 (In Russian).
Hodgson G. M. (2007) Institutions and individuals: interaction and evolution. Organization Studies, vol. 28, no. 1, pp. 95–116. DOI: 10.1177/0170840607067832.
Kirdina-Chandler S. G. (2023) O sinteze i mezhdistsiplinarnosti v ekonomicheskoy teorii: sravneniye russkoyazychnogo i angloyazychnogo diskursov [On synthesis and interdisciplinarity in economics: comparison of Russian and English discourses]. AlterEconomics, vol. 20, no. 1, pp. 59–78. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.463 (in Russian).
Kleiner G. B. (2019) Printsipy dvoistvennosti v svete sistemnoi ekonomicheskoi teorii [The principles of duality in the light of the system economic theory]. Voprosy Ekonomiki, no. 11, pp. 127–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-127-149 (In Russian).
Kurz H. (2016) German and Austrian schools. In: H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Handbook on the history of economic analysis, vol. II. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 252–273.
Lawson T. (2003) Reorienting economics. New York, Routledge, 412 p.
List F. (2020). Nacional'naja sistema politicheskoj jekonomii [The national system of political economy]. Cheljabinsk, Socium, 451 p. (In Russian).
Makasheva N. A. (2022) Marzhinalistskaja revoljucija: sobytie, process, mif? [The Marginalist Revolution: An event, a process or a myth?]. Voprosy Ekonomiki, no. 11, pp. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-11-5-23 (In Russian).
Ménard C., Shirley M. M. (2014) The future of new institutional economics: From early intuitions to a new paradigm? Journal of Institutional Economics, vol. 10, no. 4, pp. 541–565. DOI: 10.1017/S174413741400006X.
Mikeshina L. A. (2020) Problema tsennostei v sotsiologicheskoi nauke – epistemologicheskii analiz [The problem of values in sociological science is an epistemological analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies, no. 12, pp. 44–53. DOI: 10.31857/S013216250011917-1 (In Russian).
Nekipelov A. D. (2019). Krizis v ekonomicheskoy nauke – priroda i puti preodoleniya [Crisis in Economics – the nature and ways to overcome]. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 89, no 1, pp. 24–37. DOI: 10.31857/S0869-587389124-37 (In Russian).
North D. (1997) Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional changes, and the Functioning of the economy]. Moscow, Foundation of the Economic Book "Beginnings" Publ., 190 p. (In Russian).
Piketty T. (2020) Capital and Ideology. Cambridge, Harvard University Press, 1104 p.
Rodrik D. (2014) When ideas trump interests: preferences, worldviews, and policy innovations. Journal of Economic Perspectives, vol. 28, no. 1, pp. 189–208. DOI: 10.1257/ jep.28.1.189.
Ross D. (2022) Economics is converging with sociology but not with psychology. Journal of Economic Methodology, vol. 30, no. 4, pp. 1–22. DOI: 10.1080/1350178X.2022.2049854.
Samuels W. (2002) Institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya [Institutional economic theory]. In; Panorama ekonomicheskoi mysli v kontse 20 veka [Panorama of economic thought at the end of the 20th century]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., vol. 1, pp. 125–141 (In Russian).
Shmerlina I. A. (2016) "Institutsional'naya logika": kriticheskiy analiz napravleniya ["Institutional logic": Critical analysis of the direction]. Sotsiologicheskiy Zhurnal – Sociological Journal, vol. 22, no. 4, pp. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812 (In Russian).
Schmoller G. F. (2012). Spravedlivost' v narodnom khozyaistve. Razdelenie truda [The validity in the national economy. The division of labor]. Moscow, Librokom Publ., 216 p. (In Russian).
Truc A. (2021) Mapping behavioral economics and its interdisciplinary practices. Working Paper. UQAM. SSRN. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3788167.

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич
Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebvv@gmail.com

Autor's information

Vitaly V. Biryukov
Dr. Sc. (Econ.), Professor of Economics and Management Dept. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebvv@gmail.com

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Экономические науки

УДК 330
JEL G01

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.18

Научная статья

К. Н. Ермолаев[1], Н. В. Манохина[2], Т. Е. Степанова[3]✉

✉ tatyana.stepanova@klgtu.ru

[1]Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация
[2]Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация
[3]Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Российская Федерация

Ужесточение монетарной политики как коренная причина кризиса банковской системы в современных условиях

Аннотация: В условиях цифровой и геополитической трансформации финансового рынка возникают новые закономерности в трансмиссионном воздействии монетарной политики на банковский и нефинансовый сектора экономики, порождающие новые вызовы и риски, требующие теоретического осмысления. Целью статьи является исследование состояния финансовой системы США с акцентом на банковский сектор и выявление закономерностей его развития. Исследование проведено на основе системно-синергетического подхода. Silicon Valley Bank и ряд других региональных банков США оказались заложниками резкого ужесточения монетарной политики ФРС. В период «нулевых» ставок они активно инвестировали в дешевые депозиты высокодоходные US Treasuries, долгосрочные и ипотечные облигации, стартапы венчурных компаний. Резкое повышение ставки ФРС в 20 раз за короткий промежуток времени для сдерживания инфляции сделало убыточными данные бумаги, что привело к их понижающей переоценке на балансе банков, резкому нарастанию убытков от ускоренной распродажи подешевевших активов для покрытия оттока депозитов вкладчиков, сокращению вложений в венчурные проекты. Банковский кризис стал оказывать негативное воздействие на состояние строительной отрасли и венчурной индустрии. Современная финансовая система США не является устойчивой. Наибольший риск – банковский сектор, пострадавший в результате резкого ужесточения монетарной политики. Обострилась проблема оценки активов: ужесточение монетарной политики превратило казначейские бумаги в убыточные активы, начался процесс вынужденной докапитализации подешевевших залоговых бумаг на фондовом рынке, рост банковских расходов.

Ключевые слова: банковский кризис, монетарная политика, Silicon Valley Bank, региональные банки в США, финансовая стабильность, криптовалюта, макропруденциальная политика, новая монетарная экономика, ФРС.

Дата поступления статьи: 2 ноября 2023 г.

Для цитирования: Ермолаев К. Н., Манохина Н. В., Степанова Т. Е. (2024) Ужесточение монетарной политики как коренная причина кризиса банковской системы в современных условиях. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 190–199. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.18.

Scientific article

K. N. Ermolaev[1], N. V. Manokhina[2], T. E. Stepanova[3]✉

✉ tatyana.stepanova@klgtu.ru

[1]Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
[2]Saratov State University, Saratov, Russian Federation
[3]Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

Tightening of monetary policy as the root cause of the crisis of the banking system in modern conditions

Abstract: In the context of the digital and geopolitical transformation of the financial market, new patterns emerge in the transmission impact of monetary policy on the banking and non-financial sectors of the economy, giving rise to

© К. Н. Ермолаев, Н. В. Манохина, Т. Е. Степанова, 2024

new challenges and risks that require theoretical understanding. The purpose of the article is to study the state of the US financial system with an emphasis on the banking sector and identify patterns of its development. The study was conducted based on a system-synergetic approach. Silicon Valley Bank and several other regional US banks found themselves hostage to the sharp tightening of the Fed's monetary policy. During the period of "zero" rates, they actively invested in low-cost deposits, high-yield US Treasury bonds, long-term and mortgage bonds, and startups of venture capital companies. A sharp increase in the Fed rate by 20 times in a short period to curb inflation made these securities unprofitable, which led to their downward revaluation on the balance sheets of banks, a sharp increase in losses from the accelerated sale of cheaper assets to cover the outflow of depositors, and a reduction in investments in venture projects. The banking crisis began to hurt the state of the construction industry and the venture capital industry. The current US financial system is not sustainable. The greatest risk is the banking sector, which has suffered as a result of a sharp tightening of monetary policy. The problem of asset valuation has worsened: tightening monetary policy turned treasury securities into unprofitable assets, the process of forced additional capitalization of cheaper collateral securities on the stock market began, and an increase in banking expenses.

Keywords: banking crisis, monetary policy, Silicon Valley Bank, regional banks in the USA, financial stability, cryptocurrency, macroprudential policy, new monetary economics, FR.

Paper submitted: November 2, 2023.

For citation: Ermolaev K. N., Manokhina N. V., Stepanova T. E. (2024) Tightening of monetary policy as the root cause of the crisis of the banking system in modern conditions. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 190–199. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.18.

Введение

Оценивая состояние американской финансовой системы, важно проанализировать один из ее ключевых элементов – банковский сектор. Именно его состояние существенным образом оказало влияние на ипотечный кризис в 2007–2009 гг., а сегодня, в период резкого ужесточения монетарной политики, банковская система, как и тогда (2007–2009 гг.), находится под влиянием целого ряда неблагоприятных факторов. Именно по причине влияния на кредитные организации событий, происходящих в американской экономике, возникает целый спектр рисков стабильности всей финансовой системы США. Данный спектр рисков может в случае реализации последних оказать влияние и на мировую экономику. Именно поэтому в рамках данной работы будет проанализировано текущее состояние американской банковской системы, выявлены закономерности ее развития на современном этапе.

Методы

Методологической основой проведенного исследования выступает системно-синергетический подход, который рассматривает экономику как сложную саморазвивающуюся экономическую систему, важнейшей подсистемой которой выступает банковский сектор, состояние которого во многом зависит от содержания монетарной политики государства. В свою очередь состояние банковского сектора оказывает существенное воздействие на протекание всех экономических процессов.

Результаты

Исследуемая проблема актуальна и привлекает внимание широкого круга экономистов, анализирующих ее с различных позиций (Гопинат, 2023; Каплан, Молл, Виоланте, 2023; Akinci, Olmstead-Rumsey, 2018; Benchimol, Fourçans, 2017; Beraja, Fuster, Hurst, Vavra, 2019; Berger, Bouwman, 2017; Blampied, Mahadeo, 2023; Coibion, Gorodnichenko, Kueng, Silvia, 2017; Cukierman, 2013; Eser, Schwaab, 2016; Greenspan, 2004; Grodecka, 2020; Mishkin, 2009; Nilsen, 2002; Pesaran, Shin, Smith, 2001; Sui, Liu, Li, Zhang, 2022; Wuqi, Ming, 2013; Zhan, Zhang, Shen, 2018). Авторы сосредоточили усилия на достижении поставленной выше цели, считая закономерности фундаментом протекающих процессов.

Оценивая риски американской банковской системы в настоящий момент времени, стоит обратить внимание на тренды роста ставки ФРС, благодаря чему возросла доходность американских государственных облигаций, которые имеют наивысший рейтинг надежности. Именно альтер-

натива получения гарантированного дохода в условиях высокой инфляции оказала влияние на американские банки. Банки в настоящий момент не могут предложить сопоставимую доходность по депозитам, что негативно влияет на уровень их депозитов и, соответственно, ликвидность. Описанные закономерности как раз и являются первопричиной череды банкротств американских региональных банков, начавшейся с банкротства Silicon Valley Bank. Далее рассмотрим подробнее ситуацию с данным банком, проанализируем основные закономерности, которые характерны для американской банковской системы в настоящее время. Период пандемии для банков был связан с высоким уровнем вносимых депозитов на счет.

Silicon Valley Bank – Калифорнийский банк, 16-й по размеру в США. Его работа была ориентирована на обслуживание стартапов в сфере высоких технологий. Если смотреть на ближайший период времени, а именно пандемию коронавируса (2020-2021 гг.), то сектор высоких технологий в США развивался стремительными темпами, в это время процентные ставки были низкие, приводилось много первичных размещений – IPO, проводилось огромное число сделок, направленных на слияние и поглощение, все эти сделки требовали существенного финансирования путем заимствования денежных средств. Этим кредитором, в свою очередь, выступал Silicon Valley Bank. Во многом благодаря такому тренду – росту сектора высоких технологий – наблюдался рост бизнеса Silicon Valley Bank. За весь 2021 г. объем его депозитов вырос в три раза. Данные денежные средства в течение 2021 – начала 2022 г. вкладывались в государственные облигации США – US Treasuries, в расчет брались облигации с максимально длинным периодом погашения, так как такие ценные бумаги предполагали большую доходность. Кроме выбора инвестировать в US Treasuries управляющие Silicon Valley Bank использовали также длинные выпуски ипотечных ценных бумаг с надежным инвестиционным рейтингом со сроком погашения 5–10 лет, эти бумаги показывали доходность более 1,5 % в годовом выражении, что в условиях низких ставок казалось куда более перспективной доходностью (рис. 1).

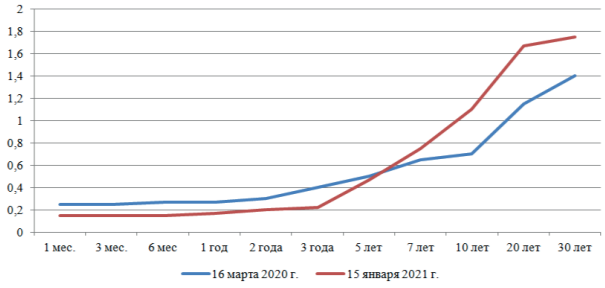

Рис. 1. Доходность американских государственных облигаций в 2020—2021 гг., %[1]

Fig. 1. US government bond yields in 2020—2021, %[1]

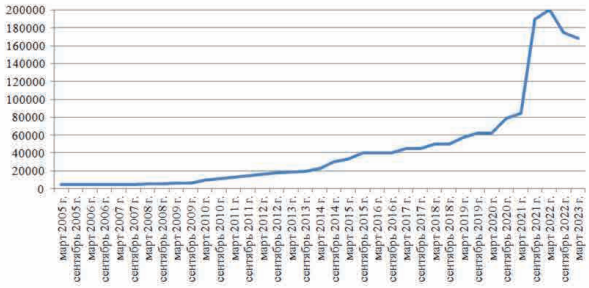

Рис. 2. Динамика изменения совокупных депозитов Silicon Valley Bank с 2005 по 2023 гг., млн долл.[2]

Fig. 2. Dynamics of changes in total deposits of Silicon Valley Bank from 2005 to 2023, million dollars[2]

Во многом банкротство за сутки Silicon Valley Bank вызвало резкое повышение ставок ФРС, а также сокращение ликвидности в виде уменьшения баланса ФРС. Такие последствия объясняются тем, что современная финансовая система, особенно в США технологична и интегрирована в цифровую среду (Konovalova, Kuzmina, Zhironkin, 2020, p. 185), поэтому, если раньше банковские паники развивались не так стремительно, то теперь все происходит в считаные часы и даже минуты (Kuzmina, Konovalova, Chulova, 2020, pp. 12-13), поэтому деятельность регуляторов должна строиться с учетом этого фактора, что потребует принятия решения для стабилизации финансовой системы, в случае если один из крупнейших банков в стране будет не в состоянии отвечать по своим финансовым обязательствам.

[1]US government bond yields in 2020-2021. https://www.researchgate.net/figure/US-Treasury-Securities-Yield-Curve-Mar-2020-Jan-2021_fig1_348559338
[2]Dynamics of changes in total deposits of Silicon Valley Bank from 2005 to 2023. https://www.netinterest.co/p/the-demise-of-silicon-valley-bank

Уже в 4 квартале 2022 г. разница между активами и обязательствами Silicon Valley Bank была отрицательная. Все это сопровождалось трендом оттока из банка депозитов (рис. 2).

Для того чтобы предотвратить банкротство и рассчитаться с вкладчиками, Silicon Valley Bank начал процесс продажи ценных бумаг – облигаций со своего баланса. Важно отметить, что ставка Федеральной резервной системы за этот момент выросла с 0,00-0,25 % (март 2022 г.) до 4,50-4,75 % (9-10 марта 2023 г.). Так, к повышению ставок оказываются чувствительны более длинные облигации, таким образом, получилось, что Silicon Valley Bank продавал свои облигации в убыток, который по отдельным выпускам достигал от 5 до 17 % от номинальной стоимости. Большой убыток по облигациям также был усугублен большим объемом продажи ценных бумаг одномоментно на рынке, так как банк является крупным игроком и резкая продажа влияет на уровень спроса и предложения в моменте.

Изначально менеджмент банка планировал держать просевшие выпуски облигаций до их фактического погашения по номинальной стоимости, то есть одномоментные убытки по длинным бондам так и остались бы бумажными, но ситуацию значительно усугубил начавшийся отток вкладов из банка, что существенным образом повлияло на одномоментное банкротство Silicon Valley Bank. Учитывая эту историю с Silicon Valley Bank, стоит выявить несколько закономерностей, характерных для американской банковской системы, а именно:

– американские коммерческие банки, преимущественно среднего и малого размера, имеют неустойчивость в период высоких процентных ставок;

– институты венчурного инвестирования в настоящий момент не защищены от сжатия ликвидности, смены монетарной политики, а также от влияния рецессии.

История с Silicon Valley Bank наглядно демонстрирует с момента кризиса доткомов, что сектор высоких технологий при всей своей перспективности во многом состоит из компаний «пустышек», большого числа стартапов, которые только начинают разрабатывать и внедрять инновационные продукты. Все эти компании имеют высокую долю рыночного риска (Fomenko et al., 2023, p. 465).

Для коммерческих банков по типу Silicon Valley Bank, чья деятельность ориентирована преимущественно на работу с более рискованными заемщиками, должны существовать специальные нормативы, которые регулируют как уровень достаточности капитала данной финансовой организации, так и надежность выданных займов. Также в отношении таких банков должны осуществляться регулярные проверки, относительно оценки уровня их активов и обязательств.

Преодоление последствий банкротства Silicon Valley Bank и ряда других региональных банков происходило путем поиска гарантов, которые смогли бы выкупить данные кредитные организации, а также предоставления дополнительной ликвидности в финансовую систему США. В марте 2023 г. монетарные власти в США даже начали дискуссию относительно возможности снижения процентной ставки. Меры же монетарного характера ограничились экстренным кредитованием ФРС всей банковской системы США (рис. 3), а также принятием программы BTFP (Программа срочного финансирования (Bank Term Funding Program, BTFP) – программа кредитования в США, созданная Федеральной резервной системой 11-12 марта 2023 г. Важно отметить, что программа предназначена для защиты банков от резкого роста количества вкладчиков после краха Silicon Valley Bank и других банков, а также решения проблемы дефицита резервов финансовых институтов при необходимости. Согласно данным аналитиков JPMorgan, американские банки располагают резервами в размере трех трлн долл., основная часть которых сосредоточена в крупнейших банках. Также баланс ФРС был увеличен на 400 млрд долларов.

Данные рис. 3 как раз иллюстрируют резкий рост баланса после банкротства Silicon Valley Bank и появления ряда проблем у других региональных американских банков. К маю 2023 г. баланс вместе с ростом ставок продолжает снижаться. В настоящее время уровень баланса от локальных максимумов марта снизился практически наполовину.

В статье Андреа Ферреро «Фискальная и монетарная политика в открытой экономике» отмечается необходимость сочетания монетарной и фискальной политики (Ferrero, 2023).

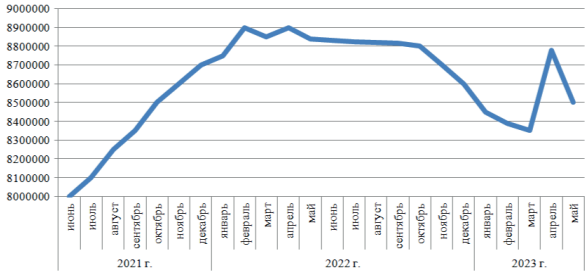

Рис. 3. Динамика баланса Федеральной резервной системы США, млн долл.[1]

Fig. 3. Dynamics of the balance sheet of the US Federal Reserve System, million dollars[1]

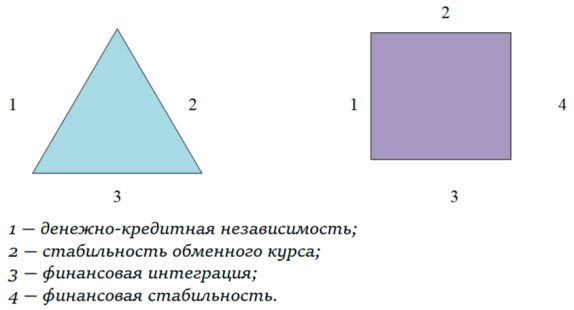

Рис. 4. Трилемма и квадрилемма монетарной политики

Fig. 4. Trilemma and quadrilemma of monetary policy

В валютном союзе фискальная политика может заполнить стабилизационный пробел, оставленный делегированием монетарной / денежно-кредитной политики наднациональному центральному банку. Хотя повышение благосостояния от более активной налогово-бюджетной политики на национальном уровне может быть значительным, полный анализ затрат и выгод должен также учитывать связанные с этим проблемы морального риска.

Есть ряд проблем, в той или иной степени связанных с фискальной и монетарной политикой в открытой экономике. Одним из примеров является проведение денежно-кредитной политики, когда страна сталкивается с большими внешними дисбалансами, как в случае с Соединенными Штатами до финансового кризиса 2008 г. или в зоне евро до тех пор, пока суверенный долг не исчезнет, глобализация распространения финансовых шоков и их последствия для монетарной и фискальной политики, фискальная девальвация и торговые войны, связанные с открытостью экономики.

Поскольку глобальные макроэкономические перспективы по-прежнему характеризуются высокой степенью неопределенности, необходимо включать эти вопросы и расширить границы исследований, занимаясь фискальной и денежно-кредитной политикой в открытой экономике. Например, динамика выдачи новых ипотечных кредитов должна рассматриваться с позиций не только монетарной, но и фискальной политики.

В настоящее время актуально расширение и усложнение целей монетарной политики. Так, Джошуа Айзенман раскрывает эти процессы в статье «Международные резервы, обменные курсы и денежно-кредитная политика: от трилеммы к квадрилемме» (Aizenman, 2019).

Связи международных резервов, обменных курсов и денежно-кредитной политики можно понять через призму современного воплощения «невозможной троицы» (также известной как «трилемма»), основанной на гипотезе Манделла и Флеминга о том, что страна может одновременно выбрать любые две, но не все из следующих трех целей политики: денежно-кредитная независимость, стабильность обменного курса и финансовая интеграция.

Первоначальная экономическая трилемма была сформулирована в 1960-е гг., во времена Бреттон-Вудского режима, как бинарный выбор двух из трех возможных политических целей. Однако в 1990-х и 2000-х гг. развивающиеся рынки и развивающиеся страны обнаружили, что более глубокая финансовая интеграция сопровождается растущей подверженностью финансовой нестабильности и повышенным риском «внезапной остановки» притока капитала и кризисов бегства капитала. Эти кризисы характеризовались нестабильностью обменного курса, вызванной подверженностью балансов стран внешнему долгу в твердой валюте – воздействия, которые способствовали распространению банковской нестабильности и кризисов.

[1] Dynamics of the Fed's balance sheet. Assets: Total Assets: Total Assets (Less Eliminations from Consolidation): Wednesday Level (WALCL) | FRED | St. Louis Fed (stlouisfed.org

Подобные события часто перерастали в глубокие кризисы внутреннего и внешнего долга, заканчивающиеся спасением системообразующих банков и влиятельных макроигроков. Возникший в результате навес внутреннего долга привел к фискальному доминированию и сокращению масштабов денежно-кредитной политики. С разной задержкой эти кризисы вызвали экономические и политические изменения, в ходе которых растущая доля развивающихся рынков и развивающихся стран приблизилась к «промежуточным» режимам в среднем диапазоне трилеммы, то есть управляемой гибкости обменного курса, контролируемой финансовой интеграции и денежной автономии.

Новые исследования подтвердили современную версию трилеммы: то есть страны сталкиваются с постоянным компромиссом, в котором более высокая политическая цель трилеммы заменяется и компенсируется снижением средневзвешенного значения двух других политических целей трилеммы.

Проблемы, связанные с подверженностью финансовой нестабильности, решаются за счет различных конфигураций управления государственными резервами (международными резервами, суверенными фондами благосостояния), а также все более широкого применения макропруденциальных мер, направленных на то, чтобы побудить системных игроков агрегировать влияние своего баланса на финансовую стабильность страны. Следовательно, первоначальная трилемма трансформировалась в квадрилемму, в которой к первоначальным политическим целям трилеммы была добавлена финансовая стабильность. Размер имеет значение, и у небольших стран нет возможности полностью оградить себя от воздействия глобальных циклов и потрясений. Тем не менее успешное решение квадрилеммы открытой экономики помогает снизить воздействие внешних шоков на внутреннюю экономику, а также снизить издержки внутренних шоков. Эти наблюдения объясняют относительную устойчивость развивающихся рынков – особенно в странах с более зрелыми институтами, – поскольку они были смягчены более глубоким осторожным управлением резервами и большим бюджетным и монетарным пространством.

Глобальный финансовый кризис и последующий кризис еврозоны показали, что ни одна страна не застрахована от финансовой нестабильности и современной квадрилеммы. Однако страны со зрелыми институтами, более глубокими бюджетными возможностями и большим бюджетным пространством могут заменить опору на дорогостоящие предохранительные буферы двусторонними своп-линиями, скоординированными между их центральными банками. Хотя преимущества таких механизмов очевидны, они могут зависеть от наличия и надежности механизмов финансовой поддержки, а также от ограничения, возникающего в результате морального риска. Время проверит эту надежность и степень, в которой механизмы объединения рисков могут быть расширены, чтобы охватить растущую долю развивающихся рынков и развивающихся стран.

Отметим, что здесь не уточняется, реализует ли все 4 цели современная монетарная политика, может ли далее расширяться присущее ей дерево целей. Полагаем, что к этим целям вполне разумно добавить экономическую безопасность страны.

Авторы полагают уместным напомнить о существовании в современном мире цифровых финансов, которые следует рассматривать как один из потенциальных объектов монетарной политики. Криптовалюта, виртуальная валюта или цифровой актив, имеющий криптографию для обеспечения уникальных функций безопасности, является динамично развивающимся элементом в оцифрованной финансовой системе.

Отметим, что правительства развитых и развивающих стран и центральные банки не решаются регулировать и принимать криптовалюту. Здесь есть несколько причин: тесные связи криптовалюты с незаконной деятельностью, спекуляции и способность криптовалюты обходить установленный правительством контроль за движением капитала. Такая крипто-нерешительность и игнорирование данного вида цифровых финансов в аспекте регулирования делает современную монетарную политику по меньшей мере недальновидной и слабо обеспечивающей экономическую безопасность страны. При этом в условиях беспрецедентного роста цифровизации по всему

миру криптовалюта как новый класс активов привлекает различных инвесторов. Новизна этого недавно появившегося класса активов побудила исследователей оценить аномальные модели торговли и поведенческие ошибки на крипторынке. Есть исследование изучения стадного поведения на недавно развившемся криптовалютном рынке во время нормальных, а также деформированных фаз биткоин-пузыря и COVID-19, в нем анализируется значение биткоина в стимулировании тенденции к стадности на рынке, измеряется стадное заражение между крипторынком и фондовыми рынками (Shrotryia, Kalra, 2022).

Следует отметить, что монетарная политика выступает составляющей макропруденциальной политики, предполагающей использование в основном пруденциальных, но иногда также монетарных и фискальных инструментов для снижения системного риска, прежде всего в финансовом секторе экономики и его сегментах, и достижения финансовой стабильности. Это мотивируется внешними факторами, связанными с накоплением системного риска с течением времени из-за стратегической взаимодополняемости, экстренных распродаж и кредитного кризиса, связанного с общей распродажей активов, а также сильной межинституциональной взаимосвязи. Макропруденциальные инструменты применимы как к банкам, так и к небанковским финансовым учреждениям, а также к различным классам заемщиков в той степени, в которой они сопряжены с системными рисками. С середины 1990-х годов как страны с развитой экономикой, так и страны с формирующимся рынком неуклонно увеличивали использование и даже ужесточали макропруденциальные меры, что повысило устойчивость банковской системы и за счет таких инструментов, как более низкие ограничения на соотношение кредита и стоимости или обслуживания долга, было снижено жилищное кредитование и купирован рост цен. Сглаживая колебания общего банковского кредита, жилищного/домохозяйства или цен на жилье, макропруденциальная политика имеет тенденцию снижать вероятность будущих кризисов, а также волатильность экономического роста, но при этом она замедляет рост производства. Чтобы справиться с соответствующими внешними рисками, многие развивающиеся страны используют макропруденциальные инструменты, связанные с иностранной валютой, например, резервные требования, основанные на валютных обязательствах, лимиты на несоответствие валют или валютные позиции, а также требования к валютной ликвидности.

В зарубежных публикациях рассматривается новая монетаристская экономика как ветвь макро- и монетарной теории, опирающаяся на несовершенную приверженность, информационные проблемы, а иногда и пространственное (эндогенное) разделение как ключевые препятствия в экономике для создания эндогенных институтов, таких как денежный обмен или финансовое посредничество (Gu, Han, Wright, 2019).

Новая монетаристская экономика уделяет больше внимания микрооснованиям, чем старый монетаризм или старое кейнсианство, и отличается от нового кейнсианства тем, что уделяет особое внимание конкретным основным разногласиям в экономике. Кейнсианцы полагаются почти исключительно на жесткость номинальных цен как критическое искажение, имеющее отношение ко всей макротеории, эмпирическим работам и анализу политики, в отличие от них новые монетаристы сосредотачивают внимание на несовершенных обязательствах и информационных проблемах, а также на трудностях координации торговли, которые часто фиксируются с помощью теории поиска.

Существует три поколения моделей развития нового монетаризма. Первая модель изучает среду, в которой агенты встречаются на двусторонней основе и не имеют обязательств, что позволяет эндогенно ценить деньги как средство платежа. В этой ситуации и товары, и деньги неделимы, что позволяет сохранять порядок.

Модели второго поколения ослабляют предположение о неделимости товаров и используют теорию переговоров (или связанные с ней механизмы) для эндогенизации цен. Варианты этих моделей применяются к рынкам финансовых активов и посредничеству.

В моделях третьего поколения активы и товары являются делимыми, что делает их более подходящими для политического анализа и эмпирических исследований. Эту структуру также

можно использовать для понимания финансовых рынков и ликвидности на различных видах рынка (Волкогон, Сергеев, Кузин, 2019; Мнацаканян, Кузин, Харин, 2022).

Выводы

Подводя итог, стоит сказать о том, что современная финансовая система в США во многом не является устойчивой. Одним из рисков для системы является банковский сектор, пострадавший в результате резкого ужесточения монетарной политики. Регуляторы в настоящий момент обладают только частью инструментов, способных локально стабилизировать ситуацию в банковском секторе, предотвратить панику и изъятие из банков депозитов. Кроме того, остро стоит проблема оценки активов кредитных организаций – существуют методы бухгалтерского учета, допускающие отражение на балансе денежных средств исходя из оценки на конкретный период времени, оценку по номинальной цене приобретения. В настоящий момент такие меры могут сыграть против банковской системы США, существенно подорвать веру в надежность финансовой системы, а также вызвать последствия, неблагоприятные для экономики, а именно – сворачивание жестких монетарных действий и до выполнения целей по инфляции. Более мягкая монетарная политика в таком случае только усугубит накопившиеся проблемы в финансовой системе США.

Современная монетарная политика должна рассматриваться как составляющая макропруденциальной политики, предполагающей использование в основном пруденциальных, но иногда также монетарных и фискальных инструментов для снижения системного риска, прежде всего в финансовом секторе экономики и его сегментах, и достижения финансовой стабильности.

Источники

Гопинат Г. (2023) Кризис и денежно-кредитная политика. Финансы и развитие. Март, с. 15–17.
Волкогон В. А., Сергеев Л. И., Кузин В. И. (2019) Эффективность программно-целевого развития рыбной отрасли России. Калининград, Изд-во КГТУ, 226 с.
Каплан Г., Молл Б., Виоланте Д. Л. (2023) Оптимальная модель современной денежно-кредитной политики. Финансы и развитие. Март, с. 24–27.
Мнацаканян А. Г., Кузин В. И., Харин А. Г. (2022) Исследование тенденций инвестиций в основной капитал в сельском, лесном и рыбном хозяйстве. Балтийский экономический журнал, № 1 (37), с. 17–27. DOI: 10.46845/2073-3364-2022-0-1-17-27.
Aizenman J. (2019). International Reserves, Exchange Rates, and Monetary Policy: From the Trilemma to the Quadrilemma. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023, https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-313.
Akinci O., Olmstead-Rumsey J. (2018). How effective are macroprudential policies? An empirical investigation. Journal of Financial Intermediation, no. 33, pp. 33–57.
Benchimol J., Fourçans A. (2017) Money and monetary policy in the Eurozone: an empirical analysis during crises. Macroeconomic Dynamics, no. 21 (3), pp. 677–707.
Beraja M., Fuster A., Hurst E., Vavra J. (2019) Regional heterogeneity and the refinancing channel of monetary policy. The Quarterly Journal of Economics, no. 134 (1), pp. 109–183.
Berger A. N., Bouwman C. H. (2017) Bank liquidity creation, monetary policy, and financial crises. Journal of Financial Stability, no. 30, pp. 139–155.
Blampied N., Mahadeo S. M. R. (2023) Uncertainties under monetary tightening and easing shocks and different market states. Finance Research Letters, 55, 103834.
Coibion O., Gorodnichenko Y., Kueng L., Silvia J. (2017) Innocent Bystanders? Monetary policy and inequality. Journal of Monetary Economics, no. 88, pp. 70–89.
Cukierman A. (2013) Monetary policy and institutions before, during, and after the global financial crisis. Journal of Financial Stability, no. 9 (3), pp. 373–384.
Eser F., Schwaab B. (2016) Evaluating the impact of unconventional monetary policy measures: Empirical evidence from the ECB's Securities Markets Programme. Journal of Financial Economics, no. 119 (1), pp. 147–167.
Ferrero A. (2023) Fiscal and Monetary Policy in Open Economy. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023. https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-299.
Fomenko N. M., Markova O. M., Ermolaev K. N., Ioda Ju. V., Zhigunova T. S. (2023) Assessment of the Digitalization of Russian Regions Under Conditions of Socio-Economic Uncertainty. Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Cham, pp. 461–472.

Greenspan A. (2004) Risk and uncertainty in monetary policy. American Economic Review, no. 94 (2), pp. 33–40.
Grodecka A. (2020) On the Effectiveness of Loan-to-Value Regulation in a Multiconstraint Framework. Journal of Money, Credit and Banking, no. 52 (5), pp. 1231–1270.
Gu C., Han H., Wright R. (2019) New Monetarist Economics. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023. https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-397.
Konovalova M. E., Kuzmina O. Y., Zhironkin S. A. (2020) Digital Technologies as a Factor of Expanding the Investment Opportunities of Business Entities, Lecture Notes in Networks and Systems, no. 84, pp. 180–188.
Kuzmina O. Y., Konovalova M. E., Chulova E. S. (2020) Transformation of the Banking System as a Way to Minimize Information Asymmetry. Lecture Notes in Networks and Systems, no. 84, pp. 12–18.
Mishkin F. S. (2009). Is Monetary Policy Effective during Financial Crises? American Economic Review, no. 99 (2), pp. 573–577.
Nilsen J. H. (2002) Trade credit and the bank lending channel. Journal of Money, Credit and Banking. DOI: 10.2139/ssrn.762468.
Pesaran M. H., Shin Y., Smith R. J. (2001) Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. Journal of applied econometrics, no. 16 (3), pp. 289–326.
Sui J., Liu B., Li Z., Zhang C. (2022) Monetary and macroprudential policies, output, prices, and financial stability. International Review of Economics & Finance, no. 78, pp. 212–233.
Shrotryia V. K., Kalra H. (2022) Herding in the crypto market: a diagnosis of heavy distribution tails. Review of Behavioral Finance, vol.14, no. 5, pp. 566–587. DOI: 10.1108/RBF-02-2021-0021.
Wuqi Z., Ming N. (2013) On the decline of carbon emissions intensity in China: Structural effect and patent effect. Science Research Management, no. (6), p. 50.
Zhan M. H., Zhang C. R., Shen J. (2018) Internet Finance Development and the Bank Credit Channel Transmission of Monetary Policy. Econ. Res. J, no. 53, pp. 63–76.

References

Aizenman J. (2019). International Reserves, Exchange Rates, and Monetary Policy: From the Trilemma to the Quadrilemma. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023, https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-313.
Akinci O., Olmstead-Rumsey J. (2018). How effective are macroprudential policies? An empirical investigation. Journal of Financial Intermediation, no. 33, pp. 33–57.
Benchimol J., Fourçans A. (2017) Money and monetary policy in the Eurozone: an empirical analysis during crises. Macroeconomic Dynamics, no. 21 (3), pp. 677–707.
Beraja M., Fuster A., Hurst E., Vavra J. (2019) Regional heterogeneity and the refinancing channel of monetary policy. The Quarterly Journal of Economics, no. 134 (1), pp. 109–183.
Berger A. N., Bouwman C. H. (2017) Bank liquidity creation, monetary policy, and financial crises. Journal of Financial Stability, no. 30, pp. 139–155.
Blampied N., Mahadeo S. M. R. (2023) Uncertainties under monetary tightening and easing shocks and different market states. Finance Research Letters, 55, 103834.
Coibion O., Gorodnichenko Y., Kueng L., Silvia J. (2017) Innocent Bystanders? Monetary policy and inequality. Journal of Monetary Economics, no. 88, pp. 70–89.
Cukierman A. (2013) Monetary policy and institutions before, during, and after the global financial crisis. Journal of Financial Stability, no. 9 (3), pp. 373–384.
Eser F., Schwaab B. (2016) Evaluating the impact of unconventional monetary policy measures: Empirical evidence from the ECB's Securities Markets Programme. Journal of Financial Economics, no. 119 (1), pp. 147–167.
Ferrero A. (2023) Fiscal and Monetary Policy in Open Economy. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023. https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-299.
Fomenko N. M., Markova O. M., Ermolaev K. N., Ioda Ju. V., Zhigunova T. S. (2023) Assessment of the Digitalization of Russian Regions Under Conditions of Socio-Economic Uncertainty. Smart Green Innovations in Industry 4.0 for Climate Change Risk Management. Cham, pp. 461–472.
Gopinath G. (2023) Krizis i denezhno-kreditnaya politika [Crisis and monetary policy]. Finance and Development, March, pp. 15–17 (In Russian).
Greenspan A. (2004) Risk and uncertainty in monetary policy. American Economic Review, no. 94 (2), pp. 33–40.
Grodecka A. (2020) On the Effectiveness of Loan-to-Value Regulation in a Multiconstraint Framework. Journal of Money, Credit and Banking, no. 52 (5), pp. 1231–1270.
Gu C., Han H., Wright R. (2019) New Monetarist Economics. Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. Retrieved 12 Nov. 2023. https://oxfordre.com/economics/view/10.1093/acrefore/9780190625979.001.0001/acrefore-9780190625979-e-397.
Kaplan G., Moll B., Violante D. L. (2023) Optimal'naya model' sovremennoy denezhno-kreditnoy politiki [Optimal model of modern monetary policy]. Finance and Development, March, pp. 24–27 (In Russian).

Konovalova M. E., Kuzmina O. Y., Zhironkin S. A. (2020) Digital Technologies as a Factor of Expanding the Investment Opportunities of Business Entities, Lecture Notes in Networks and Systems, no. 84, pp. 180–188.
Kuzmina O. Y., Konovalova M. E., Chulova E. S. (2020) Transformation of the Banking System as a Way to Minimize Information Asymmetry. Lecture Notes in Networks and Systems, no. 84, pp. 12–18.
Mnatsakanyan A. G., Kuzin V. I., Kharin A. G. (2022) Issledovanie tendencii investicii v osnovnoi kapital v selskom- lesnom i ribnom hozyaistve [Study of trends in investment in fixed capital in agriculture, forestry and fisheries]. Baltic Economic Journal, no. 1 (37), pp. 17–27 (In Russian). DOI: 10.46845/2073-3364-2022-0-1-17-27.
Mishkin F. S. (2009). Is Monetary Policy Effective during Financial Crises? American Economic Review, no. 99 (2), pp. 573–577.
Nilsen J. H. (2002) Trade credit and the bank lending channel. Journal of Money, Credit and Banking. DOI: 10.2139/ssrn.762468.
Pesaran M. H., Shin Y., Smith R. J. (2001) Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. Journal of applied econometrics, no. 16 (3), pp. 289–326.
Sui J., Liu B., Li Z., Zhang C. (2022) Monetary and macroprudential policies, output, prices, and financial stability. International Review of Economics & Finance, no. 78, pp. 212–233.
Shrotryia V. K., Kalra H. (2022) Herding in the crypto market: a diagnosis of heavy distribution tails. Review of Behavioral Finance, vol.14, no. 5, pp. 566–587. DOI: 10.1108/RBF-02-2021-0021.
Volkogon V. A., Sergeev L. I., Kuzin V. I. (2019) Effektivnost' programmno-celevogo razvitiya ribnoi otrasli Rossii [The effectiveness of program-targeted development of the Russian fishing industry]. Kaliningrad, KSTU Publishing House, 226 p. (In Russian).
Wuqi Z., Ming N. (2013) On the decline of carbon emissions intensity in China: Structural effect and patent effect. Science Research Management, no. (6), p. 50.
Zhan M. H., Zhang C. R., Shen J. (2018) Internet Finance Development and the Bank Credit Channel Transmission of Monetary Policy. Econ. Res. J, no. 53, pp. 63–76.

Информация об авторах

Ермолаев Константин Николаевич
Доктор экономических наук, доцент. Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-2381-4870.
E-mail: ermolaevkn@yandex.ru

Манохина Надежда Васильевна
Доктор экономических наук, профессор. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-6948-7791.
E-mail: darkanbac@list.ru

Степанова Татьяна Евгеньевна
Доктор экономических наук, профессор. Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-7530-9059.
E-mail: tatyana.stepanova@klgtu.ru

Autor's information

Konstantin N. Ermolaev
Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor. Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-2381-4870.
E-mail: ermolaevkn@yandex.ru

Nadezhda V. Manokhina
Dr. Sc. (Econ.), Professor. Saratov State University, Saratov, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-6948-7791.
E-mail: darkanbac@list.ru

Tatyana E. Stepanova
Dr. Sc. (Econ.), Professor. Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-7530-9059.
E-mail: tatyana.stepanova@klgtu.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Экономические науки

УДК 338.431:338.92
JEL F52, L17, Q13, Q18

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.19

Научная статья

О. Н. Крюкова[1]✉, О. В. Шумакова[1]

✉ on.kryukova@omgau.org

[1]Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, г. Омск, Российская Федерация

Многоукладная аграрная экономика как флагман развития Омской области. Точки роста и механизмы управления

Аннотация: В статье представлены результаты анализа вызовов и ответов на них со стороны российской аграрной экономики для устойчивого развития отраслей народного хозяйства и обеспечения продовольственной независимости и технологического лидерства. Цель статьи: оценить изменения в процессах развития аграрной экономики Омской области и России, а также аргументировать перспективы развития регионального АПК как части трансформации и оптимизации экономической аграрной экосистемы. Для реализации цели в статье применена система регуляторных приёмов, принципов и способов синтеза, статистического анализа, интеллектуального анализа данных и методы многомерного сравнения. В работе рассмотрены особенности развития агропромышленного комплекса Омской области и выявлены тенденции в динамике производственных и торговых операций. Авторами проанализированы изменения метрик доступности продовольствия для населения России и Омской области и дана оценка самообеспеченности на рынке продовольствия; показаны тенденции изменения карты экспорта и процессов цифровизации отраслей сельского хозяйства. На данной основе предложены организационно-управленческие рекомендации, которые ориентированы на реализацию перспективных направлений перехода на новый уровень технологического развития АПК Омской области и защиту внутреннего рынка.

Ключевые слова: аграрная экономика, развитие, управление, продовольственная безопасность, трансформация, сельское хозяйство, аналитика, Омская область.

Дата поступления статьи: 27 ноября 2023 г.

Для цитирования: Крюкова О. Н., Шумакова О. В. (2024) Многоукладная аграрная экономика как флагман развития Омской области. Точки роста и механизмы управления. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 200–211. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.19.

Scientific article

O. N. Kryukova[1], O. V. Shumakova[1]

✉ on.kryukova@omgau.org

[1]Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Multi-lay agricultural economy as flagship of development of Omsk region. Growth points and control mechanisms

Abstract: The article presents the results of the analysis of challenges and responses to them from the Russian agrarian economy for the sustainable development of the sectors of the national economy and ensuring food independence and technological leadership. Purpose: to assess changes in the processes of development of the agrarian economy; identify trends in the dynamics of production and trade operations in the farms of the Russian Federation; and analyze changes in food availability metrics for the population of Russia and the Omsk region. Methods: a system of regulatory techniques, principles, and methods of synthesis, statistical analysis, data mining, and methods of multivariate comparison. Results. The prospects for the development of the regional agro-industrial complex as part of the transformation and optimization of the economic agricultural ecosystem are argued. Conclusions. The agro-industrial complex was characterized, self-sufficiency in the food market, trends in export map changes, processes of digitalization of agricultural sectors were assessed, promising directions for the transition to a new level of technological development were proposed, and a set of organizational and management decisions was developed to protect the domestic market at the federal and regional levels.

© О. Н. Крюкова, О. В. Шумакова, 2024

Keywords: agricultural economy, development, management, food security, transformation, agriculture, analytics, Omsk region.

Paper submitted: November 27, 2023.

For citation: Kryukova O. N., Shumakova O. V. (2024) Multi-lay agricultural economy as flagship of development of Omsk region. Growth points and control mechanisms. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 200–211. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.19.

Введение

В условиях высокой изменчивости среды функционирования хозяйствующих субъектов аграрной сферы, нестабильности рыночных процессов, вызванных трансформацией выстроенных цепей поставки, усиливающейся геополитической напряженностью, изменяющимися моделями поведения потребителей и вызовами технологического характера, важно разработать дифференцированный подход к формированию системы многоукладности аграрной экономики в целях обоснования разрабатываемых мер государственной поддержки для решения задач, стоящих перед сельским хозяйством России и достижения устойчивого роста аграрной экономики.

В интересах последующего развития экономической науки необходимо расширение практики анализа проблем в системах продовольственной безопасности для развития оптимальных организационно-экономического и других механизмов развития аграрной экономики.

Авторами проведены ряд исследований по изучению трансформационных рыночных процессов и вызовов в контексте необходимости обеспечения в Российской Федерации продовольственной независимости и технологического лидерства.

Целью данной статьи является анализ изменений в процессах развития аграрной экономики Омской области и России, а также аргументация перспектив развития регионального АПК как части трансформации и оптимизации экономической аграрной экосистемы.

Методы исследования

С целью систематизации знаний применена система регуляторных приёмов, принципов и способов синтеза, статистического анализа, интеллектуального анализа данных и методы многомерного сравнения.

При проведении исследования использованы три существенных типа методов научно-познавательной деятельности: анализ для оценки элементов трансформационных процессов в агропромышленном комплексе, синтез – для определения последствий реакций в структуре производств, экспорта, потребительского поведения, индукции и дедукции – при обосновании мер максимизации уровня удовлетворения потребности населения в сельхозпродукции и продуктах переработки при росте эффективности производства.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили аналитические обзоры и концепции экспертов, в которых рассматриваются вопросы мониторинга, прогнозирования состояния и развития социально-экономических явлений, использования современных механизмов управления (Абилова, 2022; Алтухов, 2023; Богачев, 2023; Исаева, 2022; Петриков, 2023; Сергиенко, 2023; Шумакова, 2020).

Результаты

В настоящее время сельское хозяйство является основой обеспечения продовольственной безопасности. Кроме объемов производства и состояния агропродовольственных рынков, удельного веса отечественной продукции в товарных ресурсах, на нее оказывают влияние уровень доходов населения; территориальная доступность и качество продовольственных товаров; уровень развития первой сферы АПК, призванной обеспечить его необходимыми средствами производства и ресурсами; состояние перерабатывающих отраслей; уровень развития сельскохозяйственной науки и образования, формирующих основы технологического суверенитета отрасли; обеспечен-

ность квалифицированными кадрами и т. д. Отрасли необходимо оперативно реагировать на вызовы со стороны экосистемы и ее участников.

Характеристика агропромышленного комплекса. Важнейшее место в обеспечении экономико-продовольственной безопасности России занимает агропромышленный комплекс, который в ответ на введенные санкционные меры экономического сдерживания России в короткие сроки сумел реализовать разработанные правительством действенные меры в сфере импортозамещения продовольствия и увеличил производство сельскохозяйственной продукции. В стратегической перспективе установлены пороговые значения по самообеспечению сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продуктами питания отечественного производства. Приоритетами государственной стратегии поддержки и развития отрасли до 2030 года являются обеспечение финансовой стабильности АПК и структурная трансформация, увеличение количества аграриев. Государство поддерживает новые виды продукции. В июле 2023 года Правительство утвердило Стратегию развития производства органической продукции до 2030 года[1].

Она включает отдельные целевые показатели развития отрасли: к 2030 году объем производства органической продукции должен увеличиться в 10 раз (до 114,5 млрд руб.), объем потребления – в 6 раз (до 149,8 млрд руб.), объем экспорта – в 9 раз (до 27,8 млрд руб.) Приоритетным рынком для российского органического продовольствия в стратегии обозначен Китай, который в последние годы стал крупнейшим в мире импортером продовольствия. Через шесть с половиной лет оно должно составлять более 4,2 млн га, тогда как в 2021 году такие посевы составляли всего 656 тыс. га.

Современная парадигма развития АПК основывается на том, что многие глобальные вызовы, с которыми отрасли сельского хозяйства сталкиваются в последнее время, в ближайшей перспективе откроют и возможности. Барьеров для развития на данный момент много, рассмотрим четыре ключевых, которые управляемы со стороны власти, бизнеса и науки.

Анализ показателей развития АПК России свидетельствует, что за 2019–2022 годы наблюдается рост по многим позициям: объем продаж (152,6 %), рентабельности активов (197,1 п. пт.), увеличение доли АПК в ВВП страны (168,1 %).

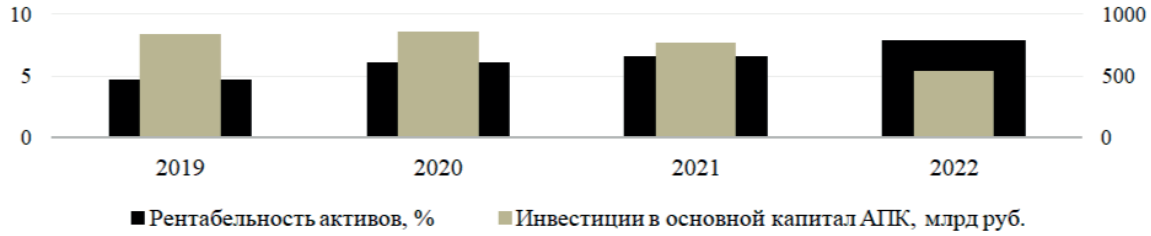

Рис. 1. Показатели эффективности развития АПК РФ за 2019–2022 годы

Fig. 1. Performance indicators of the development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for 2019–2022

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз

Как свидетельствуют данные рис. 1, снижение инвестиций (64,5 %) на фоне роста рентабельности активов в АПК доказывает, что эффективность развития агропромышленного комплекса вызвана не расширением потребления ресурсов, а ростом интенсификации производств.

Важно для оценки состояния сельского хозяйства в России проанализировать региональные особенности построения системы обеспечения собственных потребностей по ключевым видам аграрной продукции. Рассмотрим на примере региона, который входит в топ регионов-лидеров, на долю которых приходится более 75 % валового сбора продовольствия: Омская область, вхо-

[1]Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 4.07.2023 № 1788-р). http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307170027.

дящая в состав Сибирского федерального округа (далее – СФО). По объему валового регионального продукта и по объему производства в сельском хозяйстве СФО – 5 место. В 2022 году Омская область потеряла одну позицию в рейтинге регионов СФО, что произошло на фоне скачка по объемам ВРП всех субъектов. На долю Омской области в 2022 году приходилось лишь 13,4 % валовой продукции. Омская область находится на 34 месте в России по объему валового регионального продукта (далее – ВРП) и на 52 месте – по объему ВРП на душу населения.

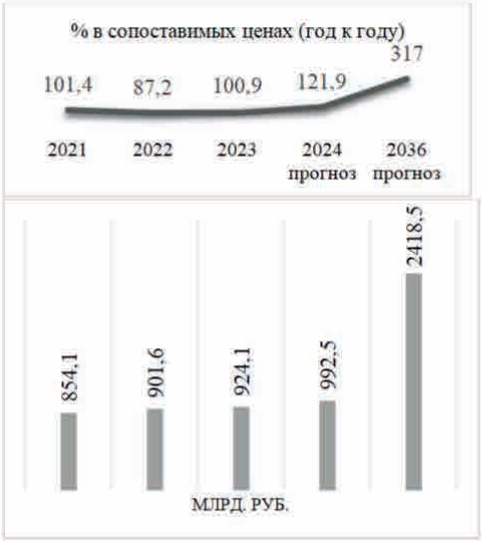

Рис. 2. Динамика валового регионального продукта Омской области

Fig. 2. Dynamics of gross regional product of Omsk region

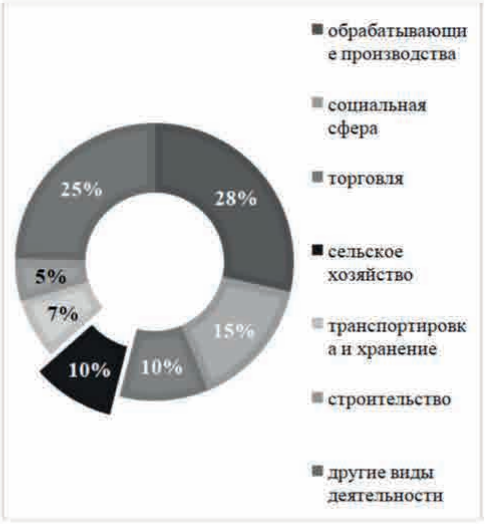

Рис. 3. Структура валового регионального продукта Омской области в 2021 году

Fig. 3. Structure of gross regional product of the Omsk region in 2021

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз, Бюджетный прогноз Омской области на долгосрочный период до 2036 года, утв. Постановление Правительства Омской области от 21.02.2023 №57-п2[1].

В структуре ВРП Омской области наибольшую долю занимают обрабатывающие производства (почти 29 %). Вклад сельского хозяйства лишь 9,5 %.

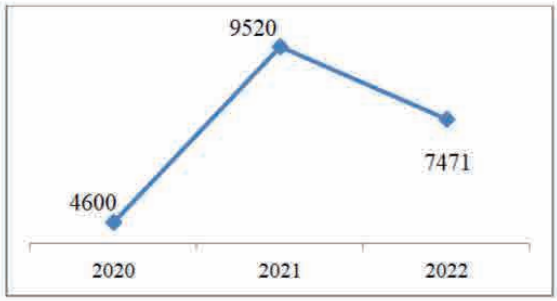

Рис. 4. Объем инвестиций в основной капитал в Омской области, млн руб.

Fig. 4. Volume of investments in fixed assets in the Omsk region, million rubles

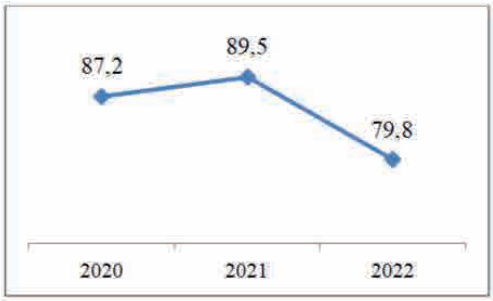

Рис. 5. Доля прибыльных сельскохозяйственных организаций Омской области, %

Fig. 5. Share of profitable agricultural organizations of the Omsk region, %

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз.

[1]Постановление Правительства Омской области «Об утверждении бюджетного прогноза Омской области на долгосрочный период до 2036 года» (от 21.02.2023 № 57-п). https://docs.cntd.ru/document/406526059.

В 2022 году значительно снижается объем инвестиций в основной капитал, несмотря на то что в 2021 году наблюдался резкий скачок в 2 раза относительно 2020 года. Снижается доля прибыльных сельскохозяйственных организаций (менее 80 %). В качестве положительного аспекта выделим рост среднемесячной заработной платы в отраслях АПК (132,2 %). Несмотря на это, численность работающих не перестает снижаться (93,0 %) на фоне уменьшения сельских жителей (93,7 %).

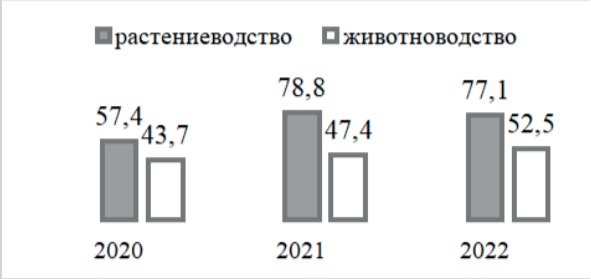

Рис. 6. Объем валовой продукции сельского хозяйства Омской области, млрд руб.

Fig. 6. The volume of gross agricultural output of the Omsk region, billion rubles

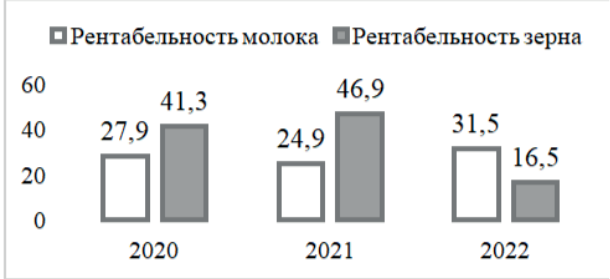

Рис. 7. Рентабельность сельскохозяйственной продукции в Омской области, %

Fig. 7. Profitability of agricultural products in the Omsk region, %

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз.

Отмечается увеличение объемов валовой продукции сельского хозяйства по животноводству, т. к. данное направление значительно поддерживается государством через различные инструменты субсидирования. Также увеличивается рентабельность молока. При этом в три раза снижается рентабельность зерна, что обусловлено падением цен на зерно, снижением экспорта и высокой затоваренностью складов.

Самообеспеченность на рынке продовольствия. Рынок продовольствия в течение последнего периода в высокой степени нестабилен. Проявляются ограничения торговли между странами и регионами, дорожает логистика товародвижения и стоимость ресурсов, наблюдается рост цен на агропродовольственную продукцию, в том числе в связи со спекулятивными действиями отдельных субъектов агропродовольственного рынка. Цели устойчивого самообеспечения основными видами ресурсов для России и ее отдельных субъектов сохраняют свое ключевое стратегическое значение. Россия, в том числе и Омская область, добилась существенных успехов в достижении показателей Доктрины продовольственной безопасности[1], полностью обеспечила себя зерном, превысив ориентиры в два раза, а также превзошла целевые значения по растительному маслу, рыбе, сахару и мясу, приблизилась к ним по картофелю и овощам. Российская Федерация полностью обеспечена мясом птицы собственного производства. Самообеспеченность по молоку за год выросла почти на 1,5 процентных пункта. Но остаются проблемы с молочными продуктами, потребности частично закрывает Беларусь. Сложности с говядиной пока не решились, объемов производства на всю страну не хватает, компенсировать стараются завозом из Бразилии и Аргентины.

В России высокая доля семян зерновых культур отечественной селекции (около 100 % самообеспеченности).

По сое, рапсу, гороху наблюдается также высокий процент отечественных семян. Тогда как сахарная свекла, кукуруза и картофель остаются в «зоне риска». Обеспеченность семенами сахарной свеклы, по итогам 2022 года, на уровне 1,8 %, картофеля – 6,7 %, кукурузы – 41,8 %. У отечественных семеноводов достаточно серьезные сложности и риски. Российские сельхозпроизводители в организованном секторе ежегодно тратят на семена 200 млрд руб.

Самообеспеченность России растительным маслом в 2023 году соответствует нормам Доктрины (211,1 %), как и по зерну (185,4 %).

[1]Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20). http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210021

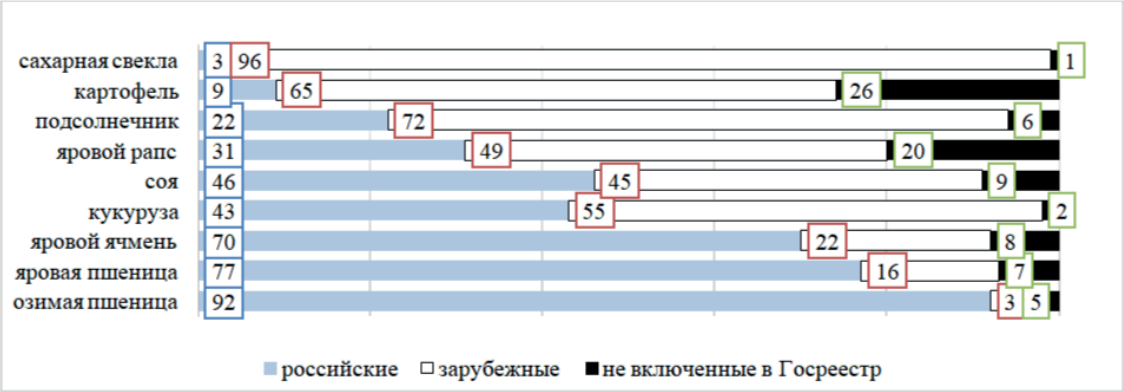

Рис. 8. Доля отечественной и импортной селекции в общем объеме высеянных семян в 2022 году, %

Fig. 8. Share of domestic and import breeding in the total sown seeds in 2022, %

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз.

В Реестре государственной комиссии Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений[1] зарегистрировано 189 сортов рапса ярового, 839 сортов подсолнечника, 320 сортов яровой мягкой пшеницы, 404 сорта яровой твердой пшеницы. Однако следует отметить тот факт, что среди стран происхождения сортов большое количество «недружественных»: США – 36 и 27 (рапс, подсолнечник, мягкая пшеница и твердая пшеница соответственно), Австрия – 4, 3, 1 и 1, Германия – 54, 15, 7 и 8, Швеция – 4,44, 1 и 0, Франция – 3, 206, 5 и 0. Зарубежные сорта рапса и подсолнечника активно используются на всей территории России. На рис. 9 отображена практика распространения семян подсолнечника зарубежной селекции в 2023 году (на 01.08.2023).

Рис. 9. Использование семян подсолнечника иностранной селекции, включенных в государственный реестр селекционных достижений (по состоянию на 01.08.2023)

Fig. 9. Use of sunflower seeds of foreign selection included in the state register of breeding achievements (01.08.2023)

Источник: составлено авторами. Реестры государственной комиссии Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений. https://gossortrf.ru/publication/reestry.php (дата обращения: 01.08.2023).

Округа, которые более используют сорта иностранной селекции, – Центрально-Черноземный, Нижне-Волжский, Северо-Кавказский и Средневолжский. Следует отметить: чтобы преодолеть зависимость от иностранных сортов и гибридов, в России создаются лаборатории мирового уровня, междисциплинарные образовательные центры для подготовки селекционеров, биотех-

[1]Реестры государственной комиссии Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений. https://gossortrf.ru/publication/reestry.php.

нологов и биоинформатиков, выстраиваются тесные связи науки и реального сектора экономики и бизнеса. Отечественное семеноводство и селекция позволят в полной мере и качественно заменить ресурсы производителей, которые сегодня ушли с российского рынка, освободив ниши для российских селекционеров и бизнеса.

Относительно Омской области ключевым селекционным центром обеспечения АПК, не только регионального, является Омский государственный аграрный университет. В экосистему семеноводства вуза входит учебно-опытное хозяйство с площадью более 1000 га и 5 базовых хозяйств, специализирующихся на семеноводстве, в Омской, Челябинской и Новосибирской областях. За 2012–2023 годы учеными-селекционерами Омского ГАУ создано более 25 современных сортов, в том числе совместно с Омским аграрным научным центром, яровой мягкой пшеницы. В Омской области 280 тыс. га посевов засеяны сортами университетской селекции. Омский ГАУ развивает и сорта, пригодные для возделывания в органическом сельском хозяйстве, в Едином государственном реестре зарегистрированы три сорта пшеницы и один – фасоли. Это вносит существенный вклад в обеспечение требований Доктрины продовольственной безопасности и Стратегии развития производства органической продукции.

Изменение карты экспорта. Стабилизация внутреннего рынка продовольствия позволяет подумать о новых возможностях для экспорта. Объем экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) из России в январе 2023 года составил 3,251 млрд долл. США. В 2020 году Россия получила право поставок 34 видов животноводческой продукции в 41 страну, а в 2023 году – девяти видов продукции в пять стран.

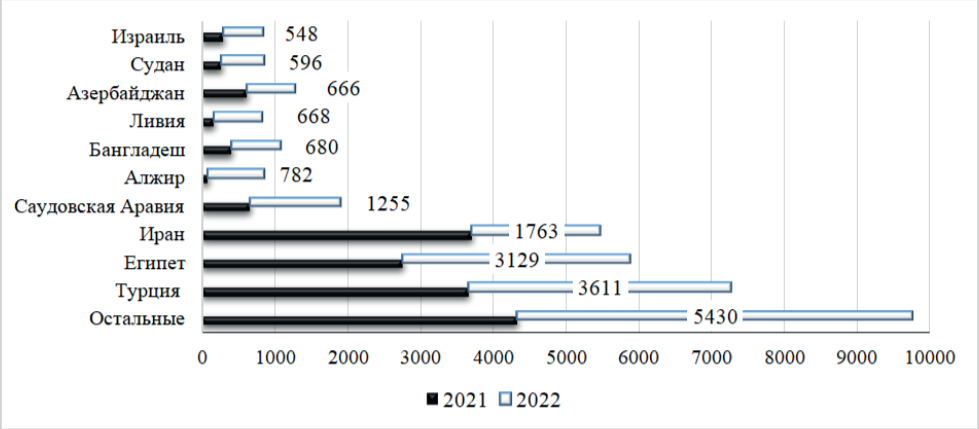

Рис. 10. Изменение карты экспорта российской пшеницы в 2021–2022 гг.

Fig. 10. Change in the export map of Russian wheat in 2021–2022

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований. Росстат, Минсельхоз.

Основными покупателями российского зерна стали страны Ближнего Востока с долей 39 %, Африки – 20 %, Азии – 31 %, Европейского союза – 7 %. Выросли поставки зерна в страны ЕАЭС – в 1,6 раза, до 5,6 млн т. В частности, в Белоруссию – на 72 %, до 1,2 млн т. Наиболее эффективными направлениями экспорта продовольствия являются Юго-Восточная Азия (Китай, Индия, Вьетнам и др.), Ближний Восток (Саудовская Аравия, Иран и др.), Африка (Египет и др.).

Рост индекса мировых цен на продовольствие наблюдался с осени 2020 года, задолго до обострения геополитической ситуации. В 2022 году, согласно данным ФАО, он снижается, хотя его среднегодовое значение на 14,3 % выше показателя 2021 года. В России в 2022 году получен рекордный урожай зерновых (впервые более тонны зерна на человека). Согласно данным Росстата за 2022 год, индекс производства сельскохозяйственной продукции составил 104,7 %, по пищевой продукции – 100,5 %, что позволяет наполнить внутренний рынок относительно потребительского спроса.

В настоящее время Россию пытаются изолировать от общемировой продовольственной системы, что может привести к проблемам голода, задача укрепления общемировой продовольственной безопасности не решится, а впоследствии может привести к резкому дефициту продуктов питания, росту числа голодающих, глобальной миграции народов и, как следствие, общемировой социальной, экономической и политической напряженности. Мировые цены на продовольствие, несомненно, будут расти и в 2024 году. На мировом продовольственном рынке кризис сохранится. Потому что продовольственный рынок зависит от двух других – рынка минеральных удобрений и энергетического. Трудности вызваны дисфункцией мировых рынков, что предполагает большие усилия по стабилизации ситуации и в продовольственной сфере. При снятии ограничений в торговле между странами и регионами, снижении стоимости логистики товародвижения Россия может стать гарантом обеспечения глобальной продовольственной безопасности.

Характеристика Омской области свидетельствует об экспортных особенностях при специализации региона на продукции АПК. Производственный потенциал Омской области основан на близости перспективных рынков сбыта, являющихся крупнейшими потребителями продовольствия: Китая и Индии, население которых более 2,85 млрд чел. В 2022 году объем экспорта сельскохозяйственного сырья и продукции продовольственных товаров в более чем 40 стран из Омской области составил 0,4 млрд долл. США (124,2 % к 2021 году). Удельный вес зерновых и масленичных культур, кондитерских и хлебобулочных изделий, продуктов переработки зерна и напитков в общем объеме региональных экспортных операций – более 80 %. К числу крупнейших экспортеров относятся ООО «Благо-Омск», ООО «Группа компаний ЕВК», ООО «Омскевинпром», ООО «Омское продовольствие», ООО «Сибирский КХП», ООО «ТПК “Сладонеж”», ООО «Юнилевер Русь», ООО «Ястро». В момент, когда отраслевой сектор в России функционирует неустойчиво, экспорт должен стать «точкой роста» для устойчивого развития отраслевых секторов Российской Федерации и реализации целей трансформации агропромышленного производства РФ.

Цифровизация отраслей сельского хозяйства. Уровень проникновения информационных технологий в АПК в России ниже, чем у отраслевых лидеров по данному показателю. К числу основных препятствий для достижения цифровой зрелости сельского хозяйства относятся консервативность отрасли, недостаточное покрытие сельскохозяйственных территорий высокоскоростным Интернетом, нехватка кадров с компетенциями, необходимыми для работы с цифровыми решениями, возросшие ограничения на импорт ПО, оборудования и техники. Отличием цифровизации российского агропромышленного комплекса от сырьевых отраслей является то, что у 70 % предприятий на данном этапе не сформирован ИТ-фундамент, а именно системы управления предприятием, производством, складом, техническим обслуживанием и ремонтом, цепями поставок, агроаналитические системы для сельского хозяйства с применением IoT-устройств.

Рис. 11. Использование базовых цифровых технологий российскими организациями в 2022 году

Fig. 11. Basic digital technologies of Russian organizations in 2022

Источник: Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы. Экспресс-информация. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. https://issek.hse.ru/news/783750202.html (дата обращения 24.11.2023).

В целом сельскохозяйственные организации характеризуются более низким, чем в среднем по экономике, уровнем внедрения цифровых технологий. Наиболее активно применяются в АПК ГИС-технологии: доля предприятий, использующих их, выше, чем в других отраслях. Промышленные роботы используются в более 4 % сельскохозяйственных организаций. Технологии больших данных и искусственный интеллект существенно менее востребованы сельскохозяйственными производителями. Удельный вес применяющих такие решения организаций в 2 раза ниже, чем в экономике в целом. Сельское хозяйство характеризуется невысокими затратами на внедрение и использование цифровых технологий. В 2020 году на отрасль пришлось лишь 0,3 % от общего объема соответствующих расходов. Причем, если в большинстве секторов экономики в результате пандемии предприятия были вынуждены активно внедрять цифровые решения, в сельском хозяйстве в 2020 году затраты на них сократились на 38 %, в том числе из-за удорожания расходных материалов (ГСМ, агрохимикатов, посевного и генетического материала) и других «пандемийных» факторов, усложняющих планирование.

Тренды цифровизации и информатизации субъектов агропродовольственного рынка Омской области не отличаются от российских процессов. На основании опроса 323 сельскохозяйственных товаропроизводителей в регионе определен перечень специализированных программных продуктов, используемых в растениеводстве (АвтоГраф, Автоскан, АгроМон, Агроном Онлайн, АгроСигнал. Скаутинг, Топаз-Офис, Direct.Farm, Grop wise Operations, Hecterra, Wialon) и в животноводстве (СЭЛЭКС, DairyComp, DairyPlan, Data Flow, DTM Core Cloud, HYBRIMINFutter, PigChamp, TFM Tracker UNIFORM-AGRI). Около 5 % из опрошенных приобрели программные продукты, но не используют по причине отсутствия соответствующих специалистов.

Оценивая эффекты от внедрения инноваций в сельском хозяйстве для хозяйствующих субъектов, разделим их по направлениям специализации субъектов. Сельскохозяйственные биотехнологии: профилактика послеродовых заболеваний КРС – более 90 %, снижение уровня использования антибиотиков – в 4 раза; инновационные сорта сельскохозяйственных культур: снижение затрат на средства защиты растений – 80 %, производственных потерь – до 60 %; пищевые биотехнологии: снижение себестоимости производства – до 10 %; инновации в агрохимии – введение в оборот площадей неиспользуемых сельскохозяйственных угодий – до 80 %. Цифровая трансформация помогает сельскохозяйственным производителям оперативнее анализировать данные производства и оптимизировать технологические процессы, минимизируя издержки, в том числе трансакционные.

Выводы

Для повышения эффективности многоукладной аграрной экономики и развития Омской области перспективными направлениями перехода на новый уровень технологического развития должны стать инновационные региональные и межрегиональные консорциумы. Нормативные и методологические инструменты заложены в следующих актах:

– комплексные научно-технические проекты в рамках подпрограмм Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства до 2030 года (постановление Правительства РФ от 25.08.2017 № 996);

– комплексные проекты по созданию высокотехнологичных производств в рамках кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики (постановление Правительства РФ № 218 (в редакции № 193 от 15.02.2021);

– создание и развитие агропромышленных технопарков (постановление Правительства РФ № 1007 от 20.06.2023).

В аспекте реализации целей развития агропромышленного производства РФ, заключающейся в максимизации уровня удовлетворения потребности населения в сельхозпродукции и продуктах переработки при росте эффективности производства, необходим комплекс организационно-управленческих решений для защиты внутреннего рынка на федеральном и региональном уровнях:

1. Совершенствовать механизмы регулирования отношений по четырем компонентам продовольственной безопасности: наличие, доступность, использование продовольствия, стабильность его обеспечения;

2. Активизировать масштабность и результативность научных разработок ученых в области биотехнологий, генетики и селекции при последующем трансфере в реальном производстве;

3. Внедрять новейшие технологии, в частности цифровые, для повышения скорости принятия решений и развития сети продаж продовольствия и сельскохозяйственной продукции;

4. Производить товары с наивысшей долей импорта: корма, ветеринарные препараты, племенной скот, — с дружественными странами;

5. Экспортировать излишки производимого на территории РФ зерна для сохранения баланса цен на внутреннем рынке и поддержки российских производителей зерна;

6. Стимулировать совместный экспорт продовольственных товаров под брендом «органическая продукция» в третьи страны;

7. Сдерживать приток импортного продовольствия для стимулирования местных производителей к заполнению открывшихся ниш на внутреннем рынке и развитию собственных производств.

Источники

Абилова Е. В. (2022) Социально ориентированная модель кооперации в развитии аграрного сектора. Вестник ЧелГУ, № 11 (469), с. 105–114.

Алтухов А. И. (2023) Упущенные возможности обеспечения продовольственной безопасности России в условиях усиления санкционного давления. Вестник аграрной науки, № 3 (102). https://cyberleninka.ru/article/n/upuschennye-vozmozhnosti-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii-v-usloviyah-usileniya-sanktsionnogo-davleniya.

Богачев А. И., Дорофеева Л. Н. (2023) Защита рисков отечественного сельского хозяйства как условие обеспечения продовольственной безопасности. Вестник аграрной науки, № 4 (103). https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-riskov-otechestvennogo-selskogo-hozyaystva-kak-uslovie-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti.

Бураева Е. В. (2023) Система подготовки кадров для цифрового сельского хозяйства: основные перспективы и ограничения. Вестник аграрной науки, № 4 (103). https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-podgotovki-kadrov-dlya-tsifrovogo-selskogo-hozyaystva-osnovnye-perspektivy-i-ogranicheniya.

Голубева А. И., Дорохова В. И., Шуматбаева Ю. В., Манцевич И. В., Соколов А. П. (2022) Государственная аграрная политика – основа стабильного развития сельского хозяйства страны и ее регионов. Индустриальная экономика, № 4. https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-agrarnaya-politika-osnova-stabilnogo-razvitiya-selskogo-hozyaystva-strany-i-ee-regionov.

Гурнович Т. Г., Лягоскина Н. Р., Литвиненко Е. В., Борсковец М. С. (2023) Цифровая трансформация сельскохозяйственного производства в России. Естественно-гуманитарные исследования, № 45 (1). https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-selskohozyaystvennogo-proizvodstva-v-rossii

Исаева О. В. (2022) Современное состояние и прогнозная модель развития аграрной структуры отечественного АПК. Аграрный вестник Урала, № 6 (221). https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-prognoznaya-model-razvitiya-agrarnoy-struktury-otechestvennogo-apk

Исаева О. В., Криничная Е. П. (2022) Государственная поддержка технической модернизации многоукладного сельского хозяйства России: текущее состояние и направления совершенствования. Вестник аграрной науки, № 2 (95). https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-tehnicheskoy-modernizatsii-mnogoukladnogo-selskogo-hozyaystva-rossii-tekuschee-sostoyanie-i

Колесник В. С., Иванова Е. В. (2023) Формирование и развитие ресурсного потенциала регионального агропромышленного комплекса. Вестник Академии знаний, № 1 (54). https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-resursnogo-potentsiala-regionalnogo-agropromyshlennogo-kompleksa-1.

Петриков А. В. (2023) Хозяйства населения в структуре аграрной экономики и совершенствование их государственной поддержки. Федерализм, № 28 (3), с. 49–71. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-3-49-71.

Плахутина Ю. В., Зюкин Д. В., Репринцева Е. В., Сергеева Н. М. (2023) О проблеме развития сельских территорий в России на основе повышения их аграрного потенциала. Вестник НГИЭИ, № 7 (146). https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-razvitiya-selskih-territoriy-v-rossii-na-osnove-povysheniya-ih-agrarnogo-potentsiala.

Полушкина Т. М., Акимова Ю. А. (2023) «Зеленая» экономика в развитии сельских территорий. Общество: политика, экономика, право, № 5 (118). https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-v-razvitii-selskih-territoriy.

Савкин В. И., Масалов В. Н., Березина Н. А. (2023) Тенденции развития, регулирование и поддержка органического производства в аграрном секторе экономики России. Вестник аграрной науки, № 2 (101). https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-regulirovanie-i-podderzhka-organicheskogo-proizvodstva-v-agrarnom-sektore-ekonomiki-rossii.

Сергиенко О. В. (2023) Формирование стратегических решений для устойчивого социо-эколого-экономического развития аграрного сектора экономики. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 17, № 2, с. 227–238. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.23.

Супкелова А. (2023) Экономика диверсификации сельскохозяйственного производства в аграрной политике: на примере рынка органической продукции. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, № 1. https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-diversifikatsii-selskohozyaystvennogo-proizvodstva-v-agrarnoy-politike-na-primere-rynka-organicheskoy-produktsii.

Чарыкова О. Г., Отинова М. Е., Тютюников А. А. (2022) Ключевые направления развития экспорта в сельском хозяйстве России: региональный аспект. Экономика региона, № 1. https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-napravleniya-razvitiya-eksporta-v-selskom-hozyaystve-rossii-regionalnyy-aspekt.

Черкасова О. В., Строков А. С., Цветнов Е. В., Карпова Д. В., Беляева М. В., Чекин М. Р., Марахова Н. А. (2023) Вопросы оценки продовольственной безопасности в Российской Федерации. Вестник Московского университета. Серия 17. Почвоведение, № 2. https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-otsenki-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii.

Шумакова О. В., Крюкова О. Н. (2020) Новые трансакционные затраты и глобальная цифровизация. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 14, № 3, с. 189–197. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.23. EDN JAMVYM.

Шумакова О. В., Крюкова О. Н. (2016) Оптимизация параметров структуры доходов субъектов агропродовольственного рынка. Вестник Омского государственного аграрного университета, № 1 (21), с. 310–320. EDN VVQHUJ.

References

Abilova E. V. (2022) Social'no orientirovannaya model' kooperacii v razvitii agrarnogo sektora [Socially oriented model of cooperation in the development of the agricultural sector]. Vestnik ChelGU – Bulletin of ChelSU, no. 11 (469), pp. 105–114 (In Russian).

Altuxov A. I. (2023) Upushchennyye vozmozhnosti obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii v usloviyax usileniya sankcionnogo davleniya [Missed opportunities to ensure food security in Russia in the context of increasing sanctions pressure]. Bulletin of agrarian science, no. 3 (102). https://cyberleninka.ru/article/n/upuschennye-vozmozhnosti-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii-v-usloviyah-usileniya-sanktsionnogo-davleniya (In Russian).

Bogachev A. I., Dorofeeva L. N. (2023) Zashhita riskov otechestvennogo sel'skogo xozyajstva kak uslovie obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti [Protecting the risks of domestic agriculture as a condition for ensuring food security]. Bulletin of agrarian science, no. 4 (103). https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-riskov-otechestvennogo-selskogo-hozyaystva-kak-uslovie-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti (In Russian).

Buraeva E. V. (2023) Sistema podgotovki kadrov dlya cifrovogo sel'skogo xozyajstva: osnovnyye perspektivy i ogranicheniya [Personnel training system for digital agriculture: main prospects and limitations]. Bulletin of agrarian science, no. 4 (103). https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-podgotovki-kadrov-dlya-tsifrovogo-selskogo-hozyaystva-osnovnye-perspektivy-i-ogranicheniya (In Russian).

Charykova O. G., Otinova M. E., Tyutyunikov A. A. (2022) Klyuchevyye napravleniya razvitiya eksporta v sel'skom xozyajstve Rossii: regional'nyj aspekt [Key directions for the development of exports in Russian agriculture: regional aspect]. Economy of Regions, no. 1. https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-napravleniya-razvitiya-eksporta-v-selskom-hozyaystve-rossii-regionalnyy-aspekt (In Russian).

Cherkasova O. V., Strokov A. S., Czvetnov E. V., Karpova D. V., Belyaeva M. V., Chekin M. R., Maraxova N. A. (2023) Voprosy ocenki prodovol'stvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [Issues of assessing food security in the Russian Federation]. Moscow University Bulletin. Series 17. Soil science, no. 2. https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-otsenki-prodovolstvennoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii (In Russian).

Golubeva A. I., Doroxova V. I., Shumatbaeva Yu. V., Mancevich I. V., Sokolov A. P. (2022) Gosudarstvennaya agrarnaya politika – osnova stabil'nogo razvitiya sel'skogo xozyajstva strany i ee regionov [State agricultural policy is the basis for the stable development of agriculture in the country and its regions]. Industrial Economics, no. 4. https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-agrarnaya-politika-osnova-stabilnogo-razvitiya-selskogo-hozyaystva-strany-i-ee-regionov (In Russian).

Gurnovich T. G., Lyagoskina N. R., Litvinenko E. V., Borskovecz M. S. (2023) Cifrovaya transformaciya sel'skokhozyajstvennogo proizvodstva v Rossii [Digital transformation of agricultural production in Russia]. Natural-Humanitarian Studies, no. 45 (1). https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-selskohozyaystvennogo-proizvodstva-v-rossii (In Russian).

Isaeva O. V. (2022) Sovremennoe sostoyanie i prognoznaya model' razvitiya agrarnoj struktury otechestvennogo APK [Current state and forecast model for the development of the agrarian structure of the domestic agro-industrial complex]. Agrarian Bulletin of the Urals, no. 6 (221). https://

cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-prognoznaya-model-razvitiya-agrarnoy-struktury-otechestvennogo-apk (In Russian).
Isaeva O. V., Krinichnaya E. P. (2022) Gosudarstvennaya podderzhka texnicheskoj modernizacii mnogoukladnogo sel'skogo khozyajstva Rossii: tekushhee sostoyanie i napravleniya sovershenstvovaniya [State support for technical modernization of multi-structure agriculture in Russia: current state and directions for improvement]. Bulletin of agrarian science, no. 2 (95). https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-tehnicheskoy-modernizatsii-mnogoukladnogo-selskogo-hozyaystva-rossii-tekuschee-sostoyanie-i (In Russian).
Kolesnik V. S., Ivanova E. V. (2023) Formirovanie i razvitie resursnogo potenciala regional'nogo agropromyshlennogo kompleksa [Formation and development of the resource potential of the regional agro-industrial complex]. Bulletin of the Academy of Knowledge, no. 1 (54). https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-resursnogo-potentsiala-regionalnogo-agropromyshlennogo-kompleksa-1 (In Russian).
Petrikov A. V. (2023) Khozyaystva naseleniya v strukture agrarnoy ekonomiki i sovershenstvovaniye ikh gosudarstvennoy podderzhki [Households in the structure of the agrarian economy and improving their state support]. Federalism, no. 28 (3), pp. 49–71. DOI: 10.21686/2073-1051-2023-3-49-71 (In Russian).
Plaxutina Yu. V., Zyukin D. V., Reprinceva E. V., Sergeeva N. M. (2023) O probleme razvitiya sel'skikh territoriy v Rossii na osnove povysheniya ikh agrarnogo potentsiala [On the problem of the development of rural areas in Russia based on increasing their agricultural potential]. Bulletin NGIEI, no. 7 (146). https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-razvitiya-selskih-territoriy-v-rossii-na-osnove-povysheniya-ih-agrarnogo-potentsiala (In Russian).
Polushkina T. M., Akimova Yu. A. (2023) "Zelenaya" ekonomika v razvitii sel'skikh territoriy ["Green" economy in the development of rural areas]. Society: Politics, Economics, Law, no. 5 (118). https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-v-razvitii-selskih-territoriy (In Russian).
Savkin V. I., Masalov V. N., Berezina N. A. (2023) Tendencii razvitiya, regulirovanie i podderzhka organicheskogo proizvodstva v agrarnom sektore ekonomiki Rossii [Development trends, regulation and support of organic production in the agricultural sector of the Russian economy]. Bulletin of agrarian science, no. 2 (101). https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-regulirovanie-i-podderzhka-organicheskogo-proizvodstva-v-agrarnom-sektore-ekonomiki-rossii (In Russian).
Sergienko O. V. (2023) Formirovaniye strategicheskikh resheniy dlya ustoychivogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo razvitiya agrarnogo sektora ekonomiki [Formation of strategic decisions for sustainable socio-ecological and economic development of the agricultural sector of the economy]. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 227–238. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.23 (In Russian).
Shumakova O. V., Kryukova O. N. (2020) Novyye transaktsionnyye zatraty i global'naya tsifrovizatsiya [New transaction costs and global digitalization]. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 3, pp. 189–197. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.23. EDN JAMVYM (In Russian).
Shumakova O. V., Kryukova O. N. (2016) Optimizatsiya parametrov struktury dokhodov sub''yektov agroprodovol'stvennogo rynka [Optimization of parameters of the income structure of subjects of the agri-food market]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Omsk State Agrarian University, no. 1(21), pp. 310–320. EDN VVQHUJ (In Russian).
Surpkelova A. (2023) Ekonomika diversifikatsii sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v agrarnoy politike: na primere rynka organicheskoy produktsii [Economics of diversification of agricultural production in agricultural policy: the example of the organic market]. Moscow University Economics Bulletin, no. 1. https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-diversifikatsii-selskohozyaystvennogo-proizvodstva-v-agrarnoy-politike-na-primere-rynka-organicheskoy-produktsii (In Russian).

Информация об авторах

Крюкова Ольга Николаевна
Кандидат экономических наук, доцент. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-8483-5889.
E-mail: on.kryukova@omgau.org

Шумакова Оксана Викторовна
Доктор экономических наук, профессор, ректор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-3647-4497.
E-mail: ov.shumakova@omgau.org

Autor's information

Olga N. Kryukova
Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor. Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-8483-5889.
E-mail: on.kryukova@omgau.org

Oksana V. Shumakova
Dr. Sc. (Econ.), Professor, Rector. Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-3647-4497.
E-mail: ov.shumakova@omgau.org

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Экономические науки

УДК 314.125(73)
JEL O51, R11, R12

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.20

Научная статья

В. Н. Минат[1]

✉ minat.valera@yandex.ru

[1]Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, г. Рязань, Российская Федерация

Влияние структурных сдвигов на динамику производительности труда как фактор регионализации и метрополизации экономики США

Аннотация: На основе теоретических положений о развитии регионализации и метрополизации в пространстве урбанизированных территорий и применения индексного метода эмпирического исследования, дана оценка влияния структурных сдвигов на динамику производительности труда в мегарегионах США. Последние рассмотрены с позиций мезоэкономического анализа, ориентированного на отраслевую специализацию, урбанизацию, локализацию, концентрацию производства и возможности применения конвергентных технологий. Влияние структурных сдвигов на производительность изучено в качестве фактора специфического территориально-локализованного развития метроэкономик в период 2005–2021 гг. на двух уровнях – мегарегиональном и агломерационном. По результатам исследования выдвинутые автором гипотезы в целом нашли подтверждение в части, касающейся перераспределения экономической власти как во внутреннем пространстве мегарегионов США, так и между ними. Исходя из сопоставления необходимых показателей, отражающих структурную трансформацию промышленного производства, влияющего на общую динамику производительности труда и выявления корреляционной зависимости между ними, обосновано выделение центров ускоренного экономического роста внутри мегарегионов США и усиление пространственной неравномерности на уровне мегарегионального развития экономики за счет дальнейшей периферизации ряда «старых» метрополий. Прогнозируется дальнейшая периферизация, обусловленная началом формирования «новых» метроэкономик юго-восточной части США, основанная на развитии отраслей с высокой производительностью труда. Отмечено, что качественное преобразование отраслей американской промышленности, происходящее за счет неодинакового роста секторальной производительности труда, закладывает основу дальнейших преобразований экономического пространства страны в направлении усиления регионализма, вызванного перераспределением экономической власти в пространстве метрополий.

Ключевые слова: экономика США, регионализация, агломерация, метрополизация, метроэкономика, производительность труда, структурный сдвиг, территориально-отраслевая структура, индексный метод.

Дата поступления статьи: 5 октября 2023 г.

Для цитирования: Минат В. Н. (2024) Влияние структурных сдвигов на динамику производительности труда как фактор регионализации и метрополизации экономики США. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 212–229. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.20.

Scientific article

V. N. Minat[1]

✉ minat.valera@yandex.ru

[1]Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, Ryazan, Russian Federation

Impact of structural shifts on labor productivity dynamics as a factor of regionalization and metropolization of the US economy

Abstract: Based on theoretical principles on the development of regionalization and metropolitanization in the space of urbanized territories and the application of the index method of empirical research, an assessment is made of the impact of structural changes on the dynamics of labor productivity in US megaregions. The latter are considered from the perspective of mesoeconomic analysis, focused on industry specialization, urbanization, localization, the concentration of production and the possibility of using convergent technologies. The impact of structural changes on productivity is

© *В. Н. Минат, 2024*

studied as a factor in the specific territorially localized development of metro-economies in the period 2005–2021. at two levels – mega-regional and agglomeration. Based on the results of the study, the hypotheses put forward by the author were generally confirmed in terms of the redistribution of economic power both in the internal space of US megaregions and between them. Based on a comparison of the necessary indicators reflecting the structural transformation of industrial production, affecting the overall dynamics of labor productivity and identifying the correlation between them, it is justified to identify centers of accelerated economic growth within the US mega-regions and increase spatial unevenness at the level of mega-regional economic development due to the further periphery of several "old" metropolises. Further peripheralization is predicted due to the beginning of the formation of "new" metro-economies in the southeastern part of the United States, based on the development of industries with high labor productivity. It is noted that the qualitative transformation of American industries, occurring due to the unequal growth of sectoral labor productivity, lays the foundation for further transformations of the country's economic space in the direction of strengthening regionalism caused by the redistribution of economic power in the metropolitan area.

Keywords: US economy, regionalization, agglomeration, metropolization, metroeconomics, labor productivity, structural shift, territorial and sectoral structure, index method.

Paper submitted: October 5, 2023.

For citation: Minat V. N. (2024) Impact of structural shifts on labor productivity dynamics as a factor of regionalization and metropolization of the US economy. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 212–229. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.20

Введение

Регионализм и регионализация в мир-системе, обоснованные Карлом Поланьи в «Великой трансформации», получили еще более яркое качественное и небывалое в истории количественное выражение в реалиях XXI столетия, затронув не только глобальный уровень международных экономических, политических, соцокультурных и иных отношений, но и сложносоставные производственные системы *state*-государств. В их числе особое значение для дальнейшего хода системно-структурной трансформации глобальной экономики и общественных отношений имеют страны т. н. мирового «геоэкономического центра», а также «макрорегиональные державы». Страны обеих указанных групп, обладающие наиболее структурно сложными и изменчивыми (эволюционирующими) экономическими системами, находятся в настоящее время на пороге «новой регионализации», понимаемой в качестве одной из тенденций развития национальных государств, для которых исторически объективен пульсирующий ритм федерализма и регионализма от интеграции и централизации к расширению самоорганизации и обратно. Процессы, характеризуемые как «… непропорционально резкое повышение роли регионов и муниципалитетов, и как следствие, усиление децентрализации и даже сепаратизма» (Глигич-Золотарева, 2021, с. 165), зачастую имеющие ярко выраженное специфическое субрегиональное этнокультурное воздействие на экономический базис в условиях трансграничного положения, наиболее ярко проявляются в Соединенных Штатах Америки (США)[1].

Российскими учеными обоснованно подмечено, что за регионализацией социально-экономических процессов неизменно стоят конкретные формы пространственной локализации и урбанизации (Трейвиш, 2009), где последняя, в рамках концепции урбанистического перехода, понимается не просто как повышение значимости городского образа жизни и хозяйственной деятельности, селитебности освоения территории, «полюсности» и неоднородности расселения между «центром»/«ядром» и «периферией» (Попов, 2006). Современные «метаморфозы урбанизации» представляют ее в качестве средства практически полного «овладения территорией» и преобразования пространства (Швецов, 2017), зачастую (хотя и не всегда) подчиняя процессы социально-экономического развития урбоориентированности общественных институтов, урбоцентричности экономических, политических, социокультурных, инновационных практик, постепенно формирующих, ни много ни мало, *«пространство власти»* (Королев, 1977). Особенно ярко отражена сущность «власти урбанизированной территории» в концепции мировых городов (Sassen, 2001). С позиций географического восприятия указанной формы пространства, власть «… не только обретает конкретные территориальные контуры, но и выступает в качестве системоформирующего, структурирующего и конструирующего территориальную организацию общества

института и механизма» (Дружинин, 2014, с. 21). В приведенной цитате известный экономгеограф А. Г. Дружинин, понимая «пространство власти» в первую очередь в ее политико-экономической ипостаси, расширяет общественно-пространственную реальность свойств, факторов и тенденций саморазвития системы «пространство – власть» посредством введения понятийно-категориального конструкта *метрополия*. В своем исследовании, опираясь на предшествующий теоретико-методологический опыт, указанный автор рассматривает сущность метрополии как объективного воплощения фактической, универсальной, реализуемой в конкретных геопространственных формах способности одних территорий «… осуществлять “свою волю” по отношению к другим территориям», а сам процесс формирования и исторического развития сложной иерархичной сети метрополий именует *метрополизацией* (Дружинин, 2014, с. 21).

Представление о процессе метрополизации как многоаспектном (экономическом, политическом, социокультурном, инновационном) практическом доминировании ведущего пространственного ареала, имеющего урбанизированную материальную основу развития, носит двойственный характер, свойственный *урбоориентированной кластеризации*. С одной стороны, происходит процесс формирования системы власти над определенным геопространством и одновременно, с другой стороны, территориальная организация (территориализация) самой власти внутри этого пространства. В настоящей работе мы ограничиваемся познанием власти в современном обществе, прежде всего, в качестве *власти экономической,* выступающей базисом метрополий и метрополизации, как и рассмотренной выше регионализации. Экономическая власть, доминирующая в системе общественных отношений, выстраивается и воспроизводится в рамках определенной целостной территории в процессе генерирования и распределения статусно-локализационной ренты[2] и выражается специфической системой отношений, идентифицируемой как метроэкономика. Представляя собой основу территориальной общности для метросоциума, метроэкономика, как и всякая иная экономическая система, имеет (помимо рентного) ценовой, налогово-бюджетный, корпоративный и иные механизмы перераспределения ресурсов, продукта и прибыли.

Следовательно, *наблюдаемая в развитых странах регионализация экономических отношений, пространственно выраженная в урбанизированных формах территориальной организации хозяйства и населения, на практике реализуется посредством процесса метрополизации.* Указанный процесс, с одной стороны, хорошо знаком нам из истории, а с другой – проявляется в настоящее время в новых формах и институтах, свойственных метроэкономике, ориентированной во все большей мере на *знаниеемкость* как производящих секторов хозяйства, так и сервисной сферы, ставшей своеобразной «постмодернистской витриной» урбанизации и субурбанизации большинства стран современного мира. Являя собой геоурбанистическую форму, метрополия основывается на эффектах агломерации, пространственной локализации и концентрации/сверхконцентрации экономических процессов, реализуемых посредством механизма территориальной детерминации политико-экономических отношений, включая такие, несомненно, важнейшие из них, *как отраслевые структурные изменения/сдвиги, приводящие к структурной трансформации производственной системы, и тесно связанную с указанными изменениями динамику производительности труда.*

В условиях невиданного ранее по своим темпам возрастания сложности труда, цифровизации и сервизации современной экономики, проблема динамики производительности труда (ПТ), актуализируется как с научной, так и с практической точек зрения, включая не только отраслевой, но и пространственный аспекты указанной динамики. При этом в рамках целостной урбанизированной территориальной общности, представляющей из себя сложную открыто функционирующую систему, состоящую из субъектов как отраслевого, так и пространственного взаимодействия (Патракова, 2021), структурно-отраслевой и пространственный аспекты изучения динамики ПТ взаимно дополняют друг друга посредством выявления *территориально-отраслевой структуры* (ТОС) и *ее сдвигов* (Трейвиш, 2019), если речь идет об эффективности производственной деятельности людей в определенной системе расселения (Бабурин, 2014).

Объектно-предметная область настоящей работы охватывает *мезоэкономический пространственно-отраслевой* уровень исследования (Мезоэкономика развития, 2010), дополненный наличием характерных *агломерационных эффектов* (Лавриненко и др., 2019) регионального (точнее

трансрегионального) развития, на котором четко прослеживается влияние отраслевой структуры на динамику ПТ в разрезе важнейших пространственных элементов экономической системы США.

Выбор объектом исследования *целостной урбанизированной территории США, с которой в своем географическом проявлении может быть соотнесена метрополия, вмещающая метроэкономику и метросоциум,* неслучаен, исходя из следующих положений.

Первое. По оценкам как американских (Florida et al., 2007; Florida, 2008; Melo, 2017), так и российских (Смирнягин, 2011; Супян, 2023) исследователей, на протяжении последних как минимум трех десятилетий, драйвером национальной экономики США в ее пространственном выражении, т. е. геоструктурой экономической власти трансрегионального свойства, выступает высшая на сегодняшний день форма развития урбанизации, общества и метрополии – *мегарегион*[3]. Важно подчеркнуть, что ряд американских исследователей в рамках урбоориентированного пространственного развития особо выделяют субурбанизацию (развитие небольших городских поселений вокруг высокоурбанизированного ядра) в качестве наиболее «передового» элемента процесса мегарегионализации (Duane et al., 2001)[4]. Таких мегарегионов, формирующих свою сеть урбанизированного расселения и экономической деятельности, охватывающих территории, как правило, сразу нескольких штатов и огромного количества графств и провинций страны, в Соединенных Штатах выделяют одиннадцать *(Megaregions of the United States)*[5].

Второе. Структурная перестройка американской экономики, осуществляемая в мегарегиональном пространстве США с 2010 г. под лозунгом реиндустриализации, в структурном плане выражается в сдвиге в пользу высокотехнологичных отраслей, испытывая целый ряд проблем, приводящих к объективной необходимости пространственной локализации и регионализации как в системе производства и инфраструктуры, так и расселения (Murrow, 2018). Причем неизбежные издержки внутренней структурной перестройки правящие круги (политическая власть и крупный бизнес) Соединенных Штатов всячески пытаются перенести на все мировое сообщество в виде экспорта не только экономических, но и политических кризисов. Последние схожи по масштабу с Великой депрессией и двумя мировыми войнами прошедшего века, а по глубине негативных последствий готовы превзойти их (яркий пример «постковидный» спад экономического роста и развития). Среди многочисленных исследований американских ученых, посвященных изменениям отраслевой структуры в экономическом развитии США начала текущего столетия, особое внимание обращаем на результаты инициации структурных сдвигов и секторальной (отраслевой) стратегии ПТ (Kelvis, 2017; Lewinsky et al., 2019; Farrow, 2020; Moss et al., 2020; Аткинсон, 2022)[6].

Третье. Одной из главных проблем, по мнению ряда авторитетных американских ученых (Baily et al., 2016; Murray, 2018; Moss et al., 2020; Спрэг, 2021)[7], выступает замедление роста ПТ несмотря на начало технологического перехода к 6-му технологическому укладу (ТУ), пришедшее, казалось бы, в достаточно стабильные 2000-е гг. вслед за историческим бумом производительности в США 90-х гг. Решение проблемы с замедлением темпов роста производительности в американской экономике имеет своей пространственной основой урбанизированные территории США, где локализованы и сконцентрированы основные объемы хозяйственной и селитебной деятельности[8].

Обобщая опыт предшествующих исследований, отметим, что под отраслевой структурой в данном случае мы будем понимать долю отдельных отраслей (секторов) экономики США, отличающихся разным уровнем ПТ, а под *сдвигами* ТОС – факторы, как оказывающие влияние на ПТ в каждой отрасли, так и отражающие меру (вес) этой отрасли в изменении (росте, снижении) ПТ в экономике конкретных мегарегионов США и их совокупности как целостной системы. Из этого следует, что средняя ПТ в американской экономике, как динамическая величина, может увеличиваться не только в итоге роста ее отдельных отраслей, но и в результате того, что в общей совокупности отраслей увеличится вес тех из них, которые обладают более высокой ПТ и территориальной концентрацией в конкретных мегарегионах и их частях[9]. Таким образом, сдвиги ТОС мегарегионов США наилучшим образом будут раскрываться в качестве фактора, не только способствующего развитию экономики посредством восстановления темпов роста ПТ в различных, в первую очередь знаниеемких инновационных отраслях, но и лимитирующего возможности разных метрополий в условиях углубления межтерриториального неравенства,

т. е. периферизации некоторых американских мегарегиональных метрополий, выступающих центрами «новых», более экономически самодостаточных, регионов США.

Цель исследования заключается в установлении влияния структурных сдвигов на динамику ПТ за 2005–2021 гг. и обосновании результатов этого влияния в качестве фактора регионализации и метрополизации как специфического территориально-локализованного развития метроэкономики в разрезе мегарегионов США.

Если метрополизация и регионализация США, исходя из рассмотренных выше теоретических положений, несомненно, имеют своей пространственной, геоэкономической основой мегарегиональное развитие метроэкономики и метросоциума, то, на наш взгляд, возникает необходимость изучения локализированных экономических явлений, связанных с ТОС и ПТ, как минимум в двух разноуровневых аспектах. Автору представляется возможным выдвижение двух гипотез, которые следует проверить эмпирическим путем.

Гипотеза № 1 (О внутренней ТОС мегарегионов и ее влиянии на ПТ в разрезе разных структурно-агломерационных элементов, т. е. перераспределении экономической власти внутри американских пространственных метрополий). Предполагается, что по результатам структурных сдвигов, произошедших в 2005–2021 гг. в рамках метроэкономик, в пространстве мегарегионов США должны возникнуть и сформироваться качественно новые зоны ускоренного экономического роста, определяемые как посредством наибольшего влияния структурного фактора на положительную динамику ПТ, так и максимальными темпами прироста самой ПТ.

Гипотеза № 2 (О сравнении мегарегионов США между собой по общей и структурной динамике ПТ, с выделением мегарегионов, по-прежнему составляющих геоэкономический центр страны, и, напротив, «смещающихся» в сторону структурно-экономической периферии развития, т. е. перераспределение «силы» пространства экономической власти в национальном масштабе). Считаем, что на основе полученных количественных характеристик ТОС и ПТ по 11 мегарегионам США, их корреляции и качественной интерпретации, в практическом смысле начинается *формирование процесса структурной трансформации* мегарегионального «центро-периферийного» развития всей экономики страны (макроуровень), выраженной, в рамках настоящего исследования, в периферизации ряда мегарегионов, что усиливает неравномерность развития самих метроэкономик – высших в пространственной иерархии экономической власти территориально-системных образований мезоуровня.

Методы

При выборе объектом исследования урбанизированных территорий высшего иерархического ранга статистическая база данных традиционно для США привязывается к *метрополитенским статистическим ареалам* (МСА) (Темиргалеев, 2014)[10]. Согласно официальным данным, анализу подлежат первичные данные по 236 МСА/КМСА, составляющие 11 интересующих нас мегарегионов США за период с 2005 по 2021 г.[11]

При этом считаем допустимым провести генерализацию исследуемого нами секторального состава американской экономики (850 отраслевых категорий), выбрав для изучения только *отрасли промышленного производства* (53 отраслевые категории) как наиболее производительные (по сравнению со сферой услуг и, например, строительством или транспортом) и структурно определяющие секторальную динамику ПТ (Murrow, 2018; Аткинсон, 2022; Минат, 2022г) и «реиндустриальный поворот» в рамках урботерриторий США (наряду с таким сервисным сектором, как информационно-коммуникационные услуги) (Патракова, 2021).

На ***первом этапе*** эмпирической части настоящего исследования мы определим ***число отраслей специализации промышленного производства для каждого МСА, составляющих тот или иной мегарегион США.*** Для этого используется расчет *индексов локализации (location quotient, LQ),* уже имеющий опыт при изучении территориального ТОС промышленности США в рамках МСА (Дадов, 2012). Указанный индекс, учитывая введенную нами терминологию, может быть определен так:

$$LQ = \frac{SI_{MSA}}{SI_{USA}} \quad (1)$$

где SI_{MSA} – доля отрасли промышленного производства (по его объему, изменение которого характеризуется средним темпом роста $\bar{T}$)[12] в части метроэкономики, размещенной в пределах конкретного МСА; SI_{USA} – доля этой же отрасли в экономике США.

Отраслевая специализация, определяемая по конкретным МСА, выражает полученные значения не только для всего мегарегиона, но и входящих в него агломераций (по названию одного или нескольких крупнейших городов), а также отдельных населенных пунктов, имеющих значительный индустриальный потенциал. С целью повышения репрезентативности данных, к числу отраслей специализации указанных урботерриторий мы будем относить отрасли, для которых LQ будет равен не единице (как принято обычно), а 1,2, согласно методу «вершков» Л. В. Смирнягина, расширяющему идею применения индекса локализации как инструмента по определению отраслевой специализации территории (Голяшев и др., 2014, с. 277).

Второй этап эмпирического исследования посвящен ***количественному определению отраслевой/секторальной ПТ.*** Широкое распространение при изучении структурных сдвигов и изменения ПТ в Соединенных Штатах также получил *индексный метод.* В исторической ретроспективе нетрудно заметить, что государственные статистические органы США в расчете секторальной (отраслевой) ПТ постепенно переходили от т. н. «традиционного» способа, при котором индекс физического объема продукции был отнесен к индексу трудовых затрат, к т. н. *совокупной производительности.* Во втором случае каждая из крупных отраслей американской экономики обладает собственным специфическим набором сочетаний *«компонентов роста» ПТ (labor productivity growth components)*: 1) *многофакторная производительность (MFP)* – использование технологических и организационных достижений и структурного перераспределения затрат между отраслями с различной ПТ, 2) *вклад капиталоемкости* – взвешенное по капиталу изменение в соотношении капиталовооруженности труда и 3) *вклад трудового потенциала* – взвешенное по труду изменение рабочей силы, отражающее сдвиги в уровне квалификации, навыков и опыта работника.

В отношении учета многофакторной производительности, в настоящем исследовании мы позволим себе количественно оценивать действие MFP-компонента посредством расчета *индекса конвергентного резонанса* (ИКР)[13], отражающего степень использования отраслями американской промышленности конвергентных технологий, относимых к нарождающемуся 6-му ТУ. Именно НБИК-технологии определяют структурные сдвиги производственного сектора американской экономики в условиях американской реиндустриализации за интересующий нас период времени. Имеется богатый опыт американских исследований конкретного применения в секторах и регионах США (Charnes et al., 1994; Coelli et al., 1998; Cooper et al., 2000). Указанный индекс уже рассчитывался автором для отраслей промышленности США (хотя и для несколько иного периода времени) на основе метода и математических моделей *Data Envelopment Analysis – DEA* (Минат, 2022б)[14]. В настоящем исследовании нами произведен перерасчет ИКР за период в 2005–2021 гг. на аналогичной методической основе и статистической базе в разрезе соответствующих МСА.

В отношении вкладов капиталоемкости и трудового потенциала в динамику ПТ, нам представляется, что проблему соединения в едином итоге трудовых и материальных ресурсов возможно решить путем *пересчета материальных ресурсов в трудовые.* Такой пересчет является, на наш взгляд, более правомерным, чем наоборот, исходя из рассуждений о том, что актором ПТ является работник, а все материальные ресурсы (включая средства производства) выступают в качестве факторов труда человека. В своем «пересчете» мы опираемся на американскую методику оценки отработанных часов для измерения ПТ (Элдридж и др., 2022), применяемую в несельскохозяйственных отраслях экономики США.

Для поиска сбалансированной системы между показателями труда и капитала мы используем традиционную схему *ресурсного выражения интегрального показателя среднеотраслевой эффективности – beneficial effect, BE,* т. е. применимого для сравнения уровня ПТ различных отраслей метроэкономики конкретного мегарегиона США, преобразованной следующим образом:

$$BE = \frac{E}{L+F+K} = \frac{\frac{E}{L}}{1+\frac{1}{\frac{E}{F}}+\frac{1}{\frac{E}{K}}} \quad (2)$$

где E – экономический эффект/результат; L – используемые трудовые ресурсы; F – основные фонды; K – оборотные средства.

На основе полученного выражения мы сможем рассчитать общий прирост уровня ПТ (J_{LP}), который равен отношению прироста средней ПТ за анализируемый период времени к аналогичному уровню за базисный временной период:

$$J_{LP} = \frac{\sum Q_1}{\sum L_1} : \frac{\sum Q_0}{\sum L_0} = \frac{\sum W_1 L_1}{\sum L_1} : \frac{\sum W_0 L_0}{\sum L_0} \quad (3)$$

где L_1 и L_o – затраты труда соответственно в анализируемом и базисном периодах времени; Q_1 и Q_o – система показателей произведенной продукции / оказанных услуг в те же периоды; W_1 и W_o – уровень ПТ в те же периоды, взятый из официальной статистики США.

Перевод полученных величин в индексные значения позволит определить статистический показатель, называемый *индексом переменного состава – variable composition index (VCI)*. На практике величина указанного индекса зависит от влияния двух факторов: 1) изменения уровней непосредственной ПТ в каждой отрасли американской экономики и 2) изменения доли (удельного веса) отраслей с различным уровнем ПТ в общей численности работников и количественного выражения произведенной ими продукции / предоставленных услуг за единицу рабочего времени.

С целью устранения влияния на динамику ПТ структурных сдвигов в численности работников с разным уровнем ПТ рассчитывается *индекс постоянного состава – permanent composition index (PCI),* также выраженный посредством общего прироста уровня ПТ (J_{LP}), но уже по формуле:

$$J_{LP} = \frac{\sum W_1 L_1}{\sum L_1} : \frac{\sum W_0 L_1}{\sum L_1} \quad (4)$$

На основе приведенной формулы видно, что ПТ рассчитывается нами при том соотношении численности работников с различной ПТ, которая сложилась в анализируемом периоде времени в отдельных отраслях метроэкономики конкретного мегарегиона США. Влияние американского рынка труда, определяющего хаотичное перераспределение работников между мегарегиональными экономиками внутри Соединенных Штатов в анализируемом году по сравнению с базисным годом, в данном случае устраняется. Индекс постоянного состава выступает как средняя мера изменений непосредственной ПТ отраслей, производящих продукт либо предоставляющих услуги без влияния изменения структурного фактора, т. е. удельных весов отраслей с различным уровнем ПТ.

Сопоставление *VCI* и *PCI,* характеризующих ПТ в общей численности работников, позволяет дать ответ на вопрос, в какой мере изменение структурного фактора может влиять на ПТ в метроэкономике конкретного мегарегиона США.

Таким образом, формируется единая индексная система, где применяется показатель, отражающий удельный вес конкретных отраслей по численности работников в общей численности занятых, скорректированный на среднеотраслевой показатель производимой продукции / предоставляемых услуг в единицу рабочего времени (РВ), обозначаемый через *d:*

$$\frac{\sum W_1 d_1}{\sum W_0 d_0} = \frac{\sum W_1 d_1}{\sum W_0 d_1} \times \frac{\sum W_0 d_1}{\sum W_0 d_0} \quad (5)$$

где $\frac{\sum W_1 d_1}{\sum W_0 d_0}$ – индекс, отражающий влияние отраслевой структуры метроэкономики конкретного мегарегиона США на динамику ПТ; $\frac{\sum W_1 d_1}{\sum W_0 d_1}$ – индекс, отражающий изменение ПТ в отдельных отраслях метроэкономики конкретного мегарегиона США; $\frac{\sum W_0 d_1}{\sum W_0 d_0}$ – индекс, отражающий изменение доли работников каждой отрасли в общей численности работников в метроэкономике конкретного мегарегиона США (несельскохозяйственных секторах).

Третий этап эмпирической части работы носит ***сравнительный характер*** и предполагает итоговое сопоставление полученных величин ИКР, общей динамики ПТ (индекс переменного состава), включающей как внутриотраслевые факторы (индекс постоянного состава), так и структурный фактор динамики ПТ (индекс структурных сдвигов), позволяет количественно оценить динамику многофакторной производительности и ПТ в развитии метроэкономики конкретного мегарегиона США.

Количественно охарактеризовать и оценить/интерпретировать качественно, насколько сильное влияние оказали структурные сдвиги в отраслях промышленного производства на повышение ПТ, выступая комплексным фактором усиления регионализации и метрополизации, представляется возможным с использованием коэффициента парной корреляции величин *(ρ)*, при сопоставлении каждой из полученных величин в метроэкономике конкретного мегарегиона США и их среднего значения по национальной экономике США (по отраслям) за базовый 2005 г. и анализируемый 2021 г., используя следующую формулу:

$$\rho_{x_{ij1}, x_{ij2}} = \frac{M\left[(x_{ij1} - Mx_{ij1}) \times (x_{ij2} - Mx_{ij2})\right]}{\sigma_{x_{ij1}} \times \sigma_{x_{ij2}}} \quad (6)$$

где Mx_{ij1}, Mx_{ij2} – математические ожидания (средние) случайных величин для каждой сравниваемой пары величин в период времени t; σ_{ij1}, σ_{ij2} – средние квадратичные отклонения случайных величин (дисперсии) для каждой величины.

Статистической оценкой теоретического коэффициента корреляции является его выборочный коэффициент *(τ)*, который вычисляется следующим образом:

$$\tau_{x_{ij1}, x_{ij2}} = \frac{\sum_{i-1, j-1}^{N} (x_{ij1} - \bar{x}_{ij1}) \times (x_{ij2} - \bar{x}_{ij2})}{\sqrt{\sum_{i=1, j=1}^{N} (x_{ij1} - \bar{x}_{ij1})^2 \times \sum_{i=1, j=1}^{N} (x_{ij2} - \bar{x}_{ij2})^2}} \quad (7)$$

где x_{ij1}, x_{ij2} – средние арифметические значения переменных величин x_1 и x_2 в конкретный период времени. Коэффициент τ принимает значения от – 1 до + 1[15]. Иными словами, чем выше корреляция между влиянием искомых факторов структурных сдвигов и связанной с ними положительной динамики ПТ, тем выше вероятность регионализации и метрополизации того или иного мегарегиона США, выступающего геоэкономической основой конкретной метроэкономики. Сравнение значений метроэкономик разных мегарегионов позволяет оценить их «взаимоотношения» по аналогичному «центро-периферийному» принципу, т. е. выявить тенденции к периферизации метрополий.

Результаты

Итоговые эмпирические результаты структурно-отраслевого и динамического производительного свойств метроэкономик 11 мегарегионов США, дополненные количественной оценкой готовности отраслей к внедрению конвергентных технологий, представлены в таблице.

Итоговые результаты сопоставления индексов, отражающих влияние структурных сдвигов на динамику производительности труда (ПТ) в территориально-отраслевой структуре (ТОС) промышленной специализации мегарегионов США за 2005–2021 гг.

Final results of comparison of indices reflecting the impact of structural changes on productivity dynamics labor (LT) in the territorial-sectoral structure (TSS) of industrial specialization of US megaregions for 2005–2021

Мегарегион	ТОС промышленной специализации			ИКР	Динамика ПТ (2005 г. = 100 %)						τ	Ранг	
	«тройка» агломераций (МСА/КМСА) с наибольшим количеством отраслей специализации	количество отраслей, у которых $LQ \geq 1{,}2$ в 2005 г. → в 2021 г.	$\overline{T}$ %		общая (*VCI*)		в т. ч. за счет изменения					Агломерации	Мегарегиона
							внутриотраслевых факторов (*PCI*)		структурных сдвигов				
					темп роста	доля общего прироста%	темп роста	доля общего прироста %	темп роста	доля общего прироста %			
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*
Северо-восточный	Нью-Йорк	16 → 26	4,4	0,9680	133,4	9,0	125,2	9,2	108,2	8,0	0,4254	19	6
	Бостон	14 → 23	3,7	0,8747	134,2		125,5		108,7		0,4412	13	
	Филадельфия	14 → 23	4,0	0,8824	132,9		124,6		108,3		0,4374	16	
Великие озера	Питтсбург	18 → 26	3,7	0,7673	136,5	9,9	124,7	8,9	111,8	12,5	0,4777	9	3
	Чикаго	17 → 26	4,4	0,7704	136,8		125,1		111,7		0,4661	11	
	Акрон	17 → 25	4,7	0,7495	138,2		122,7		115,5		0,6828	5	
Пьемонт Атлантический	Мемфис	16 → 24	3,9	0,6739	137,3	9,3	125,8	8,5	111,5	11,2	0,4457	12	4
	Атланта	16 → 23	4,0	0,7048	130,6		122,3		108,3		0,4722	10	
	Нэшвилл	11 → 15	4,2	0,6720	136,7		121,5		115,2		0,7070	3	
Флорида	Майами	18 → 27	5,1	0,8893	138,6	10,9	124,9	9,3	113,7	15,0	0,6302	7	1
	Тампа	18 → 24	6,0	0,7627	140,2		124,3		115,9		0,6543	6	
	Орландо	8 → 14	5,8	0,8008	144,0		126,8		117,2		0,7018	4	
Побережье Мексиканского залива	Нью Орлеан	8 → 15	3,3	0,6421	142,8	10,4	126,7	9,6	116,1	12,5	0,7098	2	2
	Батон-Руж	9 → 13	3,7	0,5358	129,8		125,0		104,8		0,2920	31	
	Матаморос – Браунсвилл	6 → 10	3,9	0,5692	144,9		126,8		118,1		0,7285	1	
Передний диапазон	Денвер	14 → 18	3,8	0,5386	138,6	9,5	126,8	9,9	111,8	8,6	0,4404	14	7
	Солт-Лейк-Сити	10 → 13	3,6	0,5187	135,0		127,1		107,9		0,3928	24	
	Альбукерке	4 → 5	4,3	0,5549	133,8		126,4		107,4		0,4340	17	

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)

Техасский треугольник	Хьюстон	13 → 21	3,8	0,8903	127,8	8,7	120,7	8,8	107,1	8,3	0,4136	21	5
	Сан-Антонио	12 → 17	3,6	0,7924	135,7		125,0		110,7		0,5456	8	
	Даллас	10 → 15	3,2	0,7364	134,4		126,1		108,3		0,4379	15	
Аризонский солнечный коридор	Финикс	8 → 8	3,0	0,5236	126,8	8,5	124,3	9,7	102,5	5,6	0,2167	33	11
	Тусон	3 → 4	3,4	0,5290	133,5		126,7		106,8		0,3670	26	
	Сьерра-Виста – Дуглас	3 → 4	3,5	0,5644	136,0		127,8		108,2		0,3949	23	
Южная Калифорния	Лос-Анджелес	16 → 24	4,1	0,9276	127,9	8,2	120,4	8,7	107,5	7,0	0,4283	18	8
	Сан-Диего	13 → 21	4,2	0,9028	131,0		124,4		106,6		0,3765	25	
	Риверсайд – Сан-Бернардино	14 → 18	4,7	0,8759	133,5		125,8		107,7		0,3984	22	
Северная Калифорния	Сан-Франциско	16 → 20	3,9	0,8831	126,6	7,9	120,2	8,9	106,4	5,6	0,4160	20	10
	Сан-Хосе	10 → 11	3,5	0,8637	129,5		125,4		104,1		0,2634	32	
	Окленд	4 → 7	4,7	0,7311	133,7		126,8		106,9		0,3648	27	
Каскадия	Портленд – Ванкувер	10 →15	3,7	0,7905	126,3	7,7	120,5	8,5	105,8	5,7	0,3529	29	9
	Сиэтл	7 → 10	3,6	0,7582	127,6		122,0		105,6		0,3545	28	
	Такома	4 → 6	4,0	0,7704	133,2		126,7		106,5		0,3437	30	
Среднее значение по представленным агломерациям		11,4 → 16,8 в 1,47 раза	*4,0*	*0,7398*	*134,2*	*100,0*	*124,7*	*100,0*	*109,5*	*100,0*	*0,4609*	-	
Среднее значение по 236 МСА/КМСА в 11 мегарегионах		7,8 →12,4 в 1,6 раза	*4,4*	*0,7684*	*136,5*	-	*126,1*	-	*110,4*	-	*0,5684*		
Средние значения в целом по 53-м отраслевым категориям промышленности США		-	*3,0*	*0,6881*	*128,2*		*123,8*		*104,4*		-		

Источник: Рассчитано на основе данных и отчетов официальной статистики США на сайте: https://kg.usembassy.gov/ru/business-ru/economic-data-reports-usa-ru/

Результаты расчетов приводятся в разрезе агломераций, обладающих максимальным количеством отраслей промышленной специализации как в базовом 2005 г., так и в анализируемом 2021 г. Корреляция и ранжирование проведены на обоих уровнях – мегарегиональном (по 11 мегарегионам) и агломерационном (по 33-м агломерациям), для сравнения даны полученные нами средние показатели, расширяющие ТОС и охват динамики ПТ в пространстве экономики всей страны.

Анализ таблицы, в частности, раскрывает следующие тенденции.

Во-первых, отметим, что выборочная корреляция между ТОС и ПТ во всех случаях, отраженных в гр. 12 таблицы в рамках агломераций, составляющих «тройку лидеров» по количеству отраслей специализации каждого мегарегиона США, положительная, что указывает на эмпирически доказанное наличие взаимосвязи между структурным фактором и производительностью. Преимущественно указанная связь имеет среднее значение (0,3<| r |<0,7), хотя в двух из 33 случаев выявлена слабо (| r |<0,3), но в пространстве семи агломераций она сильная (0,7<| r |<0,99) либо близка к этому (0,6<| r |<0,7). Более того, сравнение полученных нами средних значений выборочной корреляции по представленным в таблице агломерациям (0,4609) и по всем 236 МСА/КМСА, составляющим 11 мегарегионов США (0,5684), в пользу последнего свидетельствует о наиболее значительном сравнительном влиянии структурного фактора в повышении ПТ в период 2005–2021 гг. (где по-прежнему доминирует внутриотраслевой фактор с примерным отношением 2,6 к 1) в первую очередь для агломераций с меньшим количеством отраслей промышленной специализации, выделяя средние и малые по населению и промышленному потенциалу центры США в качестве лидеров структурной перестройки и «реиндустриального поворота», отличающихся передовым качественным ростом. Тем более что увеличение количества отраслей промышленной специализации в 2005–2021 гг. происходит даже быстрее (в 1,6 раза), чем в 33 агломерациях-лидерах по количеству отраслей специализации в каждой отдельно взятой урботерритории.

Во-вторых, помимо влияния структурного фактора на динамику ПТ в сторону повышения последней на уровне конкретных агломераций, максимальные темпы роста самой ПТ, как следует из таблицы, выдвигают на первый план мегарегионы Северо-Востока, Среднего Запада и приатлантического Юга США и даже внутриконтинентальных Горных штатов страны (первые шесть мегарегионов, представленные в таблице), где доля общего прироста ПТ (по результатам расчета индекса переменного состава, VCI в гр. 7 таблицы) составила в период 2005–2021 гг. от 9 до почти 11 %. При этом структурный фактор (по доле общего прироста) характеризуется весьма различным влиянием на динамику ПТ в 2021 г. по отношению к базовому 2005 г. (гр. 11 таблицы). Интересно, что наиболее развитый в социально-экономическом отношении (включая максимальный размер ВРП) Северо-восточный мегарегион, являющийся не только трансрегиональным (внутри страны), но и транснациональным (вместе с высокоразвитыми провинциями Канады) урботерриториальным образованием, показал минимальные среди всех шести отмеченных мегарегионов как темпы роста ПТ, так и долю общего прироста ПТ, и, соответственно, долю структурного фактора в общем приросте ПТ (гр. 6, 7 и 11 таблицы). Тогда как максимальные значения всех перечисленных показателей характеризуют динамику ПТ в юго-восточной части страны – мегарегионы Флорида и Побережье Мексиканского залива и Великих озер – традиционного геоиндустриального центра Соединенных Штатов.

Отмеченные нами первое и второе положения в совокупности указывают на начало постепенного перераспределения силы экономической власти во внутреннем пространстве мегарегионов США в пользу качественно активизируемых за счет большего прироста ПТ агломераций средней величины (исходя из количества отраслей специализации) в условиях их большего количества в системе метроэкономик. Следовательно, в мегарегионах, имеющих в своей пространственной структуре максимальное количество таких зон ускоренного роста (в соответствии с рангами агломераций в гр. 13), метрополизация и основанная на ее качественных экономических результатах регионализация непременно будет возрастать в условиях технологического перехода. Хотя ИКР, отражающий степень готовности отраслей промышленности к внедрению новых технологий, наиболее значителен в рассматриваемый период времени по-прежнему в традиционных метроэкономиках геоэкономического центра США. К ним относятся мегарегионы Северо-востока,

Южной и Северной Калифорнии, Техасского треугольника и в меньшей степени Великих озер и Флориды. Характерно, что развитые мегарегионы Калифорнии и Техасский треугольник, несмотря на высокую степень использования технологических инноваций и знаниеемкость своих отраслей промышленной специализации, имеющих не только внутристрановое, но и международное значение, по темпам роста ПТ заметно отстают от мегарегионов Севера и Юга, а по доле структурного фактора в приросте ПТ, например, Северная Калифорния располагается на последнем месте.

Выводы

В качестве выводов отмечаем, что обе выдвинутые нами гипотезы находят свое подтверждение. Прежде всего, по той причине, что динамика ПТ действительно находится в зависимости от структурных сдвигов, происходящих в промышленном производстве конкретных урбанизированных территорий, что определяет степень пространственной экономической власти последних, отражая объективную неравномерность хозяйственного развития, усилившуюся в период технологического перехода. Однако, назвать абсолютным подтверждение обеих гипотез не представляется возможным, поскольку предполагаемые нами процессы дальнейшей регионализации и метрополизации экономического пространства США находятся на начальном этапе своей качественной модернизации. Можно уверенно констатировать, что влияние структурных сдвигов на динамику ПТ, несомненно, носит черты прежде всего качественного изменения пространственно-отраслевой организации промышленного производства страны, наиболее ярко выраженного на мезоуровне исследования, отражающего специфику территориально-локализованного развития метроэкономики в разрезе мегарегионов США.

Сравнивая между собой мегарегионы США по структурной динамике ПТ (ранги в гр. 14 таблицы), можно констатировать доминирование факторного влияния в плане возможности внедрения новых технологий («технологической власти» в пространстве) и внутриотраслевых характеристик секторального развития (величины компаний, конкурентных сил, внутренних организационных стимулов производственной деятельности), поддерживающих экономическую власть в состоянии некой пространственной стабильности, формируя единое хозяйственное пространство Соединенных Штатов по традиционному «центро-периферийному» принципу, отраженному количественно в отмеченном выше распределении величин ИКР между агломерациями признанных мегарегионов геоэкономического центра страны, а также в увеличении количества отраслей специализации в отдельно взятых наиболее значимых агломерациях. В то же время качественно новый ускоренный рост производства, выраженный в увеличении ПТ, наиболее успешно реализуется в пространстве средних по размеру индустриального развития городах, где наиболее активно происходит трансформация ТОС, качественно меняющая метроэкономику тех мегарегионов страны, где расположены эти центры ускоренного роста. Следовательно, в определенной пространственно-временной перспективе можно говорить о трансформации метрополизации экономики США, выраженной в перераспределении экономической власти в пользу наиболее активных мегарегиональных образований, к которым мы можем отнести, в частности, юго-восточные мегарегионы Флорида и Побережье Мексиканского залива. Указанные мегарегионы территориально разобщены незначительно. При этом их отраслевая специализация дополняет агломерации друг друга, а инфраструктура позволяет со временем соединиться в единый мегарегион, сформирующий новый геоэкономический центр власти внутри страны в виде метрополии, основанной на иной по структуре и уровню ПТ метроэкономической системе. Образование нового геоэкономического центра в виде метрополии приведет к периферизации других метрополий, метроэкономики которых отстают в своем качественном росте, в частности выраженном в повышении ПТ, от новообразованного урботерриториального ареала.

Примечания

[1]Несколько меньшее влияние имеет регионализация для социально-экономического развития северного соседа США – федеративной Канады. В Западной Европе, помимо федераций (например, Германии и Бельгии), явление регионализации характерно как для формально унитарных государств с республиканским строем (в частности, Италии), так и конституционных монархий, имеющих давние традиции внутреннего регионализ-

ма и сепаратизма, отраженные даже в названии стран – Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Королевство Испания. В условиях экономической турбулентности регионализация, с присущей мега- и субрегиональной спецификой, характерна для федераций Латинской Америки (прежде всего Мексики и Бразилии), такой важной региональной державы Азии, как Индия, и даже, казалось бы, идеологически монолитного «глобального экспансиониста» Китая. Российская часть постсоветского пространства, отличающаяся постоянно растущей поляризацией населения и хозяйства, характеризуется рентоориентированностью на крупнейшие центры преимущественно Европейской территории страны, колоссальными трудностями инфраструктурного связывания с нею регионов Урала, Сибири, Дальнего Востока и даже Северного Кавказа, что снижает тесноту экономических связей российских регионов (Исаев и др., 2022). В этих условиях проблемы регионализма и незабытого сепаратизма 90-х гг. актуальны для Российской Федерации, вынужденной десять последних лет отвлекаться от решения внутренних созидательных задач на внешние «санкционные» вызовы экономического и политического, а с 23 февраля 2022 г. активного, прямого и постоянно нарастающего силового давления извне.

[2]Аккумулирование ренты в метрополиях современного капитализма объясняет Т. Пикетти в своем известном исследовании: «Главная дестабилизирующая сила обусловлена тем, что частная доходность капитала r может заметно и в течение длительного времени превышать темпы роста дохода и производства g. Неравенство, выраженное формулой r > g, означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие. Предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать свое господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит себя сам быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее. Это может привести к опасным последствиям для долгосрочной динамики распределения богатства, особенно если к этому прибавить неравенство в доходности, предопределяемое размерами начального капитала, и если процесс расхождения имущественного неравенства приобретет мировой масштаб» (Пикетти, 2015, с. 702).

[3]«Речь идет об обширных совокупностях соседствующих агломераций с прилегающей сельской местностью, которые обладают сходством природной среды и историко-культурной общностью, взаимосвязаны единой инфраструктурой, в них происходит активный обмен трудовыми поездками и потоками товаров, услуг и информации, поэтому они имеют сходные перспективы социально-экономического развития. За последнее десятилетие термин “мегарегион” довольно прочно закрепился в профессиональном языке зарубежных урбанистов. … Первым представителем такой формы в наше время стал знаменитый мегалополис на северо-востоке США, который был исследован и описан Ж. Готманном еще в 1961 г., и эта форма, выглядевшая причудой урбанизации, стала отчетливо проявляться по всему миру, но прежде всего в самых развитых странах» (Смирнягин, 2011, с. 9). По расчетам Р. Флориды, в выделенных им 40 мегарегионах в 2000 г. проживало 18 % населения Земли, при этом производилось 2/3 мирового валового продукта, постоянно работало 88 % ученых с наивысшим показателем цитируемости и в 2001 г. было зарегистрировано 86 % всех патентов на изобретения (Florida et al., 2007). Характерно, что американский экономист Р. Флорида, в рамках своей теории зависимости роста экономики и развития бизнеса от концентрации *креативных людей,* безапелляционно занял ультраглобалистскую позицию, подчеркивающую *дисфункциональный характер современных национальных государств,* определяя мегарегионы мира как «главный источник инноваций и лучшую возможность добиться свободы и демократии» (Florida, 2008, p. 59). Он развивал выводы Н. Пейрса, автора книги «Города-государства», о необходимости нового способа членения современного мира от привычного: государство – штат – поселение к новому: глобальный – региональный – соседский (Смирнягин, 2011). Неслучайно, созвучным первому уровню из «новой» триады является понятие *«глобальный/мировой город»,* динамика которого предопределяется преимущественно связями глобального/общемирового масштаба (Чубаров, 2013).

[4]Нельзя не отметить, что и в других странах мира реализуется в той или иной мере первоочередное воздействие урбоориентированности на социально-экономическое развитие не только регионов, но и на общенациональном уровне. В частности, в России, в рамках Стратегии пространственного развития РФ, имеет место аналогичная парадигма регионального развития за счет формирования мегарегионов как центров экономического роста и инновационного развития страны. Хотя, по мнению отечественных географов, равные американским мегарегионам по населению и объемам производства и сервиса «… мегалополисы на территории [нашей] страны практически не представлены. Даже наиболее развитый из них – Центрально-Российский мегалополис находится в стадии формирования …» (Антонов и др., 2019, с. 42).

[5]Результаты исследований автора показывают, что именно в пространстве американских мегарегионов на сегодняшний день сосредоточена практически вся научная и инновационная деятельность страны, разнообразный сервисный сектор, включая информационно-коммуникационные услуги – основу американской цифровой модернизации и базы «реиндустриального поворота» (Минат, 2021; Минат, 2022а; Минат, 2022в). Особенно велика роль мегарегионов США в осуществлении глобального транснационального (Пилька и др., 2006) и трансрегионального (трансграничного) сотрудничества США с Канадой и Мексикой (Гавриленко, 2016; Минат, 2022б) – опорного каркаса не только американской, но и мировой экономики, способствующего расширению и преобразованию нового геопространства и повышению мобильности элементов экономики и социума.

[6]Автором настоящей работы также дана оценка значения структурного фактора в изменении ресурсоотдачи в производственном секторе экономики США (Минат, 2022).

[7]В указанных работах обстоятельно рассмотрены причины замедления темпов роста производительности в США в общеэкономическом, факторном, отраслевом и пространственном аспектах. При этом понятно, что в рамках разноуровневого анализа ПТ в экономических системах используются различные методики оценки, наиболее целесообразные для макроэкономической, мезоэкономической (региональной, отраслевой) и микроэкономической специфики производительности. В частности, при оценке ПТ широко применяются простые показатели производительности, эконометрические методы, метод *growth accounting* и метод *level accounting*.

[8]Нельзя не отметить, что преимущества больших городов как мест концентрации экономической деятельности с точки зрения эффективности производства оцениваются, в частности, для Российской Федерации. Так, результат одного из недавно опубликованных исследований показывает, что направление связи между размером города и производительностью зависит от особенностей отраслевой структуры городской экономики, которая, в свою очередь, определяется местом населенного пункта в иерархии урбанизированных территорий (Мельникова, 2023).

[9]При этом прямые затраты труда отличаются тенденцией к доминированию в структурных изменениях экономики США, где труд выступает крупнейшим элементом издержек производства, что выражается тенденцией к постоянному повышению цены рабочей силы в сравнении с инвестиционными ресурсами. Поэтому большинство отраслей американской экономики характеризуются усилиями в направлении экономии труда, и коэффициенты затрат труда в сравнении с коэффициентами затрат других ресурсов падают. Совершенствование технологий, прежде всего в производящих секторах экономики США, определяет отраслевую структуру посредством замены промежуточных затрат, коэффициенты которых растут очень медленно или вообще не растут, поскольку возможность замены труда промежуточными затратами ограничена. В услуговых секторах промежуточные затраты оказываются способными заменить прямые затраты труда. Это в значительной мере отражает темпы роста ПТ, которые наиболее велики в производстве и наименьшие в сфере предоставления услуг.

[10]Результаты исследований автора позволяют утверждать, что в наибольшей степени свойством систем мезоуровня в экономическом развитии США обладают *метрополитенские статистические ареалы (МСА)* – *Metropolitan Statistical Area,* условно соответствующие городским агломерациям, и консолидированные МСА (КМСА) – *Consolidated Metropolitan Statistical Area,* соответствующие конурбациям и мегарегионам. Условность и открытость границ американских МСА и КМСА, обуславливающие специфические проблемы, решаемые только в рамках межмуниципального и межрегионального взаимодействия, но никак не инструментарием федерального правительства, в плане инновационно-экономического развития создает дополнительные эффекты, направленные на усиление процессов взаимодействия урбоориентированных элементов мезоэкономических систем США. Суть агломерационных процессов состоит, с одной стороны, в концентрации социально-экономической активности общества, формировании «полюсов роста» (по Ф. Перру, А. Хиршману и Г. Мюрдалю), а с другой – географическом распространении этой активности, создании «эффекта перелива» *(spillover)* от города к городу – диффузии технологий, изобретений, инноваций.

[11]Согласно классификации 2005 г. Американской ассоциации регионального планирования, на государственной территории США и прилегающих территориях Канады и Мексики выделяется 11 мегарегионов: *1. Аризонский солнечный коридор* (состоит из южной части штата Аризона вплоть до Мексики. Крупные населенные пункты в этом мегарегионе включают Феникс, Прескотт, Тусон, Сьерра-Виста-Дуглас и Ногалес); *2. Каскадия* (расположен в тихоокеанской северо-западной части США, включает в себя весь штат Вашингтон вместе с частями Орегона, Айдахо, Калифорнии, Невады, Вайоминга, Монтаны и Аляски, далее простирается на север в Канаду и граничит на востоке с Каскадными горами, а на западе с Тихим океаном); *3. Флорида* (занимает часть южной Флориды); *4. Передний диапазон* (также называемый городским коридором переднего хребта, образует продолговатую форму, северный конец этого мегарегиона начинается в районе Колорадо-Вайоминг, который обычно называют Передний городской коридор, затем простирается на юг по Межгосударственному коридору шоссе 25 вдоль восточного склона Скалистых гор до самой южной части хребта в Нью-Мексико, включая мегаполисы Санта-Фе и Альбукерке и урбанизированные территории штата Юта); *5. Великие озера* (простирается на части канадских провинций Онтарио и Квебек, американская часть мегарегиона включает ряд крупнейших агломераций, в частности, Детройт, Чикаго, Буффало и Питтсбург в составе географически обособленных мегаполисов Миннеаполис–Сент-Пол, Сент-Луис и Канзас-Сити); *6. Побережье Мексиканского залива* (включает в себя целиком два мегаполиса, которые находятся на границе штата Техас и Мексики, в частности Матаморос – Браунсвилл и Рейноса–Макаллен); *7. Северо-восточный* (также называемый коридором Бостон-Вашингтон, или БосВаш, включает в себя многие крупнейшие городские центры страны: Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон, Округ Колумбия и Филадельфия); *8. Северная Калифорния* (включает калифорнийские города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и Сакраменто, а также район Рено-Тахо в штате Невада); *9. Пьемонт Атлантический* (включает области Юго-Востока США, где расположены мегаполисы Атланта, Бирмингем, Шарлотта, Мемфис, Нашвилл, Исследовательский треугольник Роли-Дарем и Гринсборо-Уинстон-Салем); *10. Южная Калифорния* (включает в себя такие густонаселенные округа Калифорния, как Лос-Анджелес, Оранж, Риверсайд, Сан-Бернардино, Сан-Диего и Санта-Барбара, а также долину Лас-Вегас и мексиканский город Тихуана); *11. Техасский треугольник* (состоит из техасских городов Остин, Хьюстон, Сан-Антонио и Даллас-Форт-Уэрт, также включает географически обособленные Оклахома-Сити – Талса, Столичный коридор в Оклахоме). Источник: Revised Delineations of Metropolitan Statistical Areas, Micropolitan Statistical Areas, and Combined Statistical Areas, and Guidance on Uses of the Delineations of These Areas. Office of Management and Budget bulletin. https://www.bea.gov/resources/learning-center/fact-sheet/innovation-fact-sheet.pdf

[12]Объем промышленного производства конкретных отраслей в рамках МСА включает в себя расчеты по отгрузкам произведенной продукции, добавленной стоимости и количеству занятых. $\overline{T}$ – средний темп роста объема реализованной промышленной продукции отраслей специализации данной агломерации (МСА/КМСА), рассчитанный по формуле $\overline{T} = \sqrt[n-1]{\frac{y_n}{y_0} \times 100\%}$, где n – количество лет; y_n – показатель исследуемого 2021 г.; y_o – показатель базисного 2005 г. Данный показатель имеет значение для исследования не только сдвигов в отраслевой структуре, но и динамики ПТ, поскольку в условиях рынка производитель озабочен, прежде всего, увеличением сбыта своей продукции, предназначенной в отраслях специализации главным образом на вывоз за пределы территории, а уже в зависимости от расширения возможностей сбыта – использованием технологических новшеств в производственном процессе с целью повышения ПТ.

[13]*Конвергентный резонанс* отражает уровень интеграции конвергентных технологий в структуру мезоэкономической системы. Индекс конвергентного резонанса в настоящем исследовании характеризует степень готовности (во времени и пространстве) объектов (отраслей промышленности и метроэкономик) к внедрению конвергентных технологий и инициации структурных сдвигов, основанных на диффузии NBIC-технологий.

[14]Как известно, метод DEA основан на построении границы эффективности, он располагает все эффективные объекты на границе эффективности, а неэффективные объекты – вне ее, он позволяет вычислить один агрегированный индекс для каждого объекта. Чем ближе к границе эффективности расположен объект, тем выше значение его сравнительной эффективности. Результатом *DEA*-анализа является построение моделей двух типов: модель, ориентированная на вход (оценка эффективности использования ресурсов, минимизации затрат), и модель, ориентированная на выход (оценка эффективности максимизации результатов деятельности). И те и другие модели подразделяются на модели с постоянным эффектом масштаба (пропорциональное изменение результатов вследствие изменения объема ресурсов) и модели с переменным эффектом масштаба (зависимость результатов от ресурсов может быть как убывающей, так и возрастающей).

[15]Выборочным коэффициентом корреляции называется отношение выборочного корреляционного момента к произведению выборочных средних квадратических отклонений этих величин. Коэффициент корреляции показывает тесноту и направление связи. Используются следующие свойства выборочного коэффициента корреляции: 1) значения коэффициента корреляции изменяются на множестве r [-1; 1]; 2) чем больше абсолютное значение коэффициента корреляции, тем теснее связь между изученными признаками; 3) если коэффициент корреляции равен 0, то между изученными признаками нет линейной корреляционной зависимости, если 1, то связь полная; если 0,7<| r |<0,99, то связь сильная; если 0,3<| r |<0,7, то связь средняя; если | r |<0,3, то связь слабая. Если r [-1;0), то связь обратная; если r (0;1] – зависимость прямая.

Источники

Антонов Е. В., Махрова А. Г. (2019) Крупнейшие городские агломерации и формы расселения надагломерационного уровня в России. Известия РАН. Серия Географическая, № 4, с. 31–45. DOI: 10.31857/S2587-55662019431-45.

Аткинсон Р. (2022) Секторальная политика для стимулирования роста производительности. Экономист, № 10, с. 76–87.

Бабурин В. Л. (2014) Взаимосвязь расселения и размещения производства. Региональные исследования, № 4 (46), с. 5–16.

Гавриленко Н. Н. (2016) Трансграничное сотрудничество субъектов федераций США и Канады (на примере трансграничного региона Восток). Проблемы современной науки и образования, № 3, с. 193–201.

Глигич-Золотарева М. В. (2021) На пороге новой регионализации. Федерализм, т. 26, № 1 (101), с. 165–186. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-165-186.

Голяшев А. В., Кельман Ю. Ф. (2014) Индекс локализации в социальной и экономической географии: традиция и новые подходы. Мир науки, культуры, образования, № 3 (46), с. 376–380.

Дадов А. Т. (2012) Применение межотраслевого баланса для выявления территориально-производственных комплексов (на примере промышленности США). Региональные исследования, № 1 (35), с. 27–33.

Дружинин А. Г. (2014) Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте. Известия РАН. Серия Географическая, № 1, с. 19–27.

Исаев А. Г., Ким А. Л., Мерзляков И. О. (2022) Количественная оценка интеграционных тенденций в регионах России. Регионалистика, т. 9, № 6, с. 5–22. DOI: 10.14530/reg.2022.6.5.

Королев С. А. (1977) Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., Ин-т философии РАН, 234 с.

Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. (2019) Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития. Проблемы прогнозирования, № 3, с. 50–59.

Мезоэкономика развития (2010). Под ред. Г. Б. Клейнера. М., Наука, 994 с.

Мельникова Л. В. (2023) Эффективность больших городов: теория и эмпирика. Вопросы экономики, № 3, с. 83–101. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-3-83-101.

Минат В. Н. (2022а) Мегарегиональное инновационное развитие США: пространственно-временной анализ. Вестник НГУЭУ, № 1, с. 190–210. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-1-190-210.

Минат В. Н. (2022б) Моделирование пространственного развития трансграничных регионов США как социально-экономических систем мезоуровня. Экономическая наука современной России, № 3 (98), с. 83–96. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-3(98)-83-96.

Минат В. Н. (2022в) Привлекательность развития высокотехнологичных отраслей промышленности в США: урботерриториальный аспект. Развитие территорий, № 2, с. 59–68. DOI: 10.32324/2412-8945-2022-2-59-68.

Минат В. Н. (2022г) Роль структурного фактора в изменении ресурсоотдачи производственного сектора экономики США. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 16, № 1, с. 244–250. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.27.

Минат В. Н. (2021) Урбоориентированное развитие национальной инновационной системы в пространстве метрополитенских ареалов США. Федерализм, т. 26, № 1 (101), с. 187–206. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-187-206.

Патракова С. С. (2021) Методический инструментарий оценки пространственных взаимодействий. Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, т. 23, № 2, с. 5–16. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.2/1.
Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М., Ад Маргинем Пресс, 592 с.
Пилька М. Э., Слука Н. А., Ткаченко Т. Х. (2018) Отраслевая и географическая структуры зарубежных ТНК в глобальных городах США. Региональные исследования, № 4 (62), с. 44–53.
Попов И. И. (2006) Концепция урбанистического перехода: периодизация стран мира. Региональные исследования, № 3 (9), с. 66–75.
Смирнягин Л. В. (2011) Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества. Вестник Московского университета. Сер. 5. География, № 1, с. 9–15.
Спрэг Ш. (2021) Замедление роста производительности труда в США: анализ на уровне экономики и отраслей. Экономист, № 5, с. 13–53.
Супян В. Б. (2023) Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста). США & Канада: экономика, политика, культура, вып. 3, с. 5–13. DOI:10.31857/S268667307302303001X.
Темиргалеев Р. Ф. (2014) Статистические ареалы как «зеркало» городских агломераций США: достоинства и недостатки. Инновации и инвестиции, № 7, с. 51–56.
Трейвиш А. И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., Новый хронограф, 372 с.
Трейвиш А. И. (2019) Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность. Пространственная экономика, т. 15, № 4, с. 13–35. DOI:10.14530/se.2019/4/013-035.
Чубаров И. Г. (2013) Исследование глобальных городов в России и за рубежом. Региональные исследования, № 2 (41), с. 13–22.
Швецов А. (2017) Городская агломерация – организационная форма преобразования пространства в Российской Федерации. Федерализм, № 2, с. 47–60. DOI:10.21686/2073-1051-2017-2-47-60.
Элдридж Л., Пабилония С., Палмер Д., Стюарт Д., Варгезе Д. (2022) Уточненный метод оценки отработанных часов для измерения производительности. Экономист, № 11, с. 31–60.
Baily M. N., Montalbano N. (2016) Why is U.S. productivity growth so slow? Possible explanations and policy responses. Hutchins Center. Washington, Brookings Institution. Working Paper, 22, September, 29 p.
Charnes A., Cooper W. W., Lewin A. Y., Seiford L. M. (1994) Data Envelopment Analysis: Theory, Methodology, and Application. Boston, Kluwer Academic Publishers, 513 p.
Coelli T., Prasada Rao D. S., Battese G. E. (1998) An Introduction to Efficiency and Productivity Analysis. Boston. Kluwer Academic Publishers, 275 p.
Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. (2000) Data Envelopment Analysis: A Comprehensive Text with Models, Applications, References, and DEA-Solver Software. Boston, Kluwer Academic Publishers, 318 p.
Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2001) Suburban Nation. The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream. New York, North Point Press, 320 p.
Farrow L. (2020) Models and quantitative indicators of structural transformation of economic systems. Research innovations and traditions. American Economic Journal. Macroeconomics, vol. 12, no. 3, pp. 95–119.
Florida R. (2008) Who's your city: How the creative economy is making where to live the most important decision of your life. New York, Basic Books, 488 p.
Florida R., Gulden T., Mellander Ch. (2007) The Rise of the Mega Region. Toronto, The Martin Prosperity Institute, 564 p.
Kelvis G. D. (2017) Modeling structural shifts in American industry in the context of informatization of the economy. International Journal of Economic Perspectives, vol. 11, no. 4, pp. 320–342.
Lewinsky R., Ardo M. (2019) Economic growth and structural changes. American economy amid global turbulence. American Economic Journal. Macroeconomics, vol. 11, no. 4, pp. 146–161.
Melo P. C., Graham D. J., Levinson D., Aarabi S. (2017) Agglomeration, accessibility and productivity: Evidence for large metropolitan areas in the US. Urban Studies, vol. 54, no. 1, pp. 179–195. DOI: 10.1177/0042098015624850.
Moss E., Nunn R., Shambaugh J. (2020) The Slowdown in Productivity Growth and Policies That Can Restore It. The Hamilton Project. Washington, Brookings Institution, 27 p.
Murray A. (2018) What explains the post-2004 U.S. productivity slowdown? International Productivity Monitor, no. 34, pp. 81–109.
Murrow S. (2018) Structural changes in the US economy. Review of scientific approaches. The American Economic Review, vol. 108, no 9, pp. 952–976.
Sassen S. (2001) The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Princeton University Press, 458 p. DOI: 10.2307/j.ctt2jc93q.

References

Antonov E. V., Mahrova A. G. (2019) Krupnejshie gorodskie aglomeracii i formy rasseleniya nadaglomeracionnogo urovnya v Rossii [The largest urban agglomerations and forms of settlement of the supraglomeration level in Russia]. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya, no. 4, pp. 31–45. DOI:10.31857/S2587-55662019431-45 (In Russian).

Atkinson R. (2022) Sektoral'naya politika dlya stimulirovaniya rosta proizvoditel'nosti [Sectoral policy to stimulate productivity growth]. Ekonomist, no. 10, pp. 76–87 (In Russian).
Baburin V. L. (2014) Vzaimosvyaz' rasseleniya i razmeshcheniya proizvodstva [Relationship between settlement and production location]. Regional'nye issledovaniya – Regional Studies, no. 4 (46), pp. 5–16 (In Russian).
Baily M. N., Montalbano N. (2016) Why is U.S. productivity growth so slow? Possible explanations and policy responses. Hutchins Center. Washington, Brookings Institution. Working Paper, 22, September, 29 p.
Charnes A., Cooper W. W., Lewin A. Y., Seiford L. M. (1994) Data Envelopment Analysis: Theory, Methodology, and Application. Boston, Kluwer Academic Publishers, 513 p.
Chubarov I. G. (2013) Issledovanie global'nyh gorodov v Rossii i za rubezhom [Study of global cities in Russia and abroad]. Regional'nye issledovaniya – Regional Studies, no. 2 (41), pp. 13–22 (In Russian).
Coelli T., Prasada Rao D. S., Battese G. E. (1998) An Introduction to Efficiency and Productivity Analysis. Boston, Kluwer Academic Publishers, 275 p.
Cooper W. W., Seiford L. M., Tone K. (2000) Data Envelopment Analysis: A Comprehensive Text with Models, Applications, References, and DEA-Solver Software. Boston, Kluwer Academic Publishers, 318 p.
Dadov A. T. (2012) Primenenie mezhotraslevogo balansa dlya vyyavleniya territorial'no-proizvodstvennyh kompleksov (na primere promyshlennosti SShA) [Application of input-output balance to identify territorial-production complexes (on the example of US industry)]. Regional'nye issledovaniya – Regional Studies, no. 1 (35), pp. 27–33 (In Russian).
Druzhinin A. G. (2014) Metropolii i metropolizaciya v sovremennoj Rossii: konceptual'nye podhody v politiko-geograficheskom kontekste [Metropolises and metropolitanization in modern Russia: conceptual approaches in the political and geographical context]. Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya, no. 1, pp. 19–27 (In Russian).
Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2001) Suburban Nation. The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream. New York, North Point Press, 320 p.
Eldridzh L., Pabiloniya S., Palmer D., Styuart D., Vargeze D. (2022) Utochnennyj metod ocenki otrabotannyh chasov dlya izmereniya proizvoditel'nosti [Refined method for estimating hours worked for productivity measurement]. Ekonomist, no. 11. pp. 31–60 (In Russian).
Farrow L. (2020) Models and quantitative indicators of structural transformation of economic systems. Research innovations and traditions. American Economic Journal. Macroeconomics, vol. 12. no. 3. pp. 95–119.
Florida R. (2008) Who's your city: How the creative economy is making where to live the most important decision of your life. New York, Basic Books, 488 p.
Florida R., Gulden T., Mellander Ch. (2007) The Rise of the Mega Region. Toronto, The Martin Prosperity Institute, 564 p.
Gavrilenko N. N. (2016) Transgranichnoe sotrudnichestvo sub''ektov federacij SShA i Kanady (na primere transgranichnogo regiona Vostok) [Cross-border cooperation of subjects of the federations of the USA and Canada (on the example of the cross-border region East)]. Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya – Problems of modern science and education, no. 3. pp. 193–201 (In Russian).
Gligich-Zolotareva M. V. (2021) Na poroge novoj regionalizacii [On the Threshold of New Regionalization]. Federalism, vol. 26. no. 1 (101). pp. 165–186. DOI:10.21686/2073-1051-2021-1-165-186 (In Russian).
Golyashev A. V., Kel'man Yu. F. (2014) Indeks lokalizacii v social'noj i ekonomicheskoj geografii: tradiciya i novye podhody [Localization Index in Social and Economic Geography: Tradition and New Approaches]. The world of science, culture and education, no. 3 (46). pp. 376–380 (In Russian).
Isaev A. G., Kim A. L., Merzlyakov I. O. (2022) Kolichestvennaya ocenka integracionnyh tendencij v regionah Rossii [Quantitative assessment of integration trends in the regions of Russia]. Regionalistika – Regionalistics, vol. 9. no. 6. pp. 5–22. DOI:10.14530/reg.2022.6.5 (In Russian).
Kelvis G. D. (2017) Modeling structural shifts in American industry in the context of informatization of the economy. International Journal of Economic Perspectives, vol. 11. no 4, pp. 320–342.
Korolev S. A. (1977) Beskonechnoe prostranstvo. Geo- i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii [Infinite space. Geo- and sociographic images of power in Russia]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 234 p. (In Russian).
Lavrinenko P. A., Mihajlova T. N., Romashina A. A., Chistyakov P. A. (2019) Aglomeracionnye effekty kak instrument regional'nogo razvitiya [Agglomeration effects as a tool for regional development]. Studies on Russian Economic Development, no. 3. pp. 50–59. (In Russian).
Lewinsky R., Ardo M. (2019) Economic growth and structural changes. American economy amid global turbulence. American Economic Journal. Macroeconomics, vol. 11. no 4. P. 146–161.
Mel'nikova L. V. (2023) Effektivnost' bol'shih gorodov: teoriya i empirika [Efficiency of big cities: theory and empirics]. Voprosy Ekonomiki, no. 3, pp. 83–101. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-3-83-101 (In Russian).
Melo P. C., Graham D. J., Levinson D., Aarabi S. (2017) Agglomeration, accessibility and productivity: Evidence for large metropolitan areas in the US. Urban Studies, vol. 54, no. 1, pp. 179–195. DOI: 10.1177/0042098015624850.
Mezoekonomika razvitiya [Mesoeconomics of development] (2010). Ed. G. B. Kleiner. Moscow, Nauka Publ., 994 p. (In Russian).
Minat V. N. (2021) Urboorientirovannoe razvitie nacional'noj innovacionnoj sistemy v prostranstve metropolitenskih arealov SShA [Urban-oriented development of the national innovation system in the US metropolitan area]. Federalism, vol. 26, no. 1 (101), pp. 187–206. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-187-206 (In Russian).
Minat V. N. (2022a) Megaregional'noe innovacionnoe razvitie SShA: prostranstvenno-vremennoj analiz [Mega-regional innovative development of the USA: spatio-temporal analysis]. Vestnik NSUEM, no. 1. pp. 190–210. DOI:10.34020/2073-6495-2022-1-190-210 (In Russian).

Minat V. N. (2022b) Modelirovanie prostranstvennogo razvitiya transgranichnyh regionov SShA kak social'no-ekonomicheskih sistem mezourovnya [Modeling the Spatial Development of US Cross-border Regions as Meso-Level Socio-Economic Systems]. Economics of Contemporary Russia, no. 3 (98). pp. 83–96. DOI:10.33293/1609-1442-2022-3(98)-83-96 (In Russian).
Minat V. N. (2022c) Privlekatel'nost' razvitiya vysokotekhnologichnyh otraslej promyshlennosti v SShA: urboterritorial'nyj aspekt [The attractiveness of the development of high-tech industries in the United States: the urban-territorial aspect]. Territory Development, no. 2, pp. 59–68. DOI:10.32324/2412-8945-2022-2-59-68 (In Russian).
Minat V. N. (2022d) Rol' strukturnogo faktora v izmenenii resursootdachi proizvodstvennogo sektora ekonomiki SShA [Structural factor role in the resource productivity change of the
manufacturing sector of the US economy]. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16. no. 1, pp. 244–250. DOI:10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.27 (In Russian).
Moss E., Nunn R., Shambaugh J. (2020) The Slowdown in Productivity Growth and Policies That Can Restore It. The Hamilton Project. Washington, Brookings Institution, 27 p.
Murray A. (2018) What explains the post-2004 U.S. productivity slowdown? International Productivity Monitor, no. 34, p. 81–109.
Murrow S. (2018) Structural changes in the US economy. Review of scientific approaches. The American Economic Review, vol. 108, no 9. pp. 952–976.
Patrakova S. S. (2021) Metodicheskij instrumentarij ocenki prostranstvennyh vzaimodejstvij [Methodological tools for assessing spatial interactions]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Journal of Volgograd State University. Economics, vol. 23, no. 2. pp. 5–16. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.2/1 (In Russian).
Piketti T. (2015) Kapital v 21 veke [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Publ., 592 p. (In Russian).
Pil'ka M. E., Sluka N. A., Tkachenko T. H. (2018) Otraslevaya i geograficheskaya struktury zarubezhnyh TNK v global'nyh gorodah SShA [Sectoral and geographic structure of foreign TNCs in US global cities]. Regional'nye issledovaniya – Regional Studies, no. 4 (62). pp. 44–53 (In Russian).
Popov I. I. (2006) Koncepciya urbanisticheskogo perekhoda: periodizaciya stran mira [The concept of urban transition: periodization of the countries of the world]. Regional'nye issledovaniya – Regional Studies, no. 3 (9). pp. 66–75 (In Russian).
Sassen S. (2001) The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Princeton University Press, 458 p. DOI: 10.2307/j.ctt2jc93q.
Shvecov A. (2017) Gorodskaya aglomeraciya – organizacionnaya forma preobrazovaniya prostranstva v Rossijskoj Federacii [Urban agglomeration as an organizational form of space transformation in the Russian Federation]. Federalism, no. 2, pp. 47–60. DOI: 10.21686/2073-1051-2017-2-47-60 (In Russian).
Smirnyagin L. V. (2011) Megaregiony kak novaya forma territorial'noj organizacii obshchestva [Mega-regions as a new form of territorial organization of society]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya – Moscow University Bulletin. Series 5, Geography, no. 1. pp. 9–15 (In Russian).
Spreg Sh. (2021) Zamedlenie rosta proizvoditel'nosti truda v SSHA: analiz na urovne ekonomiki i otraslej [Slowdown in the growth of labor productivity in the United States: an analysis at the level of the economy and industries]. Ekonomist, no. 5, pp. 13–53 (In Russian).
Supyan V. B. (2023) Ekonomika i naselenie SShA v regional'nom izmerenii (zony uskorennogo rosta) [Economy and population of the USA in the regional dimension (zones of accelerated growth)]. USA & Canada: Economics, Politics, Culture, iss. 3. pp. 5–13. DOI: 10.31857/S268667307302303001X (In Russian).
Temirgaleev R. F. (2014) Statisticheskie arealy kak "zerkalo" gorodskih aglomeracij SShA: dostoinstva i nedostatki [Statistical areas as a "mirror" of US urban agglomerations: advantages and disadvantages]. Innovation & Investment, no. 7, pp. 51–56 (In Russian).
Trejvish A. I. (2009) Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda [City, region, country and world. The development of Russia through the eyes of a country expert]. Moscow, New Chronograph. 372 p. (In Russian).
Trejvish A. I. (2009) Neravnomernost' i strukturnoe raznoobrazie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki kak nauchnaya problema i rossijskaya real'nost' [Unevenness and Structural Diversity of the Spatial Development of the Economy as a Scientific Problem and Russian Reality]. Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics, vol. 15. no. 4. pp. 13–35. DOI: 10.14530/se.2019/4/013-035 (In Russian).

Информация об авторе

Минат Валерий Николаевич
Кандидат географических наук,
доцент. Рязанский государственный
агротехнологический университет
имени П. А. Костычева, г. Рязань, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-8787-4274.
E-mail: minat.valera@yandex.ru

Autor's information

Valery N. Minat
Cand. Sc. (Geographical), Associate Professor.
Ryazan State Agrotechnological
University named after P. A. Kostychev, Ryazan,
Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-8787-4274.
E-mail: minat.valera@yandex.ru

ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 1 ▪ 2024
Экономические науки

УДК 331.1
JEL J2, M5

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.21

Научная статья

А. А. Полозов[1]✉, Н. А. Мальцева[1], Л. Л. Брехова[1], А. Р. Ахметзянов[2]

✉ a.a.polozov@mail.ru

[1]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация
[2]Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Российская Федерация

Модель ожидаемого KPI соискателя работы на предприятии и динамики его дальнейшего изменения

Аннотация: Об эффективности HR судят по приросту KPI выбранных им работников. Для того чтобы подвести под такой выбор инструментальную основу, необходимо преодолеть ряд нелинейных эффектов. Из предыдущих исследований и литературных источников у авторов сложилось устойчивое мнение, что возраст работника имеет наибольшее влияние на KPI и его динамика мало зависит от профиля деятельности. Значение KPI сотрудников предприятия «Продупак» повторяет изменение динамики успешности людей самой разной направленности: ученых, спортивных судей, тренеров и т. д. Первый пик приходится на 25 лет и связан с IQ. Второй пик приходится на 39 лет, когда работник еще относительно молод и максимально опытен. За исходную точку расчетов значения KPI принимаем его усредненное значение от возраста для работников данного предприятия. К базовому значению KPI в дальнейшем будем добавлять (или вычитать) значения, соответствующие результатам тестирования и другим вторичным индикаторам. Все тестовые характеристики демонстрируют наличие точки перегиба, когда избыток правильных ответов также плохо влияет на KPI, как и недостаток. Для расчета KPI надо к базовому значению KPI от фактора возраста добавить каждый фактор в отдельности. Такое построение модели KPI позволяет заблаговременно выстраивать кадровую работу в направлении оптимизации KPI как отдельных работников, так и предприятия в целом.

Ключевые слова: KPI, менеджеры, продажи, оборот, MBTI, MMPI, модель.

Дата поступления статьи: 3 ноября 2023 г.

Для цитирования: Полозов А. А., Мальцева Н. А., Брехова Л. Л., Ахметзянов А. Р. (2024) Модель ожидаемого KPI соискателя работы на предприятии и динамики его дальнейшего изменения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 230–242. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.21.

Scientific article

A. A. Polozov[1]✉, N. A. Maltseva[1], L. L. Brekhova[1], A. R. Akhmetzyanov[2]

✉ a.a.polozov@mail.ru

[1]Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation
[2]Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

Model of the expected KPI of a job applicant at the enterprise and the dynamics of its further changes

Abstract: The effectiveness of HR is judged by the increase in KPIs of the employees it selects. To provide an instrumental basis for such a choice, it is necessary to overcome several nonlinear effects. From previous studies and literature sources, the authors have a strong opinion that the age of the employee has the greatest impact on KPI, and its dynamics depend little on the activity profile. The KPI value of the employees of the Produpak enterprise repeats the change in the dynamics of success of people of various backgrounds: scientists, sports judges, coaches, etc. The first peak occurs at 25 years and is associated with IQ. The second peak occurs at age 39 when the worker is still relatively young and most experienced. As the starting point for calculating the KPI value, we take its average value depending on the age of the employees of a given enterprise. In the future, we will add (or subtract) values corresponding to the testing results and other secondary indicators to the basic KPI value. All test characteristics demonstrate the presence of an inflection point, where an excess of correct answers has just as bad an impact on the KPI as a lack. To calculate KPI, you need to add

© А. А. Полозов, Н. А. Мальцева, Л. Л. Брехова, А. Р. Ахметзянов, 2024

each factor separately to the basic KPI value from the age factor. This construction of the KPI model allows you to organize personnel work in advance in the direction of optimizing KPIs for both individual employees and the enterprise as a whole.

Keywords: KPI, managers, sales, turnover, MBTI, MMPI, model.

Paper submitted: November 3, 2023.

For citation: Polozov A. A., Maltseva N. A., Brekhova L. L., Akhmetzyanov A. R. (2024) Model of the expected KPI of a job applicant at the enterprise and the dynamics of its further changes. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 230–242. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.21.

Введение

KPI (англ. Key Performance Indicators) – показатели деятельности подразделения (предприятия), которые помогают организации в достижении стратегических и тактических (операционных) целей. Система KPI имеет целый ряд преимуществ:

• Сотрудники не только четко осведомлены о целях и задачах компании, но и лично заинтересованы в их достижении.

• Каждый специалист мотивирован максимально эффективно выполнить свои должностные обязанности, так как точно знает, что успех принесет финансовые бонусы.

• Позволяет удержать ценных сотрудников, которые ощущают, что их работа ценится и хорошо оплачивается.

• Фонд заработной платы напрямую связан с результатами деятельности организации и стимулирует эффективную работу.

• Руководство получает инструмент мониторинга эффективности деятельности.

KPI Institute – ведущий мировой исследовательский институт, специализирующийся на эффективности бизнеса. Он осуществляет исследовательские программы в 12 областях практики – от стратегии и ключевых показателей эффективности до эффективности сотрудников и от обслуживания клиентов до эффективности инноваций.

Формальный подход к KPI сплошь и рядом приводит к тому, что оценивается объем работы, но не ее качество. Чтобы KPI работали, они должны соединять в себе цели бизнеса и реальные возможности каждого сотрудника. «Стандартным показателям очень сложно удовлетворить два этих требования. Они либо упускают из виду конечные цели организации, либо являются нереалистичными, либо включают в себя совершенно не те показатели, которые действительно важны для сотрудника» (Нэда Сонгин, генеральный директор консалтинговой компании Korn Ferry Hay Group Russia). Использование ключевых показателей эффективности дает организации возможность оценить свое состояние и помочь в оценке реализации стратегии.

Исследование, проведенное консалтинговой компанией GuideSpark в 2014 году, показало, что три четверти сотрудников не верят в то, что листы оценки персонала могут улучшить их работу. В 2015 году исследовательский центр портала Superjob сообщил, что почти 50 % российских компаний внедрили на постоянной основе оценку труда персонала с помощью KPI, но только каждая четвертая распространила эту систему на большинство сотрудников. В 2017 году издание HRTimes компании «ЭКОПСИ Консалтинг» опубликовало сведения, что уже 68 % российских и 81 % крупных компаний в мире используют систему KPI для оценки деятельности руководителей.

В книге «Оценка работы персонала» (Магура, Курбатова, 2001) даются анализ проблемы эффективности профессиональной деятельности и принципы разработки технологии оценки работы персонала, рассматривается опыт оценки работы персонала, используемый в практике отечественных и зарубежных компаний, относящихся к различным отраслям экономики. Особое внимание уделяется рассмотрению методов оценки деятельности руководителей и процедуре проведения ежегодной комплексной оценки различных категорий персонала. Обращает на себя внимание некоторая неопределенность в решении проблемы.

Авторы статьи «Комплексная оценка персонала» (Реймаров, Ионов, Соловьев, 2008) – физики. Анализировали данные психофизиологических обследований персонала АЭС и экипажей атомных подводных лодок. Выяснили, что ошибка прогноза успешности деятельности на осно-

вании тестирования не может быть ниже 30–35 %. Объяснение: личностный потенциал человека не адекватен его реализации. Пришли к выводу, что лучшим тестом является сама работа, а наиболее универсальный инструмент оценки – коллеги оцениваемого лица. Это спорный тезис о субъективности оценки.

«По многим данным, в современной России трудовой потенциал персонала (полный пакет профессиональных знаний и навыков, личностных и демографических характеристик, деловых связей) используется далеко не в полной мере. В связи с этим возникает потребность в проведении комплексной аттестации персонала, которая позволяет определить уровень соответствия занимаемой должности, владение необходимыми знаниями и навыками» (Зародина, 2017). Это благое суждение, которое очень сложно реализовать.

Авторы Е. Л. Романадзе и А. П. Семина выделяют методы оценки персонала: матричный, системы произвольных характеристик, по выполнению задачи, «метод 360 градусов», групповая дискуссия, ранговый метод, метод балльной оценки, интервью, тестирование и др. (Романадзе, Семина, 2019). Обилие оценок подчеркивает большое расхождение в целях оценки персонала.

И. В. Долгополова на примере конкретного предприятия показала возможности оценки ключевых показателей эффективности деятельности HR-службы, связанные с системой оплаты труда (Долгополова, 2014). В качестве узких мест системы оценки выявлены неполный охват направлений работы с персоналом и отсутствие возможности сотрудников службы напрямую влиять на достижение критериальных показателей. Для измерения качества и эффективности работы персонала до и после обучения в подразделениях необходимо установить не субъективные критерии оценки, а объективные индикаторы (например, выполнение норм выработки, снижение доли брака, усовершенствование технологии и т. п.). Здесь обилие оценок компенсирует их невысокую значимость.

«Исследователи данной темы делают акцент, что именно компетентность выступает инструментом получения экономических выгод, т. е. результатов, от использования знаний как активов. Поскольку компетентность требует управления сложными итеративными процессами объединения технологий, интеграции обучения во многих частях организации, повторение ее затруднено» (Морозова, Шатрова, 2015). Компетентность оценивается по результату. Однако само понятие результата в многопрофильной деятельности часто размыто.

Т. Ю. Сенюк и Л. Н. Дрыгин высказали свою версию в последовательности шагов модели (Сенюк, Дрыгин, 2020):

1) разработка показателей KPI должна начинаться с определения целей руководства;

2) выявляется то, каким образом сотрудник может оказать влияние на результаты деятельности организации и насколько существенное его влияние;

3) исходя из вышесказанного и функциональных обязанностей сотрудника формируются показатели KPI, определяются нормативные, плановые или целевые значения KPI;

4) определяется вариативность показателей, по которым предполагается допущение перевыполнения, недовыполнения, нарушение, отклонение от нормативных/целевых показателей и принимается решение о роли показателя и его влиянии на результат (положительный/отрицательный, предусматривает штрафные санкции или нет);

5) устанавливаются весовые коэффициенты для каждого из показателей;

6) определяется модель (схема) расчета показателей;

7) согласовывается размер бюджета по KPI;

8) формируется расчетчик KPI по выбранной схеме;

9) проводится апробация выбранной модели в ретроспективе.

«KPI фокусируют внимание сотрудников на задачах и процессах, которые руководители считают наиболее важными для успеха бизнеса. KPI похожи на рычаги, которые руководители могут тянуть, чтобы двигать организацию в новых и разных направлениях. На самом деле, среди всех инструментов, доступных руководителям для изменения организации и продвижения ее в новом направлении, ключевые показатели эффективности, возможно, являются самыми мощ-

ными. Следовательно, руководители должны относиться к KPI с уважением. Являясь мощным проводником изменений, KPI могут привести к беспрецедентным улучшениям или погрузить организацию в хаос и неразбериху. Если ключевые показатели эффективности не будут точно переводить стратегию и цели компании в конкретные ежедневные действия, организация будет барахтаться. Сотрудники будут работать вразрез, мешая друг другу» (Eckerson, 2010).

Однако в статьях других авторов мы не обнаружили ответов на три вопроса:

• Как спрогнозировать KPI соискателя на должность из его ответов на тесты?

• Как изменится KPI соискателя в течение нескольких ближайших лет? Он будет расти? Он будет уменьшаться?

• Какой фактор имеет наибольшее значение в оценке KPI? Фактор возраста? Опыт работы?

Из предыдущих исследований и литературных источников у авторов сложилось устойчивое мнение, что:

• фактор с наибольшим прогностическим значением – это возраст работника;

• работники совершенно разного профиля показывают схожую динамику KPI от возраста.

Для выполнения работы нам придется сопоставить ряд предшествующих результатов из разных областей. Наиболее полные данные, касающиеся динамики изменения IQ от возраста представлены в Берклейском лонгитюдном исследовании (Jones, Bayley, 1941).

Работая с менеджерами по продажам на базе компаний Sales Expert (руководитель Дмитрий Губин), «2ГИС» и «Абак Пресс» (Polozov et al., 2019), мы получили аналогичный график изменения оборота от его возраста (рис. 2) с примерным пиком 25 лет.

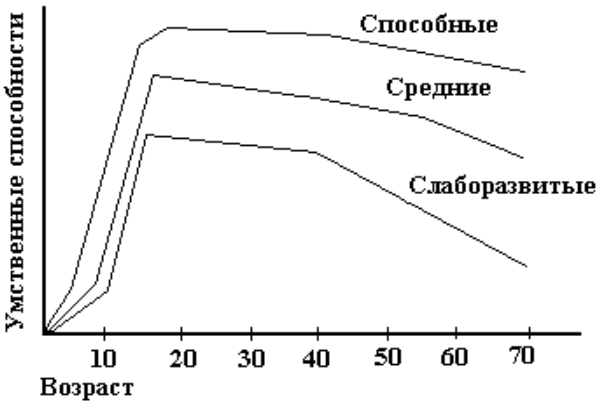

Рис. 1. Изменение IQ с возрастом

Fig. 1. IQ changes with age

Еще один пик нашли экономисты Бенджамин Джонс из Северо-Западного университета и Брюс Вайнберг из Университета Огайо (2014). Исследовали данные о 544 Нобелевских лауреатах и 286 всемирно признанных изобретателях XX века и выяснили, что пик продуктивности приходится на период между 30 и 40 годами (Jones, Reedy, Weinberg, 2014). Средний возраст гениальности в XX веке составляет 39 лет (рис. 3).

Ранее исследователи наблюдали уровень работы судей от MBTI и MMPI (Филипкин и др., 2013). Оказалось, что для судей наибольшее значение имеет пара дихотомий SR и мазохистический, депрессивный, психопатический типы характера. Однако средний уровень оценок судьи за год, выставляемых инспектором матча, имеет два возрастных пика.

В 2012 году был создан сайт www.ra-first.ru. Суть его работы сводится к тому, чтобы считывать информацию по результатам сыгранных матчей в игровых видах спорта и автоматически пересчитывать рейтинг команды в режиме online. Получив рейтинг каждой команды по итогам ее выступления за год, авторы стали искать сведения по бюджету каждого клуба. Эта информация в большинстве случаев закрыта, однако для двухсот футбольных клубов и всех хоккейных клубов КХЛ она открыта. Далее мы построили линейную зависимость между рейтингом клуба и его бюджетом. На основании этой зависимости рассчитали ожидаемое значение рейтинга каждого клуба исходя из его бюджета. И сравнили его с фактическим. Более квалифицированный тренер продвигал свой клуб на более высокие рейтинговые позиции. Вот эти значения сопоставили с возрастом наставников (Полозов и др., 2015). К сожалению, среди хоккейных наставников практически нет людей моложе 40 лет. Поэтому мы видим нисходящий тренд и не видим самого пика.

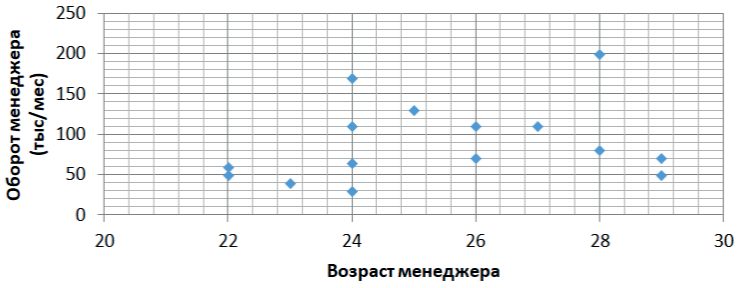

Рис. 2. Изменение оборота менеджера по продажам от возраста

Fig. 2. Change in sales manager turnover by age

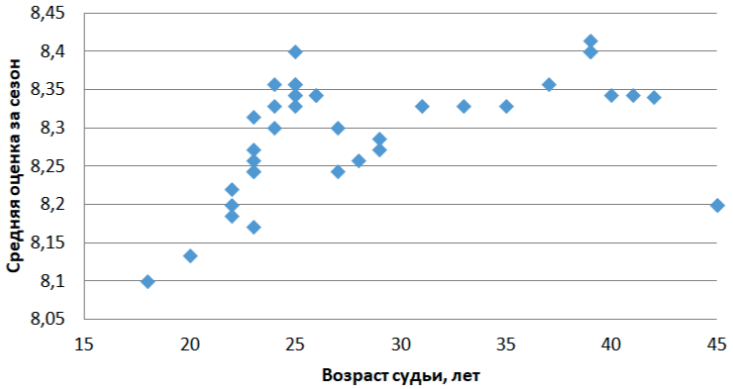

Рис. 4. Возраст наибольших оценок для судей

Fig. 4. The age of the highest scores for judges

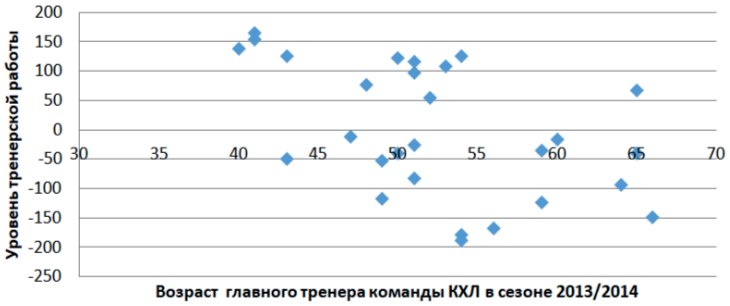

Рис. 5. Возраст и уровень работы для хоккейных тренеров КХЛ (2013/2014)

Fig. 5. Age and level of work for KHL hockey coaches (2013/2014)

Рис. 6. Возраст и уровень работы для футбольных тренеров топ-уровня

Fig. 6. Age and level of work for top-level football coaches

Рис. 3. Средний возраст гениальности

Fig. 3. The average age of genius

Футбольных клубов топ-уровня оказалось намного больше, и пришлось проводить процедуру сглаживания по 5 соседним точкам. На этом графике мы уже видим признаки пика в 39 лет.

Рейтинговое агентство строительного комплекса было создано в 2013 г. Н. А. Алексеенко, один из авторов (А. А. Полозов) работал в качестве эксперта. Была поставлена задача получения рейтингов предприятий строительной отрасли. Исследование проводили на изыскательских компаниях строительного комплекса России. При общем их числе свыше 10 000 доступны были некоторые данные по половине из них. В частности, оборот фирмы за последние три года, возраст ее директора, оценочная численность персонала. Мы решили оценить все имеющиеся изыскательские компании, численность которых менее 20 человек. У таких компаний, как правило, сопоставимый годовой оборот. Вот его мы сопоставляли с возрастом директора компании. Мы, разумеется, искали перелом на возрасте директора в 39 лет и нашли его (Полозов и др., 2015).

Таким образом, наш интерес к исследованию продиктован необходимостью:

• еще одного исследования, касающегося пика значений KPI в возрасте, прежде всего, 39 лет;

• знания влияния других, вторичных факторов (пол, опыт, MBTI и др.) на значения KPI, что может позволить дать предположительную оценку этого показателя соискателю на должность;

• найти точки «перегиба» (смены знака производной) на графиках вторичных факторов и сформировать модель KPI с их учетом;

• ввести в модель факторы опыта, стажа работы для оценки наиболее вероятного изменения KPI соискателя на должность после приема на работу.

Цель исследования – сформировать модель ожидаемого KPI соискателя на должность и динамики его дальнейшего изменения от MBTI, MMPI, возраста, стажа работы, знаний профиля деятельности и др.

Задачи:

1. Провести исследование состояния вопроса.

2. Провести эксперимент в компании «Проупак».

3. Сформулировать модель KPI с учетом нелинейности используемых индикаторов, показывающую изменение этого показателя во времени.

Методика эксперимента

Для точного определения типа характера нецелесообразно использовать слишком большой MMPI. Мы использовали его более короткую версию СМОЛ. Для повторного тестирования применили критерии справочника В. Л. Таланова и И. Г. Малкиной-Пых (Таланов, Малкина-Пых, 2002). А также:

• тест MBTI. Для повторного тестирования – русскую версию Big Five Inventory-2;

• регрессионный анализ;

• IQ-тесты;

• тест на знание технологии производства пленки, задачи механики, приборостроения, транспорта мы брали из вопросов ЕГЭ соответствующего профиля: транспорт, механика, психология и др.;

• тест на концентрацию внимания, в котором есть 139 пар соседних чисел, сумма которых равна 10. Тест Мюнстерберга оказался слишком легким;

• тест на приоритетность задач, созданный авторами. Он предполагает, что соискатель указывает компетенции (аккуратность, ответственность и т. д.), которые соответствуют оценкам самих работников этого профиля. Если соискатель указывает полное соответствие по этим критериям, то переобучать, перенастраивать его уже не придется.

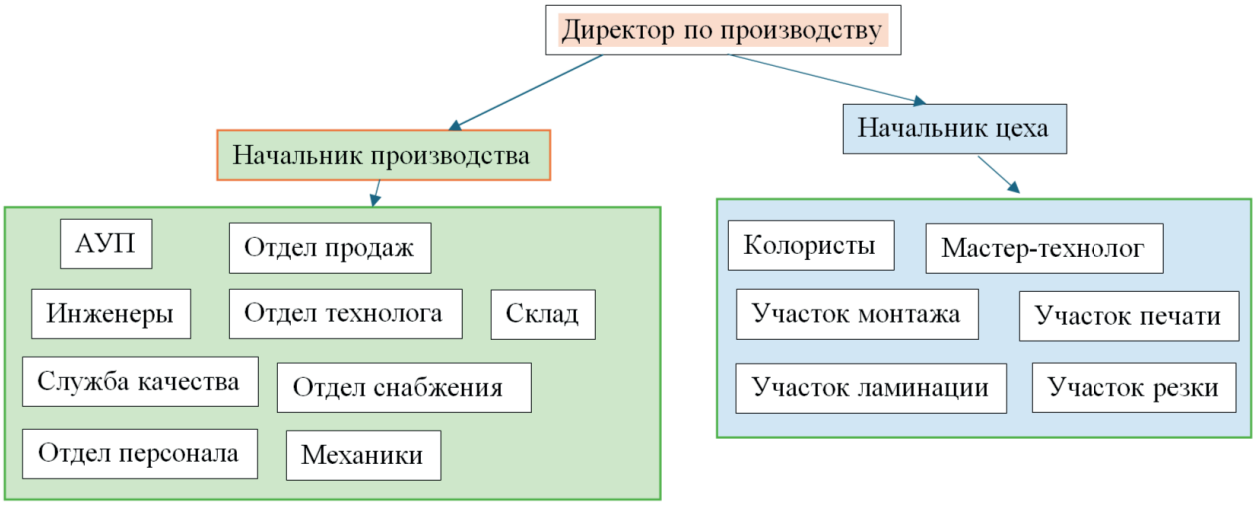

Рис. 7. Структура предприятия «Проупак»

Fig. 7. Structure of the Proupak enterprise

Таблица 1 – Расчет премии на основании KPI директора по продажам

Table 1 – Bonus calculation based on the KPI of the sales director

Показатель	Уд. вес, %	План	Факт	Вып-е, %	Уд. вес	Пороговый коэфф., %
Отгрузка печатной продукции и чистых ламинатов	40	170 000	158 510	93,24	37,3 %	90
% ПДЗ к отгрузке	10	10%	18%	56,64	0,0 %	90
Выполнение плана по МП минус постоянные расходы ОП плюс прибыль/убыток от флексоформ	10	9 455 178	7 566 715	80,03	8,0 %	90
Заказы, поданные на текущий месяц, на 15 число текущего месяца – 100 %	30	210	244	116,24	34,9 %	100
Смарт-задачи	5	11	11	100	5,0 %	100
Доля заказов, подтвержденных ОКП	5	80	65	81,15	4,1 %	100
Итого:					89 %	
Премия					54013	
Норма часов, час					176	
Факт часов, час					80	
Премия с уч. факт. отработанного времени					24551	

Таблица 2 – Состав тестируемых работников «Проупак»

Table 2 – Composition of Proupak employees tested

ФИО	Пол	Возраст	Должность	Стаж работы в организации	Стаж работы	Значение KPI за последние 3 мес.
АНМ	М	56	Упаковщик	2,66	2,66	0,97
АЕА	Ж	40	Инженер по качеству	2,25	10,00	0,97
БАН	М	44	Начальник цеха	0,08	0,08	нет
БДА	М	44	Водитель	2,50	15,00	нет
ВВА	М	49	Помощник печатника			
ГСН	Ж	47	Директор по продажам	1,44	8,00	нет
ГВД	Ж	28	Диспетчер ДТО	2,02	2,02	
ЖИА	М	57	Печатник	2,29	17,00	0,70
ЗЮВ	М	45	Руководитель отдела снабжения	6,59	19,00	нет
КАА	Ж	29	Менеджер по продажам	0,39	0,39	1,00
КНИ	М	64	Инженер по охране труда	1,21	25,00	
МОВ	Ж	43	Менеджер отдела продаж	0,32	17,00	нет
МАВ	М	20	Помощник печатника	0,08	0,08	нет
МАС	М	45	Электромеханик	0,11	0,11	нет
МСО	М	27	Мастер-технолог			
НЕА	Ж	44	Менеджер по продажам	1,35	17,00	0,69
ПОЮ	Ж	34	Менеджер по продажам	0,20	0,20	
САА	М	49	Монтажник клише	0,07	0,10	нет
СДВ	М	45	Мастер-технолог	0,21	0,30	нет
СНА	Ж	43	Диспетчер	0,20	0,20	
СОВ	М	37	Резчик	6,59	13,00	0,98
ТСВ	М	36	Оператор ламини-го обор.	1,93	8,00	0,86
ФВЮ	М	30	Помощник печатника	0,59	0,59	0,27
ФМА	М	31	Печатник	3,73	3,73	0,64
ШИЮ	М	59	Монтажник клише	2,06	2,06	нет
БСА	М	31	Технолог	5,95	5,95	
ДЕС	М	33	Печатник	3,67	14,00	0,80
ПДР	М	30	Мастер-технолог	0,35	0,35	0,67

Организация исследования

Исследование проводилось на предприятии ООО «Проупак», Екатеринбург, Сибирский тракт 14 км 6/2. Предприятие изготавливает пакеты как из отечественных, так и из зарубежных материалов, производит вакуумные пакеты с трехсторонним сварным швом, а также пакеты из комбинированных пленок толщиной от 40 до 120 микрон. Также предприятие выпускает различные виды пищевой упаковки шириной от 50 до 600 мм и длиной от 50 до 2000 мм. Продукция имеет декларации соответствия, гигиенические сертификаты, допущена органами здравоохранения для упаковки пищевых продуктов. «Проупак» является также поставщиком вакуум-упаковочного оборудования. Основной ассортимент товаров: пакеты для вакуумной упаковки (EVOH), вакуумные термоусадочные пакеты, вакуумные термоусадочные пакеты для созревающих сыров (цветные), подложка ламинированная (золото/серебро).

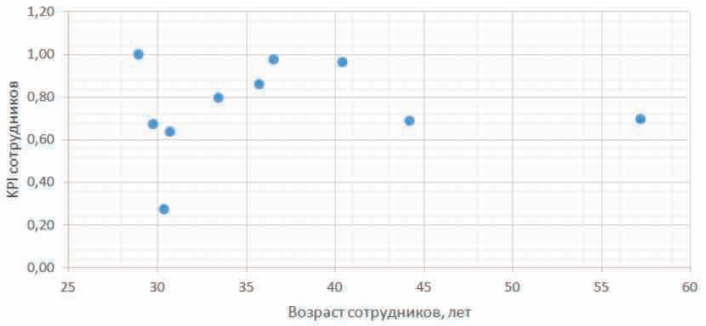

Рис. 8. KPI – Возраст

Fig. 8. KPI – Age

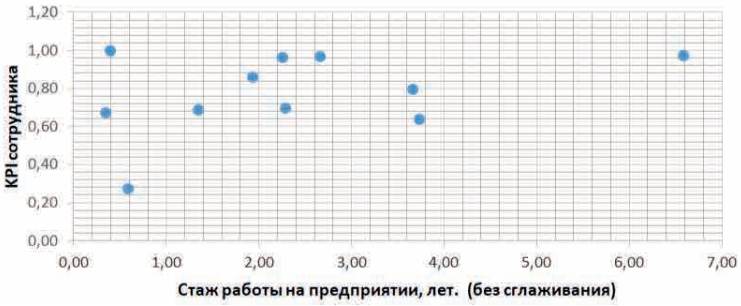

Рис. 9. Изменение KPI от стажа работы на предприятии (без сглаживания)

Fig. 9. KPI change from work experience at the enterprise (without smoothing)

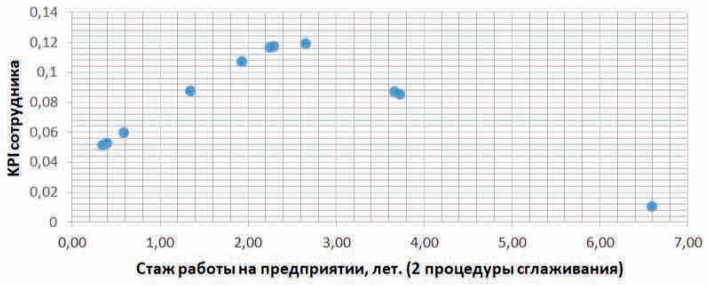

Рис. 10. График KPI – Стаж работника после 2 процедур сглаживания

Fig. 10. KPI graph – Employee's length of service after 2 smoothing procedure

Структура предприятия представлена на рис. 7. На предприятии есть 1С-бухгалтерия, которая автоматически рассчитывает KPI работника. Однако из-за трудозатратности контроля KPI его мониторинг в 1С осуществляется за небольшой частью сотрудников. Пример расчета KPI приведен в табл. 1. Значение KPI было средним за 3 последних месяца. Тестирование прошли 54 работника. Однако двойное тестирование MBTI и MMPI исключило из дальнейшей обработки 25 человек. Осталось 29 работников, из которых только у 11 был KPI.

Результаты

После презентации опубликованных данных получили похожий график для 11 работников «Проупак». На этом графике почти все работники оказались вблизи 30-40 интервала, отчего пика в 25 лет мы не видим (рис. 8). Однако из приведенных выше графиков мы понимаем, что он существует. Изменение KPI от стажа работы на производстве — на рис. 9. Процедура сглаживания проводилась методом усреднения каждой точки графика (кроме крайних) с предыдущей и последующей (рис. 10).

На рисунке мы видим точку перегиба – 2,3 года. Это точка максимального значения KPI. Через 6 лет работник имеет такой же KPI, как если бы он вновь пришел на работу.

Стаж < 2,3 $P(\text{Стаж}) = \frac{0{,}15}{(1+e^{(1-\text{стаж})})}$

Age 26–28 $P(Age) = 0{,}7 + \frac{0{,}95}{(3{,}9+e^{(Age-26)})}$

Схожую картину с точкой перегиба графика мы видим и на других тестах.

Как видно из рис. на знание технологии пленки, максимальное значение KPI достигается при 7 правильных ответах, а не 8. Среднее число правильных ответов – 3,5. Дробность числа объясняется тем, что на 1 вопрос возможны 2 правильных ответа. Аналогичным образом получили точку перегиба для всех тестов (доля правильных ответов): транспорт – 0,5; межличностный – 0,7; механика – 0,5; дизайн – 0,5; транспорт – 0,85; электротехника – 0,5; цифровой – 0,5; концентрация внимания – 0,66; пространственный (IQ) – 0,6.

Фактор пола. Средний KPI (мужчин) = 0,92. Средний KPI (женщин) = 0,935. KPI мужчин на 0,015 ниже, чем у женщин. В итоге фактор пола = (+/-) 0,0075.

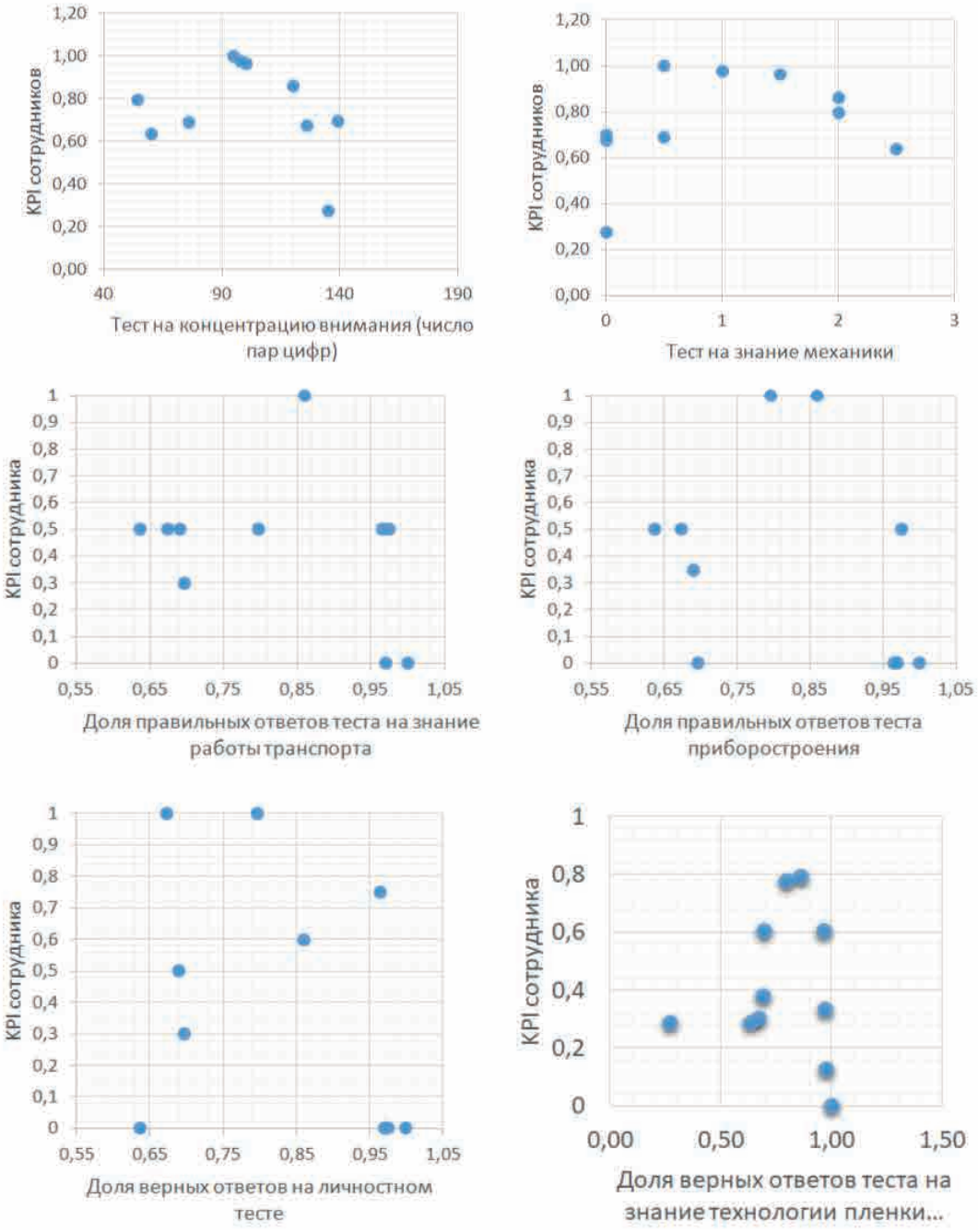

Рис. 11. Изменение KPI от результатов ответов на тесты различных профилей деятельности

Fig. 11. KPI changes based on the results of responses to tests of various activity profiles

Модель KPI

За исходную точку расчетов значения KPI принимаем его усредненное значение от возраста для работников данного предприятия. Фактор возраста дает нам базовое значение KPI. Потому условно назовем его первичным фактором. Все остальные – вторичными. К базовому значению KPI в дальнейшем будем добавлять (или вычитать) значения, соответствующие результатам тестирования и другим вторичным индикаторам. KPI в дальнейшем может как увеличиться, так и уменьшиться относительно базового значения. Каждый из вторичных факторов может изменять KPI с разной степенью. Например, для механика число правильных ответов в профильном тесте может иметь наибольшее влияние. Или, как далее мы будем это называть, – иметь наибольшую стоимость. Каждый неверный ответ будет существенно уменьшать значение KPI. Под точкой перегиба понимаем такое значение, которое больше обоих соседних.

Для разных профилей деятельности используются не все тесты, а только профильные. Неизбирательность тестов способна сделать KPI недостоверным.

Рис. 12. Значения базовых показателей KPI от возраста

Fig. 12. The values of the basic KPI indicators by age

Для модели необходимы примерные формульные зависимости. Используем графики логистической кривой. Наш график включает в себя 4 таких кривых.

Базовое значение KPI берем из фактора возраста.

Age 15–25 $P(Age) = \frac{0{,}95}{(1+e^{(15-Age)})}$

Age 26–28 $P(Age) = 0{,}7 + \frac{0{,}95}{(3{,}9+e^{(Age-26)})}$

Age 29–39 $P(Age) = 0{,}78 + \frac{1}{(3{,}3+e^{(37-Age)})}$

Age 40–65 $P(Age) = 0{,}7 + 0{,}35 \times \frac{1}{(1+5*e^{(Age-45)})}$

Формируем модель KPI для предприятия: KPI (Age, TL, TX, +/-, Стаж, М/Ж.)

Мы можем определить значение KPI как среднее значение парабол:

$$KPI(\text{работника}) = \frac{1}{n} \times (KPI(\text{возраст}) + \sum_{i=1}^{n}(a(i) \times x^2 + b(i) \times x + c(i)))$$

Возможно просто рутинное решение – среднее значение соседних точек на каждом графике сформирует датасет всех возможных вариантов ответов. Есть и еще один вариант – вычитать из максимального значения KPI(i):

$$\text{KPI(работника)} = \sum_{i=1}^{n}[KPImax(i) - [\text{СТОИМi} \times (|\text{Ni} - Nmax|)]$$

где δi – доля правильных ответов работника на i-тест.

δmax – доля верных ответов в точке перегиба графика (максимальное значение KPI).

СТОИМi – среднее снижение KPI при 1 неправильном ответе

Таблица 3 – Стоимость и точка перегиба тестовых данных

Table 3 – Cost and inflection point of test data

Тест	СТОИМi	δmax
MBTI	0,2	-
СМОЛ	0,07	-
Стаж	0,6	2,3
м/ж	0,0075	-
Технология	0,2	0,87
Логика (IQ)	0,1	0,5
Пространственный	0,1	0,6
Абстрактная логика	0,25	0,3
Механика	0,1	0,5
Электротехника	0,145	0,5
Концентрация внимания	0,0001	0,66
Транспорт	0,2	0,85
Межличностный	0,3	0,7

Если аналогично разделить каждый тип MBTI на пары дихотомий, взять в каждой паре среднее значение KPI и потом заново сложить из пар MBTI, то наибольшее значение получит ISTJ. Однако в цехе работают специалисты разной направленности. Соответственно, MBTI в такой ситуации мы не учитываем.

Выводы

1. В 2015 году портал Superjob сообщил, что почти 50 % российских компаний внедрили на постоянной основе оценку труда персонала с помощью KPI, но только каждая четвертая распространила эту систему на большинство сотрудников. При большом числе вариантов создания KPI в статьях других авторов мы не увидели оценки KPI соискателя на должность из его ответов на тесты, ожидаемой динамики изменения в последующие годы, выделения наиболее значимых факторов. Из предыдущих исследований и литературных источников у авторов сложилось устойчивое мнение, что возраст работника имеет наибольшее влияние на KPI и его динамика мало зависит от профиля деятельности.

2. Модель KPI предприятия «Проупак» имеет очевидные пробелы:

– Все значения KPI носят характер административного устрашения за невыполнение плановой задачи.

– Нет критерия, направленного на личностный рост работника. По окончании работы должно быть некоторое достижение, значимое для резюме. Этого нет.

– Параметры KPI, принимаемые за 100 %, не всегда корректируются 1С. В результате нет работников с KPI > 1,1, что может свидетельствовать о завышенных ожиданиях работодателя.

– Нет субъективной оценки непосредственным начальником в параметрах KPI. Это не позволяет оценивать все остальные, не попавшие в число 5 параметры работника.

3. Значение KPI сотрудников предприятия повторяет изменение динамики успешности людей самой разной направленности: ученых, спортивных судей, тренеров и т. д. Первый пик приходится на 25 лет и связан с IQ. Второй пик – на 39 лет, когда работник еще относительно молод и максимально опытен. За исходную точку расчетов значения KPI принимаем его усредненное значение от возраста для работников данного предприятия. К базовому значению KPI в дальнейшем будем добавлять (или вычитать) значения, соответствующие результатам тестирования и другим вторичным индикаторам. KPI в дальнейшем может как увеличиться, так и уменьшиться относительно базового значения. В работе использовали 14 тестов: технология пленки, механика, приборостроение и т. д. на основе вопросов ЕГЭ. Все тестовые характеристики демонстрируют наличие точки перегиба, когда избыток правильных ответов также плохо влияет на KPI, как и недостаток. Для расчета KPI надо к базовому значению KPI от фактора возраста добавить каждый фактор в отдельности. Для этого отклонение от точки перегиба умножают на стоимость (динамику изменения)

$$\text{KPI(работника)} = \text{KPI(возраст)} + \sum_{i=1}^{n} [\text{СТОИМi} \times (\text{Ni} - Nmax)].$$

4. Такое построение модели KPI позволяет заблаговременно выстраивать кадровую работу в направлении оптимизации KPI как отдельных работников, так и предприятия в целом. Для этого предприятие вводит уровень критически низкого значения KPI работника, которое дает старт для кадровых решений.

Источники

Долгополова И.В. (2014) К проблеме оценки эффективности деятельности службы по управлению персоналом. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент», № 3, с. 154–162.
Зародина В.В. (2017) Аттестация в системе оценки персонала. Азимут научных исследований: педагогика и психология, т. 6, № 1 (18), с. 279–282.
Магура М. И., Курбатова М. Б. (2001) Оценка работы персонала : Практ. пособие для руководителей раз. уровня и специалистов кадровых служб. М. : Бизнес- шк. «Интел-Синтез», 144 с.
Морозова Е. Л., Шатрова Е. С. (2015) Современные методы оценки персонала в системе управления человеческими ресурсами. Региональное развитие: электронный научно-практический журнал, № 4 (8), с. 16.
Полозов А. А., Набойченко Е. С., Мехович Г. И., Кунышева С. В., Михряков С. В. (2015) Возрастные пики карьеры. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент, т. 9, № 4, с. 89–95.
Полозов А. А. (2005) Психологические портреты персонала спортивного клуба. Спортивный психолог, № 3 (6).
Полозов А. А., Полозова Н. Н. (2009) Модули психологической структуры в спорте. М., Советский спорт, 295 с.
Реймаров Г. А., Ионов В. В., Соловьев Н. П. (2008) Комплексная оценка персонала. Управление персоналом, № 7. https://www.top-personal.ru/issue.html?1539&ysclid=ltfunj98ms364051996.
Романадзе Е. Л., Семина А. П. (2019) Обзор методов оценки персонала в современных организациях. Московский экономический журнал, № 1, с. 602–610. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-11072.
Сенюк Т. Ю., Дрыгин Л. Н. (2020) Праксеологические основы формирования ключевых показателей эффективности менеджеров по продажам. Вестник Академии знаний, № 2 (37), с. 300–305. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10181.
Скоблова Ю. А. (2019) Возможности применения ключевых показателей эффективности (KPI) к системе оценки персонала на предприятии. Контентус, № S11, с. 101–107.
Таланов В. Л., Малкина-Пых И. Г. (2002) Справочник практического психолога. СПб., Сова; М., ЭКСМО, 928 с.
Филипкин А. С., Полозов А. А., Шурманов Е. Г. (2013) Успешность судейской работы в футболе представителей с различной структурой личности. Теория и практика физической культуры, № 5, с. 74–78.
Ягунова Н. А. (2004) Совершенствование системы оценки деятельности персонала на промышленных предприятиях : 08.00.05. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 20 с.
Deeter-Schmelz D., Goebel D., Kennedy K. (2008) What are the Characteristics of an Effective Sales Manager? Journal of Personal Selling & Sales Management. DOI: 10.2753/PSS0885-3134280101.
Eckerson W. W. (2010) Performance dashboards measuring, monitoring, and managing your business. New York, Wiley, 318 p.
Jones B. F., Reedy E. J., Weinberg B. A. (2014) Age and Scientific Genius. NBER Working Paper, no. w19866, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2389203.
Jones H. E., Bayley N. (1941) The Berkeley Growth Study. Child Development, vol. 12, no. 2, pp. 167–173. https://www.jstor.org/stable/1125347.
Polozov A. A. et al. (2019) Regression model of sales manager behavior: Forecast and experimental confirmation. AIP Conference Proceedings. AIP Publishing LLC, vol. 2186, no. 1, p. 050020.
Russ F. A., McNeilly K. M., Comer J. M. (2013) Leadership, decision making and performance of sales managers: A multi-level approach. Journal of Personal Selling and Sales Management, no. 16 (3), pp. 1–15.

References

Deeter-Schmelz D., Goebel D., Kennedy K. (2008) What are the Characteristics of an Effective Sales Manager? Journal of Personal Selling & Sales Management. DOI: 10.2753/PSS0885-3134280101.
Dolgopolova I. V. (2014) K probleme otsenki effektivnosti deyatel'nosti sluzhby po upravleniyu personalom [On the problem of assessing the effectiveness of the personnel management service]. Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management", no. 3, p. 154–162 (In Russian).
Eckerson W. W. (2010) Performance dashboards measuring, monitoring, and managing your business. New York, Wiley, 318 p.
Filipkin A. S., Polozov A. A., Shurmanov Ye. G. (2013) Uspeshnost' sudeyskoy raboty v futbole predstaviteley s razlichnoy strukturoy lichnosti [The success of refereeing in football for representatives with different personality structures]. Teoriya i practika fizicheskoy kultury, no. 5, pp. 74–78 (In Russian).
Magura M. I., Kurbatova M. B. (2001) Otsenka raboty personala : Prakt. posobiye dlya rukovoditeley raz. urovnya i spetsialistov kadrovykh sluzhb [Personnel performance assessment: Practical. manual for managers. level and specialists of personnel services]. Moscow, Business school "Intel-Sintez" Publ., 144 p. (In Russian).
Jones B. F., Reedy E. J., Weinberg B. A. (2014) Age and Scientific Genius. NBER Working Paper, no. w19866, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2389203.
Jones H. E., Bayley N. (1941) The Berkeley Growth Study. Child Development, vol. 12, no. 2, pp. 167–173. https://www.jstor.org/stable/1125347.
Morozova E. L., Shatrova E. S. (2015) Sovremennyye metody otsenki personala v sisteme upravleniya chelovecheskimi resursami [Modern methods of personnel assessment in the human resource

management system]. Regional'noye razvitiye: elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal – Regional development: electronic scientific and practical journal, no. 4 (8), p. 16. (In Russian).
Polozov A. A. et al. (2019) Regression model of sales manager behavior: Forecast and experimental confirmation. AIP Conference Proceedings. AIP Publishing LLC, vol. 2186, no. 1, p. 050020.
Polozov A. A., Naboychenko E. S., Mekhovich G. I., Kunysheva S. V., Mikhryakov S. V. (2015) Age-related career peaks [Vozrastnyye piki kar'yery]. Bulletin of South Ural State University, Series "Economics and Management", vol. 9, no. 4, pp. 89–95 (In Russian).
Polozov A. A. (2005) Psikhologicheskiye portrety personala sportivnogo kluba [Psychological portraits of sports club personnel]. Sportivnyy psikholog – Sports Psychologist, no. 3 (6) (In Russian).
Polozov A. A., Polozova N. N. (2009) Moduli psikhologicheskoy struktury v sporte [Modules of psychological structure in sports]. Moscow, Sovetskiy sport Publ., 295 p. (In Russian).
Reymarov G. A., Ionov V. V., Solov'yev N. P. (2008) Kompleksnaya otsenka personala [Comprehensive personnel assessment]. Upravleniye personalom – Personnel Management, no. 7. https://www.top-personal.ru/issue.html?1539&ysclid=ltfunj98ms364051996 (In Russian).
Romanadze E. L., Semina A. P. (2019) Obzor metodov otsenki personala v sovremennykh organizatsiyakh [Review of personnel assessment methods in modern organizations]. Moscow Economic Journal, no. 1, pp. 602–610. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-11072 (In Russian).
Russ F. A., McNeilly K. M., Comer J. M. (2013) Leadership, decision making and performance of sales managers: A multi-level approach. Journal of Personal Selling and Sales Management, no. 16 (3), pp. 1–15 (In Russian).
Senyuk T. Yu., Drygin L. N. (2020) Prakseologicheskiye osnovy formirovaniya klyuchevykh pokazateley effektivnosti menedzherov po prodazham [Praxeological foundations for the formation of key performance indicators for sales managers]. Bulletin of the Academy of Knowledge, no. 2 (37), pp. 300–305. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10181 (In Russian).
Skoblova Yu. A. (2019) Vozmozhnosti primeneniya klyuchevykh pokazateley effektivnosti (KPI) k sisteme otsenki personala na predpriyatii [Possibilities of applying key performance indicators (KPI) to the personnel assessment system at the enterprise]. Contentus, no. S11, pp. 101–107 (In Russian).
Talanov V. L., Malkina-Pykh I. G. (2002) Spravochnik prakticheskogo psikhologa [Handbook of a practical psychologist]. St. Petersburg, Sova Publ.; Moscow, EKSMO Publ., 928 p. (In Russian).
Yagunova N. A. (2004) Sovershenstvovaniye sistemy otsenki deyatel'nosti personala na promyshlennykh predpriyatiyakh [Improving the system for assessing personnel performance at industrial enterprises]. Abstr. Dis. ... Cand. Econ. Sci. Saratov, 20 p. (In Russian).
Zarodina V.V. (2017) Attestatsiya v sisteme otsenki personala [Certification in the personnel assessment system]. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, vol. 6, no. 1 (18), pp. 279–282 (In Russian).

Информация об авторах

Полозов Андрей Анатольевич
Доктор педагогических наук, доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ. ORCID ID: 0000-0003-1729-3340. E-mail: A.A.Polozov@mail.ru

Мальцева Наталья Анатольевна
Аспирант. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ.
E-mail: natalia.maltseva.susu@gmail.com

Брехова Людмила Леонидовна
Преподаватель. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, РФ. E-mail: l.l.brekhova@urfu.ru

Ахметзянов Артур Рахимзянович
Преподаватель. Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, РФ.
E-mail: achmetzanov@mail.ru

Autor's information

Andrey A. Polozov
Dr. Sc. (Pedagogy), Associate Professor. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1729-3340.
E-mail: A.A.Polozov@mail.ru

Natalya A. Maltseva
Postgraduate student. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: natalia.maltseva.susu@gmail.com

Lyudmila L. Brekhova
Lecturer. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: l.l.brekhova@urfu.ru

Arthur R. Akhmetzyanov
Lecturer. Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation.
E-mail: achmetzanov@mail.ru

УДК 332.025
JEL O11, O12
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.22
Научная статья

Е. В. Рожков[1]
✉ yevgeniy1975@internet.ru
[1]Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Городской электрический общественный транспорт: финансово-экономические аспекты развития (на примере города Пермь)

Аннотация: В статье рассмотрены финансово-экономические аспекты развития городского общественного электрического транспорта в современных условиях. Методологическую основу исследования составил разрабатываемый российскими авторами подход к анализу проблем управления собственностью муниципальных образований, который связан с важностью оценки эффективности использования муниципального имущества с учетом величины извлекаемого дохода и социального эффекта. Автором в контексте действующей нормативно-правовой базы на примере муниципального образования г. Пермь показаны финансово-экономические проблемы, которые в настоящее время возникают в связи с потребностью обновления общественного электрического транспорта и выбора рационального решения с учетом обеспечения необходимого качества транспортного обслуживания (физическая и ценовая доступность, комфорт и удобство, безопасность и др.). В связи с этим в статье проведен сравнительный анализ стоимости поездки в Перми и в крупнейших городах России, а также рассмотрены вопросы, связанные с возможностью решения проблем финансирования проектов развития электрического транспорта из городского бюджета. Автором представлены результаты анализа сильных и слабых сторон развития городской электротранспортной системы Перми, которые могут быть использованы при выборе и обосновании проектов применения принципиально новых видов электротранспорта (транспорта на моноподвеске, беспилотного электротранспорта и др.).

Ключевые слова: общественный электрический транспорт, финансирование обновления электротранспорта, стоимость поездки, трамвай, город, собственность.

Дата поступления статьи: 13 ноября 2023 г.

Для цитирования: Рожков Е. В. (2024) Городской электрический общественный транспорт: финансово-экономические аспекты развития (на примере города Пермь). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 243–250. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.22.

Scientific article

E. V. Rozhkov[1]
✉ yevgeniy1975@internet.ru
[1]Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Urban electric public transport: financial and economic aspects of development (based on the example of the city of Perm)

Abstract: The article discusses the financial and economic aspects of the development of urban public electric transport in modern conditions. The methodological basis of the study was the approach developed by Russian authors to the analysis of problems of property management in municipalities, which is associated with the importance of assessing the efficiency of the use of municipal property, taking into account the amount of income generated and the social effect. The author, in the context of the current regulatory framework, using the example of the municipality of Perm, shows the financial and economic problems that currently arise in connection with the need to update public electric transport and choose a rational solution, taking into account the provision of the necessary quality of transport services (physical and price accessibility; comfort and convenience; safety, etc.). In this regard, the article carried out a comparative analysis of the cost of a trip to Perm and in the largest cities of Russia, and also discussed issues related to the possibility of solving problems of financing electric transport development projects from the city budget. The author presents the results of an

© Е. В. Рожков, 2024

analysis of the strengths and weaknesses of the development of the urban electric transport system in Perm, which can be used in the selection and justification of projects for the use of fundamentally new types of electric transport (motor-suspension vehicles, unmanned electric transport, etc.).

Keywords: public electric transport, financing of electric transport renewal, cost of travel, tram, city, property.

Paper submitted: November 13, 2023.

For citation: Rozhkov E. V. (2024) Urban electric public transport: financial and economic aspects of development (based on the example of the city of Perm). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 243–250. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.22.

Введение

Менеджеры муниципальных образований, по роду своей деятельности занимающиеся контролем за состоянием муниципального имущества, должны понимать, что их работа по управлению собственностью должна приносить материальные блага для общества (Рожков, 2021а). Важно, что предлагаемые местными органами власти решения имеют в своей основе определенный консенсус в понимании сущности муниципальной собственности как объекта управления. В общем представлении муниципальная собственность – это система социально-экономических отношений по управлению и распоряжению муниципальным имуществом. Основным объектом управления муниципальной собственностью является муниципальное имущество – комплекс, в состав которого входят различные виды имущества: земля, движимое и недвижимое имущество. В связи с чем эффективность использования муниципального имущества, как правило, оценивается, во-первых, с позиции извлекаемого дохода, во-вторых, по размеру полученного социального эффекта (Дубровский, 2021).

Актуальность работы заключается в определении оптимальных издержек на городской транспорт. Проблема – в отсутствии в научной литературе точных критериев оценки выбора схем при обновлении транспорта на уровне муниципального образования.

Объект исследования – финансово-экономическая составляющая развития электротранспорта города Перми. Предмет исследования – электротранспорт Перми. Цель исследования – определить финансовую эффективность обновления городского электротранспорта.

Цель исследования определила необходимость анализа использования бюджетных средств, выделяемых на обновление транспорта в Перми.

Вопросы по транспорту изучались такими авторами, как А. В. Акимов, Д. В. Капский, Н. А. Романова и др. (Акимов, Берлюков, Линь Нань, 2022; Капский, 2022; Романова, 2015).

Е. Г. Косова и другие ученые считают, что в «городской собственности находятся активы, которые предназначены для решения вопросов, касающихся организации удовлетворения потребностей населения» (Косова, 2014). Новые требования в экономике к вопросам эксплуатации имущества требуют от руководства муниципалитетов новых методических подходов (Георг, 2022).

«Состояние и степень эффективности управления муниципальной собственностью в настоящее время не обеспечивает на практике реализацию ее экономической сущности как основы местного самоуправления» (Бондарева, 2017). «В процессе управления собственностью реализуются различные планы, программы и решения управленческого характера, которые в обязательном порядке должны быть направлены не только на реализацию полномочий, но и извлечение максимально возможной прибыли» (Тилинина, 2021).

Методы

Методика исследования опирается на эволюционный анализ, а также на анализ функционально-пространственной организации урбанистических локусов (Бакшутова, 2016; Бакшутова, 2020). Применяется SWOT-анализ развития электрического транспорта.

Автор использует методы анализа и систематизации теоретических фундаментальных исследований, прикладных разработок (Рожков, 2021б).

Результаты

Внимание к недвижимому имуществу города Перми привлекают проведенные аукционы по покупке трамваев. В 2019 году на приобретение нового электротранспорта, кроме 1 (одного) «трехсекционного» вагона за 108,3 млн руб., были указаны 8 (восемь) «односекционных» вагонов. В условиях аукциона говорилось, что проводится единая закупка всех вагонов у одного поставщика (автор считает, что данные требования не нарушают антимонопольное законодательство); «трехсекционный» вагон должен быть «восьмиосным». Общая сумма контракта составила 462 млн руб. В итоге победителем аукциона стала компания ПК «Транспортные системы», предоставившая кроме 1 (одного) «трехсекционного» вагона модели 71-934 «Лев» за 108,3 млн руб. еще и 8 (восемь) «односекционных» вагонов модели 71-911ЕМ «Львёнок» по цене 44,3 млн руб. за 1 шт. (Рожков, 2020).

Стоимость трамвайного вагона может варьироваться в зависимости от логистики доставки, но незначительно от заводской стоимости. Тем не менее в 2019 году при проведении аукциона администрацией города Перми закупленные вагоны модели 71-911ЕМ «Львёнок» по цене 44,3 млн руб. за 1 шт. стали самыми дорогими в России (по сравнению с аналогичными аукционами, проведенными администрациями других городов за три года с 2017 по 2019-й, от города Екатеринбург – по 15,38 млн руб. и города Казань – по 17 млн руб. до города Улан-Удэ – по 33,2 млн руб.). Соответственно, при закупке «односекционных» трамвайных вагонов за 354,4 млн руб. вместо 8 (восьми) вагонов модели 71-911ЕМ (производитель ПК «Транспортные системы») можно было приобрести в 2 раза больше, т. е. 16 (шестнадцать) вагонов модели 71-407-01 (производитель АО «Уралтрансмаш») (Рожков, 2020).

Если в нарушение антимонопольного законодательства при проведении аукциона в г. Перми изначально указываются характеристики модели 71-911ЕМ, то непонятна причина, по которой при дефицитном городском бюджете цена 1 (одного) вагона на 35 % дороже, чем вагона этой же модели (71-911ЕМ), приобретенной администрацией города Ростов-на-Дону, или на 33,4 % дороже, чем вагона модели (71-911ЕМ), приобретенной администрацией города Улан-Удэ. По мнению автора, в условиях экономии городского бюджета и необходимости замены электротранспорта оптимальным решением было бы приобретение вагонов модели 71-407-01 в количестве 16 шт. (Рожков, 2020; Капский, 2022). Денежные средства, выделяемые из бюджета города Перми на закупку трамваев «Львёнок», ежегодно увеличиваются (табл. 1).

Как показывают данные табл. 1, стоимость одного вагона «Львёнок» для расходной части бюджета год от года увеличивается. Проектная закупочная цена одного «Львёнка» в 2023 году составляет 81,82 млн руб., что является увеличением на 37,52 млн руб. (+ 84,7 %) за 4 года, по сравнению с 2019 годом.

Стоимость общественного транспорта города Перми негативным образом влияет на стоимость проезда в нем. Увеличение стоимости проезда показано в табл. 2.

Таблица 1 – Стоимость трамвая «Львёнок» для г. Пермь в 2019–2023 гг. (в млн руб.)

Table 1 – Cost of the "Lion" tram for Perm in 2019–2023 (in million rubles)

Стоимостный показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Цена за 1 шт.	44,3	47,0	47,0	67,53	81,82

Таблица 2 – Стоимость 1 поездки в трамвае в г. Перми (2015–2023 гг.) (в руб.)

Table 2 – The cost of 1 tram ride in Perm (2015–2023) (in rubles)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Стоимость	16	20	20	20	20	26	26	33	35

Стоимость одной поездки в трамвае города Перми повышается год от года неравномерно. В 2016 году увеличение стоимости проезда составило 25 % (с 16 руб. до 20 руб.) (табл. 2). С 2016 по 2019 год стоимость проезда не повышалась и начиная с 2020 года вновь стала увеличиваться (в 2020 и 2021 годах – увеличение на 6 руб. (+ 30 % по сравнению с 2019 годом), в 2022 году –

увеличение на 13 руб. (+ 65 % по сравнению с 2019 годом), и по проекту в 2023 году стоимость проезда увеличилась до 35 руб. – увеличение на 15 руб. (+ 75 % по сравнению с 2019 годом)).

Сравнивая данные табл. 1 и 2, можно увидеть взаимосвязь между ростом цены трамвая (+ 84,7 %) и ростом стоимости проезда в трамвае (+ 75 %), что, в свою очередь, говорит о всех издержках городского бюджета на транспортную инфраструктуру (обновление трамвайного парка) происходит за счет жителей города. Можно предположить, что органы власти города Перми повышают стоимость проезда в трамвае в 2023 году на 2 руб. (+ 6 %) по сравнению с 2022 годом, предполагая резкий рост инфляции (в годовом выражении) или из-за низкой способности пассажиров оплачивать проезд. Так, например, с января по август 2022 года проезд не оплачивали в среднем 17,1 % пассажиров (на некоторых маршрутах до 20,9 %). В транспорте было проведено более 100 тыс. проверок со стороны контрольной службы. На безбилетников составлено более 8 тыс. протоколов об административном нарушении на сумму более 300 тыс. руб. Альтернативой оплаты штрафа за безбилетный проезд в 2500 руб. может являться обязательная покупка безлимитного проездного на 1 месяц, что, в свою очередь, сможет не только привлечь в городской бюджет дополнительные средства, но и сгладить социальную напряженность между людьми, которые совершили одну поездку без оплаты, и сотрудниками контрольно-ревизионной службы, осуществляющими проверку оплаты проезда в общественном транспорте.

Сравнительная стоимость 1 поездки в трамвае в 2022 году в крупных городах России (табл. 3).

Таблица 3 – Стоимость проезда в трамвае в городах России в 2022 году

Table 3 – Cost of tram travel in Russian cities in 2022

Город	Цена одной тпоездки (руб.)
Санкт-Петербург	40
Пермь	33
Екатеринбург	32
Челябинск	30
Волгоград	30
Новосибирск	30
Казань	30
Нижний Новгород	28
Новосибирск	25
Ростов-на-Дону	23
Уфа	22

Данные, представленные в табл. 3 по стоимости поездки в трамвае в 2022 году, показывают, что стоимость в городе Перми немного ниже, чем в городе Санкт-Петербург, и выше, чем в других городах с численностью населения более 1 млн человек. Если бюджет города Перми меньше, чем в городах Екатеринбург и Нижний Новгород, то понятна завышенная стоимость поездки в 33 рубля против 32 и 28 рублей соответственно. Но здесь же видим, что стоимость поездки в Ростове-на-Дону составляет 23 рубля (на 30 % меньше, чем в Перми) и в Уфе – 22 рубля (на 33 % меньше, чем в Перми), и у этих городов-миллионеров доходная и расходная часть бюджета не выше города Перми. И исходя из этих сравнений, можно предположить неправильный выбор методики расчета стоимости 1 поездки в электрическом общественном транспорте города Перми.

Необходимо отметить, что управление пассажирским транспортом должно быть эффективным (Романова, 2015), это указано в Методических рекомендациях Минтранса России и Транспортной стратегии России до 2030 года (Голобоков, 2018).

К характеристикам параметров качества транспортного обслуживания можно отнести: физическую доступность для населения, ценовую доступность, эффективность транспортной сети, безопасность и устойчивое развитие, комфорт и удобство.

Необходимо отметить и затраты на капитальный ремонт трамвайных путей. Например, в 2021 году в Мотовилихинском районе города Перми АО «Перминжельстрой» провела капитальный ремонт путей на участке 2571,5 м за 170,5 млн руб. После принятия всех работ сотрудниками городской администрации (и соответственно, полной оплатой) и пуска трамваев жители стали выявлять некоторые недостатки, например: на нескольких пересечениях с проезжими частями после укладки рельсов и бетонных плит в асфальте остались трещины; на нескольких пеше-

ходных переходах имеются зазоры; в некоторых местах плиты уложены хаотично; бордюрный камень отсекает половину ширины тротуара; на поворотах вместо плавных кривых имеются очень резкие изгибы и т. д.

Еще одним новым явлением по увеличению стоимости муниципального имущества, в т. ч. городского электротранспорта, является заключение концессионного соглашения. Такое соглашение заключается на 25 лет между городской администрацией и ООО «Мовиста регионы Пермь». За несколько лет в проект планируется вложить 15,5 млрд руб. (табл. 4).

Таблица 4 – Финансирование концессионного соглашения по г. Перми

Table 4 – Financing of the concession agreement for Perm

Бюджет	Финансирование по годам (в млрд руб.)			
	2022-2023 годы	2024 год	2025 год	Всего
Федеральный бюджет	2,854	1,424	0,372	4,650
Бюджет Пермского края	0,150	0,075	0,019	0,244
Бюджет города Перми	0,030	0,015	0,004	0,049
Фонд национального благосостояния	2,331	1,163	0,303	3,798
ВЭБ РФ	3,616	1,803	0,471	5,89
Частный инвестор	0,533	0,266	0,069	0,869
ИТОГО:	9,516	4,746	1,239	15,502

Как видно из данных, представленных в табл. 4, из федерального бюджета будет оказана поддержка в объеме 4,65 млрд руб., из регионального бюджета – 0,244 млрд руб., из бюджета муниципалитета – 0,049 млрд руб., из Фонда национального благосостояния – 3,798 млрд руб., ВЭБ. РФ – 5,89 млрд руб. и самим инвестором будет вложено 0,869 млрд руб.

По концессионному соглашению для города Перми: новые трамваи («Львёнок») в 2022 году – 5 шт., в 2023 году – 25 шт., в 2024 году – 14 шт., на общую сумму 3,635 млрд руб. (по 82,613 млн руб. – это примерно в 2 раза дороже, чем закупка 2019 года, которая была самой дорогостоящей в России); реконструкция существующего трамвайного депо за 2,9 млрд руб.; тяговые подстанции – 7 шт. за 1,358 млрд руб. и проведение СМР трамвайных путей за 7,607 млрд руб.

Финансовая модель концессионера, представленная для бюджетов всех уровней, показывает, что сам концессионер предполагает получить в 2 раза больше, чем вкладывает (0,869 млрд руб.), а плата концедента с 2022 по 2047 год составит 30,141 млрд руб. (21,576 млрд руб. – инвестиционный платеж, 8,565 млрд руб. – эксплуатационный платеж), включая выплату процентов по кредиту, взятому у Фонда национального благосостояния и ВЭБ.РФ.

Если учитывать, что сегодня 0,7 млрд руб. городского бюджета тратится ежегодно на трамвайную инфраструктуру (кроме закупки вагонов), то в соответствии с договором концессии ежегодно в течение 25 лет необходимо будет платить не менее 1,0 млрд руб. При этом само качество закупаемых вагонов не является высоким и нет гарантий, что они могут прослужить 25 лет.

В 2021 году при проведении конкурса на высшую муниципальную должность – мэра муниципального образования город Пермь, автором статьи, в качестве соискателя, руководству Пермского края была представлена программа по социально-экономическому развитию города, одним из пунктов которой был пункт, посвященный развитию муниципального общественного транспорта. Общая площадь муниципального образования город Пермь – это 799,68 кв. м. На 2020 год на территории города постоянно проживают 1 055 400 человек (Рожков, 2022).

Публичный общественный транспорт является важным элементом городской инфраструктуры, обеспечивающим необходимые условия для повышения качества городской среды и уровня жизни населения (Акимов, 2022). Для крупных городов требуется разработка концепции развития общественного транспорта (Терентьев, 2022).

Для муниципального образования город Пермь разработана концепция развития общественного электротранспорта, которая требует больших объемов денежных средств для обновления транспорта, строительства инфраструктуры и капитального ремонта имеющейся.

Проект городского бюджета осуществляется в соответствии с Бюджетным кодексом РФ (Максимов, 2013). При планировании бюджета муниципального образования возможен переход от сценарных планов к динамическим планам – инструкциям (Ладыкова, 2017).

Рассмотрим сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для электротранспортной системы Перми в виде SWOT-анализа (табл. 5), позволяющего нам определить дальнейшее развитие, выявить наличие потенциала в данной области, который необходимо реализовать на практике.

Таблица 5 – SWOT-анализ развития электротранспортной системы Перми

Table 5 – SWOT analysis of Perm electric transport system development

S (сильные стороны): - на законодательном уровне утверждён нормативно-правовой документ, устанавливающий методики развития общественного транспорта; - утверждены правила выделения денежных средств из федерального и регионального бюджетов на обновление городского электротранспорта	W (слабые стороны): - более 80 % городского электротранспорта подлежит обновлению; - основная стоимость обновления электротранспорта подлежит к оплате из городского бюджета, т. е. полностью за счёт местных жителей; - обновление электротранспорта происходит за короткий промежуток времени по всей стране одновременно, что увеличивает его стоимость более высокими темпами, чем повышение официальной инфляции
O (возможности): - заключение концессионного соглашения на несколько лет по обновлению электротранспорта; - достижение целей, указанных в утверждённой концепции развития городского общественного транспорта; - улучшение транспортной инфраструктуры за счёт привлечения дополнительных денежных средств	T (угрозы): - закупка общественного электротранспорта по повышенной стоимости; - расходы на обновление электроподвижного состава города могут полностью лечь на повышение оплаты проезда горожанами; - увеличение ежегодных расходов по оплате концессионных обязанностей обновления электротранспорта устанавливаются выше размера официальной инфляции

В составленном SWOT-анализе (табл. 5) слабых сторон (W) выделено больше, чем сильных (S), а возможностей (O) столько же, сколько и угроз (T), и это, в свою очередь, может говорить о несовершенстве проходящей реформы обновления электротранспорта города Перми.

Выводы

Учитывая, что очередной экономический спад в нашей стране является временным и за ним последует подъем, необходимо задумываться и о развитии транспорта в будущем. Одно из направлений Стратегии социально-экономического развития города Перми, разрабатываемой автором в 2021 году, было посвящено развитию городского транспорта: предложены проектирование и установка подвесного рельсового транспорта, транспорта на моноподвеске, беспилотного электротранспорта, который может использоваться как при реконструкции существующих путепроводов, так и при строительстве новых путей сообщения в новом городском микрорайоне «Умный город».

Источники

Акимов А. В., Берлюков Д. Н., Линь Нань (2022) Сравнительный анализ состояния и развития публичного рельсового транспорта в столицах России и Китая. Транспортное дело России, № 1, с. 20–23.

Бакшутова Д. В. (2020) Память и устойчивость: примеры урбанистических локусов в структуре современного Европейского города. Архитектон: известия вузов, № 2 (70), с. 9.

Бакшутова Д. В., Данилова Э. В., Вальшин Р. М. (2016) Концепция урбанистических локусов для модели, содержащей историческую память города. Innovative Project, т. 1, № 4 (4), с. 24–28.

Бондарева А. А., Кузнецова П. Ю. (2017) Проблемы управления муниципальной собственностью на примере Губахинского городского округа. Города и местные сообщества, т. 1, с. 68–73.
Георг Г. М. (2022) Роль цифровых технологий в управлении муниципальной собственностью. Инновационная наука, № 2-2, с. 58–60.
Голобоков А. С., Жэнь Ч., Музюков М. М. (2018) Нормативно-правовые аспекты управления транспортом в Российской Федерации. Балтийский гуманитарный журнал, т. 7, № 2 (23), с. 400–402.
Дубровский В. Ж., Рожков Е. В. (2021) Сущность системы управления муниципальной собственностью, ее трансформация в условиях цифровизации. Муниципальная академия, № 1, с. 190–195.
Капский Д. В. (2022) Анализ развития различных видов городского электрического транспорта в Полоцке и Новополоцке. Наука и техника, т. 21, № 2, с. 150–157.
Косова Е. Г., Акбаев Р. А., Гогушева Т. М. (2014) Особенности управления имущественным комплексом городского муниципального образования. Новые технологии, № 3, с. 53–57.
Ладыкова Т. И. (2017) Теоретические аспекты индикативного планирования в современных условиях. Oeconomia et Jus, № 2, с. 12–27.
Максимов А. В. (2013) Формирование и использование местного бюджета муниципального образования (на материалах г. Ростова-на-Дону). Учет и статистика, № 3 (31), с. 212–224.
Рожков Е. В. (2020) К вопросу по управлению собственностью (на примере транспорта муниципального образования город Пермь). Транспорт: наука, техника, управление, № 12, с. 44–50.
Рожков Е. В. (2021) Преимущество комплексной застройки территории с применением подходов по оцифровке. Вестник Екатерининского института, № 2 (54), с. 73–79.
Рожков Е. В. (2021) Рассмотрение возможности применения теорем А. Смита к контролю за муниципальным имуществом. Экономика. Социология. Право, № 3, с. 21–28.
Рожков Е. В. (2022) Развитие материальной базы социальной сферы как составная задача муниципальной стратегии социально-экономического развития города. Муниципальная академия, № 1, с. 178–183.
Романова Н. А. (2015) Совершенствование организационных структур управления городским пассажирским транспортом. Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета, № 114, с. 622–631.
Терентьев О. В., Тетерина О. А., Горячкина И. Н. (2022) Транспортная инфраструктура городов. Молодежь и XXI век. Материалы 12-й Международной молодежной научной конференции в 4 томах. Курск. 17-18 февраля 2022 года. ЮЗГУ, с. 198–201.
Тилинина А. Ю. (2021) Особенности управления муниципальным имуществом. Актуальные проблемы естественных и технических наук. Межвузовская научно-практическая конференция. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 25 июня 2021 года, с. 233–240.

References

Akimov A. V., Berlyukov D. N., Lin Nan (2022) Sravnitel'nyy analiz sostoyaniya i razvitiya publichnogo rel'sovogo transporta v stolitsakh Rossii i Kitaya [Comparative analysis of the state and development of public rail transport in the capitals of Russia and China]. Transport business of Russia, no. 1, pp. 20–23 (In Russian).
Bakshutova D. V. (2020) Pamyat' i ustoychivost': primery urbanisticheskikh lokusov v strukture sovremennogo Yevropeyskogo goroda [Memory and sustainability: examples of urban loci in the structure of a modern European city]. Architecton: Proceedings of Higher Education, no. 2 (70), p. 9 (In Russian).
Bakshutova D. V., Danilova E. V., Val'shin R. M. (2016) Kontseptsiya urbanisticheskikh lokusov dlya modeli, soderzhashchey istoricheskuyu pamyat' goroda [The concept of urban loci for a model containing the historical memory of the city]. Innovative Project, vol. 1, no. 4 (4), pp. 24–28 (In Russian).
Bondareva A. A., Kuznetsova P. Yu. (2017) Problemy upravleniya munitsipal'noy sobstvennost'yu na primere Gubakhinskogo gorodskogo okruga [Problems of municipal property management using the example of the Gubakhinsky urban district]. Goroda i mestnyye soobshchestva – Cities and Local Communities, vol. 1, pp. 68–73 (In Russian).
Dubrovsky V. Zh., Rozhkov E. V. (2021) Sushchnost' sistemy upravleniya munitsipal'noy sobstvennost'yu, yeye transformatsiya v usloviyakh tsifrovizatsii [The essence of the municipal property management system, its transformation in the conditions of digitalization]. Municipal Academy, no. 1, pp. 190–195 (In Russian).
Georg G. M. (2022) Rol' tsifrovykh tekhnologiy v upravlenii munitsipal'noy sobstvennost'yu [The role of digital technologies in the management of municipal property]. Innovatsionnaya nauka – Innovative science, no. 2-2, pp. 58–60 (In Russian).
Golobokov A. S., Zhen' Ch., Muzyukov M. M. (2018) Normativno-pravovyye aspekty upravleniya transportom v Rossiyskoy Federatsii [Regulatory and legal aspects of transport management in the Russian Federation]. Baltic Humanitarian Journal, vol. 7, no. 2 (23), pp. 400–402 (In Russian).
Kapskiy D. V. (2022) Analiz razvitiya razlichnykh vidov gorodskogo elektricheskogo transporta v Polotske i Novopolotske [Analysis of the development of various types of urban electric transport in Polotsk and Novopolotsk]. Nauka i tekhnika – Science and Technology, vol. 21, no. 2, pp. 150–157 (In Russian).

Kosova E. G., Akbaev R. A., Gogusheva T. M. (2014) Osobennosti upravleniya imushchestvennym kompleksom gorodskogo munitsipal'nogo obrazovaniya [Features of managing the property complex of an urban municipality]. New technologies, no. 3, pp. 53–57 (In Russian).
Ladykova T. I. (2017) Teoreticheskiye aspekty indikativnogo planirovaniya v sovremennykh usloviyakh [Theoretical aspects of indicative planning in modern conditions]. Oeconomia et Jus, no. 2, pp. 12–27 (In Russian).
Maksimov A. V. (2013) Formirovaniye i ispol'zovaniye mestnogo byudzheta munitsipal'nogo obrazovaniya (na materialakh g. Rostova-na-Donu) [Formation and use of the local budget of the municipality (based on materials from the city of Rostov-on-Don)]. Accounting and Statistics, no. 3 (31), pp. 212–224 (In Russian).
Rozhkov E. V. (2020) K voprosu po upravleniyu sobstvennost'yu (na primere transporta munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Perm') [On the issue of property management (using the example of transport in the municipal formation of the city of Perm)]. Transport: science, equipment, management, no. 12, pp. 44–50 (In Russian).
Rozhkov E. V. (2021) Preimushchestvo kompleksnoy zastroyki territorii s primeneniyem podkhodov po otsifrovke [The advantage of integrated development of the territory using digitization approaches]. Vestnik Yekaterininskogo instituta –Bulletin of the Ekaterininsky Institute, no. 2 (54), pp. 73–79 (In Russian).
Rozhkov E. V. (2021) Rassmotreniye vozmozhnosti primeneniya teorem A. Smita k kontrolyu za munitsipal'nym imushchestvom [Consideration of the possibility of applying A. Smith's theorems to the control of municipal property]. Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo – Economy. Sociology. Law, no. 3, pp. 21–28 (In Russian).
Rozhkov E. V. (2022) Razvitiye material'noy bazy sotsial'noy sfery kak sostavnaya zadacha munitsipal'noy strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda [Development of the material base of the social sphere as an integral task of the municipal strategy for the socio-economic development of the city]. Municipal Academy, no. 1, pp. 178–183 (In Russian).
Romanova N. A. (2015) Sovershenstvovaniye organizatsionnykh struktur upravleniya gorodskim passazhirskim transportom [Improving organizational structures for managing urban passenger transport]. Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University, no. 114, pp. 622–631 (In Russian).
Terentyev O. V., Teterina O. A., Goryachkina I. N. (2022) Transportnaya infrastruktura gorodov [Transport infrastructure of cities]. Molodezh' i XXI vek [Youth and the 21st century]. Materials of the 12th International Youth Scientific Conference in 4 volumes. Kursk, February 17-18, 2022. SWGU, pp. 198–201 (In Russian).
Tilinina A. Yu. (2021) Osobennosti upravleniya munitsipal'nym imushchestvom [Features of municipal property management]. Aktual'nyye problemy yestestvennykh i tekhnicheskikh nauk [Current problems of natural and technical sciences]. Interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, June 25, 2021, pp. 233–240 (In Russian).

Информация об авторе

Рожков Евгений Викторович
Соискатель кафедры экономики предприятий. Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, РФ.
E-mail: yevgeniy1975@internet.ru

Autor's information

Evgeny V. Rozhkov
Applicant at the Department of Enterprise Economics. Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: yevgeniy1975@internet.ru